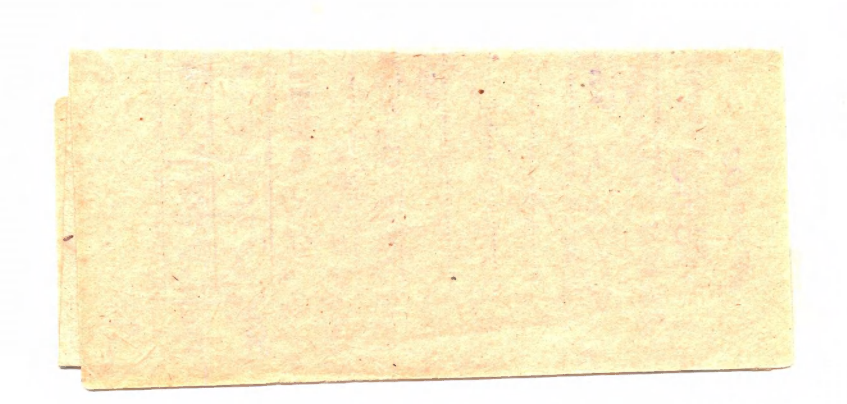

Марина Цветаева

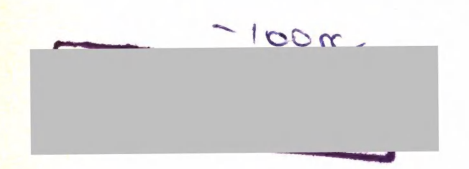
МАРИНА
ЦВЕТАЕВА

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

СТИХОТВОРЕНИЯ
ПОЭМЫ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1991

Вступительная статья,
составление и комментарии
Анны САКЯНЦ

Ц $\frac{4702010000-2001}{080(02)-91}$ 2001—91

ISBN 5—253—00073—9

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

До последнего часа
Обращенным к звезде —
Уходящая раса,
Спасибо тебе!
Марина Цветаева. «Отцам».

1

В один из московских осенних дней тысяча девятьсот десятого года из Трехпрудного переулка, что близ Патриарших прудов, вышла невысокая круглолицая гимназистка, пересекла у Никитских ворот Тверской бульвар и направилась в Леонтьевский переулок, где помещалась типография А. И. Мамонтова. В руках у нее была внушительная стопка стихов, в душе — дерзость и нерешительность, — «Гордость и Робость», что пронизали всю ее последующую жизнь и поступки. В этот знаменательный день, — точная дата его, к сожалению, неустановима, — Марина Цветаева, которой 26 сентября по старому стилю исполнилось восемнадцать лет, постучалась в двери русской литературы...

Немало печали уже успела изведать в жизни эта гимназистка, дочь Ивана Владимировича Цветаева, замечательного ученого-филолога, основателя знаменитого музея изобразительных искусств на Волхонке. Будучи уже немолодым человеком, Иван Владимирович похоронил горячо любимую жену, от которой остались дочь и сын, и женился вторично, продолжая любить ушедшую. Этого не знали, но чувствовали, а потом поняли его дочери от второго брака — Марина и Анастасия. Впрочем, отец был нежно привязан к их матери — Марии Александровне, урожденной Мейн, женщине романтической, одаренной и самоотверженной, расставшейся в юности с любимым человеком. «Счастливая, невозвратимая пора детства» была связана с рождественскими елками, с первыми книгами и рассказами матери, с «живыми картинами»; летние «золотые деньки» протекали в старинном городке Тарусе на Оке...

Благополучие покинуло семью в тот год, когда Марине исполнилось десять лет. Мария Александровна заболела чахоткой; здоровье ее требовало теплого, мягкого климата, и с осени 1902 года семья уехала за границу: Мария Александровна лечилась в Италии, Швейцарии и Германии; Марина и Ася жили и учились в тамошних част-

ных пансионах; Иван Владимирович разрывался между Москвой и заграницей. Тоска полусиротства чередовалась с впечатлениями от недолговечных дружб, перемен мест и неизведанных красот прелестного итальянского Нерви, швейцарских величественных Альп, сказочного германского Шварцвальда. Одиночество на людях — слишком рано познала юная Марина Цветаева этот парадокс жизни, раздвоивший ее душу. Мечтательная девочка, ищущая уединения, нуждающаяся в ласке, она редко бывала одна. «Уединение: уйди В себя, как прадеды в феоды» — напишет она спустя много лет и будет всю жизнь стремиться к блаженному, в мире не существующему одиночеству и одновременно, словно спасаясь от него, постоянно искать общения, вечно встречаясь не с теми, сетовать, разочаровываться и вновь искать, ненадолго обретать и неизбежно терять, оставаясь в постоянном зачарованном кругу собственной отчужденности. Мать — единственная, которая могла бы внести гармонию в ее смятенное сердце,— не была рядом; долгие зимние месяцы она оставалась лишь прекрасной мечтой, до каникул, когда дети наконец съезжались с родителями...

В Германии холодной осенью 1904 года Мария Александровна сильно простудилась; на следующий год решено было ехать в Россию, в Ялту. Год, прожитый в Крыму, принес Марине Цветаевой юношеское увлечение революционной героикой — у всех на устах был лейтенант Шмидт; среди новых знакомых оказались люди радикальных взглядов. Но крымские настроения вскоре сменились безутешным горем: так и не выздоровевшая Мария Александровна, которую летом 1906 года привезли в Тарусу, скончалась там 5 июля.

Осенью Марина по собственной воле пошла в интернат при московской частной гимназии, предпочтя целый год жить среди чужих людей, но не в стенах осиротевшего Трехпрудного дома, где она появлялась лишь в конце недели. Беспорядочно читала книги и жила жизнью их героев, исторических и вымышленных, реальных и литературных, одинаково страдая за всех: Лорелея, Княжна Джаваха, Мария Башкирцева, Наполеон, его несчастный сын, герцог Рейхштадтский, герой пьесы Э. Ростана «Орленок», которую Цветаева перевела (перевод не уцелел). Сара Бернар в его роли. По следам этой «наполеониады» Цветаева, не достигнув и семнадцатилетия, одна поехала в Париж и прослушала летний курс по старофранцузской литературе. Она уже писала стихи и рассказы, вела дневники. Если б чудом можно было воссоздать весь тот хаос переживаний и впечатлений, что царил тогда в ее сердце и голове, и все, что она поверяла бумаге, получился бы объемистый сумбурный психологический роман. В жизни юная Цветаева была диковата и дерзка, застенчива и конфликтна. Не уживалась в гимназиях и меняла их: за пять лет — три. Замкнутая в себе, она была неотступно влекома жаждой узнать мир, и в первую очередь — литературный. Появившийся в цветаевской семье поэт Эллис (Л. Л. Кобылинский) был, вероятно, первопричиной ее знакомства с московскими символистами; она посещала издательство «Мусагет», где царил Андрей Белый с его «ритмистами», вслушивалась в непонятные споры. Ее интересовали и одновременно отталкивали личность и поэзия Валерия Брюсова. И, вероятно, в детской гордой и робкой душе Марины постепенно созревал честолюбивый замысел: войти в этот малознакомый, но влекущий мир — со *своим* миром, *своим* словом, рассказать другим то, что она пережила...

И она собрала стопку стихов — исповедь души за последние два года, отнесла в Леонтьевский, заплатила за печатание пятисот экземпляров и через месяц уже держала в руках довольно неказистую кни-

гу в сине-зеленой картонной обложке под названием «Вечерний альбом».

Итак, она вступила на путь, откуда сделать шаг назад было невозможно. Она послала свою книгу Брюсову, Волошину, в издательство «Мусагет». Это была большая смелость: отправить полудетские стихи Брюсову «с просьбой просмотреть». Но ведь уже тогда Цветаева бессознательно следовала девизу, который отчеканила позже: «Единственная обязанность на земле человека — правда всего существа».

Бесстрашная и безоглядная правдивость и искренность во всем были всю жизнь ее радостью и горем, ее крыльями и путами, ее волей и пленом, ее небесами и преисподней... Эта наивная первозданность, создавая особое обаяние непосредственности, подкупила читателей «Вечернего альбома». На книгу последовали отклики М. Волошина, Н. Гумилева, В. Брюсова и других — отклики одобрительные и ожидающие дальнейшего. (Брюсов, впрочем, своими надеждами увидеть впредь в стихах Цветаевой чувства более «острые» и мысли более «нужные» задел ее самолюбие). Автор «Вечернего альбома» приглашал в свою *страну* — блаженную страну детства, прекрасного, хотя и не всегда безоблачного, с нежной и печальной матерью («Видно, грусть оставила в наследство Ты, о мама, девочкам своим»); с любимыми книгами, говорил о «счастье быть на свете», о первых робких попытках любить, о скуке и обыденности жизни среди равнодушных лиц; о волшебных сказках Соловьева, о Даме с камелиями и многом-многом другом. Эта россыпь полудетских «впечатлений бытия» лишь условно делилась в книге на три части: «Детство», «Любовь», «Только тени». Все тут было слито в единую романтику. Райское детство, сновидения, «без мер и без конца» любовь и дорогие сердцу «тени», ушедшие навсегда. В сущности, «Вечерний альбом» уже можно назвать предтечей Цветаевой как творческой личности, которая выражала себя пока что посредством наивного, «невзрослого стиха». Впрочем, уже и сейчас порой слышался голос не просто талантливого ребенка — но поэта: «Отдать всю душу — но кому бы? Мы счастье строим на песке» или «Но не правда ль, ведь счастия нет вне печали? Кроме мертвых, ведь нету друзей?» и многие другие строки, написанные в пору «трагического отрочества», как сама Цветаева его назовет. Но самым красноречивым было стихотворение «Молитва». Лирическая героиня исполнена лихорадочной, вдохновенной силы и любви к жизни, от которой она ждет *абсолюта:* «Я жажду сразу всех дорог!» ...«Чтоб был легендой — день вчерашний, Чтоб был безумьем — каждый день!» И — неожиданно или естественно? — просит создателя: «Ты дал мне детство — лучше сказки И дай мне смерть — в семнадцать лет!» (Под стихотворением — дата семнадцатилетия автора.)

Здесь — крайнее проявление той романтической «диалектики души», что не покинет Цветаеву до конца дней. Жизнь и смерть, их постоянное сосуществование; «В этой жизни — ничего нельзя», — скажет Цветаева, но поразительная жизненная энергия, кипящая в ней самой, будет находиться в вечном и неизбывном противоборстве с этим ощущением, покуда не оборвется... А пока она жива, в ней будет неугасимо гореть душевный и творческий костер — любви к жизни и к живым людям, к дорогим «теням» и к природе, к «святому ремеслу» поэта. Это — «тайный жар», скажет она словами Александра Блока. «Тайный жар и есть жить».

И еще девизы, повторенные ею впоследствии с небольшими вариациями: «Вся моя жизнь — роман с собственной душой»; «Мне ничего не нужно, кроме своей души!»

И это была правда.

2

Цветаева не стала кончать гимназию и весной 1911 года уехала в Крым. В Коктебеле, живя у Волошина, старшего, верного друга, благословителя ее на путь поэзии, она встретилась с Сергеем Эфроном; он был круглым сиротой, сыном революционных деятелей, близким к народническим кругам — на год моложе ее. С этого момента кончилось «трагическое отрочество» и началась «блаженная юность». В январе 1912 года Цветаева вышла за Эфрона замуж и тогда же выпустила второй сборник стихов — «Волшебный фонарь». Этот сборник был исключением в ее творческой биографии, когда ее новые стихи повторяли, перепевали старые мотивы. Неудивительно, что в печати «Волшебный фонарь» не встретил восторгов; участники акмеистского «Цеха поэтов» С. Городецкий и Н. Гумилев удостоили книгу Цветаевой несколькими неодобрительными репликами. «Будь я в цехе, они бы не ругались, но в цехе я не буду», — заносчиво писала Цветаева, в чьем сознании просто не совмещались понятия: цех — *объединение* и поэт — *уединенный*. И она действительно никогда не связала себя ни с одной литературной группировкой. А все, что происходило тогда в русской поэзии: соперничанье «старших» (символистов) с «младшими» (акмеистами), появление задиристых футуристов, их выступления в печати,— не сделало ее приверженкой ни одного литературного направления. «Литературных влияний не знаю, знаю человеческие», — утверждала она.

В сентябре 1912 года у Цветаевой родилась дочь Ариадна, а в августе 1913 года скончался Иван Владимирович. Несмотря на эту утрату, в целом жизнь Цветаевой (семейная устроенность, множество встреч, душевный подъем) в течение этих пяти-шести лет была, вероятно, самой счастливой по сравнению со всеми предыдущими и всеми последующими годами. Она писала стихи, вдохновленные людьми, которые вызывали в ней «тайный жар»: Сергеем Эфроном, Байроном и Пушкиным, Петром Эфроном (братом мужа)... Она была переполнена радостью бытия и в то же время терзалась при мысли о неизбежном конце — участи общей, но для нее лично немыслимой: «Я вечности не приемлю! Зачем меня погребли? Я так не хотела в землю С любимой моей земли!» Ее стих стал более упругим, плотным; в нем появлялись энергия и ритмы, которых не было прежде. Цветаева уже начинала сознавать себе цену и притом предвидела, что ее «звездный час» пробьет не скоро, но пробьет непременно:

Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет!),
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

Внешне события (ведь бо́льшая часть этого периода пришлась на первую империалистическую войну!) проходили как бы мимо нее, целиком поглощенной «романом с собственной душой»,— несмотря на то, что ее муж курсировал одно время с санитарным поездом в качестве брата милосердия, порою рискуя жизнью, и она очень волновалась за него. Но жила отрешенно, словно бы в прошлом столетии. Если Ахматова ощущала, что девятнадцатый век окончился в 1914 году, то Цветаева, пожалуй, считала, что конец прошлого века наступил в 1916 году. Причем осознала она это ровно двадцать лет спустя, в очерке «Нездешний вечер», где творчески и с высоты про-

шедших лет осмыслила свою поездку зимой 1915—1916 г. в Петроград — Петербург Блока и Ахматовой,— с которыми не встретилась.

После возвращения домой Цветаева стала писать по-иному, чем прежде, и в этом была некая закономерность. В ее стихах появились дотоле не звучавшие фольклорные интонации, распевность и удаль русской песни, заговора, частушки:

Отмыкала ларец железный,
Вынимала подарок слезный,—
С крупным жемчугом перстенек,
С крупным жемчугом...

. . . .

Породила доченьку —
Синие оченьки,
Горленку — голосом,
Солнышко — волосом...

По стихам шестнадцатого года видно, что Цветаева без ложной скромности ощутила себя российским, притом — московским поэтом, соревнующимся (именно так!) с петроградскими «парнасцами». «Твой — Петербург, моя — Москва»,— напишет она позднее Ахматовой. Она хотела явить в слове свою столицу, «огромный странноприимный дом», что стоит на семи холмах, подарить любимый город *чужеградным* сородичам по ремеслу: Блоку, Ахматовой, Мандельштаму. «У меня в Москве — купола горят» (Блоку); «И я дарю тебе свой колокольный град,— Ахматова! — и сердце свое в придачу»; «Из рук моих — нерукотворный град//Прими, мой странный, мой прекрасный брат» (Мандельштаму). Ее славословия Блоку, «нежному призраку, рыцарю без укоризны», и Ахматовой, «златоустой Анне всея Руси» стали хрестоматийными. То было не только великое бескорыстие чистого восхищения, а еще и выражение круговой поруки поэтов — поверх всяческих барьеров: судеб, характеров, убеждений, расстояний. Так будет у Цветаевой с Маяковским — вопреки «невзаимности», с Пастернаком — невзирая на «версты, и версты, и версты», их разделяющие; с Рильке, с которым не встретится никогда. Что же до «соревнования», то оно не мешало любить и восхищаться и лишь побуждало совершенствоваться, чтобы быть достойной своих кумиров.

3

С весны 1917 года для Цветаевой наступил трудный период. Беззаботные, быстро промчавшиеся времена, когда можно было позволить себе жить тем, чем хотелось, отступали все дальше в прошлое. «Из Истории не выскочишь» — эти слова, сказанные ею позднее, сбывались, можно сказать, на каждом шагу. Цветаева хотела жить исключительно личной, частной жизнью, а Время неустанно вторгалось в эту жизнь. Она стремилась уйти в «единоличье чувств», погрузиться в писание стихов и не подозревала, что История диктовала «сюжеты» ее чувствам и творчеству, ведь всякий поступок побуждается временем, обстоятельствами,— сколько ни стремиться противостоять ему, уйти, спрятаться... Тогда-то и обозначились в поэтическом сознании Цветаевой две враждующие силы: *быт* и *бытие*. Быт в широком понимании означал для нее «жизнь как она есть», начиная с исторических, внеличных событий и кончая житейским устройством (которое для Цветаевой всегда было *не*устройством)... К Февральской революции она отнеслась как бы машинально. Ее строки: «Пал без

славы орел двуглавый. Царь! — Вы были неправы» смутны по смыслу, неопределенны. Происходившие события не затронули души Цветаевой, она как человек в них отсутствует, и стихотворение остается закрытым.

В апреле 1917 года Цветаева родила вторую дочь. Она собиралась назвать ее в честь Ахматовой Анной, но потом передумала: «ведь судьбы не повторяются»,— и назвала Ириной. Размышляла, какою будет Ирина (девочке было две недели), и писала о себе так, словно вокруг ничего не происходило: «Множество всяких планов — чисто внутренних (стихов, писем, прозы) — и полное безразличие, где и как жить. Мое — теперь — убеждение: главное — это родиться, дальше все устроится».

Но ничего не «устроилось». «В Москве безумно трудно жить»,— писала Цветаева Волошину в августе. В сентябре она уехала в Крым, а ее муж, получивший назначение прапорщика запасного пехотного полка, остался в Москве. В самый разгар Октябрьских событий Марина Ивановна приехала в Москву, и они вместе с Сергеем Яковлевичем тотчас же отправились в Коктебель к Волошину, оставив в Москве детей. Когда через некоторое время Цветаева вернулась за детьми, обратного пути в Крым уже не было. С этого момента началась долгая разлука Цветаевой с мужем, прерванная лишь на несколько дней в январе восемнадцатого, когда он приезжал в Москву перед отбытием в армию Корнилова. Белый офицер, он отныне превратился для Цветаевой в мечту, в прекрасного «белого лебедя», героического и обреченного. А она стоически переносила разлуку и беспомощно — разруху и лишения; ездила осенью восемнадцатого за продуктами под Тамбов, потом поступила на работу в Наркомнац, где продержалась около полугода и откуда ушла, будучи не в силах постигнуть то, что ей надлежало делать, и поклявшись впредь больше никогда не «служить» (и клятву сдержала). Осенью девятнадцатого — в самое тяжелое время — Марина Ивановна отдала своих девочек в подмосковный приют; вскоре забрала оттуда тяжело заболевшую Алю, а в феврале двадцатого потеряла маленькую Ирину, погибшую в приюте от истощения и тоски... Таковы ее хождения по мукам за эти четыре года «Жизни, где мы так мало можем...»

Зато сколь много она могла — в своих тетрадях! Как ни удивительно, но никогда еще не писала Цветаева так вдохновенно, напряженно и разнообразно. С 1917 по 1920 год она успела создать больше трехсот стихотворений, поэму-сказку «Царь-Девица», шесть романтических пьес (не говоря о трех незавершенных). И кроме того — сделать множество записей-эссе: она любила этот жанр издавна, так же, как и эпистолярный.

Дело, впрочем, было не столько в количестве, сколько в чуде многообразия, в поразительном расцвете творческих сил. Создается впечатление, что ее поэтическая энергия становилась тем сильнее, чем непосильнее делалось для нее внешнее, бытовое существование.

С начала 1917 года обозначилось два главных русла цветаевской поэзии. Первое: надуманная, книжно-театральная романтика,— например, в цикле «Любви старинные туманы» — мелодраматическое расставание некоей пары на берегу Сены, или роковой поединок страстей Дон-Жуана и Кармен в одноименных циклах; игра, флирт в россыпи стихов под названием «Комедьянт». Все это маски и плащи; мало души и много одежд. Такая декорированная лирика была не чем иным, как уходом от суровой, «неуютной» реальности. Этот путь продолжился в последующие два года, когда Цветаева, подружившись

с актерами-студийцами Второй студии МХТ и Третьей, «Вахтанговской», стала писать романтические пьесы, напоминающие некогда любимого ею Ростана и отчасти лирические драмы Блока. Время действия — галантный, розовый и легкий «осьмнадцатый век» или еще более раннее; движущая сила — Любовь, почти всякий раз завершающаяся разлукой, — такова их нехитрая схема. Но стихи, которыми написаны лучшие пьесы: «Приключение», «Фортуна», «Феникс»,— поистине представляют собой «чистейшей прелести чистейший образец», они поэтичны, просты, сверкают изяществом и остроумием, и главное, их герои не только *наря́жены*, но и одухотворены.

После девятнадцатого года Цветаева охладела к театру и больше пьес не писала. Ее талант взрослел и приобретал более строгое — психологическое и философское — содержание.

Но была и другая романтика. Под влиянием неразрывно слитых исторических и личных обстоятельств: гражданской войны — и разлуки с мужем, полнейшей о нем неизвестности; поражения Добровольческой армии — и, значит, уверенности в гибели дела, которому служил Сергей Эфрон, и в гибели его самого,— в цветаевской лирике зазвучала нота, которую она обозначила сама: «Добровольчество — это добрая воля к смерти». «Белая гвардия, путь твой высок: Черному дулу — грудь и висок»; «Бури-вьюги, вихры-ветры вас взлелеяли, А останетесь вы в песне — белы-лебеди!» Во всем этом не было политики,— Цветаева вообще по складу натуры не могла быть политическим поэтом; в стихах ее звучала тоска по обреченному герою — идеальному и благородному Воину — и больше всего было здесь отвлеченной патетики и мифотворчества. Белая армия была у нее «лебединым станом», Дон — французской Вандеей. Романтика, замешенная на трагедии Разлуки и Обреченности. Именно *трагедийность* появилась в стихах «Лебединого стана» (название книги, которая так и не была издана при жизни Цветаевой). И отныне одним из девизов поэта станет формула: «Прав, раз обижен». Права царевна Софья, некогда заточенная Петром в монастырь, и Цветаева провозглашает: «За́ Софью — на́ Петра!» (последний мнится ей «родоначальником Советов»). Не политику, а романтическую защиту побежденных, поверженных, даже если они вчерашние враги,— вот что поэт всегда будет считать своим долгом.

Вторым руслом, по которому пошло развитие поэзии Цветаевой,— было народное, или, как она сама говорила, «русское». Оно обозначилось еще в 1916 году, и стихи этого типа с каждым годом все больше избавлялись от литературности, становились более естественными. К таким стихам относятся, например, почти дословные записи «рассказов» владимирской няньки Нади: «И зажег, голубчик, спичку...». «Простите меня, мои горы!..», или гаданья цыганки, услышанного на улице. Или цикл стихов о Стеньке Разине, где Цветаева, следуя народной песне, по-своему трактует характер героя, делает его страдающим лицом: убитая персияночка снится Разину во сне: «И звенят-звенят-звенят-звенят запястья: — Затонуло ты, Степаново счастье!»— типично цветаевский упор на разлуке и горе атамана, а не на его лихости...

«России меня научила Революция» — так, по словам дочери, ответила Цветаева на вопрос, откуда взялись в ее творчестве эти неподдельные народные интонации. В тетради ее есть полушутливая запись: «Очередь — вот мой Кастальский ток! Мастеровые, бабки, солдаты». Ведь в сущности своей, по самому глубокому счету, она обладала истинным демократизмом; никогда не ощущала себя «барыней», презирала малейшее проявление буржуазности, «ожирения»: «Два на миру у меня врага, Два близнеца, неразрывно-слитых: Голод голод-

ных — и сытость сытых!» Ей нравилось вступать в разговоры с простыми людьми, — она записывала эти разговоры на улице, в дороге; потом издала страницы своих записей под названием «Вольный проезд», «Октябрь в вагоне». И в стихах все увереннее звучала русская народная «молвь». Ручейки отдельных стихотворений: «Полюбил богатый — бедную...», «А плакала я уже бабьей...», «Сколько у тебя дружочков?..», «Чтобы помнил не часочек, не годок...», шутливых четверостиший и т. д.— слились в море эпоса: большой поэмы «Царь-Девица» (осень 1920 г.) — о деве-богатыре, полюбившей маленького, хрупкого царевича-гусляра, об их роковом разминовении. Эта опять-таки типично цветаевская суть дана посредством народной, близкой к фольклорной речи («Россия — тело, то есть одежда»,— писала Цветаева). В финале поэмы восставший люд свергает царя — пьяницу и разорителя: «— Смеялся — плачь! — Грозился — трусь! Да, Царь-Кумач, Мы — Красная Русь!»

«Признай, минуй, отвергни Революцию — все равно она уже в тебе — и извечно (стихия)» — эти слова Цветаевой из ее статьи «Поэт и время» (1932) подтверждают все то, что Цветаева писала в те годы. Так она включилась в поэтический хор «взвихренной Руси» — рядом с потрясшей ее поэмой Блока «Двенадцать», Маяковского — «150 000 000», стихами и поэмами Есенина, Хлебникова и других.

«Царь-Девица» открыла собой лавину русских эпических произведений Цветаевой. За нею последовал «Егорушка» — поэма о волчьем пастыре, устроителе земли русской Егории Храбром, с его чудесными деяниями, целиком сочиненными Цветаевой; фантазия ее была поистине безудержной. Затем небольшая поэма «Переулочки» — по былине о Добрыне и Маринке. Это весна 1922 года; тогда же созревает план «Мо́лодца» — самой значительной из «русских» поэм Цветаевой....

В разливанном море цветаевской лирики первых лет революции обнаруживаются также стихи, которые можно было бы назвать ее словами: «Просто сердце» — вне театральных, героических или «русских» одежд. Это как бы нескончаемая песнь любящей женщины: «Я — страница твоему перу...», «Только живите! Я уронила руки...», «Как правая и левая рука...», «Писала я на аспидной доске...», большой цикл 1920 года со знаменитыми «Пригвождена к позорному столбу...», «Сказавший всем страстям — прости...», «Суда поспешно не чини...» и множество других. Но сердце поэта не просто. Два начала, две силы несет в себе любовь, которая, по Цветаевой, всегда — противоборство земли и неба, Евы (плоти) и Психеи (души). Обе бессмертны, обе непобедимы. Но — и это тоже типично цветаевская заветная идея — кем бы ни была она, героиня, сила всегда на ее стороне, она сильнее и *правее* его — слабого, в лучшем случае — безучастного.

В нынешней жизни выпало так:
Мальчик поет, а девчонка плачет.
В будущей жизни — любо глядеть!
Ты будешь плакать, я буду петь!

И в этот же самый период в лирике Цветаевой появились стихи, которые провозглашали, *глаголили* о высоком предназначении и долге поэта:

В черном небе — слова начертаны,
И ослепли глаза прекрасные...
И не страшно нам ложе смертное,
И не сладко нам ложе страстное.

В поте — пишущий, в поте — пашущий!
Нам знакомо иное рвение:
Легкий огнь, над кудрями пляшущий,—
Дуновение — вдохновения!

Гений вдохновения — единственный повелитель поэта; он парит над ним в облике огненного всадника: «Пожирающий огонь — мой конь!.. «С красной гривою свились волоса... Огневая полоса — в небеса!» И сама она, женщина-поэт, уподоблена птице Феникс, что поет «только в огне» (сгорая в «тайном жаре» души) и этому костру приносит в жертву все: «Я и жизнь маню, я и смерть маню, В легкий дар моему огню». (Вариация пушкинского «глаголом жечь сердца людей».) Тема поэта и его предназначения достигает своей мощи в маленькой, энергичной, «упругой» поэме «На красном коне» (январь 1921 г.). Героиня приносит к ногам Гения-повелителя — всадника на красном коне — свою жизнь, чтобы он умчал ее ввысь, «в лазурь», в иной мир — в небо поэта.

4

Поэма «На красном коне» и соответственно 1921 год обозначали рубеж в цветаевской поэзии; она приобретала черты высокой трагедийности. Аскетизм творческого самосожжения, суровая человеческая верность, дружба, преданность — ее главные темы. Поэзия Цветаевой достигла своего истинного расцвета, своих вершинных достижений; почти каждое стихотворение стало «классикой» и широко известно, повторяясь ныне из сборника в сборник (циклы «Ученик», «Марина», «Разлука», «Хвала Афродите» и др.). Временами в стихах слышался торжественный, «державинский» стиль, величавая «поступь»:

Все выше, все выше — высóт
Последнее злато.
Сновидческий голос: Восход
Навстречу Закату...

Но, заимствовав лексикон из «чужого» века, Цветаева по-современному вольно и свободно умела не только повелевать архаизмами, но и творила их сама: «Храни, Голубица, От града — посевы, Девицу — от гада, Героя — от девы». «Око и бровь! Перст и ладонь! В самый огонь! В самый огонь!» (о юноше, завороженно глядящем в огонь «буржуйки»). «Двуочие разевать как пасть!»; «Узорешенного юношу — славьте...». Поэтому стихи ее звучат современно, остро.

Употребив слова Пушкина, скажем, что цветаевская муза возмужала среди печальных бурь. Горе потери и разлуки не лишило поэта огромной энергии. Постоянно ощущая себя одинокой («Как нежный шут о злом своем уродстве, Я повествую о своем сиротстве»), Цветаева между тем проводила много времени в общении с самыми разными людьми,— из ее записей встает весьма обширный круг знакомств. Она выступала на вечерах, отдавала стихи в сборники и, разумеется, была в курсе литературной жизни. Никто не узнал бы теперь в этой сухощавой, подтянутой, стремительной женщине с обострившимися чертами, ранней проседью, пристальным и одновременно отрешенным взглядом близоруких зеленых глаз прежнюю застенчивую румянощекую гимназистку в пенсне... Не только жизнь, но и воля изменили внешность Марины Ивановны: свой облик она сотворила сама.

Событие, перевернувшее всю последующую жизнь Цветаевой, произошло 14 июля 1921 года. В этот день она получила «благую

весть» — первое за четыре с половиной года письмо от мужа из-за границы, где он находился после разгрома белой армии. Разыскал его по просьбе Марины Ивановны Эренбург, отправившийся весной за границу. Цветаева мгновенно и бесповоротно приняла решение ехать к Сергею Яковлевичу. Без него она не мыслила своего существования. Увлечений в ее жизни — «топлива» для творческого костра, которое, отгорев, рассеивалось навсегда,— было и будет немало; любовь останется одна до конца дней...

Цветаева шла навстречу своей ломающейся судьбе, не переставая ощущать себя нерасторжимо слитой с русскими поэтами, все время мысленно с ними общаясь. Писала восторженные письма Ахматовой, восхищалась ее стихами. Ложная весть о самоубийстве Ахматовой в связи с расстрелом Гумилева повергла Марину Ивановну в отчаяние; когда слух был опровергнут (как она считала, Маяковским), она написала Маяковскому, «архангелу-тяжелоступу», стихотворение «в благодарность за Ахматову». Маяковского она узнала и высоко оценила еще в восемнадцатом году, а может быть, и раньше. В великом бескорыстии, в полной свободе от малейшей зависти она признавала Ахматову «единодержицею струн» поэзии; оплакивала ее, осиротевшую после смерти Гумилева и Блока: «Высокó твои братья! Не докличешься! Ясноконька моя, Чернокнижница!» На смерть Блока откликнулась в августе и ноябре двадцать первого года торжественным реквиемом, в котором хотела передать скорбь всей России:

> Не свой любовный произвол
> Пою — своей отчизны рану...

Стихи продолжали литься, вернее — рваться из души поэта, напряжение их все нарастало. Звучали в них тоска и боль расставания с родиной — исстрадавшейся и «лютой», в пожарищах и крови,— она представала как бы живой мученицей. Стихи рождались самые разные, от высокоторжественных до «простонародных», только уже на ином — трагическом — уровне. Разлука вырастала до грандиозных масштабов, ибо речь шла уже не о расставании с человеком, с любовью к нему, а с родиной, которая вот-вот станет для поэта «тридевятым царством»...

Будущее Цветаева прозревала философски и мифотворчески: в сновиденном «небе поэта»: «По нагориям, По восхолмиям, Вместе с зорями, С колокольнями, Конь без удержу,— Полным парусом! — В завтра путь держу. В край без пра́отцев... Дыхом-пыхом — дух! Одни — поножи.— Догоняй, лопух! На седьмом уже!»

Расставанье с родиной иносказательно запечатлено в поэме-сказке «Переулочки» — о чародейке, которая завораживает доброго мо́лодца и уносит его в заоблачную высь, и в стихотворном цикле «Сугробы», посвященном Эренбургу, но всеми помыслами обращенном к далекому любимому: «Велика раскольница Даль, хужей — прилучница!.. Сверх волны обманчивой В грудь — дугою лютою! Через хляби — няньчанный, Берега́ — баюканный...» Над обеими вещами Цветаева работала весь март и апрель. А 11 мая 1922 года ее и девятилетнюю Алю отвез на извозчике до Виндавского вокзала единственный провожающий, и в этом заключался некий символ ее рокового одиночества...

5

15 мая 1922 года Цветаева приехала в Берлин — недолговечный центр русского зарубежья. В то время там кипела литературная жизнь; существовало множество русских издательств; туда отправля-

лись не только эмигранты, но приезжали и советские писатели, отношения между Советской Россией и Германией были дружественными. Помог ей устроиться в русском пансионе Эренбург; вскоре она встретилась наконец с мужем, приехавшим из Праги. Цветаева пробыла в Берлине два с половиной месяца — очень напряженные и творчески, и человечески. Она успела написать больше двадцати стихотворений, совершенно непохожих на прежние и открывших новые черты ее лирического дарования. Эти стихи словно ушли в подполье тайных интимных переживаний, выраженных изощренно-зашифрованно:

Есть час на те слова.
Из слуховых глушизн
Высокие права
Выстукивает жизнь...

Стихи говорили о быте любви тленной и бытии любви вечной,— не нова была тема, но она требовала совершенно иного выражения: «Помни закон: Здесь не владей! Чтобы потом — в Граде Друзей: В этом пустом, В этом крутом Небе мужском — Сплошь золотом — В мире, где реки вспять, На берегу — реки, В мнимую руку взять Мнимость другой руки...»

В Берлине тогда жили А. Ремизов, М. Горький, А. Толстой и Н. Крандиевская, приехали В. Ходасевич и Н. Берберова. Там произошла мимолетная встреча Цветаевой с Есениным — его она немного знала раньше, и очень теплая — с Андреем Белым, которому Марина Ивановна послужила недолгой, но верной опорой и успокоением в смятенности его «пленного духа». Наконец, в Берлине состоялась самая главная, хотя и заочная, эпистолярная встреча с Борисом Пастернаком, вдохновившая Цветаеву на рецензию-отзыв о его книге «Сестра моя — жизнь» и переросшая в долгую и горячую дружбу...

6

Берлин не был долгим пристанищем Цветаевой; решили ехать в Чехию, где учился муж и, главное, правительство Масарика выплачивало некоторым русским эмигрантам стипендию-пособие за счет золотого запаса, вывезенного в гражданскую войну из России. 1 августа 1922 г. Цветаева уже была в Праге.

Жизнь в Чехии длилась три с небольшим года. Горние Мокропсы, Прага, Иловищи, Дольние Мокропсы, Вшеноры — такова карта скитаний семьи в поисках более дешевого жилья, где первобытность условий была обратно пропорциональна плате. Бедность, тяжесть жизни внешней и сосредоточенность жизни внутренней — вот главное в положении Цветаевой, которая впервые за много лет обрела необходимое уединение. Она полюбила Прагу — «летейский город», с рыцарем Брунсвиком, «стерегущим реку — дней» — Влтаву у Карлова Моста. Она сердцем ощутила, услышала «голос сирых и малых», «прокóпченных» трудяг на заводской окраине, у заставы большого города. Прага вселяла вдохновение, словно живое существо,— да такою и воспринимала ее Цветаева; а жизнь в чешских деревнях позволила ей до самых недр души проникнуться природой — вечной, непреходящей, стоящей над всеми людскими несовершенствами, «земными низостями дней».

Деревья! К вам иду! Спастись
От рева рыночного!
Вашими вымахами ввысь
Как сердце выдышано!..

Что в вашем веянье?
Но знаю — лечите
Обиду Времени
Прохладой Вечности...

В Чехии Марина Цветаева выросла в поэта, который в наши дни справедливо причислен к великим. Ее поэзия говорила о бессмертном творческом духе, ищущем и алчущем абсолюта в человеческих чувствах. Самой заветной цветаевской темой в то время стала философия и психология любви. Сама она, разумеется, знала, что такое нелюбовь, гнев, неприязнь. Но в ее романтике не было места таким категориям. Она писала о любви — это понятие было для нее бездонным. Все, что не вражда, ненависть или безразличие, составляло любовь, которая вбирала в себя бесчисленные оттенки переживаний. Отсюда «формула»: «Пол и возраст не при чем»,— озадачивающая тех, кто не умеет или не хочет вдуматься в эти, по существу, такие простые слова. Можно влюбиться в ребенка, в старуху, в дерево, в дом, в собаку, в героя романа, в собственную мечту — любовь тысячелика, а поэт, как считала Цветаева,— «утысячеренный человек». Изображение людских страстей достигали моментами у нее истинно шекспировской силы, а психологизм, пронзительное исследование чувств могли быть сравнимы с плутанием по лабиринту душ человеческих в романах Достоевского. Именно потому Цветаевой, как она утверждала, Достоевский в жизни «не понадобился».

«Душа, не знающая меры...» Но здесь, на земле, «в мире мер», чувства осуществиться не могут; здесь люди при встречах «сшибаются лбом». Лишь в ином мире, в Небе Поэта, в мечтанном, совершенном мире, все *умыслы* должны сбыться...

В Чехии она завершила начатую еще в Москве поэму — сказку — притчу — трагедию — роман в стихах (одновременно!) «Мóлодец» — о могучей, всепобеждающей вопреки всему любви девушки Маруси к упырю в облике доброго мóлодца. Через страдания, сомнения, забвение — прорыв в синюю высь, к вечному блаженству, «домой»,— вот сюжет этой вещи, в которой простонародная речь, виртуозно обработанная поэтом, несет в себе остропсихологический, трагедийный смысл.

И кони не ржали,
И птицы не пели,
В оконные ржави
Рассветные цвели...

И дале, и возле,
И звоном, и вязью...
Рассветные сквози,
Рассветные связи...

Лирика Цветаевой тех чешских лет продолжила мотивы берлинских месяцев: погружение в «единоличье чувств» — самых разноречивых и равно, как всегда, сильных. Это — взрыв тоски по Родине, но родине идеальной, не исковерканной, не измученной: «Покамест день не встал С его страстями стравленными, Во всю горизонталь Россию восстанавливаю...» Здесь же — стихи, исполненные щемячей боли от убогости «жизни, как она есть», с ее неизбывной нищетой,— отголоски собственных кочевий с квартиры на квартиру: «Спаси Господи, дым! — Дым-то, Бог с ним! А главное — сырость!..» Уродливость быта — только тысячная причина того, отчего «Жизнь, это место, где жить нельзя». И — лирические стихи, обращенные к Пастернаку,— они лились вместе с письмами к нему — собрату в не измеряемых земными мерами категориях. И стихи о поэте, его природе, его сути,

о его величии и беззащитности, о его могуществе и ничтожестве «в мире сем»: «Он тот, кто *спрашивает* с парты, Кто Канта наголову бьет»; «Что же мне делать, певцу и первенцу, В мире, где наичернейший — сер! Где вдохновенье хранят, как в термосе! С этой безмерностью В мире мер?!» И стихи, где типично по-цветаевски трактуется коллизия Гамлета и Офелии, Христа и Магдалины, Тезея и Ариадны... Цветаева, как всякий крупнейший художник, творила в русле мировой культуры, перенося великие создания человеческого духа в свою поэтическую «страну» и переосмысляя их на свой лад.

Одновременно со стихами шла работа над крупными произведениями — «Поэмой Горы», «Поэмой Конца», трагедией «Тезей» и поэмой «Крысолов». Так постепенно началось вытеснение малого жанра цветаевской поэзии большими. Поэту как бы тесно в границах лирического стихотворения. Свою заветную идею — о том, что любовь — это всегда и непременно — вначале громада, глыба, лавина страстей, обрушивающихся на человека, а потом — так же неизбежно — расставание, разрыв,— Цветаева воплотила в «Поэме Горы» и «Поэме Конца», давно уже ставших хрестоматийной принадлежностью почти всякого цветаевского сборника. Трагедия «Тезей» (впоследствии названная «Ариадна») — не столько драматическое произведение, сколько поэма в диалогах,— переводит мысль поэта в более психологический план. Земную женщину — Ариадну — любят одновременно смертный (Тезей) и божество (Дионис, или Вакх), который возносит ее на небо. Цветаева трактует античный миф так, словно речь идет о чувствах живых людей. Что это: предательство Тезея или, напротив, его благородство? — ведь он добровольно уступает свою возлюбленную Вакху; сила в этом его или слабость? несовершенство земной любви («о, как мало и плохо любят!») или высший долг? — таков нераспутываемый Гордиев узел противоречивых страстей человеческих.

1 февраля 1925 года у Цветаевой родился давно желанный сын Георгий — в семье его будут называть Мур. Спустя месяц Цветаева начала писать свое последнее в Чехословакии произведение — поэму «Крысолов», восходящую к средневековой легенде о флейтисте из Гаммельна, который своей музыкой заманил всех крыс города и утопил их в реке, а когда не получил обещанной платы, тою же флейтой выманил из домов гаммельнских детей, увел на гору, и она, разверзшись, поглотила их. У Цветаевой Крысолов-флейтист — олицетворение Поэзии; крысы — отъевшиеся мещане, многие из которых в прошлом — храбрые бунтари; гаммельнцы — ожиревшие, жадные бюргеры; все они вместе олицетворяют омерзительный, убивающий души *быт*. «Быт не держит слово Поэзии (бургомистр отказывается от обещания отдать свою дочь флейтисту.— *А. С.*), «Поэзия мстит» — таков замысел. И музыкант уводит под свою дивную музыку детей и топит в озере, даруя им рай — вечное блаженство: «В царстве моем — ни тюрем, ни боен,— Одно ледяное! одно голубое!.. Ни расовой розни, ни Гусовой казни, Ни детских болезней, ни детских боязней: Синь. Лето краснó. И — время — на все...» Последние строки поэмы:

— Вечные сны, бесследные чащи...
А сердце все тише, а флейта все слаще...
— Не думай, а следуй, не думай, а слушай...
А флейта все слаще, а сердце все глуше...

— Муттер, ужинать не зови!
Пу-зы-ри.

(Окончила Цветаева поэму уже после отъезда из Чехии.)

И, наконец, в Чехии Цветаева написала две большие статьи: «Кедр (Апология)» — на книгу своего старого друга С. М. Волконского «Родина» — и «Герой труда» — на кончину В. Я. Брюсова. В этих вещах она выявила свой дар прозаика.

7

С осени 1925 года Цветаева, к тому времени изрядно уставшая от длительного и чрезмерного уединения, все более утверждалась в решении ехать во Францию, в Париж,— решении, подогреваемом мрачной перспективой растить маленького сына «в подвале», в убогих деревенских условиях; муж ее через несколько месяцев должен был окончить учение в университете. 1 ноября 1925 года Марина Ивановна с детьми приехала в Париж, где в довольно непривлекательном районе ее семью временно приютили знакомые, отведя им комнату в тесной квартире, которую снимали.

Во Франции Цветаевой было суждено прожить тринадцать с половиной лет: первые месяцы — в Париже, с весны по осень 1926 года — в Вандее и Бельвю, пять лет — до весны 1932 г.— в Медоне (пригороде Парижа), два года — в Кламаре (другом пригороде), четыре (с осени 1934 по осень 1938) — в третьем пригороде (Ванв), осень 1938 — лето 1939 — в парижском отеле «Иннова». К этому нужно прибавить поездку в марте 1926 г. в Лондон, осенью 1929, в марте 1932 г., и летом 1936 — в Брюссель с литературными чтениями и в летние месяцы (не ежегодно) — отъезды на море. Чужие города Марина Ивановна воспринимала без особого интереса, море не любила; будучи «рожденным пешеходом», совершала прогулки по медонским лесам.

Во Франции она заявила о себе быстро и энергично. 6 февраля 1926 года в одном из парижских клубов состоялся ее литературный вечер, принесший ей триумф и одновременно зависть и нелюбовь очень многих из эмигрантских литературных кругов, почувствовавших в ней силу, а главное — независимость, и в первую очередь — З. Гиппиус и Д. Мережковского. А вскоре в печати появился трактат-эссе — «Поэт о критике», в котором Цветаева в остроумной, парадоксальной форме излагала свои воззрения на то, кем должен быть критик: «Сивилла над колыбелью»; «увидеть за триста лет и за тридевять земель». И никоим образом не учителем и не судьей: у поэта «единственный учитель: собственный труд. И единственный судья: будущее». Истинный поэт, по Цветаевой, это — «равенство дара души и глагола». Неудивительно, что статья «Поэт о критике» сильно уязвила эмигрантских литераторов («кто в эмиграции не пишет критики?» — иронически спрашивала Цветаева). Марина Ивановна не только не была «дипломатом», но сознательно шла на конфликт с не понравившимся ей литературным зарубежьем и никогда не присоединилась ни к одной группировке, отмежевавшись от «монпарнасцев». Мысленно она не покидала поэтов, оставшихся в России; еще в Берлине читала на вечере произведения Маяковского и перевела на французский его стихотворение «Сволочи»; в Чехии, как уже говорилось, написала реквием Брюсову; в начале 1926 года задумала поэму на кончину Есенина, но так и не осуществила замысел. Продолжала и переписку с Пастернаком, которая для нее была романтическим уходом от прозы, скудости жизни, от «людских косностей», не перестававших преследовать ее...

Весною 1926 года Пастернак заочно познакомил Цветаеву с Райнером Мария Рильке, — поэтом, перед которым она преклонялась издавна. Так возник эпистолярный «роман троих» — «Письма лета 1926 года», изданные ныне во многих странах. В те месяцы Цветаева, переживавшая подъем творческой энергии, написала поэмы «С моря» — Пастернаку, «Попытка комнаты» — Пастернаку и Рильке одновременно — и «Лестница». Никогда еще, вероятно, извечное противостояние *быта* и *бытия* не внедрялось столь глубоко в ее поэтическое сознание. С одной стороны — заоблачная высь творческого общения с великими поэтами, «свиданье душ» в некоем сновиденном мире, «по ту сторону дней»; разговор об Истине, Любви, Совершенстве, Гармонии. С другой — еще не остывшие впечатления от первых месяцев в Париже, фабричной окраины, общения с бедняками знакомыми в их нищей, убогой обстановке,— от жизни, которая угнетает, убивает души. В попытках осмыслить неизбывность бед человеческих, недостойного людей прозябания, стремясь провозгласить им анафему, и написала Цветаева «Лестницу», в которой звучит ненависть поэта к «голоду голодных» и «сытости сытых». Против несправедливого миропорядка восстают сами вещи, сотворенные человеческими руками, и требуют возврата в свое первозданное природное лоно (стола — в дерево, и т. п.), а в финале звучит романтический призыв к бунту против цивилизации, не осчастливившей человечество. Бедность и зло уничтожаются в очистительном пожаре (огненное вознесение — любимый ход Цветаевой).

Смерть так никогда и не увиденного Рильке, последовавшая почти в канун нового, 1927 года, глубоко потрясла Цветаеву. Она откликнулась большим стихотворением-реквиемом «Новогоднее», затем «Поэмой Воздуха».

«Новогоднее» — плач по родному поэту; крик тоски, задыхающийся рассказ, попытка выразить смятение чувств, проносящиеся мгновенные мысли. Автор перебивает себя, как в разговорной речи,— только эта речь не вырывается наружу, оставаясь, застревая в гортани:

Первое письмо тебе с вчерашней,
На которой без тебя изноюсь,
Родины, теперь уже с одной из
Звезд... Закон отхода и отбоя,
По которому любимая любою
И небывшею из небывалой.
Рассказать, как про твою узнала?..—

и т. д., от спешки мысли с пропуском слов и, как в изливающемся горе, в единой тональности. Еще в предыдущих поэмах 1926 года поэтический язык Цветаевой обрел некое высокое косноязычие, кажущуюся усложненность — что и означало, говоря ее словами, «выдышаться в стих». Форма, «одежды» стихотворения как бы спадали; душевное состояние получало непосредственный и мгновенный исход без посредничества *литературного* обрамления. Так же написана «Поэма Воздуха» — поэма о смерти, о выхождении из земного состояния. «Понимаешь, что из тела — вон — хочу?»,— писала Цветаева прежде в одном из стихотворений. В «Новогоднем» и в «Поэме Воздуха», которые можно назвать *астральными* произведениями, дан не только исход в «бесконечную, ибо безначальную» вечность. В них — дерзновение поэта-богоборца «пощупать», ощутить эту Вечность с ее «седьмыми» и прочими небесами, иными словами — проникнуть, пронзить сознанием неведомое Нечто, простирающееся над головой человека. Предел этого полета в вертикаль бесконечен: но если он все-таки существует, он наступит в тот момент, когда творческому

разуму приоткроется смысл и тайна Вселенной; это произойдет (читаем финал «Поэмы Воздуха») —

В час, когда готический
Храм нагонит шпиль
Собственный,— и вычислив
Все,— когорты числ! —
В час, когда готический
Шпиль нагонит смысл
Собственный...

Столь же аскетически, словно в разреженном пространстве, чувствуют и действуют персонажи трагедии «Федра» (конец 1927 г.). Но «Федра» ближе к «земле», реальнее; здесь царит бремя людских страстей — любовь стареющей женщины к юному пасынку, которому она внушает отвращение; юношеские максимализм и жестокость; интриги и раскаяния не успевшей вкусить сладость жизни сводни-кормилицы. Цветаева знала психологию человека изнутри, потрясающе точно; понимала все ее причудливые сплетения; в этом была ее огромная сила, не приносившая, однако, радости, ибо великая мука — чувствовать *всё за всех...*

8

Большинство произведений, которые писала Цветаева на чужбине, как правило, выходило в свет. Важна была добрая воля двоих-троих людей, связанных с журналом или газетой, которые ее печатали. Еще с чешских времен в распоряжении Цветаевой был пражский журнал «Воля России»; во Франции ее печатал журнал «Современные записки» и менее охотно — газета «Последние новости». Не считая нескольких других, временно возникавших печатных изданий, они были ее главной опорой. Скромные гонорары не могли, естественно, удовлетворить нужды семьи. Муж Цветаевой уже в конце двадцатых годов постепенно все больше и больше принимая все, что происходило на Родине, стал мечтать о возвращении домой и хлопотать (в 1931 году) о советском гражданстве; он метался от одного занятия к другому, был актером-статистом в кино, одно время занялся журналистикой,— деньги были случайные и малые. Чешская стипендия подходила к концу; в течение нескольких последующих лет для Марины Ивановны был организован своего рода фонд помощи; две-три более или менее состоятельные дамы во главе с С. Н. Андрониковой-Гальперн, собирали ежемесячно для нее небольшую сумму, и Цветаева без обиняков могла напомнить об «иждивении», поторопить... И, наконец, время от времени выручали литературные вечера-чтения; тогда несколько билетов распространялись по дорогой цене среди богатой публики; это было унизительно, что Цветаева ощущала; однако приходилось с этим мириться. Деньги эти обеспечивали ей с детьми летний выезд на море (впрочем, не всегда).

Во Франции ей многое не нравилось — как не нравилось бы, безусловно, на любой другой чужбине. В письмах к Тесковой она, забыв былые невзгоды, с нежностью вспоминала Прагу, потому что Прага была далеко, в мечте... Она чувствовала себя ненужной, чужой всюду,— несмотря на то, что у нее были знакомые и даже друзья, помогавшие ей. «В Париже и тени моей не останется»,— писала она в 30-е годы.

И сам характер ее менялся; все сильнее одолевали заботы, не оставалось времени «на чувства», как она говорила; сердце остывало,

душа уставала. Сергей Эфрон все больше тянулся к Советскому Союзу; приблизительно в начале тридцатых годов он сделался советским разведчиком и одним из активных деятелей «Союза возвращения на родину». Цветаева же упорно оставалась вне всякой политики, культивировала в себе неистребимую верность обреченным и погибшим. По старым дневникам мужа, остывшего, по ее собственным словам, к пережитым событиям, связанным с его белогвардейским прошлым, она написала поэму «Перекоп» (1929), которую так и не напечатала, затем несколько лет работала над большой «Поэмой о царской семье» — по многочисленным источникам и слышанным рассказам,— писала с обреченным сознанием, что эта вещь «не нужна никому». Поэма, за исключением начальной главы «Сибирь», по-видимому, не сохранилась.

В 1930 году Цветаева написала стихотворный реквием на кончину Маяковского. Она не переставала относиться к нему с уважением и восхищением; в 1928 году наперекор эмигрантской политической шумихе приветствовала его по случаю приезда в Париж. Смерть Маяковского Цветаева трактовала прямолинейно: певец революции, «передовой боец» из-за несчастной любви по-старинному пальнул в себя, словно дворянский сынок: «Правнуком своим проживши, Кончил — прадедом своим». Оплакивая поэта, Цветаева выражала трагизм собственного существования «в мире сем». Кончина Маяковского для нее — «чистая смерть. Все, все, все дело — в чистоте». И еще: «Сила смерти Маяковского в том, что он умер в полной силе на высоте дара и судьбы».

Марина Цветаева была истинно великим и действенным другом поэтов. Ее бескорыстнейшее преклонение перед собратьями по «святому ремеслу — Поэзии», помноженное на страстность защиты их от вульгаризации и оболгания, была редчайшим даром. Свидетельство тому — знаменитые стихи к Пушкину (1931), в которых великий поэт предстает не «прилизанным» и мирным, а взвихренным и революционным, не созерцателем, а бунтарем. «...Пушкинский мускул На кашалотьей Туше судьбы — Мускул полета, Бега, Борьбы». Создавая своего Пушкина, Цветаева бросала вызов всяческим лицемерам от литературы — всех стран и времен, а также предостерегала будущих вершителей литературных судеб:

Не поручать палачам похорон
Жертв, цензорам — погребенья
Пушкиных...

9

В тридцатые годы главное место в творчестве Цветаевой стала занимать проза. Причиной перехода на прозу была совокупность многих обстоятельств, «бытовых» и «бытийных», внешних и внутренних. Сама Цветаева несколько прямолинейно заявляла: «Эмиграция делает меня прозаиком»,— она имела в виду, что стихотворные произведения труднее устроить в печать, над ними дольше и труднее работать («Стихи не кормят, кормит проза»). С другой стороны, она признавалась, что у нее становилось все меньше душевного времени, «времени на чувства», а чувство как раз требует силы и времени; прозаическая же вещь создается быстрее. И еще говорила о том, что поэт в ней «ревнует» к прозаику, и наоборот. Как бы там ни было, Цветаева проделала на чужбине тот же путь, что и многие русские писатели, например, Бунин, Куприн, Зайцев, Шмелев, Набоков; они — каждый по-своему — чувствовали себя одиноко, отъединенно от эмигрантской

действительности, от литературной и прочей суеты и всеми помыслами обратились вспять, к прошлому, к «истокам дней». Происходило это по-разному, но устремления были одинаковы. У Цветаевой они вызывались двумя причинами. Уйдя «в себя, в единоличье чувств», она хотела «воскресить весь тот мир», канувший в небытие, милый ее сердцу на расстоянии прошедших лет, мир, который создал, вылепил ее — человека и поэта. Так родились «Отец и его музей», «Мать и музыка», «Жених», «Дом у Старого Пимена» и другие произведения тридцатых годов, условно причисляемые к автобиографической прозе,— условно, ибо практически вся цветаевская проза носила автобиографический характер. Печальные события — кончины современников, которых Цветаева любила и чтила,— служили другими поводами, вдохновлявшими поэта на очерки-реквиемы. Так появились «Живое о живом» (Волошин), «Пленный дух» (Андрей Белый), «Нездешний вечер» (Мих. Кузмин), «Повесть о Сонечке» (С. Я. Голлидэй), написанные в 1932—1937 годах.

Особняком стояла «Пушкиниана» Цветаевой — очерки «Мой Пушкин» (1936), «Пушкин и Пугачев» (1937). Они тоже автобиографичны, особенно первый, но, конечно, главный их герой — вечно современный, живой, неотразимый, *цветаевский* и *всемирный* Пушкин.

Наконец, творческий темперамент не оставлял Цветаеву равнодушной к проблеме поэта, его дара призвания, поэта и современности. Статьи «Поэт и время», «Искусство при свете совести», «Эпос и лирика современной России», «Поэты с историей и поэты без истории» — все они создавались в те же годы, и можно лишь поражаться огромной творческой энергии Цветаевой.

Но и это было еще не все. Смолоду Цветаева любила вести дневники и писать письма,— там проявлялся ее дар эссеиста. Она чтила этот жанр: вольно располагающуюся мысль, смену ее поворотов, неожиданные ассоциации, афористическую остроту, парадоксальность. За границей ей удалось напечатать несколько отрывков из своих старых дневников: «О любви», «О благодарности», «Отрывки из книги «Земные приметы» и другие фрагменты, которые она почти не подвергала обработке. Свою жизнь, свои чувства и мысли она не таила; в поздние годы набело переписала некоторые записные книжки, именно с заветной целью увидеть их когда-нибудь в печати. Что касается писем, то их Цветаева писала всю жизнь, многие из которых сначала начерно, в тетради, ибо придавала им литературное значение,— так, например, в первую очередь — письмам к Пастернаку. Думается, если бы творческая обстановка была более благоприятной, она создала бы не один эпистолярный роман наподобие «Флорентийских ночей». Но с этим произведением, написанным по-французски, ее постигла неудача, так же как и с другими подобными вещами тридцатых годов («Письмо к амазонке», «Чудо с лошадьми», «Отец и его музей»),— ни одно не было напечатано, так же как и переводы на французский стихотворений Пушкина.

В многожанровой цветаевской прозе (мемуарной, литературно-критической, дневниковой, эпистолярной и т. д.) неизменно присутствовал *поэт*. Поэт диктовал равновесие мифа и реальности воспоминаниям, превращая их в высокохудожественные творения; поэт передавал литературно-критическим статьям и эссе об искусстве и поэзии высокую эмоциональную напряженность; наконец, поэт превращал эпистолярную прозу в истинные лирико-психологические, философ-

ские трактаты, черпая мысли и образы из стихов, чтобы наполнить ими письма.

Итак, в тридцатые годы во Франции Марина Цветаева окончательно состоялась, сбылась как оригинальный и крупный прозаик.

10

Лирические стихотворения по-прежнему были редкими гостями в тетрадях Цветаевой, но все же, вызванные внутренней необходимостью, появлялись там. Так, была создана своеобразная ода неразлучному верному другу поэта — письменному столу — цикл «Стол», без которого не обходится ни один цветаевский сборник. В «Стихах к сыну» поэт напутствовал будущего человека (ему пока семь лет):— «Езжай, мой сын, в свою страну», ибо дети сами должны писать «повесть дней своих и страстей своих»; ведь «наша ссора — не ваша ссора! Дети! Сами творите брань Дней своих». Цветаева верила:— СССР — страна будущего, *страна детей, не отцов*. Отцы — это вымирающее племя высоких, «не от мира сего», бескорыстных душ, которым нет места в современности, им она, поэт, обязана всею своей сущностью:

Поколенье! Я — ваша!
Продолженье зеркал.

Ваша — сутью и статью,
И почтеньем к уму,
И презрением к платью
Плоти — временному!..

До последнего часа
Обращенным к звезде —
Уходящая раса,
Спасибо тебе!

В «Стихах сироте» Цветаева с величайшей страстностью выразила мысль о том, что человека держит на земле его необходимость другому. «Что для ока — радуга, Злаку — чернозем, Человеку — надоба Человека — в нем». Эта «надоба», по Цветаевой,— любовь.— Так возвращалась она к своей заветной теме...

Надоба в человеке, *надоба* в поэте, в его стихах... Как и в юности, Цветаева провидела, что час ее пробьет только в будущем: «Не нужен твой стих — Как бабушкин сон.— А мы для иных Сновидим времен... А быть или нет Стихам на Руси — Потоки спроси, Потомков спроси». А сама Родина? Цветаева любила родину; одни эти строки: «Ты! Сей руки своей лишусь,— Хоть двух! Губами подпишусь На плахе: распрь моих земля — Гордыня, родина моя!» — говорят сами за себя.

Но, любя родину, стремилась ли Цветаева вернуться домой? Ответ на этот вопрос неоднозначен; по стихам, письмам видно, как мучила ее эта проблема. «Можно ли вернуться в дом, который — срыт?» «Той России — нету, Как и той меня»; «*Нас* родина не позовет!» В письме к Тесковой: «Здесь я *не нужна*. Там я *невозможна*» и т. п. Двойственность ее натуры и судьбы состояла в том, что она, выражаясь ее же словами, была втянута в насильственный брак со своим временем. Ей не нравился ее век (как не нравился бы любой иной, если б она в нем родилась). Она была поэтом, опережающим свое время, но тянулась к уходящей эпохе. Пешеходом, не признающим авто-

мобилей, «авионов», и вообще — «век турбин и динам». Читателем, презирающим газеты с их «злобой дня» («Кто победил на площади — О том не думай и не ведай»). Ее *нет* современности было, по существу, порождено современностью же. «Глядел назад, а шел вперед»,— признавалась она. Больше того: по цветаевскому творчеству можно изучать ту историческую реальность, в которой она жила и которая— хотел того или не хотел поэт — уже была в нем самом. Что до возвращения на родину, Цветаева знала одно: если ее муж туда поедет, она последует за ним, как в 1922 году поехала к нему за границу.

Время между тем шло, и в марте 1937 года дочь Цветаевой Ариадна, исполненная радостных надежд, уехала в Москву. Все лето Цветаева напряженно работала: писала очерк «Пушкин и Пугачев» и «Повесть о Сонечке». А осенью судьба всей семьи круто повернулась. Сергей Эфрон, продолжавший свою деятельность в Союзе возвращения в СССР, принял участие в одном политическом детективе, до конца не распутанном и по сей день, получившем широкую огласку и, увы, не украсившем его биографию, хотя он искренне стремился служить верой и правдой Советской родине. Ему пришлось спешно и тайно уехать из Парижа в Москву. Марина Ивановна осталась с Муром. Их отъезд был, таким образом, предрешен.

Состояние Марины Ивановны было труднейшим; больше полугода она ничего не писала: «Нет душевного (главного и единственного) покоя, есть — обратное». Осенью переселилась из Ванва в парижскую гостиницу. «Я — страшно одинока,— сетовала она.— Из всего Парижа — только два дома, где я бываю, остальное все — отпало». Она готовила к отправке свой архив: переписывала ранние стихи, попутно дорабатывая их, уничтожая наиболее слабые, делая комментирующие пометы. Некоторые произведения не рискнула везти, оставила на хранение знакомым; приводила в порядок могилу семьи Эфронов на Монпарнасском кладбище.

Сентябрьские события 1938 года вывели Цветаеву из творческой немоты. Нападение гитлеровцев на Чехословакию вызвало в ее сердце негодование,— и хлынула лавина антифашистских «Стихов к Чехии». Теперь Цветаева ревностно следила за газетами, слушала радио, реагировала на политические события. Верила: «Россия Чехию сожрать не даст» — и с горячей любовью воспевала не отдельного человека и любовь к нему, а страдающий народ и прекрасную страну, в которой некогда нашла приют. Циклы «Сентябрь» и «Март», «Стихи к Чехии» образовали своего рода лирическое единое произведение. То была «лебединая песнь» Марины Цветаевой на чужбине.

Летом 1939 года подготовка к отъезду приняла спешный характер: последние «переписка, разборка, укладка». И последние письма. Из них — от 8 июня — поэту А. С. Гингеру, в котором читаем: «*Жаль* уезжать, но это подготовка — к другому большому отъезду, кроме того я с первой минуты *знала*, что уеду». А в конце: «И Муру будет хорошо. А это для меня — главное. (Стихам моим — всегда будет хорошо.)»

12 июня 1939 года Марина Ивановна Цветаева уехала в СССР.

11

В Москву Цветаева с сыном приехали 18 июня. Ее семья наконец воссоединилась; все вместе жили в подмосковном поселке Болшево. Но это последнее счастье длилось недолго: в августе арестовали

дочь, в октябре — мужа Цветаевой. Она с сыном скиталась по чужим углам: снимала комнату в Голицыне, переменила три жилья в Москве. Ездила с передачами Але и Сергею Яковлевичу; тряслась над хрупким здоровьем Мура; вызволяла прибывший из Франции багаж, который задерживали целый год... И занималась переводами — с французского, немецкого, английского, грузинского, болгарского, польского и других языков. Она совершала истинно подвижнический труд, работая с тем же самоотречением, как если бы это были ее оригинальные стихи. Слова: «Я перевожу по слуху — и по духу (вещи). Это больше, чем смысл» — были ее девизом в работе. В черновых тетрадях — бесчисленное количество вариантов и по обыкновению разного рода записи. Вот одна:

«Я отродясь, как вся наша семья — была избавлена от этих двух [понятий]: слава и деньги... (Добрая слава, с просто-славой — незнакома. Слава: чтобы обо мне говорили. Добрая слава: чтобы обо мне *не* говорили — плохого. Добрая слава: один из видов нашей скромности — и вся наша честность)».

Деньги? Да плевать мне на них. Я их чувствую только, когда их — нет... Ведь я могла бы зарабатывать вдвое больше. Ну — и? Ну, вдвое больше бумажек в конверте. Но у меня-то что останется?.. Ведь нужно быть мертвым, чтобы предпочесть деньги».

По-прежнему, как и двадцать лет назад, она общалась с многими, но как и прежде, все было лишь «людной пустошью» в ее неизбывном одиночестве и горе, которое и доверить-то кому-либо было рискованно. Однако «тайный жар» не угасал в ней, она все еще была способна зажигаться от людей. Свидетельство тому — несколько прекрасных лирических стихотворений, затерянных в переводческих тетрадях.

Осенью 1940 года Гослитиздат вознамерился издать маленький сборник цветаевских стихов; Марина Ивановна, старательно и волнуясь (сохранились попутные записи об этом), составляла его... Сборник был зарезан К. Зелинским. Подробности его пространной и враждебной рецензии, судя по ее записям, ей не сообщили, она знала только: человек, в лицо ей хваливший ее стихи, объявил их «формалистическими»...

В апреле 1941 года Марину Ивановну Цветаеву приняли в профком литераторов при Гослитиздате. С фотографии на удостоверении смотрит старая женщина (а ей всего сорок восемь!) с остриженными не к лицу завитыми волосами и вымученной, слабой улыбкой...

12

Война застала Цветаеву за переводом Федерико Гарсия Лорки. Работа была прервана; события привели Марину Ивановну в состояние паники, безумной тревоги за сына, полной безысходности. Тогда-то, вероятно, и начала слабеть ее воля к жизни...

Восьмого августа Цветаева с Муром уехала пароходом из Москвы в эвакуацию; восемнадцатого прибыла вместе с несколькими писателями в городок Елабугу на Каме. Навис ужас остаться без работы. Надеясь получить что-нибудь в Чистополе, где в основном находились эвакуированные московские литераторы, Марина Ивановна съездила туда, получила согласие на прописку (несмотря на протест К. Тренева) и оставила заявление: «В Совет Литфонда. Прошу принять меня на работу в качестве судомойки в открывающуюся столовую Литфонда. 26-го августа 1941 г.» (Столовая откроется лишь в конце октября.) Немного как будто бы обнадеженная, 28-го она вернулась в Ела-

бугу с намерением перебраться в Чистополь. А 31-го, в воскресенье, когда все ушли из дому, покончила с собой. Вернувшиеся сын и хозяева нашли ее висящей в сенях на крюке. И три записки: Асеевым в Чистополь — чтобы взяли к себе Мура («Я для него больше ничего не могу и только его гублю... У меня в сумке 150 р. и если постараться распродать все мои вещи... А меня — простите — *не вынесла*»), людям, которых просила помочь ему уехать («Я хочу, чтобы Мур жил и учился. *Со мной он пропадет»)* — и сыну:

«Мурлыга! Прости меня, но дальше было бы хуже. *Я тяжело больна*, это уже не я. Люблю тебя безумно. Пойми, что я больше не могла жить. Передай папе и Але — если увидишь — что любила их до последней минуты, и объясни, что *попала в тупик*».

Здесь, у последней черты, все чувства Марины Ивановны достигли своего абсолюта. Тоска полнейшего одиночества и заброшенности; предстоящие впереди мрак и зима в глуши; трагическое ощущение собственной ненужности, *ненадобы*, беспомощности; роковое убеждение, что она ничего не умеет; паралич воли; страх за сына, которого она невольно втягивала в лабиринт отчаяния и безнадежности... (Через три года Муру суждено будет погибнуть на войне.)

Разумеется, сын ни в коей мере не был виноват в смерти матери, как несправедливо утверждает Анастасия Цветаева. Марина Ивановна ушла из жизни, когда в ней погасли остатки последней энергии. Жизнь задувала этот огонь со всех сторон...

Смерть Поэта тоже входит в его бытие. А его бытие принадлежит Будущему.

Это Будущее уже наступило.

Анна Саакянц

СТИХОТВОРЕНИЯ

1908—1941

В ЛЮКСЕМБУРГСКОМ САДУ

Склоняются низко цветущие ветки,
Фонтана в бассейне лепечут струи,
В тенистых аллеях всё детки, всё детки...
О детки в траве, почему не мои?

Как будто на каждой головке коронка
От взоров, детей стерегущих, любя.
И матери каждой, что гладит ребенка,
Мне хочется крикнуть: «Весь мир у тебя!»

Как бабочки девочек платьица пестры,
Здесь ссора, там хохот, там сборы домой...
И шепчутся мамы, как нежные сестры:
«Подумайте, сын мой...» — «Да что вы! А мой...»

Я женщин люблю, что в бою не робели,
Умевших и шпагу держать, и копье,—
Но знаю, что только в плену колыбели
Обычное — женское — счастье мое!

<1909–1910>

КНИГИ В КРАСНОМ ПЕРЕПЛЕТЕ

Из рая детского житья
Вы мне привет прощальный шлете,
Неизменившие друзья
В потертом, красном переплете.
Чуть легкий выучен урок,
Бегу тотчас же к вам, бывало.
— Уж поздно! — Мама, десять строк!..—
Но, к счастью, мама забывала.

Дрожат на люстрах огоньки...
Как хорошо за книгой дома!
Под Грига, Шумана и Кюи
Я узнавала судьбы Тома.
Темнеет... В воздухе свежо...
Том в счастье с Бэкки полон веры.
Вот с факелом Индеец Джо
Блуждает в сумраке пещеры...
Кладбище... Вещий крик совы...
(Мне страшно!) Вот летит чрез кочки
Приемыш чопорной вдовы,
Как Диоген, живущий в бочке.
Светлее солнца тронный зал,
Над стройным мальчиком — корона...
Вдруг — нищий! Боже! Он сказал:
«Позвольте, я наследник трона!»
Ушел во тьму, кто в ней возник,
Британии печальны судьбы...
— О, почему средь красных книг
Опять за лампой не уснуть бы?
О, золотые времена,
Где взор смелей и сердце чище!
О, золотые имена:
Гек Финн, Том Сойер, Принц и Нищий!

<1908—1910>

СЛЕДУЮЩЕЙ

Святая ль ты, иль нет тебя грешнее,
Вступаешь в жизнь, иль путь твой позади,—
О, лишь люби, люби его нежнее!
Как мальчика, баюкай на груди,
Не забывай, что ласки сон нужнее,
И вдруг от сна объятьем не буди.

Будь вечно с ним: пусть верности научат
Тебя печаль его и нежный взор.
Будь вечно с ним: его сомненья мучат.
Коснись его движением сестер.
Но если сны безгрешностью наскучат,
Сумей зажечь чудовищный костер!

Ни с кем кивком не обменяйся смело,
В себе тоску о прошлом усыпи.
Будь той ему, кем быть я не посмела:

Его мечты боязнью не сгуби!
Будь той ему, кем быть я не сумела:
Люби без мер и до конца люби!

<1909—1910>

ОШИБКА

Когда снежинку, что легко летает,
Как звездочка упавшая скользя,
Берешь рукой — она слезинкой тает,
И возвратить воздушность ей нельзя.

Когда, пленясь прозрачностью медузы,
Ее коснемся мы капризом рук,
Она, как пленник, заключенный в узы,
Вдруг побледнеет и погибнет вдруг.

Когда хотим мы в мотыльках-скитальцах
Видать не грезу, а земную быль —
Где их наряд? От них на наших пальцах
Одна зарей раскрашенная пыль!

Оставь полет снежинкам с мотыльками
И не губи медузу на песках!
Нельзя мечту свою хватать руками,
Нельзя мечту свою держать в руках!

Нельзя тому, что было грустью зыбкой,
Сказать: «Будь страсть! Горя, безумствуй, рдей!»
Твоя любовь была такой ошибкой,—
Но без любви мы гибнем, Чародей!

<1909—1910>

ПЛОХОЕ ОПРАВДАНЬЕ

Как влюбленность старо, как любовь забываемо-ново:
Утро в карточный домик, смеясь, превращает наш храм.
О мучительный стыд за вечернее лишнее слово!
О тоска по утрам!

Утонула в заре голубая, как месяц, трирема,
О прощании с нею пусть лучше не пишет перо!
Утро в жалкий пустырь превращает наш сад из Эдема...
Как влюбленность — старо!

Только ночью душе посылаются знаки оттуда,
Оттого все ночное, как книгу, от всех береги!
Никому не шепни, просыпаясь, про нежное чудо:
Свет и чудо — враги!

Твой восторженный бред, светом розовых люстр золоченный,
Будет утром смешон. Пусть его не услышит рассвет!
Будет утром — мудрец, будет утром — холодный ученый
Тот, кто ночью — поэт.

Как могла я, лишь ночью живя и дыша, как могла я
Лучший вечер отдать на терзанье январскому дню?
Только утро виню я, прошедшему вздох посылая,
Только утро виню!

<1909–1910>

ЗИМОЙ

Снова поют за стенами
Жалобы колоколов...
Несколько улиц меж нами,
Несколько слов!
Город во мгле засыпает,
Серп серебристый возник,
Звездами снег осыпает
Твой воротник.
Ранят ли прошлого зовы?
Долго ли раны болят?
Дразнит заманчиво-новый,
Блещущий взгляд.
Сердцу он (карий иль синий?)
Мудрых важнее страниц!
Белыми делает иней
Стрелы ресниц...
Смолкли без сил за стенами
Жалобы колоколов.
Несколько улиц меж нами,
Несколько слов!
Месяц склоняется чистый
В души поэтов и книг,
Сыплется снег на пушистый
Твой воротник.

<1909–1910>

В ПАРИЖЕ

Дома́ до звезд, а небо ниже,
Земля в чаду ему близка.
В большом и радостном Париже
Все та же тайная тоска.

Шумны вечерние бульвары,
Последний луч зари угас,
Везде, везде всё пары, пары,
Дрожанье губ и дерзость глаз.

Я здесь одна. К стволу каштана
Прильнуть так сладко голове!
И в сердце плачет стих Ростана,
Как там, в покинутой Москве.

Париж в ночи́ мне чужд и жалок,
Дороже сердцу прежний бред!
Иду домой, там грусть фиалок
И чей-то ласковый портрет.

Там чей-то взор печально-братский,
Там нежный профиль на стене.
Rostand и мученик-Рейхштадтский
И Сара — все придут во сне!

В большом и радостном Париже
Мне снятся травы, облака,
И дальше смех, и тени ближе,
И боль, как прежде, глубока.

Париж, июнь 1909

МОЛИТВА

Христос и Бог! Я жажду чуда
Теперь, сейчас в начале дня!
О, дай мне умереть, покуда
Вся жизнь как книга для меня.

Ты мудрый, ты не скажешь строго:
«Терпи, еще не кончен срок».
Ты сам мне подал — слишком много!
Я жажду сразу — всех дорог!

Всего хочу: с душой цыгана
Идти под песни на разбой,
За всех страдать под звук органа
И амазонкой мчаться в бой;

Гадать по звездам в черной башне,
Вести детей вперед, сквозь тень...
Чтоб был легендой — день вчерашний,
Чтоб был безумьем — каждый день!

Люблю и крест, и шелк, и каски,
Моя душа мгновений след...
Ты дал мне детство — лучше сказки
И дай мне смерть — в семнадцать лет!

Таруса, 26 сентября 1909

В ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ

Звенят-поют, забвению мешая,
В моей душе слова: «пятнадцать лет».
О, для чего я выросла большая?
Спасенья нет!

Еще вчера в зеленые березки
Я убегала, вольная, с утра.
Еще вчера шалила без прически,
Еще вчера!

Весенний звон с далеких колоколен
Мне говорил: «Побегай и приляг!»
И каждый крик шалунье был позволен,
И каждый шаг!

Что впереди? Какая неудача?
Во всем обман и, ах, на всем запрет!
— Так с милым детством я прощалась, плача,
В пятнадцать лет.

<1911>

* * *

Мы с тобою лишь два отголоска:
Ты затихнул, и я замолчу.
Мы когда-то с покорностью воска
Отдались роковому лучу.

Это чувство сладчайшим недугом
Наши души терзало и жгло.
Оттого тебя чувствовать другом
Мне порою до слез тяжело.

Станет горечь улыбкою скоро,
И усталостью станет печаль.
Жаль не слова, поверь, и не взора,—
Только тайны утраченной жаль!

От тебя, утомленный анатом,
Я познала сладчайшее зло.
Оттого тебя чувствовать братом
Мне порою до слез тяжело.

<1911>

КОШКИ

Максу Волошину

Они приходят к нам, когда
У нас в глазах не видно боли.
Но боль пришла — их нету боле:
В кошачьем сердце нет стыда!

Смешно, не правда ли, поэт,
Их обучать домашней роли.
Они бегут от рабской доли:
В кошачьем сердце рабства нет!

Как ни мани, как ни зови,
Как ни балуй в уютной холе,
Единый миг — они на воле:
В кошачьем сердце нет любви!

<1911>

ДУША И ИМЯ

Пока огнями смеется бал,
Душа не уснет в покое.
Но имя Бог мне иное дал:
Морское оно, морское!

В круженье вальса, под нежный вздох
Забыть не могу тоски я.
Мечты иные мне подал Бог:
Морские они, морские!

Поет огнями манящий зал,
Поет и зовет, сверкая.
Но душу Бог мне иную дал:
Морская она, морская!

<1911>

* * *

Ах, золотые деньки!
Где уголки потайные,
Где вы, луга заливные
Синей Оки?

Старые липы в цвету,
К взрослому миру презренье
И на жаровне варенье
В старом саду.

К Богу идут облака:
Лентой холмы огибая,
Тихая и голубая
Плещет Ока.

Детство верни нам, верни
Все разноцветные бусы,—
Маленькой, милой Тарусы
Летние дни.

<1911>

ДОМИКИ СТАРОЙ МОСКВЫ

Слава прабабушек томных,
Домики старой Москвы,
Из переулочков скромных
Всё исчезаете вы,

Точно дворцы ледяные
По мановенью жезла.
Где потолки расписные,
До потолков зеркала?

Где клавесина аккорды,
Темные шторы в цветах,
Великолепные морды
На вековых воротах,

Кудри, склоненные к пяльцам,
Взгляды портретов в упор...
Странно постукивать пальцем
О деревянный забор!

Домики с знаком породы,
С видом ее сторожей,
Вас заменили уроды,—
Грузные, в шесть этажей.

Домовладельцы — их право!
И погибаете вы,
Томных прабабушек слава,
Домики старой Москвы.

<1911>

ЛИТЕРАТУРНЫМ ПРОКУРОРАМ

Всё таить, чтобы люди забыли,
Как растаявший снег и свечу?
Быть в грядущем лишь горсточкой пыли
Под могильным крестом? Не хочу!

Каждый миг, содрогаясь от боли,
К одному возвращаюсь опять:
Навсегда умереть! Для того ли
Мне судьбою дано всё понять?

Вечер в детской, где с куклами сяду,
На лугу паутинную нить,
Осужденную душу по взгляду...
Всё родное на суд отдаю,

Для того я (в проявленном — сила)
Всё родное на суд отдаю,
Чтобы молодость вечно хранила
Беспокойную юность мою.

<1911>

* * *

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я — поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,

Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти
— Нечитанным стихам! —

Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет!),
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

Коктебель, май 1913

* * *

Идешь на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала — тоже!
Прохожий, остановись!

Прочти — слепоты куриной
И маков набрав букет,
Что звали меня Мариной
И сколько мне было лет.

Не думай, что здесь — могила,
Что я появлюсь, грозя...
Я слишком сама любила
Смеяться, когда нельзя!

И кровь приливала к коже,
И кудри мои вились...
Я тоже *была*, прохожий!
Прохожий, остановись!

Сорви себе стебель дикий
И ягоду ему вслед,—
Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет.

Но только не стой угрюмо,
Главу опустив на грудь,
Легко обо мне подумай,
Легко обо мне забудь.

Как луч тебя освещает!
Ты весь в золотой пыли...
— И пусть тебя не смущает
Мой голос из-под земли.

Коктебель, 3 мая 1913

* * *

Вы, идущие мимо меня
К не моим и сомнительным чарам,—
Если б знали вы, сколько огня,
Сколько жизни, растраченной даром,

И какой героический пыл
На случайную тень и на шорох...
И как сердце мне испепелил
Этот даром истраченный порох.

О летящие в ночь поезда,
Уносящие сон на вокзале...
Впрочем, знаю я, что и тогда
Не узнали бы вы — если б знали —

Почему мои речи резки
В вечном дыме моей папиросы,—
Сколько темной и грозной тоски
В голове моей светловолосой.

17 мая 1913

* * *

Мальчиком, бегущим резво,
Я предстала Вам.
Вы посмеивались трезво
Злым моим словам:

«Шалость — жизнь мне, имя — шалость!
Смейся, кто не глуп!»
И не видели усталость
Побледневших губ.

Вас притягивали луны
Двух огромных глаз.
— Слишком розовой и юной
Я была для Вас!

Тающая легче снега,
Я была — как сталь.
Мячик, прыгнувший с разбега
Прямо на рояль.

Скрип песка под зубом, или
Стали по стеклу...
— Только Вы не уловили
Грозную стрелу

Легких слов моих, и нежность
Гнева напоказ...
Каменную безнадежность
Всех моих проказ!

19 мая 1913

* * *

Я сейчас лежу ничком
— Взбешенная! — на постели.
Если бы вы захотели
Быть моим учеником,

Я бы стала в тот же миг
— Слышите, мой ученик? —

В золоте и серебре
Саламандра и Ундина.
Мы бы сели на ковре
У горящего камина.

Ночь, огонь и лунный лик...
— Слышите, мой ученик? —

И безудержно — мой конь
Любит бешеную скачку! —
Я метала бы в огонь
Прошлое — за пачкой пачку:

Старых роз и старых книг.
— Слышите, мой ученик? —

А когда бы улеглась
Эта пепельная груда,—
Господи, какое чудо
Я бы сделала из вас!

Юношей воскрес старик!
— Слышите, мой ученик? —

А когда бы вы опять
Бросились в капкан науки,
Я осталась бы стоять,
Заломив от счастья руки,

Чувствуя, что ты — велик!
— Слышите, мой ученик?

1 июня 1913

* * *

Идите же! — мой голос нем,
И тщетны все слова.
Я знаю, что ни перед кем
Не буду я права.

Я знаю: в этой битве пасть
Не мне, прелестный трус!
Но, милый юноша, за власть
Я в мире не борюсь.

И не оспаривает вас
Высокородный стих.
Вы можете — из-за других —
Моих не видеть глаз,

Не слепнуть на моем огне,
Моих не чуять сил...
Какого демона во мне
Ты в вечность упустил!

Но помните, что будет суд,
Разящий, как стрела,
Когда над головой блеснут
Два пламенных крыла!

11 июля 1913

БАЙРОНУ

Я думаю об утре Вашей славы,
Об утре Ваших дней,
Когда очнулись демоном от сна Вы
И богом для людей.

Я думаю о том, как Ваши брови
Сошлись над факелами Ваших глаз,
О том, как лава древней крови
По Вашим жилам разлилась.

Я думаю о пальцах, очень длинных,
В волнистых волосах,
И обо всех — в аллеях и в гостиных —
Вас жаждущих глазах.

И о сердцах, которых — слишком юный —
Вы не имели времени прочесть,
В те времена, когда всходили луны
И гасли в Вашу честь.

Я думаю о полутемном зале,
О бархате, склоненном к кружевам,
О всех стихах, какие бы сказали
Вы — мне, я — Вам.

Я думаю еще о горсти пыли,
Оставшейся от Ваших губ и глаз...
О всех глазах, которые в могиле.
О них и нас.

Ялта, 24 сентября 1913

* * *

Стать тем, что никому не мило,
— О, стать как лед! —
Не зная ни того, что было,
Ни что придет,

Забыть, как сердце раскололось —
И вновь срослось,
Забыть свои слова, и голос,
И блеск волос.

Браслет из бирюзы старинной —
На стебельке:
На этой узкой, этой длинной
Моей руке...

Как, зарисовывая тучку
Издалека,
За перламутровую ручку
Бралась рука,

Как перепрыгивали ноги
Через плетень,
Забыть, как рядом по дороге
Бежала тень.

Забыть, как пламенно в лазури,
Как дни тихи...
— Все шалости свои, все бури
И все стихи!

Мое свершившееся чудо
Разгонит смех.
Я, вечно-розовая, буду
Бледнее всех.

И не раскроются — так надо —
— О, пожалей! —
Ни для заката, ни для взгляда,
Ни для полей —

Мои опущенные веки.
— Ни для цветка! —
Моя земля, прости навеки,
На всѐ века!

И так же будут таять луны
И таять снег,
Когда промчится этот юный,
Прелестный век.

Феодосия, сочельник, 1913

ГЕНЕРАЛАМ ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА

Сергею

Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса,

И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце оставляли след,—
Очаровательные франты
Минувших лет!

Одним ожесточеньем воли
Вы брали сердце и скалу,—
Цари на каждом бранном поле
И на балу.

Вас охраняла длань господня
И сердце матери,— вчера
Малютки-мальчики, сегодня —
Офицера!

Вам всѐ вершины были малы
И мягок самый черствый хлеб,
О, молодые генералы
Своих судеб!

Ах, на гравюре полустертой,
В один великолепный миг,
Я видела, Тучков-четвертый,
Ваш нежный лик.

И вашу хрупкую фигуру,
И золотые ордена...
И я, поцеловав гравюру,
Не знала сна...

О, как мне кажется, могли вы
Рукою, полною перстней,
И кудри дев ласкать — и гривы
Своих коней.

В одной невероятной скачке
Вы прожили свой краткий век...
И ваши кудри, ваши бачки
Засыпал снег.

Три сотни побеждало — трое!
Лишь мертвый не вставал с земли.
Вы были дети и герои,
Вы всё могли!

Что̀ так же трогательно-юно,
Как ваша бешеная рать?
Вас златокудрая Фортуна
Вела, как мать.

Вы побеждали и любили
Любовь и сабли острие —
И весело переходили
В небытие.

Феодосия, 26 декабря 1913

* * *

Над Феодосией угас
Навеки этот день весенний,
И всюду удлиняет тени
Прелестный предвечерний час.

Захлебываясь от тоски,
Иду одна, без всякой мысли,
И опустились и повисли
Две тоненьких моих руки.

Иду вдоль генуэзских стен,
Встречая ветра поцелуи,
И платья шелковые струи
Колеблются вокруг колен.

И скромен ободок кольца,
И трогательно мал и жалок
Букет из нескольких фиалок
Почти у са̀мого лица.

Иду вдоль крепостных валов,
В тоске вечерней и весенней.
И вечер удлиняет тени,
И безнадежность ищет слов.

Феодосия, 14 февраля 1914

С. Э.

Я с вызовом ношу его кольцо!
— Да, в Вечности — жена, не на бумаге.—
Его чрезмерно узкое лицо
Подобно шпаге.

Безмолвен рот его, углами вниз,
Мучительно-великолепны брови.
В его лице трагически слились
Две древних крови.

Он тонок первой тонкостью ветвей.
Его глаза — прекрасно-бесполезны! —
Под крыльями раскинутых бровей —
Две бездны.

В его лице я рыцарству верна,
— Всем вам, кто жил и умирал без страху! —
Такие — в роковые времена —
Слагают стансы — и идут на плаху.

Коктебель, 3 июня 1914

БАБУШКЕ

Продолговатый и твердый овал,
Черного платья раструбы...
Юная бабушка! Кто целовал
Ваши надменные губы?

Руки, которые в залах дворца
Вальсы Шопена играли...
По сторонам ледяного лица
Локоны, в виде спирали.

Темный, прямой и взыскательный взгляд.
Взгляд, к обороне готовый.
Юные женщины так не глядят.
Юная бабушка, кто вы?

Сколько возможностей вы унесли,
И невозможностей — сколько? —
В ненасытимую прорву земли,
Двадцатилетняя полька!

День был невинен, и ветер был свеж.
Темные звезды погасли.
— Бабушка! — Этот жестокий мятеж
В сердце моем — не от вас ли?..

4 сентября 1914

* * *

П. Э.

Осыпались листья над вашей могилой,
И пахнет зимой.
Послушайте, мертвый, послушайте, милый:
Вы все-таки мой.

Смеетесь! — В блаженной крылатке
дорожной!
Луна высока.
Мой — так несомненно и так непреложно,
Как эта рука.

Опять с узелком подойду утром рано
К больничным дверям.
Вы просто уехали в жаркие страны,
К великим морям.

Я вас целовала! Я вам колдовала!
Смеюсь над загробною тьмой!
Я смерти не верю! Я жду вас с вокзала —
Домой!

Пусть листья осыпались, смыты и стерты
На траурных лентах слова.
И, если для целого мира вы мертвы,
Я тоже мертва.

Я вижу, я чувствую,— чую вас всюду,
— Что́ ленты от ваших венков! —
Я вас не забыла и вас не забуду
Во веки веков.

Таких обещаний я знаю бесцельность,
Я знаю тщету.
— Письмо в бесконечность.— Письмо
в беспредельность.—
Письмо в пустоту.

4 октября 1914

АННЕ АХМАТОВОЙ

Узкий, нерусский стан —
Над фолиантами.
Шаль из турецких стран
Пала, как мантия.

Вас передашь одной
Ломаной четкой линией.
Холод — в веселье, зной —
В Вашем унынии.

Вся Ваша жизнь — озноб,
И завершится — чем она?
Облачный — темен — лоб
Юного демона.

Каждого из земных
Вам заиграть — безделица!
И безоружный стих
В сердце нам целится.

В утренний сонный час,
— Кажется, четверть пятого,—
Я полюбила Вас,
Анна Ахматова.

11 февраля 1915

* * *

Мне нравится, что вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не вами,
Что никогда тяжелый шар земной
Не уплывет под нашими ногами.
Мне нравится, что можно быть смешной —
Распущенной — и не играть словами,
И не краснеть удушливой волной,
Слегка соприкоснувшись рукавами.

Мне нравится еще, что вы при мне
Спокойно обнимаете другую,
Не прочите мне в адовом огне
Гореть за то, что я не вас целую.
Что имя нежное мое, мой нежный, не
Упоминаете ни днем, ни ночью — всуе...
Что никогда в церковной тишине
Не пропоют над нами: аллилуйя!

Спасибо вам и сердцем и рукой
За то, что вы меня — не зная сами! —
Так любите: за мой ночной покой,
За редкость встреч закатными часами,
За наши не-гулянья под луной,
За солнце, не у нас над головами,—
За то, что вы больны — увы! — не мной,
За то, что я больна — увы! — не вами!

3 мая 1915

* * *

Милый друг, ушедший дальше, чем за́ море!
— Вот вам розы,— протянитесь на них! —
Милый друг, унесший самое, самое
Дорогое из сокровищ земных!

Я обманута, и я обокрадена,—
Нет на память ни письма, ни кольца!
Как мне памятна малейшая впадина
Удивленного — навеки — лица.

Как мне памятен просящий и пристальный
Взгляд, поближе приглашающий сесть,
И улыбка из великого Издали,—
Умирающего светская лесть...

Милый друг, ушедший в вечное плаванье,
— Свежий холмик меж других бугорков,—
Помолитесь обо мне в райской гавани,—
Чтобы не было других моряков.

5 июня 1915

* * *

Спят трещотки и псы соседовы,—
Ни повозок, ни голосов.
О, возлюбленный, не выведывай,
Для чего развожу засов.

Юный месяц идет к полуночи:
Час монахов — и зорких птиц,
Заговорщиков час — и юношей,
Час любовников и убийц.

Здесь у каждого мысль двоякая,
Здесь, ездок, торопи коня.
Мы пройдем, кошельком не звякая
И браслетами не звеня.

Уж с домами дома расходятся,
И на площади спор и пляс...
Здесь, у маленькой богородицы,
Вся Кордова в любви клялась.

У фонтана присядем молча мы
Здесь, на каменное крыльцо,
Где впервые глазами волчьими
Ты нацелился мне в лицо.

Запах розы и запах локона,
Шелест шелка вокруг колен...
О, возлюбленный,— видишь, вот она —
Отравительница! — Кармен.

5 августа 1915

* * *

С большою нежностью — потому,
Что скоро уйду от всех,—
Я все раздумываю, кому
Достанется волчий мех,

Кому — разнеживающий плед
И тонкая трость с борзой,
Кому — серебряный мой браслет,
Осыпанный бирюзой...

И всѐ записки, и всѐ цветы,
Которых хранить невмочь...
Последняя рифма моя — и ты,
Последняя моя ночь!

22 сентября 1915

* * *

Заповедей не блюла, не ходила к причастью.
Видно, пока надо мной не пропоют литию,
Буду грешить — как грешу — как грешила: со страстью!
Господом данными мне чувствами — всеми пятью!

Други! Сообщники! Вы, чьи наущения — жгучи!
Вы, сопреступники! — Вы, нежные учителя!
Юноши, девы, деревья, созвездия, тучи, —
Богу на Страшном суде вместе ответим, Земля!

26 сентября 1915

* * *

Как жгучая, отточенная лесть
Под римским небом, на ночной веранде,
Как смертный кубок в розовой гирлянде —
Магических таких два слова есть.

И мертвые встают как по команде,
И Бог молчит — то ветреная весть
Язычника — языческая месть:
Не читанное мною Ars Amandi! [1]

Мне синь небес и глаз любимых синь
Слепят глаза.— Поэт, не будь в обиде,
Что времени мне нету на латынь!

Любовницы читают ли, Овидий?!
— Твои тебя читали ль? — Не отринь
Наследницу твоих же героинь!

29 сентября 1915

* * *

Я знаю правду! Всѐ прежние правды — прочь!
Не надо людям с людьми на земле бороться!
Смотрите: вечер, смотрите: уж скоро ночь.
О чем — поэты, любовники, полководцы?

Уж ветер стелется, уже земля в росе,
Уж скоро звездная в небе застынет вьюга,
И под землею скоро уснем мы все,
Кто на земле не давали уснуть друг другу.

3 октября 1915

* * *

Два солнца стынут — о Господи, пощади! —
Одно — на небе, другое — в моей груди.

Как эти солнца — прощу ли себе сама? —
Как эти солнца сводили меня с ума!
И оба стынут — не больно от их лучей!
И то остынет первым, что горячей.

5 октября 1915

---

[1] Искусство любви *(лат.)*

* * *

Цыганская страсть разлуки!
Чуть встретишь — уж рвешься прочь.
Я лоб уронила в руки
И думаю, глядя в ночь:

Никто, в наших письмах роясь,
Не понял до глубины,
Как мы вероломны, то есть —
Как сами себе верны.

Октябрь 1915

* * *

Никто ничего не отнял —
Мне сладостно, что мы врозь!
Целую вас через сотни
Разъединяющих верст.

Я знаю: наш дар — неравен.
Мой голос впервые — тих.
Что ва̀м, молодой Державин,
Мой невоспитанный стих!

На страшный полет крещу вас:
— Лети, молодой орел!
Ты солнце стерпел, не щурясь,—
Юный ли взгляд мой тяжел?

Нежней и бесповоротней
Никто не глядел вам вслед...
Целую вас — через сотни
Разъединяющих лет.

12 февраля 1916

* * *

Ты запрокидываешь голову —
Затем, что ты гордец и враль.
Какого спутника веселого
Привел мне нынешний февраль!

Позвякивая карбованцами
И медленно пуская дым,

Торжественными чужестранцами
Проходим городом родным.

Чьи руки бережные трогали
Твои ресницы, красота,
Когда, и как, и кем, и много ли
Целованы твои уста —

Не спрашиваю. Дух мой алчущий
Переборол сию мечту.
В тебе божественного мальчика,—
Десятилетнего я чту.

Помедлим у реки, полощущей
Цветные бусы фонарей.
Я доведу тебя до площади,
Видавшей отроков-царей...

Мальчишескую боль высвистывай
И сердце зажимай в горсти...
— Мой хладнокровный, мой неистовый
Вольноотпущенник — прости!

18 февраля 1916

* * *

Откуда такая нежность?
Не первые — эти кудри
Разглаживаю, и губы
Знавала — темней твоих.

Всходили и гасли звезды
(Откуда такая нежность?),
Всходили и гасли очи
У самых моих очей.

Еще не такие песни
Я слушала ночью темной
(Откуда такая нежность?)
На самой груди певца.

Откуда такая нежность?
И что̀ с нею делать, отрок
Лукавый, певец захожий,
С ресницами — нет длинней?

18 февраля 1916

* * *

Четвертый год.
Глаза — как лед.
Брови — уже роковые.
Сегодня впервые
С кремлевских высот
Наблюдаешь ты
Ледоход.

Льдины, льдины
И купола.
Звон золотой,
Серебряный звон.
Руки — скрещены,
Рот — нем.
Брови сдвинув — Наполеон! —
Ты созерцаешь — Кремль.

— Мама, куда — лед идет?
— Вперед, лебеденок!
Мимо дворцов, церквей, ворот —
Вперед, лебеденок!
Синий
Взор — озабочен.
— Ты меня любишь, Марина?
— Очень!
— Навсегда?
— Да.

———

Скоро — закат,
Скоро — назад:
Тебе — в детскую, мне —
Письма читать дерзкие,
Кусать рот.

А лед
Всё
Идет.

24 марта 1916

* * *

За девками доглядывать, не скис
ли в жбане квас, оладьи не остыли ль,
Да перстни пересчитывать, анис
Ссыпая в узкогорлые бутыли.

Кудельную расправить бабке нить,
Да ладаном курить по дому росным,
Да под руку торжественно проплыть
Соборной площадью, гремя шелками, с крестным.

Кормилица с крикливым петухом
В переднике — как ночь ее повойник! —
Докладывает древним шепотком,
Что молодой — в часовенке — покойник.

И ладанное облако углы
Унылой обволакивает ризой,
И яблони — что ангелы — белы,
И голуби на них — что ладан — сизы.

И странница, прихлебывая квас
Из ковшика, на краешке лежанки,
О Разине досказывает сказ
И о его прекрасной персиянке.

26 марта 1916

СТИХИ О МОСКВЕ

1

Облака — вокруг,
Купола — вокруг.
Надо всей Москвой —
Сколько хватит рук! —
Возношу тебя, бремя лучшее,
Деревцо мое
Невесомое!

В дивном граде сем,
В мирном граде сем,
Где и мертвой мне
Будет радостно, —
Царевать тебе, горевать тебе,
Принимать венец,
О мой первенец!

Ты постом — говей,
Не сурьми бровей,
И все сорок — чти —
Сороков церквей.

Исходи пешком — молодым шажком! —
Все привольное
Семихолмие.

Будет твóй черед:
Тоже — дочери
Передашь Москву
С нежной горечью.
Мне же — вольный сон, колокольный звон,
Зори ранние
На Ваганькове.

31 марта 1916

2

Из рук моих — нерукотворный град
Прими, мой странный, мой прекрасный брат.

По цéрковке — все сорок сороков
И реющих над ними голубков;

И Спасские — с цветами — воротá,
Где шапка православного снята;

Часовню звездную — приют от зол —
Где вытертый — от поцелуев — пол;

Пятисоборный несравненный круг
Прими, мой древний, вдохновенный друг.

К Нечаянныя Радости в саду
Я гостя чужеземного сведу.

Червонные возблещут купола,
Бессонные взгремят колокола,

И на тебя с багряных облаков
Уронит богородица покров,

И встанешь ты, исполнен дивных сил...
— Ты не раскаешься, что ты меня любил.

31 марта 1916

3

Мимо ночных башен
Площади нас мчат.
Ох, как в ночи страшен
Рев молодых солдат!

Греми, громкое сердце!
Жарко целуй, любовь!
Ох, этот рев зверский!
Дерзкая — ох! — кровь.

Мой — рот — разгарчив,
Даром что свят — вид.
Как золотой ларчик,
Иверская горит.

Ты озорство прикончи
Да засвети свечу,
Чтобы с тобой нонче
Не было — как хочу.

31 марта 1916

4

Настанет день — печальный, говорят! —
Отцарствуют, отплачут, отгорят,—
Осту́жены чужими пятаками,—
Мои глаза, подвижные, как пламя.
И — двойника нащупавший двойник —
Сквозь легкое лицо проступит — лик.

О, наконец тебя я удостоюсь,
Благообразия прекрасный пояс!

А издали — завижу ли и вас? —
Потянется, растерянно крестясь,
Паломничество по дорожке черной
К моей руке, которой не отдерну,
К моей руке, с которой снят запрет,
К моей руке, которой больше нет.

На ваши поцелуи, о живые,
Я ничего не возражу — впервые.
Меня окутал с головы до пят
Благообразия прекрасный плат.
Ничто меня уже не вгонит в краску.
Святая у меня сегодня Пасха.

По улицам оставленной Москвы
Поеду — я, и побредете — вы.
И не один дорогою отстанет,
И первый ком о крышку гроба грянет,—
И наконец-то будет разрешен
Себялюбивый, одинокий сон.
И ничего не надобно отныне
Новопреставленной болярыне Марине.

11 апреля 1916

5

Над городом, отвергнутым Петром,
Перекатился колокольный гром.

Гремучий опрокинулся прибой
Над женщиной, отвергнутой тобой.

Царю Петру и Вам, о царь, хвала!
Но выше вас, цари: колокола.

Пока они гремят из синевы —
Неоспоримо первенство Москвы.

— И целых сорок соро́в церквей
Смеются над гордынею царей!

28 мая 1916

6

Над синевою подмосковных рощ
Накрапывает колокольный дождь.
Бредут слепцы Калужскою доро́гой,—

Калужской — песенной — привычной, и она
Смывает и смывает имена
Смиренных странников, во тьме поющих Бога.

И думаю: когда-нибудь и я,
Устав от вас, враги, от вас, друзья,
И от уступчивости речи русской,—

Надену крест серебряный на грудь,
Перекрещусь — и тихо тронусь в путь
По старой по дороге по Калужской.

Троицын день, 1916

7

Семь холмов — как семь колоколов,
На семи колоколах — колокольни.
Всех счетом: сорок сорокóв,—
Колокольное семихолмие!

В колокольный я, во червонный день
Иоанна родилась Богослова.
Дом — пряник, а вокруг плетень
И церкóвки златоголовые.

И любила же, любила же я первый звон —
Как монашки потекут к обедне,
Вой в печке, и жаркий сон,
И знахарку с двора соседнего.

— Провожай же меня, весь московский сброд,
Юродивый, воровской, хлыстовский!
Поп, крепче позаткни мне рот
Колокольной землей московскою!

8 июля 1916

8

Москва! Какой огромный
Странноприимный дом!
Всяк на Руси — бездомный.
Мы все к тебе придем.

Клеймо позорит плечи,
За голенищем — нож.
Издалекá-далече —
Ты все же позовешь.

На каторжные клейма,
На всякую болесть —
Младенец Пантелеймон
У нас, целитель, есть.

А вон за тою дверцей,
Куда народ валит,—
Там Иверское сердце,
Червонное, горит.

И льется аллилуйя
На смуглые поля.
— Я в грудь тебя целую,
Московская земля!

Александров, 8 июля 1916

Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья,
Я родилась.

Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов.

Мне и доныне
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.

16 августа 1916

* * *

Коли милым назову — не соскучишься.
Превеликою слыву — поцелуйщицей.
Коль по улице плыву — бабы морщатся:
Плясовницею слыву, да притворщицей.

А немилый кто взойдет, да придвинется —
Подивится весь народ — что за схимница,
Филин ухнет — черный кот ощетинится,
Будешь помнить цельный год — чернокнижницу.

Хорошо, коль из ружья метко целятся,
Хорошо, коли братья́ верно делятся,
Коли сокол в мужья метит — дѐвица...
Плясовница только я, да свирельница.

Коль похожа на жену — где повойник мой?
Коль похожа на вдову — где покойник мой?
Коли суженого жду — где бессонница?
Царь-Девицею живу, беззаконницей!

3 апреля 1916

* * *

Веселись, душа, пей и ешь!
А настанет срок —
Положите меня промеж
Четырех дорог.

Там, где во́ поле во пустом
Вороньё да волк,
Становись надо мной крестом,
Раздорожный столб!

Не чуралася я в ночи
Окаянных мест.
Высоко́ надо мной торчи,
Безымянный крест.

Не один из вас, други, мной
Был и сыт и пьян.
С головою меня укрой,
Полевой бурьян.

Не запаливайте свечу
Во церковной мгле.
— Вечной памяти не хочу
На родной земле!

4 апреля 1916

* * *

Люди на ду́шу мою льстятся,
Нежных имен у меня — святцы.

А восприе́мников за душой —
Цельный, поди, монастырь мужской!

Уж и священники эти льстивы!
Каждый-то день у меня крестины!

Этот — орлицей, синицей — тот,—
Всяк по-иному меня зовет.

У тяжелейшей из всех преступниц —
Сколько заступников и заступниц!

Лягут со мною на вечный сон
Нежные святцы моих имен.

Звали — равно́, называли — разно.
Все́ называли, никто не на́звал.

6 апреля 1916

БЕССОННИЦА

1

Обвела мне глаза кольцом
Теневым — бессонница.
Оплела мне глаза бессонница
Теневым венцом.

То-то же! По ночам
Не молись — идолам!
Я твою тайну выдала,
Идолопоклонница.

Мало — тебе — дня,
Солнечного огня!

Пару моих колец
Носи, бледноликая!
Кликала — и накликала
Теневой венец.

Мало — меня — звала?
Мало — со мной — спала?

Ляжешь, легка лицом.
Люди поклонятся.
Буду тебе чтецом
Я, бессонница:

— Спи, успокоена,
Спи, удостоена,
Спи, увенчана,
Женщина.

Чтобы — спалось — легче,
Буду — тебе — певчим:

— Спи, подруженька
Неугомонная,
Спи, жемчужинка,
Спи, бессонная.

И кому ни писали писем,
И кому с тобой ни клялись мы...
Спи себе.

Вот и разлучены
Неразлучные.
Вот и выпущены из рук
Твои рученьки.
Вот ты и отмучилась,
Милая мученица.

Сон — свят.
Все — спят.
Венец — снят.

8 апреля 1916

2

Руки люблю
Целовать, и люблю
Имена раздавать,
И еще — раскрывать
Двери!
— Настежь — в темную ночь!

Голову сжав,
Слушать, как тяжкий шаг
Где-то легчает,
Как ветер качает
Сонный, бессонный
Лес.

Ах, ночь!
Где-то бегут ключи,
Ко сну — клонит.
Сплю почти.
Где-то в ночи
Человек тонет.

27 мая 1916

3

В огромном городе моем — ночь.
Из дома сонного иду — прочь.
И люди думают: жена, дочь,—
А я запомнила одно: ночь.

Июльский ветер мне метет — путь,
И где-то музыка в окне — чуть.
Ах, нынче ветру до зари — дуть
Сквозь стенки тонкие груди́ — в грудь.

Есть черный тополь, и в окне — свет,
И звон на башне, и в руке — цвет,
И шаг вот этот — никому — вслед,
И тень вот эта, а меня — нет.

Огни — как нити золотых бус,
Ночного листика во рту — вкус.
Освободите от дневных уз,
Друзья, поймите, что я вам — снюсь.

Москва, 17 июля 1916

4

После бессонной ночи слабеет тело,
Милым становится и не своим, — ничьим.
В медленных жилах еще занывают стрелы —
И улыбаешься людям, как серафим.

После бессонной ночи слабеют руки,
И глубоко́ равнодушен и враг и друг.
Целая радуга — в каждом случайном звуке,
И на морозе Флоренцией пахнет вдруг.

Нежно светлеют губы, и тень золоче
Возле запавших глаз. Это ночь зажгла
Этот светлейший лик, — и от темной ночи
Только одно темнеет у нас — глаза.

19 июля 1916

5

Нынче я гость небесный
В стране твоей.
Я видела бессонницу леса
И сон полей.

Где-то в ночи́ подковы
Взрывали траву.
Тяжко вздохнула корова
В сонном хлеву.

Расскажу тебе с грустью,
С нежностью всей,
Про сторожа-гу́ся
И спящих гусей.

Руки тонули в песьей шерсти́.
Пес был — сед.
Потом, к шести,
Начался́ рассвет.

20 июля 1916

6

Сегодня ночью я одна в ночи́ —
Бессонная, бездомная черница! —
Сегодня ночью у меня ключи
От всех ворот единственной столицы!

Бессонница меня толкнула в путь.
— О, как же ты прекрасен, тусклый
Кремль мой!
Сегодня ночью я целую в грудь —
Всю круглую воюющую землю!

Вздымаются не волосы — а мех,
И душный ветер прямо в душу дует.
Сегодня ночью я жалею всех,—
Кого жалеют и кого целуют.

1 августа 1916

7

Нежно-нежно, тонко-тонко
Что-то свистнуло в сосне,
Черноглазого ребенка
Я увидела во сне.

Так у сосенки у красной
Каплет жаркая смола.
Так в ночи́ моей прекрасной
Ходит по́ сердцу пила.

8 августа 1916

8

Черная, как зрачок, как зрачок, сосущая
Свет — люблю тебя, зоркая ночь.

Голосу дай мне воспеть тебя, о праматерь
Песен, в чьей длани узда четырех ветров.

Клича тебя, славословя тебя, я только
Раковина, где еще не умолк океан.

Ночь! Я уже нагляделась в зрачки человека!
Испепели меня, черное солнце — ночь!

9 августа 1916

9

Кто спит по ночам? Никто не спит!
Ребенок в люльке своей кричит,
Старик над смертью своей сидит,
Кто молод — с милою говорит,
Ей в губы дышит, в глаза глядит.

Заснешь — проснешься ли здесь опять?
Успеем, успеем, успеем спать!

А зоркий сторож из дома в дом
Проходит с розовым фонарем,
И дробным рокотом над подушкой
Рокочет ярая колотушка:

— Не спи! крепись! говорю добром!
А то — вечный сон! а то — вечный дом!

12 декабря 1916

10

Вот опять окно,
Где опять не спят.
Может — пьют вино,
Может — так сидят.
Или просто — рук
Не разнимут двое.
В каждом доме, друг,
Есть окно такое.

Крик разлук и встреч —
Ты, окно в ночи́!
Может — сотни свеч,
Может — три свечи...
Нет и нет уму
Моему — покоя.
И в моем дому
Завелось такое.
Помолись, дружок, за бессонный дом,
За окно с огнем!

23 декабря 1916

11

Бессонница! Друг мой!
Опять твою руку
С протянутым кубком
Встречаю в беззвучно-
Звенящей ночи́.

— Прельстись!
Пригубь!
Не в высь,
А в глубь —
Веду...
Губами приголубь!
Голубка! Друг!
Пригубь!
Прельстись!
Испей!
От всех страстей —
Устой,
От всех вестей —
Покой.
— Подруга! —
Удостой.
Раздвинь уста!
Всей негой уст
Резного кубка край
Возьми —
Втяни,
Глотни:

— Не будь! —
О друг! Не обессудь!
Прельстись!
Испей!
Из всех страстей —
Страстнейшая, из всех смертей —
Нежнейшая... Из двух горстей
Моих — прельстись! — испей!

Мир бѐз вести пропал. В нигде —
Затопленные берега...
— Пей, ласточка моя! На дне
Растопленные жемчуга...

Ты море пьешь,
Ты зори пьешь.
С каким любовником кутеж
С моим
— Дитя —
Сравним?

А если спросят (научу!),
Что, дескать, щечки не свежи,—
С Бессонницей кучу, скажи,
С Бессонницей кучу...

Май 1921

СТИХИ К БЛОКУ

1

Имя твое — птица в руке,
Имя твое — льдинка на языке.
Одно-единственное движенье губ.
Имя твое — пять букв.
Мячик, пойманный на лету,
Серебряный бубенец во рту.

Камень, кинутый в тихий пруд,
Всхлипнет та̀к, как тебя зовут.

В легком щелканье ночных копыт
Громкое имя твое гремит.
И назовет его нам в висок
Звонко щелкающий курок.
Имя твое — ах, нельзя! —

Имя твое — поцелуй в глаза,
В нежную стужу недвижных век.
Имя твое — поцелуй в снег.
Ключевой, ледяной, голубой глоток.
С именем твоим — сон глубок.

15 апреля 1916

2

Нежный призрак,
Рыцарь без укоризны,
Кем ты призван
В мою молодую жизнь?

Во мгле — сизой
Стоишь, ризой
Снеговой одет.

То не ветер
Гонит меня по городу.
Ох, уж третий
Вечер я чую во̀рога.

Голубоглазый —
Меня — сглазил
Снеговой певец.

Снежный лебедь
Мне по̀д ноги перья стелет.
Перья реют
И медленно никнут в снег.

Так, по перьям,
Иду к двери,
За которой — смерть.

Он поет мне
За синими окнами,
Он поет мне
Бубенцами далекими,

Длинным криком,
Лебединым кликом —
Зовет.

Милый призрак!
Я знаю, что все мне снится.
Сделай милость:
Аминь, аминь, рассыпься!
Аминь.

1 мая 1916

3

Ты проходишь на запад солнца,
Ты увидишь вечерний свет.
Ты проходишь на запад солнца,
И метель заметает след.

Мимо о̀кон моих — бесстрастный —
Ты пройдешь в снеговой тиши,
Божий праведник мой прекрасный,
Свете тихий моей души!

Я на душу твою — не зарюсь!
Нерушима твоя стезя.
В руку, бледную от лобзаний,
Не вобью своего гвоздя.

И по имени не окликну,
И руками не потянусь.
Восковому, святому лику
Только издали поклонюсь.

И, под медленным снегом стоя,
Опущусь на колени в снег,
И во имя твое святое
Поцелую вечерний снег —

Там, где поступью величавой
Ты прошел в гробовой тиши,
Свете тихий — святыя славы —
Вседержитель моей души.

2 мая 1916

4

Зверю — берлога,
Страннику — дорога,
Мертвому — дроги,
Каждому — свое.

Женщине — лукавить,
Царю — править,
Мне — славить
Имя твое.

2 мая 1916

5

У меня в Москве — купола горят,
У меня в Москве — колокола звонят,
И гробницы, в ряд, у меня стоят,—
В них царицы спят и цари.

И не знаешь ты, что зарей в Кремле
Легче дышится — чем на всей земле!
И не знаешь ты, что зарей в Кремле
Я молюсь тебе — до зари.

И проходишь ты над своей Невой
О ту пору, как над рекой-Москвой
Я стою с опущенной головой,
И слипаются фонари.

Всей бессонницей я тебя люблю,
Всей бессонницей я тебе внемлю —
О ту пору, как по всему Кремлю
Просыпаются звонари.

Но моя река — да с твоей рекой,
Но моя рука — да с твоей рукой
Не сойдутся, Радость моя, доколь
Не догонит заря — зари.

7 мая 1916

6

Думали — человек!
И умереть заставили.
Умер теперь. Навек.
— Плачьте о мертвом ангеле!

Он на закате дня
Пел красоту вечернюю.
Три восковых огня
Треплются, суеверные.

Шли от него лучи —
Жаркие струны по̀ снегу.
Три восковых свечи —
Солнцу-то! Светоносному!

О поглядите — ка́к
Веки ввалились темные!
О поглядите — ка́к
Крылья его поломаны!

Черный читает чтец,
Топчутся люди праздные...
— Мертвый лежит певец
И воскресенье празднует.

9 мая 1916

7

Должно быть — за то́й рощей
Деревня, где я жила.
Должно быть — любовь проще
И легче, чем я ждала.

— Эй, идолы, чтоб вы сдохли! —
Привстал и занес кнут,
И о́крику вслед — о́хлест,
И вновь бубенцы поют.

Над валким и жалким хлебом
За жердью встает — жердь.
И проволока под небом
Поет и поет смерть.

13 мая 1916

8

И тучи оводов вокруг равнодушных кляч,
И ветром вздутый калужский родной кумач,
И по́свист перепелов, и большое небо,
И волны колоколов над волнами хлеба,
И толк о немце, доколе не надоест,
И желтый-желтый — за синею рощей — крест,
И сладкий жар, и такое на всем сиянье,
И имя твое, звучащее словно: ангел.

18 мая 1916

9

Как слабый луч сквозь черный морок адов —
Так голос твой под рокот рвущихся снарядов.

И вот в громах, как некий серафим,
Оповещает голосом глухим,—

Откуда-то из древних утр туманных —
Как нас любил, слепых и безымянных,

За синий плащ, за вероломства — грех...
И как нежнее всех — ту, глубже всех

В ночь канувшую — на дела лихие!
И как *не* разлюбил тебя, Россия.

И вдоль виска — потерянным перстом —
Всё водит, водит... И еще о том,

Какие дни нас ждут, как Бог обманет,
Как станешь солнце звать — и как *не* встанет...

Так, узником с собой наедине
(Или ребенок говорит во сне?),

Предстало нам — всей площади широкой! —
Святое сердце Александра Блока.

9 мая 1920

10

Вот он — гляди,— уставший от чужбин,
Вождь без дружин.

Вот — горстью пьет из горней быстрины,—
Князь без страны.

Там всё ему: и княжество, и рать,
И хлеб, и мать.

Краснó твое наследие,— владей,
Друг без друзей!

15 августа 1921

11

Други его — не тревожьте его!
Слуги его — не тревожьте его!
Было так ясно на лике его:
Царство мое не от мира сего.

Вещие вьюги кружили вдоль жил,
Плечи сутулые гнулись от крыл,
В певчую прорезь, в запекшийся пыл —
Лебедем душу свою упустил!

Падай же, падай же, тяжкая медь!
Крылья изведали право: лететь!
Губы, кричавшие слово: ответь!
Знают, что этого нет — умереть!

Зори пьет, море пьет,— в полную сыть
Бражничает.— Панихид не служить!
У навсегда повелевшего: быть!
Хлеба достанет его накормить!

15 августа 1921

12

А над равниной —
Крик лебединый.
Матерь, ужель не узнала сына?
Это с заоблачной — он — версты,
Это последнее — он — прости.

А над равниной —
Вещая вьюга.
Дева, ужель не узнала друга?
Рваные ризы, крыло в крови...
Это последнее он: Живи!

Над окаянной —
Взлет осиянный.
Праведник душу урвал — осанна!
Каторжник койку-обрел-теплынь.
Пасынок к матери в дом.— Аминь.

Между 15 и 25 августа 1921

13

Не проломанное ребро —
Переломленное крыло.

Не расстрельщиками навылет
Грудь простреленная. Не вынуть

Этой пули. Не чинят крыл.
Изуродованный ходил.

Цепок, цепок венец из терний!
Что́ усопшему — трепет черни,

Женской лести лебяжий пух...
Проходил, одинок и глух,

Замораживая закаты
Пустотою безглазых статуй.

Лишь одно еще в нем жило:
Переломленное крыло.

Между 15 и 25 августа 1921

14

Без зова, без слова,—
Как кровельщик падает с крыш.
А может быть, снова
Пришел,— в колыбели лежишь?

Горишь и не меркнешь,
Светильник немногих недель...
Какая из смертных
Качает твою колыбель?

Блаженная тяжесть!
Пророческий певчий камыш!
О, кто мне расскажет,
В какой колыбели лежишь?

«Покамест не продан!»
Лишь с ревностью этой в уме,
Великим обходом
Пойду по российской земле.

Полночные страны
Пройду из конца и в конец.
Где рот-его-рана,
Очей синеватый свинец?

Схватить его! Крепче!
Любить и любить его лишь!
О, кто мне нашепчет,
В какой колыбели лежишь?

Жемчужные зерна,
Кисейная сонная сень.
Не лавром, а тёрном —
Чепца острозубая тень.

Не полог, а птица
Раскрыла два белых крыла!
— И снова родиться,
Чтоб снова метель замела?!

Рвануть его! Выше!
Держать! Не отдать его лишь!
О, кто мне надышит,
В какой колыбели лежишь?

А может быть, ложен
Мой подвиг, и даром — труды.
Как в землю положен,
Быть может,— проспишь до трубы.

Огромную впалость
Висков твоих — вижу опять.
Такую усталость —
Ее и трубой не поднять!

Державная пажить,
Надежная, ржавая тишь,
Мне сторож покажет,
В какой колыбели лежишь.

22 ноября 1921

15

Как сонный, как пьяный,
Врасплох, не готовясь.
Височные ямы:
Бессонная совесть.

Пустые глазницы:
Мертво и светло.
Сновидца, всевидца
Пустое стекло.

Не ты ли
Ее шелестящей хламиды
Не вынес —
Обратным ущельем Аида?

Не эта ль,
Серебряным звоном полна,
Вдоль сонного Гебра
Плыла голова?

25 ноября 1921

16

Так, Господи! И мой обол
Прими на утвержденье храма.
Не свой любовный произвол
Пою — своей отчизны рану.

Не скаредника ржавый ларь —
Гранит, коленами протертый!
Всем отданы герой и царь,
Всем — праведник — певец — и мертвый.

Днепром разламывая лед,
Гробо́вым не смущаясь тесом,
Русь — Пасхою к тебе плывет,
Разливом тысячеголосым.

Так, сердце, плачь и славословь!
Пусть вопль твой — тысяча который? —
Ревнует смертная любовь.
Другая — радуется хору.

2 декабря 1921

* * *

С. Э.

Я пришла к тебе черной полночью,
За последней помощью.
Я бродяга, родства не помнящий,
Корабль тонущий.

В слободах моих — междуцарствие,
Чернецы коварствуют.
Всяк рядится в одежды царские,
Псари — царствуют.

Кто земель моих не оспаривал?
Сторожей не спаивал?
Кто в ночи́ не варил — варева,
Не жег — зарева?

Самозванцами, псами хищными,
Я дотла расхищена.
У ворот твоих, царь истинный,
Стою — нищая.

27 апреля 1916

АХМАТОВОЙ

<Из цикла>

1

О муза плача, прекраснейшая из муз!
О ты, шальное исчадие ночи белой!
Ты черную насылаешь метель на Русь,
И вопли твои вонзаются в нас, как стрелы.

И мы шарахаемся, и глухое: ох! —
Стотысячное — тебе присягает,— Анна
Ахматова! — Это имя — огромный вздох,
И в глубь он падает, которая безымянна.

Мы коронованы тем, что одну с тобой
Мы землю топчем, что небо над нами — то же!
И тот, кто ранен смертельной твоей судьбой,
Уже бессмертным на смертное сходит ложе.

В певучем граде моем купола горят,
И Спаса светлого славит слепец бродячий...
— И я дарю тебе свой колокольный град,
Ахматова — и сердце свое в придачу!

19 июня 1916

2

Охватила голову и стою,
— Что людские козни! —
Охватила голову и пою
На заре на поздней.

Ах, неистовая меня волна
Подняла на гребень!
Я тебя пою, что у нас — одна,
Как луна на небе!

Что на сердце вороном налетев,
В облака вонзилась.
— Горбоносую — чей смертелен гнев
И смертельна милость.

Что и над червонным моим Кремлем
Свою ночь простерла,
Что певучей негою,— как ремнем,
Мне стянула горло.

Ах, я счастлива! Никогда заря
Не сгорала — чище.
Ах, я счастлива, что, тебя даря,
Удаляюсь — нищей,

Что тебя, чей голос — о глубь! о мгла! —
Мне дыханье сузил,
Я впервые именем назвала
Царскосельской Музы.

22 июня 1916

3

Еще один огромный взмах —
И спят ресницы.
О, тело милое! О, прах
Легчайшей птицы!

Что делала в тумане дней?
Ждала и пела...
Так много вздоха было в ней,
Так мало — тела.

Нечеловечески-мила
Ее дремота.
От ангела и от орла
В ней было что-то.

И спит, а хор ее манит
В сады Эдема.
Как будто песнями не сыт
Уснувший демон.

Часы, года, века.— Ни нас,
Ни наших комнат.
И памятник, накоренясь,
Уже не помнит.

Давно бездействует метла,
И никнут льстиво
Над Музой Царского Села
Кресты крапивы.

23 июня 1916

4

Имя ребенка — Лев,
Матери — Анна.
В имени его — гнев,
В материнском — тишь.
Волосом — он — рыж,
— Голова тюльпана! —
Что ж, осанна
Маленькому царю.

Дай ему бог — вздох
И улыбку матери,
Взгляд — искателя
Жемчугов.

Бог, внимательней
За ним присматривай:
Царский сын — гадательней
Остальных сынов.

Рыжий львеныш
С глазами зелеными,
Страшное наследье тебе нести!

Северный Океан и Южный
И нить жемчужных
Черных четок — в твоей горсти!

24 июня 1916

5

Сколько спутников и друзей!
Ты никому не вторишь.
Правят юностью нежной сей —
Гордость и горечь.

Помнишь бешеный день в порту.
Южных ветров угрозы,
Рев Каспия — и во рту
Крылышко розы.

Как цыганка тебе дала
Камень в резной оправе,
Как цыганка тебе врала
Что-то о славе...

И — высо́ко у парусов —
Отрока в синей блузе.
Гром моря — и грозный зов
Раненой Музы.

25 июня 1916

6

Не отстать тебе. Я — острожник.
Ты — конвойный. Судьба одна.
И одна в пустоте порожней
Подорожная нам дана.

Уж и нрав у меня спокойный!
Уж и очи мои ясны!

Отпусти-ка меня, конвойный,
Прогуляться до той сосны!

26 июня 1916

7

Ты, срывающая покров
С катафалков и колыбелей,
Разъярительница ветров,
Насылательница метелей,

Лихорадок, стихов и войн,
— Чернокнижница! — Крепостница! —
Я заслышала грозный вой
Львов, венчающих колесницу.

Слышу страстные голоса —
И один, что молчит упорно.
Вижу красные паруса —
И один — между ними — черный.

Океаном ли правишь путь
Или воздухом,— всею грудью
Жду, как солнцу подставив грудь
Смертоносному правосудью.

26 июня 1916

8

На базаре кричал народ,
Пар вылетал из булочной.
Я запомнила алый рот
Узколицей певицы уличной.

В темном, с цветиками, платке,
— Милости удостоиться —
Ты, потупленная, в толпе
Богомолок у Сергий-Троицы.

Помолись за меня, краса
Грустная и бесовская,
Как поставят тебя леса
Богородицею хлыстовскою.

27 июня 1916

9

Златоустой Анне — всея Руси
Искупительному глаголу,—
Ветер, голос мой донеси
И вот этот мой вздох тяжелый.

Расскажи, сгорающий небосклон,
Про глаза, что черны от боли,
И про тихий земной поклон
Посреди золотого поля.

Ты, зеленоводный лесной ручей,
Расскажи, как сегодня ночью
Я взглянула в тебя — и чей
Лик узрела в тебе воочью.

Ты, в грозовой выси
Обретенный вновь!
Ты! — Безымянный!
Донеси любовь мою
Златоустой Анне — всея Руси!

27 июня 1916

10

У тонкой проволоки над волной овсов
Сегодня голос — как тысяча голосов!

И бубенцы проезжие — свят! свят! свят! —
Не тем же ль голосом, Господи, говорят?

Стою, и слушаю, и растираю колос.
И темным куполом меня замыкает — голос.

Не этих ивовых плавающих ветвей
Касаюсь истово,— а руки твоей!

Для всех, в томленье славящих твой подъезд,—
Земная женщина, мне же — небесный крест!

Тебе одной ночами кладу поклоны,—
И все *твоими* очами глядят иконы!

1 июля 1916

11

Ты солнце в выси мне застишь,
Все звезды в твоей горсти!
Ах, если бы — двери настежь —
Как ветер к тебе войти!

И залепетать, и вспыхнуть,
И круто потупить взгляд,
И, всхлипывая, затихнуть,
Как в детстве, когда простят.

2 июля 1916

12

Руки даны мне — протягивать каждому обе,—
Не удержать ни одной,— губы — давать имена,
Очи — не видеть, высокие брови над ними —
Нежно дивиться любви и — нежней — нелюбви.

А этот колокол там, что кремлевских тяжеле,
Безостановочно ходит и ходит в груди,—
Это — кто знает? — не знаю,— быть может,—
должно быть —
Мне загоститься не дать на российской земле!

2 июля 1916

* * *

Белое солнце и низкие, низкие тучи,
Вдоль огородов — за белой стеною — погост.
И на песке вереницы соломенных чучел
Под перекладинами в человеческий рост.

И, перевесившись через заборные колья,
Вижу: дороги, деревья, солдаты вразброд.
Старая баба — посыпанный крупною солью
Черный ломóть у калитки жует и жует...

Чем прогневили тебя эти серые хаты,—
Господи! — и для чего стóльким простреливать
грудь?
Поезд прошел и завыл, и завыли солдаты,
И запылил, запылил отступающий путь...

— Нет, умереть! Никогда не родиться бы лучше,
Чем этот жалобный, жалостный, каторжный вой
О чернобровых красавицах.— Ох, и поют же
Нынче солдаты! О, Господи боже ты мой!

3 июля 1916

* * *

Вдруг вошла
Черной и стройной тенью
В дверь дилижанса.
Ночь
Ринулась вслед.

Черный плащ
И черный цилиндр с вуалью.
Через руку
В крупную клетку — плед.
Если не хочешь муку
Принять,— спи, сосед!

Шаг лунатика. Лик
Узок и ярок.
Горячи
Глаз черные дыры.
Скользнул на колени
Платок нашейный,
И вонзились
Острия локтей в острия колен.

В фонаре
Чахлый чадит огарок.
Дилижанс — корабль,
Дилижанс — корабль.
Лес
Ломится в окна.
Скоро рассвет.

Если не хочешь муку
Принять,— спи, сосед!

23 июля 1916

* * *

Искательница приключений,—
Искатель подвигов — опять
Нам волей роковых стечений
Друг друга суждено узнать.

Но между нами — океан,
И весь твой лондонский туман,
И розы свадебного пира,
И доблестный британский лев,
И пятой заповеди гнев,—
И эта ветреная лира!

Мне и тогда на земле
Не было места!
Мне и тогда на земле
Всюду был дом.

— А вас ждала прелестная невеста
В поместье родовом.

По ночам, в дилижансе,—
И за бокалом Асти,—
Я слагала вам стансы
О прекрасной страсти.

Гнал веттурино,
Пиньи клонились: Salve![1]
Звали меня — Коринной,
Вас — Освальдом.

24 июля 1916

* * *

Не моя печаль, не моя забота —
Как взойдет посев.
То не я хочу, то огромный кто-то:
И ангел, и лев.

Стерегу в глазах молодых — истому,
Черноту и жар.
Так от сердца к сердцу, от дома к дому
Вздымаю пожар.

---

[1] Привет! *(ит.)*

Разметались кудри, разорван ворот —
Пустота! Полет!
Облака плывут, и горящий город
Подо мной плывет.

2 августа 1916

* * *

И взглянул, как в первые разá
Не глядят.
Черные глаза глотнули взгляд.

Вскинула ресницы и стою.
— Что,— светлá? —
Не скажу, что выпита дотла.

Всё до капли поглотил зрачок.
И стою.
И течет твоя душа в мою.

7 августа 1916

* * *

Я тебя отвою у всех земель, у всех небес,
Оттого что лес — моя колыбель, и могила — лес,
Оттого что я на земле стою — лишь одной ногой,
Оттого что я о тебе спою — как никто другой.

Я тебя отвою у всех времен, у всех ночей,
У всех золотых знамен, у всех мечей,
Я ключи закину и псов прогоню с крыльца —
Оттого что в земной ночи́ я вернее пса.

Я тебя отвою у всех других — у той, одной,
Ты не будешь ничей жених, я — ничьей женой,
И в последнем споре возьму тебя — замолчи! —
У того, с которым Иаков стоял в ночи.

Но покá тебе не скрещу на груди персты —
О проклятие! — у тебя остаешься — ты:
Два крыла твои, нацеленные в эфир,—
Оттого что мир — твоя колыбель, и могила — мир!

15 августа 1916

* * *

Бог согнулся от заботы
И затих.
Вот и улыбнулся, вот и
Много ангелов святых

С лучезарными телами
Сотворил.
Есть с огромными крылами,
А бывают и без крыл.

Оттого и плачу много,
Оттого —
Что взлюбила больше Бога
Милых ангелов его.

15 августа 1916

* * *

И поплыл себе — Моисей в корзине! —
Через белый свет.
Кто же думает о каком-то сыне
В восемнадцать лет!

С юной матерью из чужого края
Ты покончил счет,
Не узнав, какая тебе, какая
Красота растет.

Раззолоченной роковой актрисе —
Не до тех речей!
А той самой ночи — уже пять тысяч
И пятьсот ночей.

И не знаешь ты, и никто не знает,
— Бог один за всех! —
По каким сейчас площадям гуляет
Твой прекрасный грех!

26 августа 1916

* * *

На завитки ресниц,
Невинных и наглых,
На золотой загар
И на крупный рот, —

На весь этот страстный,
Мальчишеский, краткий век
Загляделся один человек
Ночью, в трамвае.

Ночь — черна,
И глаза ребенка — черны,
Но глаза человека — черней.

— Ах! схватить его, крикнуть:
— Идем! Ты мой!
Кровь — моя течет в твоих темных жилах.
Целоваться ты будешь и петь
Как никто на свете!
Насмерть
Женщины залюбят тебя!

И шептать над ним, унося его на руках по
большому лесу
По большому свету,
Все шептать над ним это странное слово: — Сын!

29 августа 1916

* * *

Кабы нас с тобой — да судьба свела —
Ох, веселые пошли бы по земле дела!
Не один бы нам поклонился град,
Ох, мой ро́дный, мой природный, мой безродный
брат!

Как последний сгас на мосту фонарь —
Я кабацкая царица, ты кабацкий царь.
Присягай, народ, моему царю!
Присягай его царице,— всех собой дарю!

Кабы нас с тобой — да судьба свела,
Поработали бы царские на нас колокола,
Поднялся бы звон по Москве-реке
О прекрасной самозванке и ее дружке.

Нагулявшись, наплясавшись на земном пиру,
Покачались бы мы, братец, на ночном ветру...
И пылила бы дороженька — бела, бела,—
Кабы нас с тобой — да судьба свела!

25 октября 1916

* * *

По дорогам, от мороза звонким,
С царственным, серебряным ребенком
Прохожу. Всё — снег, всё — смерть, всё — сон.

Небо в розовом морозном дыме.
Было у меня когда-то имя,
Было — тело, но не всё ли — дым?

Голос был, горячий и глубокий...
Говорят, что тот голубоокий
Горностаевый ребенок — мой...

И никто не видит по дороге,
Что давным-давно уж я во гробе
Досмотрела свой огромный сон.

15 ноября 1916

* * *

Через снега, снега —
Слышишь голос, звучавший еще в Эдеме?
Это твоя слуга
С тобой говорит, Господин мой — Время.

Черных твоих коней
Слышу топот...
Нет у тебя верней
Слуги — и понятливей ученицы.

Рву за цветком цветок,
И целует, целует мой рот поющий.
— О бытие! Глоток
Горячего грога на сон грядущий!

15 ноября 1916

* * *

Рок приходит не с грохотом и громом,
А так: падает снег,
Лампы горят. К дому
Подошел человек.

Длинной искрой звонок вспыхнул.
Взошел, вскинул глаза.
В доме совсем тихо,
И горят образа.

16 ноября 1916

* * *

Я ли красному как жар киоту
Не молилась до седьмого поту?
Гость субботний, унеси мою заботу,
Уведи меня с собой в свою субботу.

Я ли в день святого Воскресенья
Поутру не украшала сени?
Нету для души моей спасенья,
Нету за субботой воскресенья!

Я ль свечей не извожу по сотням?
Третью полночь воет в подворотне
Пес захожий. Коли душу отнял —
Отними и тело, гость субботний!

21 ноября 1916

* * *

...Я бы хотела жить с Вами
В маленьком городе,
Где вечные сумерки
И вечные колокола.
И в маленькой деревенской гостинице —
Тонкий звон
Старинных часов — как капельки времени.
И иногда, по вечерам, из какой-нибудь мансарды —
Флейта,
И сам флейтист в окне.
И большие тюльпаны на окнах.
И, может быть, вы бы даже меня не любили...

———

Посреди комнаты — огромная изразцовая печка,
На каждом изразце — картинка:
Роза — сердце — корабль. —

А в единственном окне —
Снег, снег, снег.

Вы бы лежали — каким я вас люблю: ленивый,
Равнодушный, беспечный.
Изредка резкий треск
Спички.
Папироса горит и гаснет,
И долго-долго дрожит на ее краю
Серым коротким столбиком — пепел.
Вам даже лень его стряхивать —
И вся папироса летит в огонь.

10 декабря 1916

* * *

По ночам все комнаты черны,
Каждый голос темен. По ночам
Все красавицы земной страны
Одинаково — невинно — неверны.

И ведут друг с другом разговоры
По ночам красавицы и воры.

Мимо дома своего пойдешь —
И не тот уж дом твой по ночам!
И сосед твой — странно-непохож,
И за каждою спиною — нож,

И шатаются в бессильном гневе
Черные огромные деревья.

Ох, узка подземная кровать
По ночам, по черным, по ночам!
Ох, боюсь, что буду я вставать,
И шептать, и в губы целовать...

— Помолитесь, дорогие дети,
За меня в час первый и в час третий.

17 декабря 1916

* * *

Мировое началось во мгле кочевье:
Это бродят по ночной земле — деревья,
Это бродят золотым вином — грозди,
Это странствуют из дома в дом — звезды,
Это реки начинают путь — вспять!
И мне хочется к тебе на грудь — спать.

14 января 1917

* * *

Только закрою горячие веки —
Райские розы, райские реки...

Где-то далече,
Как в забытьи,
Нежные речи
Райской змеи.

И узнаю,
Грустная Ева,
Царское древо
В круглом раю.

20 января 1917

* * *

Милые спутники, делившие с нами ночлег!
Версты, и версты, и версты, и черствый хлеб...
Вспять убегающих рек —
Рокот...

Ах, на цыганской, на райской, на ранней заре —
Помните утренний ветер и степь в серебре?
Синий дымок на горе
И о цыганском царе —
Песню...

В черную полночь, под пологом древних ветвей,
Мы вам дарили прекрасных — как ночь — сыновей.

Нищих — как ночь — сыновей...
И рокотал соловей —
Славу.

Не удержали вас, спутники чудной поры,
Нищие неги и нищие наши пиры.
Жарко пылали костры,
Падали к нам на ковры —
Звезды...

29 января 1917

* * *

Август — астры,
Август — звезды,
Август — грозди
Винограда и рябины
Ржавой — август!

Полновесным, благосклонным
Яблоком своим имперским,
Как дитя, играешь, август.
Как ладонью, гладишь сердце
Именем своим имперским:
Август! — Сердце!

Месяц поздних поцелуев,
Поздних роз и молний поздних!
Ливней звездных —
Август! — Месяц
Ливней звездных!

7 февраля 1917

* * *

Чуть светает —
Спешит, сбегается
Мышиной стаей
На звон колокольный
Москва подпольная.

Покидают норы
Старухи, воры,
Ведут разговоры.

Свечи горят.
Сходит Дух
На малых ребят,
На полоумных старух.

В полумраке,
Нехотя, кое-как
Бормочет дьяк.

Из черной тряпицы
Выползают на свет Божий —
Гроши нищие,
Гроши острожные,
Потом-кровью добытые,
Гроши вдовьи,
Про черный день
Да на помин души
Отложенные.

Так, на рассвете,
Ставят свечи,
Вынимают просфоры —
Старухи, воры:
За живот, за здравие
Раба Божьего — Николая.

Так, на рассвете,
Темный свой пир
Справляет подполье.

10 апреля 1917

* * *

А всё же спорить и петь устанет —
И этот рот!
А всё же время меня обманет
И сон — придет.

И лягу тихо, смежу ресницы,
Смежу ресницы.
И лягу тихо, и будут сниться
Деревья и птицы.

12 апреля 1917

СТЕНЬКА РАЗИН

1

Ветры спать ушли — с золотой зарей,
Ночь подходит — каменною горой,
И с своей княжною из жарких стран
Отдыхает бешеный атаман.

Молодые плечи в охапку сгреб,
Да заслушался, запрокинув лоб,—
Как гремит над жарким его шатром
Соловьиный гром.

22 апреля 1917

2

А над Волгой — ночь,
А над Волгой — сон.
Расстелили ковры узорные,
И возлег на них атаман с княжной
Персиянкою — брови черные.

И не видно звезд, и не слышно волн,—
Только весла да темь кромешная!
И уносит в ночь атаманов челн
Персиянскую душу грешную.

И услышала
Ночь — такую речь:
— Аль не хочешь, что ль,
Потеснее лечь?
Ты меж наших баб —
Что жемчужинка!
Аль уж страшен так?
Я твой вечный раб,
Персияночка!
Полоняночка!

А она — брови насупила,
Брови длинные.
А она — очи потупила
Персиянские.
И из уст ее —
Только вздох один:
— Джаль-Эддин!

А над Волгой — заря румяная,
А над Волгой — рай.
И грохочет ватага пьяная:
— Атаман, вставай!

Належался с басурманскою собакою!
Вишь, глаза-то у красавицы наплаканы!

А она — что смерть.
Рот закушен в кровь.—
Так и ходит атаманова крутая бровь.

— Не поладила ты с нашею постелью —
Так поладь, собака, с нашею купелью!

В небе-то — ясно,
Тёмно — на дне.
Красный один
Башмачок на корме.

И стоит Степан — ровно грозный дуб,
Побелел Степан — аж до самых губ.
Закачался, зашатался.— Ох, томно!
Поддержите, нехристи,— в очах тёмно!
Вот и вся тебе персияночка,
Полоняночка.

26 апреля 1917

(СОН РАЗИНА)

И снится Разину — сон:
Словно плачется болотная цапля.
И снится Разину — звон:
Ровно капельки серебряные каплют.

И снится Разину — дно —
Цветами, что плат ковровый.
И снится лицо одно —
Забытое, чернобровое.

Сидит, ровно божья мать,
Да жемчуг на нитку нижет.
И хочет он ей сказать,
Да только губами движет...

Сдавило дыханье — аж
Стеклянный, в груди, осколок.
И ходит, как сонный страж,
Стеклянный — меж ними — полог.

Рулевой зарею правил
Вниз по Волге-реке.
Ты зачем меня оставил
Об одном башмачке?

Кто красавицу — захочет
В башмачке одном?
Я приду к тебе, дружочек,
За другим башмачком!

И звенят-звенят, звенят-звенят запястья:
— Затонуло ты, Степаново счастье!

8 мая 1917

ГАДАНЬЕ

1

В очи взглянула
Тускло и грозно.
Где-то ответил — гром.
— Ох, молодая!
Дай, погадаю
О земном талане твоем.

Синие тучи свились в воронку.
Где-то гремит — гремят!
Ворожея́ в моего ребенка
Сонный вперила взгляд.

«Что же нам скажешь?»
— Всё без обману.
«Мне уже поздно,
Ей еще рано».

— Ох, придержи язык, красота!
Что́ до поры говорить «не верю».—
И распахнула карточный веер
Черная — вся в серебре — рука.

———

— Речью дерзка,
Нравом проста,
Щедро живешь,
Красоты не копишь.

В ложке воды тебя — ох — потопит
Злой человек.

Скоро в ночи́ тебе путь нежданный.
Линии — мало,
Мало — талану.
Позолоти! —

И вырастает с ударом грома
Черный — на черном — туз.

19 мая 1917

2

Как перед царями да князьями стены
падают —
Отпади, тоска-печаль-кручина,
С молодой рабы моей Марины
Верноподданной.

Прошуми весеннею водою
Над моей рабою
Молодою.
(Кинь-ка в воду обручальное кольцо
Покатай по белой грудке — яйцо!)

От бессонницы, от речи сладкой,
От змеи, от лихорадки,
От подружкина совета,
От лихого человека,
От младых друзей —
От чужих князей —
Заклинаю государыню-княгиню
Молодую мою, верную рабыню.

(Наклони лицо,
Расколи яйцо!)

Да растут ее чертоги
Выше снежных круч,
Да бегут ее дороги
Выше синих туч,

Да поклонятся ей в ноги
Все князья земли,—
Да звенят в ее кошелке
Золотые рубли!

Ржа — с ножа.
С тебя, госпожа,
Тоска!

21 мая 1917

3

Голос — сладкий для слуха!
Только взглянешь — светло.
Мне — что? Я старуха,
Мое время прошло.

Только солнышко скроется
Да падет темнота,
Выходи ты под Троицу
Без Христа-без креста.

Пусть несут тебя ноженьки
Не к дружку твоему —
Непроезжей дороженькой —
В непроглядную тьму.

Да сними — не забудь же —
Образочек с груди.
А придешь на распутье —
К земле припади.

Позовет тебя — глухо,
Ты откликнись — светло.
— Мне — что́? Я старуха,
Мое время прошло.

21 мая 1917

* * *

— Что же! Коли кинут жребий —
Будь, любовь!
В грозовом — безумном! — небе —
Лед и кровь.

Жду тебя сегодня ночью
После двух,
В час, когда во мне рокочут
Кровь и дух.

13 мая 1917

* * *

В лоб целовать — заботу стереть.
В лоб целую.

В глаза целовать — бессонницу снять.
В глаза целую.

В губы целовать — водой напоить.
В губы целую.

В лоб целовать — память стереть.
В лоб целую.

5 июня 1917

* * *

Горечь! Горечь! Вечный привкус
На губах твоих, о страсть!
Горечь! Горечь! Вечный искус —
Окончательнее пасть.

Я от горечи — целую
Всех, кто молод и хорош.
Ты от горечи — другую
Ночью зá руку ведешь.

С хлебом ем, с водой глотаю
Горечь-горе, горечь-грусть.
Есть одна трава такая
На лугах твоих, о Русь.

10 июня 1917

* * *

— Только живите! — Я уронила руки,
Я уронила нá руки жаркий лоб.
Так молодая Буря слушает Бога —
Где-нибудь в поле, в какой-нибудь темный час.

И на высокий вал моего дыханья
Властная вдруг — словно с неба — ложится длань
И на уста мои — чьи-то уста ложатся.
— Так молодую Бурю слушает Бог.

20 июня 1917

ЦЫГАНСКАЯ СВАДЬБА

Из-под копыт —
Грязь летит!
Перед лицом —
Шаль, как щит.
Без молодых
Гуляйте, сваты!
Эй, выноси,
Конь косматый!

Нé дали воли нам
Отец и мать, —
Целое поле нам —
Брачная кровать!

Пьян без вина и без хлеба сыт —
Это цыганская свадьба мчит!

Пóлон стакан.
Пуст стакан.
Гомон гитарный, луна и грязь.
Вправо и влево качнулся стан:
Князем — цыган!
Цыганом — князь!
Эй, господин, берегись,— жжет!
Это цыганская свадьба пьет.

Там, на вóрохе
Шалей и шуб,—
Звон и шорох
Стали и губ.
Звякнули шпоры,
В ответ — мониста.
Скрипнул под чьей-то рукою
Шелк.
Кто-то завыл, как волк,
Кто-то — как бык — храпит.
Это цыганская свадьба спит.

25 июня 1917

* * *

Да будет день! — и тусклый день туманный
Как саван пал над мертвою водой.
Взглянув на мир с полуулыбкой странной:
— Да будет ночь! — тогда сказал другой.

И, отвернув задумчивые очи,
Он продолжал заоблачный свой путь.
Тебя пою, родоначальник ночи,
Моим ночам и мне сказавший: будь.

<3 или 4 июля 1917>

* * *

И призвал тогда Князь света — Князя тьмы,
И держал он Князю тьмы — такую речь:
— Оба княжим мы с тобою. День и ночь
Поделили поровну с тобой.

Так чего ж за нею белым днем
Ходишь-бродишь, речь заводишь под окном?

Отвечает Князю света — Темный князь:
— То не я хожу-брожу, Пресветлый,— нет!
То сама она в твой светлый Божий день
По пятам моим гоняет, словно тень.

То сама она мне вздоху не дает,—
Днем и ночью обо мне поет.

И сказал тогда Князь света — Князю тьмы:
— Ох, великий ты обманщик, Темный князь!
Ходит-бродит, речь заводит, песнь поет?
Ну, посмотрим, Князь темнейший, чья возьмет?

И пошел тогда промеж князьями — спор.
О сю пору он не кончен, княжий спор.

4 июля 1917

BOHÊME

Помнишь плащ голубой,
Фонари и лужи?
Как играли с тобой
Мы в жену и мужа.

Мой первый браслет,
Мой белый корсет,
Твой малиновый жилет,—
Наш клетчатый плэд?!

Ты, по воле судьбы,
Все писал сонеты.
Я варила бобы
Юному поэту.

Как над картою вин
Мы на пальцы дули,
Как в дымящий камин
Полетели стулья.

Помнишь — шкаф под орех?
Холод был отчаянный!
Мой страх, твой смех,
Гнев домохозяина.

Как стучал нам сосед,
Флейтою разбужен...
Поцелуи — в обед,
И стихи — на ужин...

Мой первый браслет,
Мой белый корсет,
Твой малиновый жилет —
Наш клетчатый плэд...

7 июля 1917

* * *

Бóроды — цвета кофейной гущи,
В воздухе — гул голубиных стай.
Черное око, полное грусти,
Пусто, как полдень, кругло, как рай.

Всё провожает: пеструю юбку,
Воз с кукурузой, парус в порту...
Трубка и роза, роза и трубка —
Попеременно — в маленьком рту.

Звякнет — о звонкий кувшин — запястье,
Вздрогнет — на звон кувшинá — халат...
Стройные снасти — строки о страсти —
И надо всеми и всем — Аллах.

Что ж, что неласков! что ж, что рассеян!
Много их с розой сидит в руке —
Там, на пороге дымных кофеен,—
В синих шальварах, в красном платке.

4 августа 1917

* * *

Молодую рощу шумную —
Дровосек перерубил.
То, что господом задумано —
Человек перерешил.

И уж роща не колышется —
Только пни, покрыты ржой.
В голосах родных мне слышится
Темный голос твой чужой.

Всё мерещатся мне дивные
Темных глаз твоих круги.
— Мы с тобою — неразрывные,
Неразрывные враги.

20 августа 1917

* * *

Только в очи мы взглянули — без остатка,
Только голос наш до вопля вознесен,—
Как на горло нам — железная перчатка
Опускается — по имени — закон.

Слезы в очи загоняет, воды —
В берега, проклятие — в уста.
И стремит железная свобода
Вольнодумца с первого моста.

И на грудь, где наши рокоты и стоны,
Опускается железное крыло.
Только в обруче огромного закона
Мне просторно — мне спокойно — мне светло.

25 августа 1917

* * *

Мое последнее величье
На дерзком голоде заплат!
В сухие руки ростовщичьи
Снесен последний мой заклад.

Промотанному — в ночь — наследству
У Господа — особый счет.

Мой — не сошелся. Не по средствам
Мне эта роскошь: ночь — и рот.

Простимся ж коротко и просто
— Раз руки не умеют красть! —
С тобой, нелепейшая роскошь,
Роскошная нелепость — страсть!

1 сентября 1917

* * *

Поздний свет тебя тревожит?
Не заботься, господин!
Я — бессонна. Спать не может
Кто хорош и кто один.

Нам бессонница — не бремя,
Отродясь кипим в котле.
Так-то лучше. Будет время
Телу выспаться в земле.

Ни зевоты, ни ломоты,
Сын — уснул, а друг — придет.
Друг за матерью посмотрит,
Сына Бог побережет.

Поделю ж, пока пригожа,
И пока одной невмочь,—
Бабью жизнь свою по-Божьи:
Сыну — день, а другу — ночь.

4 сентября 1917

* * *

Я помню первый день, младенческое зверство,
Истомы и глотка божественную муть,
Всю беззаботность рук, всю бессердечность сердца,
Что камнем падало — и ястребом — на грудь.

И вот — теперь — дрожа от жалости и жара,
Одно: завыть, как волк, одно: к ногам припасть,
Потупиться — понять — что сладострастью кара —
Жестокая любовь и каторжная страсть.

4 сентября 1917

* * *

И вот, навьючив на верблюжий горб,
На добрый — стопудовую заботу,
Отправимся — верблюд смирён и горд —
Справлять неисправимую работу.

Под темной тяжестью верблюжьих тел —
Мечтать о Ниле, радоваться луже,
Как господин и как господь велел —
Нести свой крест по-Божьи, по-верблюжьи.

И будут в зареве пустынных зорь
Горбы — болеть, купцы — гадать: откуда,
Какая это вдруг напала хворь
На доброго, покорного верблюда?

Но, ни единым взглядом не моля,—
Вперед, вперед, с сожженными губами,
Пока Обетованная земля
Большим горбом не встанет над горбами.

14 сентября 1917

* * *

Аймéк-гуарýзим — долина роз.
Еврейка — испанский гранд.
И ты, семилетний, очами врос
В истрепанный фолиант.

От розовых, розовых, райских чащ
Какой-то пожар в глазах.
Луна Сарагоссы — и черный плащ,
Шаль — дó полу — и монах.

Еврейская девушка — меж невест —
Что роза среди ракит!
И старый серебряный дедов крест
Сменен на Давидов щит.

От черного взора и красных кос
В глазах твоих — темный круг.
И целое дерево райских роз
Цветет меж библейских букв.

Аймек-гуарузим,— так в первый раз
Предстала тебе — любовь.

Так первая книга твоя звалась,
Так тигр почуял кровь.

И, стройное тело собрав в прыжок,
Читаешь — черно в глазах! —
Как в черную полночь потом их сжег
На красном костре — монах.

18 сентября 1917

* * *

Кавалер де Гриэ! Напрасно
Вы мечтаете о прекрасной,
Самовластной, в себе не властной,
Сладострастной своей Manon.

Вереницею вольной, томной
Мы выходим из ваших комнат.
Дольше вечера нас не помнят.
Покоритесь.— Таков закон.

Мы приходим из ночи вьюжной,
Нам от вас ничего не нужно,
Кроме ужина — и жемчужин,
Да, быть может, еще — души.

Долг и честь, Кавалер,— условность.
Дай вам Бог — целый полк любовниц!
Изъявляя при сем готовность...
Страстно любящая вас
— М.

31 декабря 1917

* * *

Спят, не разнимая рук,
С братом — брат,
С другом — друг.
Вместе, на одной постели.

Вместе пили, вместе ели.

Я укутала их в плэд,
Полюбила их навеки.
Я сквозь сомкнутые веки
Странные читаю вести:

Радуга: двойная слава,
Зарево: двойная смерть,

Этих рук не разведу.
Лучше буду,
Лучше буду —
Полымем пылать в аду!

11 января 1918

* * *

Уедешь в дальние края,
Остынешь сердцем.— Не остыну.
Распутица — заря — румыны —
Младая спутница твоя...

Кто бросил розы на снегу?
Ах, это шкурка мандарина...
И крутится в твоем мозгу:
Мазурка — море — смерть — Марина...

Февраль 1918

ПЛАЩ

Плащ — для всех, кто строен и высок,
Плащ — для всех, кто смотрит на Восток...

1

Пять или шесть утра. Сизый туман. Рассвет.
Пили всю ночь, всю ночь. Вплоть до седьмого часа.
А на мосту, как черт, черный взметнулся плащ.
— Женщина или черт? — Доминиканца ряса?

Оперный плащ певца? — Вдовий смиренный плат?
Резвой интриги щит? — Или заклад последний?
— Хочется целовать.— Воет завод.— Бредет
Дряхлая знать — в кровать, глупая голь — к обедне.

8 марта 1918

2

Ночные ласточки Интриги —
Плащи! — Крылатые герои
Великосветских авантюр.

Плащ, щеголяющий дырою,
Плащ игрока и прощелыги,
Плащ-Проходимец, плащ-Амур.

Плащ, шаловливый, как руно,
Плащ, преклоняющий колено,
Плащ, уверяющий: — темно!
Гудки дозора.— Рокот Сены.—
Плащ Казановы, плащ Лозэна,
Антуанетты домино!

Но вот — как черт из черных чащ —
Плащ — чернокнижник, вихрь — плащ,
Плащ — во́роном над стаей пестрой
Великосветских мотыльков,
Плащ цвета времени и снов —
Плащ Кавалера Калиостро!

10 марта 1918

3

Век коронованной Интриги,
Век проходимцев, век плаща!
— Век, коронованный Голгофой! —
Писали маленькие книги
Для куртизанок — филозо̀фы.
Великосветского хлыща
Взмывало — умереть за благо.
Сверкал витийственною шпагой
За океаном — Лафайет.
А герцогини, лучший цвет
Вздыхателей обезоружив,

Согласно сердцу — и Руссо —
Купались в море детских кружев.

Катали девочки серсо,
С мундирами шептались Сестры...
Благоухали Тюилери...
А Королева-Колибри,
Нахмурив бровки,— до зари
Беседовала с Калиостро.

12 марта 1918

* * *

Страстный стон, смертный стон,
А над стонами — сон.
Всем престолам — престол,
Всем законам — закон.

Где пустырь — поле ржи,
Реки с синей водой...
Только веки смежи,
Человек молодой!

В жилах — мед. Кто идет?
Это — он, это — сон.
Он уймет, он отрет
Страстный пот, смертный пот.

11 апреля 1918

* * *

С вербочкою светлошерстой —
Светлошерстая сама —
Меряю Господни версты
И господские дома.

Вербочка! Небесный житель!
— Вместе в небо! — Погоди! —
Так и в землю положите
С вербочкою на груди.

Вербное воскресение 1918 г.

ПСИХЕЯ

1

Не самозванка — я пришла домой,
И не служанка — мне не надо хлеба.
Я — страсть твоя, воскресный отдых твой,
Твой день седьмой, твое седьмое небо.

Там на земле мне подавали грош
И жерновов навешали на шею.
— Возлюбленный! — Ужель не узнаешь?
Я ласточка твоя — Психея!

2

Нá тебе, ласковый мой, лохмотья,
Бывшие некогда нежной плотью.
Всё истрепала, изорвала,—
Только осталось что два крыла.

Одень меня в свое великолепье,
Помилуй и спаси.
А бедные истлевшие отрепья —
Ты в ризницу снеси.

13 мая 1918

* * *

В черном небе — слова начертаны —
И ослепли глаза прекрасные...
И не страшно нам ложе смертное,
И не сладко нам ложе страстное.

В поте — пишущий, в поте — пашущий!
Нам знакомо иное рвение:
Легкий огнь, над кудрями пляшущий,—
Дуновение — вдохновения!

14 мая 1918

* * *

Благословляю ежедневный труд,
Благословляю еженощный сон.
Господню милость — и Господен суд,
Благой закон — и каменный закон.

И пыльный пурпур свой, где столько дыр...
И пыльный посох свой, где все лучи!
Еще, Господь, благословляю — мир
В чужом дому — и хлеб в чужой печи.

21 мая 1918

* * *

Умирая, не скажу: *была.*
И не жаль, и не ищу виновных.
Есть на свете поважней дела
Страстных бурь и подвигов любовных.

Ты — крылом стучавший в эту грудь,
Молодой виновник вдохновенья —
Я тебе повелеваю: — будь!
Я — не выйду из повиновенья.

30 июня 1918

* * *

Ночи без любимого — и ночи
С нелюбимым, и большие звезды
Над горячей головой, и руки,
Простирающиеся к Тому —
Кто от века не был — и не будет,
Кто не может быть — и должен быть...
И слеза ребенка по герою,
И слеза героя по ребенку,
И большие каменные горы
На груди того, кто должен — вниз...

Знаю все, что было, все, что будет,
Знаю всю глухонемую тайну,
Что на темном, на косноязычном
Языке людском зовется — Жизнь.

<Между 30 июня и 6 июля 1918>

* * *

Руки, которые не нужны
Милому, служат — Миру.
Доблестным званьем Мирской Жены
Нас увенчала — Лира.

Много незваных на царский пир,—
Надо им спеть на ужин!
Милый не вечен, но вечен — Мир.
Не понапрасну служим.

6 июля 1918

* * *

Я сказала, а другой услышал
И шепнул другому, третий — понял,
А четвертый, взяв дубовый посох,
В ночь ушел — на подвиг. Мир об этом
Песнь сложил, и с этой самой песней
На устах — о жизнь! — встречаю смерть.

6 июля 1918

* * *

Я — страница твоему перу.
Всё приму. Я белая страница.
Я — хранитель твоему добру:
Возращу и возвращу сторицей.

Я — деревня, черная земля.
Ты мне — луч и дождевая влага.
Ты — Господь и Господин, а я —
Чернозем — и белая бумага!

10 июля 1918

* * *

Как правая и левая рука —
Твоя душа моей душе близка.

Мы смежены, блаженно и тепло,
Как правое и левое крыло.

Но вихрь встает — и бездна пролегла
От правого — до левого крыла!

10 июля 1918

* * *

Память о Вас — легким дымком,
Синим дымком за моим окном.
Память о Вас — тихим домком.
Тихий домок — Ваш — под замком.

Что́ за дымок? Что́ за домок?
Вот уже пол — мчит из-под ног!
Двери — с петлей! Ввысь — потолок!
В синий дымок — тихий домок!

10 июля 1918

* * *

Рыцарь ангелоподобный —
Долг! — Небесный часовой!
Белый памятник надгробный
На моей груди живой.

За моей спиной крылатой
Вырастающий ключарь,
Еженощный соглядатай,
Ежеутренний звонарь...

Страсть, и юность, и гордыня —
Всё сдалось без мятежа,
Оттого что ты рабыне
Первый молвил: — Госпожа!

14 июля 1918

* * *

Доблесть и девственность! Сей союз
Древен и дивен, как смерть и слава.
Красною кровью своей клянусь
И головою своей кудрявой —

Ноши не будет у этих плеч,
Кроме божественной ноши — Мира!
Нежную руку кладу на меч:
На лебединую шею Лиры.

27 июля 1918

* * *

Свинцовый полдень деревенский.
Гром отступающих полков.
Надменно-нежный и неженский
Блаженный голос с облаков:

— «Вперед на огненные муки!»
В ручьях овечьего руна
Я к небу воздеваю руки —
Как — древле — девушка одна...

Июль 1918

* * *

Мой день беспутен и нелеп:
У нищего прошу на хлеб,
Богатому даю на бедность,

В иголку продеваю — луч,
Грабителю вручаю — ключ,
Белилами румяню бледность.

Мне нищий хлеба не дает,
Богатый денег не берет,
Луч не вдевается в иголку,

Грабитель входит без ключа,
А дура плачет в три ручья —
Над днем без славы и без толку.

29 июля 1918

* * *

Пожирающий огонь — мой конь.
Он копытами не бьет, не ржет.
Где мой конь дохну́л — родник не бьет,
Где мой конь махнул — трава не растет.

Ох, огонь-мой конь — несытый едок!
Ох, огонь — на нем — несытый ездок!
С красной гривою свились волоса...
Огневая полоса — в небеса!

14 августа 1918

* * *

Каждый стих — дитя любви,
Нищий незаконноро́жденный,
Первенец — у колеи
На поклон ветрам — положенный.

Сердцу — ад и алтарь,
Сердцу — рай и позор.
Кто — отец? Может — царь,
Может — царь, может — вор.

14 августа 1918

* * *

Стихи растут, как звезды и как розы,
Как красота — ненужная в семье.
А на венцы и на апофеозы —
Один ответ: — Откуда мне сие́?

Мы спим — и вот, сквозь каменные плиты,
Небесный гость в четыре лепестка.
О мир, пойми! Певцом — во сне — открыты
Закон звезды и формула цветка.

14 августа 1918

* * *

Если душа родилась крылатой —
Что́ ей хоромы и что́ ей хаты!
Что́ Чингисхан ей — и что́ — Орда!
Два на миру у меня врага,
Два близнеца — неразрывно-слитых:
Голод голодных — и сытость сытых!

18 августа 1918

АЛЕ

1

Не знаю — где ты́ и где я́.
Те ж песни и те же заботы.
Такие с тобою друзья!
Такие с тобою сироты!

И так хорошо нам вдвоем —
Бездомным, бессонным и сирым...
Две птицы: чуть встали — поем,
Две странницы: кормимся миром.

2

И бродим с тобой по церквам
Великим — и малым, прихо́дским.
И бродим с тобой по домам
Убогим — и знатным, господским.

Когда-то сказала: — Купи! —
Сверкнув на кремлевские башни.
Кремль — твой от рождения.— Спи,
Мой первенец светлый и страшный.

3

И как под землею трава
Дружи́тся с рудою железной,—
Всё видят пресветлые два
Провала в небесную бездну.

— Сивилла! — Зачем моему
Ребенку — такая судьбина?
Ведь русская доля — ему...
И век ей: Россия, рябина...

24 августа 1918

* * *

Что́ другим не нужно — несите мне!
Всё должно сгореть на моем огне!
Я и жизнь маню, я и смерть маню
В легкий дар моему огню.

Пламень любит — легкие вещества:
Прошлогодний хворост — венки — слова —
Пламень — пышет с подобной пищи!
Вы ж восстанете — пепла чище!

Птица-Феникс — я, только в огне пою!
Поддержите высокую жизнь мою!
Высоко́ горю — и горю дотла!
И да будет вам ночь — светла!

Ледяной костер, огневой фонтан!
Высоко несу свой высокий стан,
Высоко несу свой высокий сан —
Собеседницы и Наследницы!

2 сентября 1918

ГЛАЗА

Привычные к степям — глаза,
Привычные к слезам — глаза,
Зеленые — соленые —
Крестьянские глаза!

Была бы бабою простой —
Всегда б платили за постой —
Всё эти же — веселые —
Зеленые глаза.

Была бы бабою простой —
От солнца б застилась рукой,
Качала бы — молчала бы,
Потупивши глаза.

Шел мимо паренек с лотком...
Спят под монашеским платком
Смиренные — степенные —
Крестьянские глаза.

Привычные к степям — глаза,
Привычные к слезам — глаза...
Что́ видели — не выдадут
Крестьянские глаза!

9 сентября 1918

* * *

А всему предпочла
Нежный воздух садовый.
В монастырском саду,
Где монашки и вдовы,

— И монашка, и мать —
В добровольной опале,
Познаю благодать
Тишины и печали.

Благодать ремесла,
Прелесть твердой основы
— Посему предпочла
Нежный воздух садовый.

В неизвестном году
Ляжет чинно и прямо
В монастырском саду —
Многих рыцарей — Дама,

Что казне Короля
И глазам Казановы —
Что всему предпочла
Нежный воздух садовый!

15 октября 1918 г.

* * *

Поступь легкая моя,
Чистой совести примета —
Поступь легкая моя,
Песня звонкая моя.

Бог меня одну поставил
Посреди большого света.
— Ты не женщина, а птица,
Посему летай и пой.

1 ноября 1918 г.

* * *

Чтобы помнил не часочек, не годок —
Подарю тебе, дружочек, гребешок.

Чтобы помнили подружек мил-дружки —
Есть на свете золотые гребешки.

Чтоб дружочку не пилось без меня —
Гребень, гребень мой, расческа моя!

Нет на свете той расчески чудней:
Струны — зубья у расчески моей.

Чуть притронешься — пойдет трескотня
Про меня одну, да всё про меня.

Чтоб дружочку не спалось без меня —
Гребень, гребень мой, расческа моя!

Чтобы чудился в жару и в поту
От меня ему вершочек — с версту,

Чтоб ко мне ему все версты — с вершок —
Есть на свете золотой гребешок.

Чтоб дружочку не жилось без меня —
Семиструнная расческа моя!

2 ноября 1918

* * *

Развела тебе в стакане
Горстку жженых волос.
Чтоб не елось, чтоб не пелось,
Не пилось, не спалось.

Чтобы младость — не в радость,
Чтобы сахар — не в сладость,
Чтоб не ладил в тьме ночной
С молодой женой.

Как власы мои златые
Стали серой золой,
Так года твои младые
Станут белой зимой.

Чтоб ослеп — оглох,
Чтоб иссох, как мох,
Чтоб ушел, как вздох.

3 ноября 1918

* * *

Благодарю, о Господь,
За Океан и за Сушу,
И за прелестную плоть,
И за бессмертную душу,

И за горячую кровь,
И за холодную воду.
— Благодарю за любовь.
Благодарю за погоду.

9 ноября 1918

* * *

Радость — что сахар,
Нету — и охаешь,
А завелся́ как —
Через часочек:
Сладко, да тошно!

Горе ты горе,— соленое море!
Ты и накормишь,
Ты и напоишь,
Ты и закружишь,
Ты и отслужишь!

9 ноября 1918

БАРАБАНЩИК

1

Барабанщик! Бедный мальчик!
Вправо-влево не гляди!
Проходи перед народом
С Божьим громом на груди.

Не наемник ты,— вся ноша
На груди, не на спине!—
Первый в глотку смерти вброшен!
На ногах — как на коне!

Мать бежала спелой рожью,
Мать кричала в облака,
Воззывала: — «Матерь Божья,
Сберегите мне сынка!»

Бедной матери в оконце
Вечно треплется платок.
— «Где ты, лагерное солнце!
Алый лагерный цветок!»

А зато — какая воля! —
В подмастерьях — старший брат,
Средний в поле, третий в школе,
Я один — уже солдат!

Выйдешь цел из перебранки —
Что за радость, за почет,

Как красотка-маркитантка
Нам стаканчик поднесет!

Унтер ропщет: — «Эх, мальчонка!
Рано начал — не к добру!»
— «Рано начал — рано кончил!
Кто же выпьет, коль умру?»

А настигнет Смерть-Волчица —
Весь я тут,— вся недолга!
Императору — столицы,
Барабанщику — снега.

А по мне — хоть дно морское!
Пусть сам Черт меня заест!
Коли Тот своей рукою
Мне на грудь нацепит крест!

11 ноября 1918

2

Молоко на губах не обсохло,
День и ночь в барабан колочу.
Мать от грохоту было оглохла,
А отец потрепал по плечу.

Мать и плачет, и стонет, и тужит,
Но отцовское слово — закон:
— «Пусть идет императору служит.
Барабанщиком, видно, рожден!»

Брали сотнями царства,— столицы
Мимоходом совали в карман.
Порешили судьбу Аустерлица
Двое: солнце и мой барабан.

Полегло же нас там, полегло же
За величье имперских знамен!
Веселись, барабанная кожа!
Барабанщиком, видно, рожден!

Загоняли мы немца в берлогу.
Всадник. Я — барабанный салют.
Руки скрещены. В шляпе трирогой.
— «Возраст?» — «Десять».— «Не меньше ли, плут?»

— «Был один,— тоже ростом не вышел.
Выше солнца теперь вознесен!»
— «Ты потише, дружочек, потише!
Барабанщиком, видно, рожден!»

Отступилась от нас Богоматерь,
Не пошла к московитским волкам.
Дальше — хуже. В плену император,
На отчаянье верным полкам.

И молчит собеседник мой лучший,
Сей рукою к стене пригвожден.
И никто не побьет в него ручкой:
Барабанщиком, видно, рожден!

12 ноября 1918

* * *

Я берег покидал туманный Альбиона...
Батюшков

«Я берег покидал туманный Альбиона...»
Божественная высь! Божественная грусть!
Я вижу тусклых вод взволнованное лоно
И тусклый небосвод, знакомый наизусть.

И прислоненного к вольнолюбивой мачте,
Укутанного в плащ — прекрасного, как сон,—
Я вижу юношу.— О, плачьте, девы, плачьте!
Плачь, мужественность! Плачь, туманный Альбион!

Свершилось! Он один меж небом и водою!
Вот школа для тебя, о ненавистник школ!
И в роковую грудь, пронзенную звездою,
Царь роковых ветров врывается — Эол.

А рокот тусклых вод слагается в балладу
О том, как он погиб, звездою заклеймен...
Плачь, Юность! Плачь, Любовь! Плачь, Мир!
Рыдай, Эллада!
Плачь, крошка Ада! Плачь, туманный Альбион!

12 ноября 1918

КОМЕДЬЯНТ

<Из цикла>

1

Не любовь, а лихорадка!
Легкий бой лукав и лжив.
Нынче тошно, завтра сладко.
Нынче помер, завтра жив.

Бой кипит. Смешно обоим:
Как умен — и как умна!
Героиней и героем
Я равно обольщена.

Жезл пастуший — или шпага?
Зритель, бой — или гавот?
Шаг вперед — назад три шага,
Шаг назад — и три вперед.

Рот, как мед, в очах — доверье,—
Но уже взлетает бровь.
Не любовь, а лицемерье,
Лицедейство — не любовь!

И итогом этих (в скобках —
Несодеянных!) — грехов —
Будет легонькая стопка
Восхитительных стихов.

20 ноября 1918

2

Дружить со мной нельзя, любить меня — не можно!
Прекрасные глаза, глядите осторожно!

Баркасу должно плыть, а мельнице — вертеться.
Тебе ль остановить кружащееся сердце?

Порукою тетрадь — не выйдешь господином!
Пристало ли вздыхать над действом комедийным?

Любовный крест тяжел — и мы его не тронем.
Вчерашний день прошел — и мы его схороним.

20 ноября 1918

3

Не успокоюсь, пока не увижу.
Не успокоюсь, пока не услышу.
Вашего взора пока не увижу,
Вашего слова пока не услышу.

Что-то не сходится — самая малость!
Кто мне в задаче исправит ошибку?
Солоно-солоно сердцу досталась
Сладкая-сладкая Ваша улыбка!

— Дура! — мне внуки на урне напишут.
И повторяю, упрямо и слабо:
Не успокоюсь, пока не увижу,
Не успокоюсь, пока не услышу.

23 ноября 1918

4

Мне тебя уже не надо,
Милый — и не оттого что
С первой почтой — не писал.

И не оттого что эти
Строки, писанные с грустью,
Будешь разбирать — смеясь.

(Писанные мной одною —
Одному тебе! — впервые! —
Расколдуешь — не один.)

И не оттого что кудри
До щеки коснутся — мастер
Я сама читать вдвоем! —

И не оттого что вместе
— Над неясностью заглавных! —
Вы вздохнете, наклонясь.

И не оттого что дружно
Веки вдруг смежатся — труден
Почерк,— да к тому — стихи!

Нет, дружочек! — Это проще,
Это пуще, чем досада:

Мне тебя уже на надо —
Оттого что — оттого что —
Мне тебя уже не надо!

3 декабря 1918

5

Это и много и мало.
Это и просто и тёмно.
Та, что была вероломной,
За́ вечер — верная стала.

Белой монашкою скромной,
— Парой опущенных глаз.—
Та, что была неуемной,
За́ вечер вдруг унялась.

<Конец декабря 1918 — начало января 1919>

6

Бренные губы и бренные руки
Слепо разрушили вечность мою.
С вечной душою своею в разлуке —
Бренные губы и руки пою.

Рокот божественной вечности — глуше,
Только порою, в предутренний час —
С темного неба — таинственный глас:
— Женщина! — Вспомни бессмертную душу!

<Конец декабря 1918 — начало января 1919>

* * *

Я счастлива жить образцово и просто:
Как солнце — как маятник — как календарь.
Быть светской пустынницей стройного роста,
Премудрой — как всякая Божия тварь.

Знать: Дух — мой сподвижник, и Дух — мой вожатый!
Входить без докладу, как луч и как взгляд.
Жить так, как пишу: образцово и сжато,—
Как Бог повелел и друзья не велят.

22 ноября 1918

* * *

Нá смех и нá зло:
Здравому смыслу,
Ясному солнцу,
Белому снегу —

Я полюбила:
Мутную полночь,
Льстивую флейту,
Праздные мысли.

Этому сердцу
Родина — Спарта.
Помнишь лисёнка,
Сердце спартанца?

— Легче лисёнка
Скрыть под одеждой,
Чем утаить вас,
Ревность и нежность!

1 декабря 1918

* * *

Я Вас люблю всю жизнь и каждый день.
Вы надо мною как большая тень,
Как древний дым полярных деревень.

Я Вас люблю всю жизнь и каждый час.
Но мне не надо Ваших губ и глаз.
Все началось и кончилось — без Вас.

Я что-то помню: звонкая дуга,
Огромный ворот, чистые снега,
Унизанные звездами рога...

И от рогов — в полнебосвода — тень...
И древний дым полярных деревень...
— Я поняла: Вы северный олень.

7 декабря 1918

* * *

Солнце — одно, а шагает по всем городам.
Солнце — мое. Я его никому не отдам.
Ни на час, ни на луч, ни на взгляд.— Никому.
Никогда.
Пусть погибают в бессменной ночи города!

В руки возьму! Чтоб не смело вертеться в кругу!
Пусть себе руки, и губы, и сердце сожгу!

В вечную ночь пропадет — погонюсь по следам...
Солнце мое! Я тебя никому не отдам!

Февраль 1919

* * *

Высокой горести моей —
Смиренные следы.
На синей варежке моей —
Две восковых слезы.

В продрогшей це́рковке — мороз,
Пар от дыханья — густ,
И с синим ладаном слилось
Дыханье наших уст.

Отметили ли Вы, дружок,
Смиреннее всего
Среди других дымков — дымок
Дыханья моего?

Безукоризненностью рук
Во всем родном краю
Прославленный — простите, друг,
Что в варежках стою!

Март 1919

БАБУШКА

1

Когда я буду бабушкой —
Годов через десяточек —
Причудницей, забавницей,—
Вихрь с головы до пяточек!

И внук — кудряш — Егорушка
Взревет: «Давай ружье!»
Я брошу лист и перышко —
Сокровище мое!

Мать всплачет: «Год три месяца,
А уж, гляди, как зол!»
А я скажу: «Пусть бесится!
Знать, в бабушку пошел!»

Егор, моя утробушка!
Егор, ребро от ребрышка!
Егорушка, Егорушка,
Егорий — свет — храбрец!

Когда я буду бабушкой —
Седой каргою с трубкою! —
И внучка, в полночь крадучись,
Шепнет, взметнувши юбками:

«Кого, скажите, бабушка,
Мне взять из семерых?» —
Я опрокину лавочку,
Я закружусь, как вихрь.

Мать: «Ни стыда, ни совести!
И в гроб пойдет пляша!»
А я-то: «На здоровьице!
Знать, в бабушку пошла!»

Кто хóдок в пляске рыночной —
Тот лих и на перинушке, —
Маринушка, Маринушка,
Марина — синь-моря!

«А целовалась, бабушка,
Голубушка, со сколькими?»
— «Я дань платила песнями,
Я дань взымала кольцами.

Ни ночки даром проспанной:
Всё в райском во саду!»
— «А как же, бабка, Господу
Предстанешь на суду?»

«Свистят скворцы в скворешнице,
Весна-то — глянь! — бела...
Скажу: — Родимый, — грешница!
Счастливая была!

Вы ж, ребрышко от ребрышка,
Маринушка с Егорушкой,
Моей землицы горсточку
Возьмите в узелок».

23 июля 1919

2

А как бабушке
Помирать, помирать,—
Стали голуби
Ворковать, ворковать.

«Что ты, старая,
Так лихуешься?»
А она в ответ:
«Что воркуете?»

— «А воркуем мы
Про твою весну!»
— «А лихуюсь я,
Что идти ко сну,

Что навек засну
Сном закованным —
Я, бессонная,
Я, фартовая!

Что луга мои яицкие не скошены,
Жемчуга мои бурмицкие не сношены,
Что леса мои волынские не срублены,
На Руси не все мальчишки перелюблены!»

А как бабушке
Отходить, отходить,—
Стали голуби
В окно крыльями бить.

«Что уж страшен так,
Бабка, голос твой?»
— «Не хочу отдать
Девкам — мòлодцев».

— «Нагулялась ты,—
Пора знать и стыд!»
— «Этой малостью
Разве будешь сыт?

Что над тем костром
Я — холодная,
Что за тем столом
Я — голодная».

А как бабушку
Понесли, понесли,—
Все-то голуби
Полегли, полегли:

Книзу — крылышком,
Кверху — лапочкой...
— Помолитесь, внучки юные, за бабушку!

25 июля 1919

* * *

Ты меня никогда не прогонишь:
Не отталкивают весну!
Ты меня и перстом не тронешь:
Слишком нежно пою ко сну!

Ты меня никогда не ославишь:
Мое имя — вода для уст!
Ты меня никогда не оставишь:
Дверь открыта, и дом твой — пуст!

Июль 1919

* * *

А плакала я уже бабьей
Слезой — солонейшей солью.
Как та — на лужочке — с граблей —
Как эта — с серпочком — в поле.

От голосу — слабже воска,
Как сахар в чаю моченный.
Стрелочкам своим поноску
Носила, как пес ученый.

— «Ешь зернышко, я ж единой
Скорлупкой сыта с орешка!»
Никто не видал змеиной
В углах — по краям — усмешки.

Не знали мои герои,
Что сей голубок под схимой —
Как Царь — за святой горою
Гордыни несосвятимой.

Август 1919

ТЕБЕ — ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ

К тебе, имеющему быть рожденным
Столетие спустя, как отдышу,—
Из самых недр,— как на̀ смерть осужденный,
Своей рукой — пишу:

— Друг! Не ищи меня! Другая мода!
Меня не помнят даже старики.
— Ртом не достать! — Через летейски воды
Протягиваю две руки.

Как два костра, глаза твои я вижу,
Пылающие мне в могилу — в ад,—
Ту видящие, что рукой не движет,
Умершую сто лет назад.

Со мной в руке — почти что горстка пыли —
Мои стихи! — я вижу: на ветру
Ты ищешь дом, где родилась я — или
В котором я умру.

На встречных женщин — тех, живых,
счастливых,—
Горжусь, как смотришь, и ловлю слова:
— Сборище самозванок! Все́ мертвы вы!
Она одна жива!

Я ей служил служеньем добровольца!
Все тайны знал, весь склад ее перстней!
Грабительницы мертвых! Эти кольца
Украдены у ней!

О, сто моих колец! Мне тянет жилы,
Раскаиваюсь в первый раз,
Что столько я их вкривь и вкось дарила,—
Тебя не дождалась!

И грустно мне еще, что в этот вечер,
Сегодняшний — так долго шла я вслед
Садящемуся солнцу,— и навстречу
Тебе — через сто лет.

Бьюсь об заклад, что бросишь ты проклятье
Моим друзьям во мглу могил:
— Всé восхваляли! Розового платья
Никто не подарил!

Кто бескорыстней был?! — Нет, я корыстна!
Раз не убьешь,— корысти нет скрывать,
Что я у всех выпрашивала письма,
Чтоб ночью целовать.

Сказать? — Скажу! Небытие — условность.
Ты мне сейчас — страстнейший из гостей,
И ты откажешь перлу всех любовниц
Во имя той — костей.

Август 1919

* * *

Когда-нибудь, прелестное созданье,
Я стану для тебя воспоминаньем,

Там, в памяти твоей голубоокой
Затерянным — так далекó-далёко.

Забудешь ты мой профиль горбоносый,
И лоб в апофеозе папиросы,

И вечный смех мой, коим всех морочу,
И сотню — на руке моей рабочей —

Серебряных перстней,— чердак-каюту,
Моих бумаг божественную смуту...

Как в страшный год, возвышены Бедою,
Ты — маленькой была, я — молодою.

Ноябрь 1919

* * *

Маленький домашний дух,
Мой домашний гений!
Вот она, разлука двух
Сродных вдохновений!

Жалко мне, когда в печи
Жар,— а ты не видишь!
В дверь — звезда в моей ночи! —
Не взойдешь, не выйдешь!

Платьица твои висят,
Точно плод запретный.
На окне чердачном — сад
Расцветает — тщетно.

Голуби в окно стучат,—
Скучно с голубями!
Мне ветра привет кричат,—
Бог с ними, с ветрами!

Не сказать ветрам седым,
Стаям голубиным —
Чудодейственным твоим
Голосом: — Марина!

Ноябрь 1919

* * *

Высокó мое оконце!
Не достанешь перстеньком!
На стене чердачной солнце
От окна легло крестом.

Тонкий крест оконной рамы.
Мир.— На вечны времена.
И мерещится мне: в самом
Небе я погребена!

Конец ноября 1919

* * *

Между воскресеньем и субботой
Я повисла, птица вербная.
На одно крыло — серебряная,
На другое — золотая.

Меж Забавой и Заботой
Пополам расколота,—
Серебро мое — суббота!
Воскресенье — золото!

Коли грусть пошла по жилушкам,
Не по нраву — корочка,—
Знать, из правого я крылушка
Обронила перышко.

А коль кровь опять проснулася,
Подступила к щёченькам,—
Значит, к миру обернулася
Я бочком золотеньким.

Наслаждайтесь! — Скоро-скоро
Канет в страны дальние —
Ваша птица разноперая —
Вербная — сусальная.

29 декабря 1919

* * *

Поцеловала в голову,
Не догадалась — в губы!
А все ж — по старой памяти —
Ты хороша, Любовь!

Немножко бы веселого
Вина,— да скинуть шубу,—
О, как по старой памяти —
Ты б зачудила, кровь!

Да нет, да нет,— в таком году
Сама Любовь — не женщина!
Сама Венера, взяв топор,
Громит в щепы подвал.

В чумном да ледяном аду,
С Зимою перевенчанный,
Амур свои два крылышка
На валенки сменял.

Прелестное создание!
Сплети-ка мне веревочку,
Да сядь — по старой памяти —
К девчонке на кровать.

— До дальнего свидания! —
Доколь опять научимся
Получше, чем в головочку,
Мальчишек целовать.

Москва — Зима — 1919

* * *

Дитя разгула и разлуки,—
Ко всем протягиваю руки.

Тяну, ресницами плеща,
Всех юношей за край плаща.

Но Голос: «Мариула, в путь!»
И всех отталкиваю в грудь.

Январь 1920

* * *

Доброй ночи чужестранцу в новой келье!
Пусть привидится ему на новоселье
Старый мир гербов и эполет.
Вольное, высокое веселье
Нас — что были, нас — которых нет!

Камердинер расстилает плед.
Пунш пылает.— В памяти балет
Розовой взметается метелью.

Сколько лепестков в ней — столько лет
Роскоши, разгула и безделья
Вам желаю, чужестранец и сосед!

Начало марта 1920

* * *

Малиновый и бирюзовый
Халат — и перстень талисманный
На пальце — и такой туманный
В веках теряющийся взгляд,

Влачащийся за каждым валом
Из розовой хрустальной трубки.
А рядом — распластавши юбки,
Как роза распускает цвет —

Под полами его халата,
Припав к плечам его, как змеи,
Две — с ожерельями на шее —
Над шахматами клонят лоб.

Одна — малиновой полою
Прикрылась, эта — бирюзовой.
Глаза опущены.— Ни слова.—
Ресницами ведется спор.

И только челночков узорных
Носок — порой, как хвост змеиный,
Шевелится из-под павлиньей
Широкой юбки игроков.

А тот — игры упорной ставка —
Дымит себе с улыбкой детской.
И месяц, как кинжал турецкий,
Коварствует в окно дворца.

19 марта 1920

* * *

Она подкрадётся неслышно —
Как полночь в дремучем лесу.
Я знаю: в передничке пышном
Я голубя Вам принесу.

Так: встану в дверях — и ни с места!
Свинцовыми гирями — стыд.
Но птице в переднике — тесно,
И птица — сама полетит!

19 марта 1920

* * *

Та ж молодость, и те же дыры,
И те же ночи у костра...
Моя божественная лира
С твоей гитарою — сестра.

Нам дар один на долю выпал:
Кружить по душам, как метель.
— Грабительница душ! — Сей титул
И мне опущен в колыбель!

В тоске заламывая руки,
Знай: не одна в тумане дней
Цыганским варевом разлуки
Дурманишь молодых князей.

Знай: не одна на ножик вострый
Глядишь с томлением в крови,—
Знай, что еще одна...— Что сестры
В великой низости любви.

<*Март 1920*>

ПАМЯТИ Г. ГЕЙНЕ

Хочешь не хочешь — дам тебе знак!
Спор наш не кончен — а только начат!
В нынешней жизни — выпало так:
Мальчик поет, а девчонка плачет.

В будущей жизни — любо глядеть! —
Ты будешь плакать, *я* буду — петь!

Бубен в руке!
Дьявол в крови!
Красная юбка
В черных сердцах!

Красною юбкой — в небо пылю!
Честь молодую — ковром подстелешь.
Как с мотыльками тебя делю —
Так с моряками меня поделишь!

Красная юбка? — Как бы не так!
Огненный парус! — Красный маяк!

Бубен в руке!
Дьявол в крови!
Красная юбка
В черных сердцах!

Слушай приметы: бела как мел,
И не смеюсь, а губами движу.

А чтобы — как увидал — сгорел! —
Не позабудь, что приду я — рыжей.

Рыжей, как этот кленовый лист,
Рыжей, как тот, что в лесах повис.

Бубен в руке!
Дьявол в крови!
Красная юбка
В черных сердцах!

<Конец марта — начало апреля 1920>

* * *

А следующий раз — глухонемая
Приду на свет, где всем свой стих дарю, свой слух дарю.
Ведь все равно — что говорят — не понимаю,
Ведь все равно — кто разберет? — что говорю.

Бог упаси меня — опять Коринной
В сей край прийти, где люди тверже льдов, а льдины — скал.
Глухонемою — и с такою длинной —
Вот — до́ полу — косой, чтоб не узнал!

7 апреля 1920 г.

* * *

Две руки, легко опущенные
На младенческую голову!
Были — по одной на каждую —
Две головки мне дарованы.

Но обеими — зажатыми —
Яростными — как могла! —
Старшую у тьмы выхватывая —
Младшей не уберегла.

Две руки — ласкать-разглаживать
Нежные головки пышные.
Две руки — и вот одна из них
За́ ночь оказалась лишняя.

Светлая — на шейке тоненькой —
Одуванчик на стебле!
Мной еще совсем не понято,
Что дитя мое в земле.

Первая половина апреля 1920

СЫН

Так, левою рукой упершись в талью
И ногу выставив вперед,
Стоишь. Глаза блистают сталью.
Не улыбается твой рот.

Краснее губы и чернее брови
Встречаются — но эта масть!
Светлее солнца! Час не пробил
Руну — под ножницами пасть.

Все женщины тебе целуют руки
И забывают сыновей,
Весь как струна! Славянской скуки
Ни тени — в красоте твоей.

Остолбеневши от такого света,
Я знаю: мой последний час!
И как не умереть поэту,
Когда поэма удалась!

Так, выступив из черноты бессонной
Кремлевских башенных вершин,
Предстал мне в предрассветном сонме
Тот, кто еще придет: *мой сын.*

Москва, Пасха 1920 г.

* * *

Большими тихими дорогами,
Большими тихими шагами...
Душа, как камень, в воду брошенный,—
Всё расширяющимися кругами...

Та глубока — вода и та темна — вода.
Душа на все века — схоронена́ в груди.
И так достать ее оттуда надо мне,
И так сказать я ей хочу: в мою иди!

27 апреля 1920

ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ

1

Ты пишешь перстом на песке,
А я подошла и читаю.
Уже седина на виске.
Моя голова — золотая.

Как будто в песчаный сугроб
Глаза мне зарыли живые.
Так дети сияющий лоб
Над Библией клонят впервые.

Уж лучше мне камень толочь!
Нет, горлинкой к воронам в стаю!
Над каждой песчинкою — ночь,
А я все стою и читаю.

2

Ты пишешь перстом на песке,
А я твоя горлинка, Равви!
Я первенец твой на листке
Твоих поминаний и здравий.

Звеню побрякушками бус,
Чтоб ты оглянулся — не слышишь!
О Равви, о Равви, боюсь —
Читаю не то, что ты пишешь!

А сумрак крадется, как тать,
Как черная рать роковая...
Ты знаешь — чтоб лучше читать,
О Равви! — глаза закрываю...

Ты пишешь перстом на песке...

Пасха 1920 г.

3

Не любовницей — любимицей
Я пришла на землю нежную.
От рыданий не поднимется
Грудь мальчишая моя.

Оттого-то так и нежно мне
— Не вздыхаючи, не млеючи —
На малиновой скамеечке
У подножья твоего.

Если я к руке опущенной
Ртом прильну — не вздумай хмуриться!
Любоваться — хлеб насущный мой:
Я молитву говорю.

Всех кудрей златых — дороже мне
Нежный иней индевеющий
Над малиновой скамеечкой
У подножья твоего.

Головой в колени добрые
Утыкаючись — все думаю:
Все ли — до последней — собраны
Розы для тебя в саду?

Но в одном клянусь: обобраны
Все — до одного! — царевичи —
На малиновой скамеечке
У подножья твоего.

А покамест песни пела я,
Ты уснул — и вот блаженствую:
Самое святое дело мне —
Сонные глаза стеречь!

— Если б знал ты, как божественно
Мне дышать — дохнуть не смеючи —
На малиновой скамеечке
У подножья твоего!

1-е Воскресенье после Пасхи, 1920 г.

* * *

Целому морю — нужно все небо,
Целому сердцу — нужен весь Бог.

27 апреля 1920

* * *

Пахнуло Англией — и морем —
И доблестью.— Суров и статен.
— Так, связываясь с новым горем,
Смеюсь, как юнга на канате

Смеется в час великой бури,
Наедине с господним гневом,
В блаженной, обезьяньей дури
Пляша над пенящимся зевом.

Упорны эти руки,— прочен
Канат,— привык к морской метели!
И сердце доблестно,— а впрочем,
Не всем же умирать в постели!

И вот, весь холод тьмы беззвездной
Вдохнув — на самой мачте — с краю —
Над разверзающейся бездной
— Смеясь! — ресницы опускаю...

27 апреля 1920

* * *

Мой путь не лежит мимо дому — твоего.
Мой путь не лежит мимо дому — ничьего.

А всё же с пути сбиваюсь
(Особо — весной!),
А всё же по людям маюсь,
Как пес под луной.

Желанная всюду гостья:
Всем спать не даю!
Я с дедом играю в кости,
А с внуком — пою.

Ко мне не ревнуют жены:
Я — голос и взгляд.
И мне ни один влюбленный
Не вывел палат.

Смешно от щедрот незваных
Мне ваших, купцы!
Сама воздвигаю за ночь
Мосты и дворцы.

(А что говорю — не слушай!
Всё мелет — бабьё!)

Сама поутру разрушу
Творенье свое.

Хоромы — как сноп соломы — ничего!
— Мой путь не лежит мимо дому — твоего.

27 апреля 1920

* * *

Времени у нас часок.
Дальше — вечность друг без друга!
А в песочнице — песок —
Утечет!

Что меня к тебе влечет —
Вовсе не твоя заслуга!
Просто страх, что роза щек —
Отцветет.

Ты на солнечных часах
Монастырских — вызнал время?
На небесных на весах —
Взвесил — час?

Для созвездий и для нас —
Тот же час — один — над всеми.
Не хочу, чтобы зачах —
Этот час!

Только маленький часок
Я у Вечности украла.
Только час — на
Всю любовь.

Мой — весь грех, моя — вся кара.
И обоих нас — укроет —
Песок.

27 апреля 1920

* * *

Глаза участливой соседки
И ровные шаги старушьи.
В руках, свисающих как ветки —
Божественное равнодушье.

А юноша греметь с трибуны
Устал.— Все молнии иссякли.—
Лишь изредка на лоб мой юный
Слова — тяжелые, как капли.

Луна как рубище льняное
Вдоль членов, кажущихся дымом.
— Как хорошо мне под луною —
С нелюбящим и нелюбимым.

29 апреля 1920

* * *

В мешок и в воду — подвиг доблестный!
Любить немножко — грех большой.
Ты, ласковый с малейшим волосом,
Неласковый с моей душой.

Червонным куполом прельщаются
И вороны, и голубки.
Кудрям — все прихоти прощаются,
Как гиацинту — завитки.

Грех над церковкой златоглавою
Кружить — и не молиться в ней.
Под этой шапкою кудрявою
Не хочешь ты души моей!

Вникая в пряди золотистые,
Не слышишь жалобы смешной:
О, если б ты — вот так же истово
Клонился над моей душой!

14 мая 1920

* * *

С. Э.

О, скромный мой кров! Нищий дым!
Ничто не сравнится с родным!

С окошком, где вместе горюем,
С вечерним, простым поцелуем
Куда-то в щéку, мимо губ...

День кончен, заложен засов.
О, ночь без любви и без снов!

— Ночь всех натрудившихся жниц,—
Чтоб завтра до света, до птиц

В упорстве души и костей
Работать во имя детей.

О, знать, что и в пору снегов
Не будет мой холм без цветов...

14 мая 1920

* * *

С. Э.

Сижу без света, и без хлеба,
И без воды.
Затем и насылает беды
Бог, что живой меня на небо
Взять замышляет за труды.

Сижу,— с утра ни корки черствой —
Мечту такую полюбя,
Что — может — всем своим покорством
— Мой Воин! — выкуплю тебя.

16 мая 1920

* * *

На бренность бедную мою
Взираешь, слов не расточая.
Ты — каменный, а я пою,
Ты — памятник, а я летаю.

Я знаю, что нежнейший май
Пред оком Вечности — ничтожен.
Но птица я — и не пеняй,
Что легкий мне закон положен.

16 мая 1920

* * *

«Я не хочу — не могу — и не умею Вас обидеть...»

Так из дому, гонимая тоской,
— Тобой! — всей женской памятью, всей жаждой,
Всей страстью — позабыть! — Как вал морской,
Ношусь вдоль всех штыков, мешков и граждан.

О, вспененный, высокий вал морской
Вдоль каменной советской Поварской!

Над дремлющей борзой склонюсь — и вдруг —
Твои глаза! — Все руки по иконам —
Твои! — О, если бы ты был без глаз, без рук,
Чтоб мне не помнить их, не помнить их, не помнить!

И, приступом, как резвая волна,
Беру головоломные дома.

Всех перецеловала чередом.
Вишу в окне.— Москва в кругу просторном.
Ведь любит вся Москва меня! — А вот твой дом...
Смеюсь, смеюсь, смеюсь с зажатым горлом.

И пятилетний, прожевав пшено:
— «Без Вас нам скучно, а с тобой смешно»...

Так, оплетенная венком детей,
Сквозь сон — слова: «Боюсь, под корень рубит —
Поляк... Ну что? — Ну как? — Нет новостей?»
— «Нет,— впрочем, есть: что он меня не любит!»

И, репликою мужа изумив,
Иду к жене — внимать, как друг ревнив.

Стихи — цветы — (И кто их не дает
Мне за стихи?) В руках — целая вьюга!
Тень на домах ползет.— Вперед! Вперед!
Чтоб по людскому цирковому кругу

Дурную память загонять в конец,—
Чтоб только не очнуться, наконец!

Так от тебя, как от самой Чумы,
Вдоль всей Москвы — <плясуньей> длинноногой
Кружить, кружить, кружить до самой тьмы —
Чтоб, наконец, у своего порога

Остановиться, дух переводя...
— И в дом войти, чтоб вновь найти — тебя!

17—19 мая 1920

* * *

Суда поспешно не чини:
Непрочен суд земной!
И голубиной — не черни
Галчонка — белизной.

А впрочем — что ж, коли не лень!
Но всех перелюбя,
Быть может, я в тот черный день
Очнусь — белей тебя!

17 мая 1920

* * *

С. Э.

Писала я на аспидной доске,
И на листочках вееров поблёклых,
И на речном, и на морском песке,
Коньками по̀ льду и кольцом на стеклах,—

И на стволах, которым сотни зим,
И, наконец — чтоб было всем известно!—
Что ты любим! любим! любим! — любим! —
Расписывалась— радугой небесной.

Как я хотела, чтобы каждый цвел
В века̀х со мной! под пальцами моими!
И как потом, склонивши лоб на стол,
Крест-на̀крест перечеркивала — имя...

Но ты, в руке продажного писца
Зажатое! ты, что мне сердце жалишь!
Непроданное мной! *внутри* кольца!
Ты — уцелеешь на скрижалях.

18 мая 1920

* * *

И не спасут ни стансы, ни созвездья.
А это называется — возмездье
За то, что каждый раз,

Стан разгибая над строкой упорной,
Искала я над лбом своим просторным
Звезд только, а не глаз.

Что самодержцем вас признав на веру,—
Ах, ни единый миг, прекрасный Эрос,
Без вас мне не был пуст!

Что по ночам, в торжественных туманах,
Искала я у нежных уст румяных —
Рифм только, а не уст.

Возмездие за то, что злейшим судьям
Была — как снег, что здесь, под левой грудью —
Вечный апофеоз!

Что с глазу на̀ глаз с молодым Востоком
Искала я на лбу своем высоком
Зорь только, а не роз!

20 мая 1920

* * *

Не так уж подло и не так уж просто,
Как хочется тебе, чтоб крепче спать.
Теперь иди. С высокого помоста
Кивну тебе опять.

И, удивленно подымая брови,
Увидишь ты, что зря меня чернил:
Что я писала — чернотою крови,
Не пурпуром чернил.

<Между 20 и 23 мая 1920>

* * *

Восхищенной и восхищённой,
Сны видящей средь бела дня,
Все спящей видели меня,
Никто меня не видел сонной.

И оттого, что целый день
Сны проплывают пред глазами,

Уж ночью мне ложиться — лень.
И вот, тоскующая тень,
Стою над спящими друзьями.

Между 21 и 30 мая 1920

* * *

Кто создан из камня, кто создан из глины,—
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело — измена, мне имя — Марина,
Я — бренная пена морская.

Кто создан из глины, кто создан из плоти —
Тем гроб и надгробные плиты...
— В купели морской крещена — и в полете
Своем — непрестанно разбита!

Сквозь каждое сердце, сквозь каждые сети
Пробьется мое своеволье.
Меня — видишь кудри беспутные эти? —
Земною не сделаешь солью.

Дробясь о гранитные ваши колена,
Я с каждой волной — воскресаю!
Да здравствует пена — веселая пена —
Высокая пена морская!

23 мая 1920

* * *

Я не танцую,— без моей вины
Пошло волнами розовое платье.
Но вот обеими руками вдруг
Перехитрён, накрыт и пойман — ветер.

Молчит, хитрец.— Лишь там, внизу колен,
Чуть-чуть в краях подрагивает.— Пойман!
О, если б Прихоть я сдержать могла,
Как разволнованное ветром платье!

24 мая 1920

* * *

Глазами ведьмы зачарованной
Гляжу на божие дитя запретное.
С тех пор как мне душа дарована,
Я стала тихая и безответная.

Забыла, как речною чайкою
Всю ночь стонала под людскими окнами,
Я в белом чепчике теперь — хозяйкою
Хожу степенною, голубоокою.

И даже кольца стали тусклые,
Рука на солнце — как мертвец спеленутый.
Так солон хлеб мой, что нейдет, во рту стоит,—
А в солонице соль лежит нетронута...

25 мая 1920

ДВЕ ПЕСНИ

1

И что тому костер остылый,
Кому разлука — ремесло!
Одной волною накатило,
Другой волною унесло.

Ужели в раболепном гневе
За милым поползу ползком —
Я, выношенная во чреве
Не материнском, а морском!

Кусай себе, дружочек родный,
Как яблоко— весь шар земной!
Беседуя с пучиной водной,
Ты всё ж беседуешь со мной.

Подобно земнородной деве,
Не скрестит две руки крестом —
Дщерь, выношенная во чреве
Не материнском, а морском!

Нет, *наши* девушки не плачут,
Не пишут и не ждут вестей!
Нет, снова я пущусь рыбачить
Без невода и без сетей!

Какая власть в моем напеве,—
Одна не ведаю о том,—
Я, выношенная во чреве
Не материнском, а морском.

Когда-нибудь, морские струи
Разглядывая с корабля,
Ты скажешь: «Я любил — морскую!
Морская канула — в моря!».

В коралловом подводном древе
Не ты ль — серебряным хвостом,
Дщерь, выношенная во чреве
Не материнском, а морском!

13 июня 1920

2

Вчера еще в глаза глядел,
А нынче — всё косится в сторону!
Вчера еще до птиц сидел,—
Все́ жаворонки нынче — вороны!

Я глупая, а ты умен,
Живой, а я остолбенелая.
О вопль женщин всех времен:
«Мой милый, что́ тебе я сделала?!»

И слезы ей — вода, и кровь —
Вода,— в крови, в слезах умылася!
Не мать, а мачеха — Любовь:
Не ждите ни суда, ни милости.

Увозят милых корабли,
Уводит их дорога белая...
И стон стоит вдоль всей земли:
«Мой милый, что́ тебе я сделала?»

Вчера еще — в ногах лежал!
Равнял с Китайскою державою!
Враз обе рученьки разжал,—
Жизнь выпала — копейкой ржавою!

Детоубийцей на суду
Стою — немилая, несмелая.
Я и в аду тебе скажу:
«Мой милый, что́ тебе я сделала?»

Спрошу я стул, спрошу кровать:
«За что, за что терплю и бедствую?»
«Отцеловал — колесовать:
Другую целовать»,— ответствуют.

Жить приучил в самом огне,
Сам бросил — в степь заледенелую!
Вот что *ты*, милый, сделал мне!
Мой милый, что̀ тебе — *я* сделала?

Всё ведаю — не прекословь!
Вновь зрячая — уж не любовница!
Где отступается Любовь,
Там подступает Смерть-садовница.

Само̀ — что́ дерево трясти! —
В срок яблоко спадает спелое...
— За всё, за всё меня прости,
Мой милый,— что́ тебе я сделала!

14 июня 1920

ПЕСЕНКИ ИЗ ПЬЕСЫ «УЧЕНИК»

1

В час прибоя
Голубое
Море станет серым.

В час любови
Молодое
Сердце станет верным.

Бог, храни в часы прибоя —
Лодку, бедный дом мой!
Охрани от злой любови
Сердце, где я дома!

2

Сказать: верна,
Прибавить: очень,
А завтра: ты мне не танцор,—
Нет, чем таким цвести цветочком,—
Уж лучше шею под топор!

Пускай лесник в рубахе красной
Отделит купол от ствола,—
Чтоб мать не мучилась напрасно,
Что не одна в ту ночь спала.

Не снился мне сей дивный ужас:
Венчаться перед королем!
Мне женихом — топор послужит,
Помост мне будет — алтарем!

Так, с высоты волны пурпурной...

3

Я пришел к тебе за хлебом
За святым насущным.
Точно в самое я небо —
Не под кровлю спущен!

Только Бог на звездном троне
Так накормит вдоволь!
Бог, храни в своей ладони
Пастыря благого!

Не забуду я хлеб-соли,
Как поставлю парус!
Есть на свете три неволи:
Голод — страсть — и старость...

От одной меня избавил,
До другой — далёко!
Ничего я не оставил
У голубоокой!

Мы, певцы, что мореходы:
Покидаем вскоре!..
Есть на свете три неволи:
Песня — хлеб — и море...

Бог, храни в своей ладони...

4

Там, на тугом канате,
Между картонных скал,
Ты ль это как лунатик
Приступом небо брал?

Новых земель вельможа,
Сын неземных широт —
Точно содрали кожу —
Так улыбался рот.

Грохнули барабаны.
Ринулась голь и знать
Эту живую рану
Бешеным ртом зажать.

Помню сухой и жуткий
Смех — из последних сил!
Только тогда — как будто —
Юбочку ты носил...

<Между 25 мая и 12 июня 1920>

* * *

Дом, в который не стучатся:
Нищим нечего беречь.
Дом, в котором — не смущаться:
Можно сесть, а можно лечь.

Не судить — одно условье.
. . . .
Окна выбиты любовью,
Крышу ветром сорвало.

Всякому — <будь> ты сам Каин —
Всем стаканы налиты!
Ты такой как я — хозяин,
Так же гостья, как и ты.

Мне добро досталось даром,—
Так и спрячь свои рубли!
Окна выбиты пожаром,
Дверь Зима сняла с петли!

Чай не сладкий, хлеб не белый —
Личиком бела зато!
Тем делюсь, что уцелело,
Всем делюсь, что не взято.

Трудные мои завязки —
Есть служанка — подсобит!
А плясать — пляши с опаской,
Пол поклонами пробит!

Хочешь в пляс, а хочешь в лёжку,—
Спору не встречал никто.

Тесные твои сапожки?
Две руки мои на что?

А насытила любовью,—
В очи плюнь,— на то рукав!
Не судить: одно условье.
Не платить: один устав.

28 июня 1920

* * *

— Сколько у тебя дружочков?
Целый двор, пожалуй?
— После кройки лоскуточков,
Прости, не считала.

— Скольких перепричащала?
Поди, целый рынок?
— А на шали бахроминок,
Прости, не считала.

— А сердца покласть в рядочек —
Дойдешь до Китая?
— Нынче тиф косит, дружочек!
Помру — сосчитаю.

Две руки — и пять на каждой —
Пальчиков проворных.
И на каждом — перстенечек.
(На котором — по два.)

К двум рукам — все пальцы — к ним же
Перстеньки прибавить —
Не начтешь и пятой доли
<Всех>, кого любила!

<Июнь — июль 1920>

* * *

Уравнены: как да и нет,
Как черный цвет — и белый цвет.
Как в творческий громовый час:
С громадою Кремля — Кавказ.

Не путал здесь — земной аршин.
Все равные — дети вершин.

Равняться в низости своей —
Забота черни и червей.
В час благодатный громовой
Все горы — братья меж собой!

Так, всем законам вопреки,
Сцепились наши две руки.

И оттого что оком — желт,
Ты мне орел — цыган — и волк.
Цыган в мешке меня унес,
Орел на вышний на утес
Восхитил от страды мучной.

— А волк у ног лежит ручной.

<Июнь — июль 1920>

* * *

И если руку я даю —
То погадать — не целовать.

Скажи мне, встречный человек,
По синим по дорогам рек

К какому морю я приду?
В каком стакане потону?

— Чтоб навзничь бросил наповал —
Такой еще не вырос — вал.

Стакан твой каждый — будет пуст.
Сама ты — океан для уст.

Ты за стаканом бей стакан,
Топи нас, море-окиян!

А если руку я беру —
То не гадать — поцеловать.

Сама запуталась, паук,
В изделии своих же рук.

— Сама не разгибаю лба,—
Какая я тебе судьба?

<Июль 1920>

* * *

Я вижу тебя черноокой,— разлука!
Высокой,— разлука! — Одинокой,— разлука!
С улыбкой, сверкнувшей, как ножик,— разлука!
Совсем на меня не похожей — разлука!

На всех матерей, умирающих рано,
На мать и мою ты похожа,— разлука!
Ты так же вуаль оправляешь в прихожей.
Ты Анна над спящим Сережей,— разлука!

Стрясается — в дом забредешь желтоглазой
Цыганкой,— разлука! — молдаванкой,— разлука!
Без стука,— разлука! — Как вихрь заразный
К нам в жилы врываешься — лихорадкой,— разлука!

И жжешь, и звенишь, и топочешь, и свищешь,
И ревешь, и рокочешь — и — разорванным шелком —
— Серым волком,— разлука! — Не жалея ни деда,
ни внука,— разлука!
Филином-птицей — разлука! Степной кобылицей,—
разлука!

Не потомком ли Разина — широкоплечим, ражим, рыжим
Я погромщиком тебя увидала,— разлука?
— Погромщиком, выпускающим кишки и перины?..

Ты нынче зовешься Мариной,— разлука!

<Июль 1920>

* * *

Не хочу ни любви, ни почестей:
— Опьянительны.— Не падка!
Даже яблочка мне не хочется
— Соблазнительного — с лотка...

Что-то цепью за мной волочится,
Скоро громом начнет греметь.
— Как мне хочется,
Как мне хочется —
Потихонечку умереть!

<Июль 1920>

* * *

Ветер, ветер, выметающий,
Заметающий следы!
Красной птицей залетающий
В белокаменные лбы.

Длинноногим псом ныряющий
Вдоль равнины овсяной.
— Ветер, голову теряющий
От юбчонки кружевной!

Пурпуровое поветрие,
Первый вестник мятежу,—
Ветер — висельник и ветреник,—
В кулачке тебя держу!

Полно баловать над кручами,
Головы сбивать снегам,—
Ты — моей косынкой скрученный
По рукам и по ногам!

За твои дела острожные,—
Расквитаемся с тобой,—
Ветер, ветер в куртке кожаной,
С красной — да во лбу — звездой!

<Июль 1920>

* * *

Смерть — это нет,
Смерть — это нет,
Смерть — это нет.
Нет — матерям,
Нет — пекарям.
(Выпек — не съешь!)

Смерть — это так:
Недостроенный дом,
Недовзращенный сын,
Недовязанный сноп,
Недодышанный вздох,
Недокрикнутый крик.

Я — это да,
Да — навсегда,
Да — вопреки,
Да — через всё!
Даже тебе
ДА кричу, Нет!

Стало быть — нет,
Стало быть — вздор,
Календарная ложь!

<Июль 1920>

* * *

Другие — с очами и с личиком светлым,
А я-то ночами беседую с ветром,
Не с тем — италийским
Зефиром младым,—
С хорошим, с широким,
Российским, сквозным!

Другие всей плотью по плоти плутают,
Из уст пересохших — дыханье глотают...
А я — руки настежь! — застыла — столбняк!
Чтоб выдул мне душу — российский сквозняк!

Другие — о, нежные, цепкие путы!
Нет, с нами Эол обращается круто.
— Небось, не растаешь! Одна, мол, семья! —
Как будто и вправду — не женщина я!

2 августа 1920

* * *

И вот исчез, в черную ночь исчез,
— Как некогда Иосиф, плащ свой бросив.
Гляжу на плащ — черного блеска плащ,
Земля <горит>, а сердце — смерти просит.

Жестокосердый в сем году июль,
Лесною гарью душит воздух ржавый.

В ушах — туман, и в двух шагах — туман,
И солнце над Москвой — как глаз кровавый.

Гарь торфяных болот.— Рот пересох.
Не хочет дождь на грешные просторы!
— Гляжу на плащ — светлого плеску — плащ!
Ты за плащом своим придешь не скоро.

<Начало августа 1920>

* * *

Июнь. Июль. Часть соловьиной дрожи.
— И было что-то птичье в нас с тобой —
Когда — ночь соловьиную тревожа —
Мы обмирали — каждый над собой!

А Август — царь. Ему не до рулады,
Ему — до канонады Октября.
Да. Август — царь.— Тебе царей не надо,—
А мне таких не надо — без царя!

<Август 1920>

* * *

Всё сызнова: опять рукою робкой
Надавливать звонок.
(Мóй дом зато — с атласною коробкой
Сравнить никто не смог!)

Всё сызнова: опять под стопки пански
Швырять с размаху грудь.
(Да, от сапог казанских, рук цыганских
Не вредно отдохнуть!)

Всё сызнова: про брови, про ресницы,
И что к лицу ей — шелк.
(Оно, дружок, не вредно — после ситцу,—
Но, ах, все тот же толк!)

. . . .

Всё сызнова: вновь как у царских статуй —
Почетный караул.
(Я не томлю,— обычай, перенятый
У нищих Мариул!)

Всё сызнова: коленопреклоненья,
Оттолкновенья — сталь.
(Я думаю о Вашей зверской лени,
И мне Вас зверски жаль!)

. . . .

Всё сызнова: что мы в себе не властны,
Что нужен дуб — плющу.
(Сенной мешок мой — на альков атласный
Сменён — рукоплещу!)

. . . .

И сызнова: обняв одной, окурок
Уж держите другой...
(Глаз не открывши — и дымит, как турок.
Кто стерпит, дорогой?)

И сызнова: между простынь горячих
Ряд сдавленных зевков.
(Один зевает, а другая — плачет.
Весь твой Эдем, альков!)

И сызнова: уже забыв о птичке,
Спать, как дитя во ржи...
(Но только умоляю: по привычке
— Марина — не скажи!)

<Август 1920>

* * *

Проста моя осанка,
Нищ мой домашний кров.
Ведь я островитянка
С далеких островов!

Живу — никто не нужен!
Взошел — ночей не сплю.
Согреть Чужому ужин —
Жилье свое спалю!

Взглянул — так и знакомый.
Взошел — так и живи!

Просты наши законы:
Написаны в крови,

Луну заманим с неба
В ладонь,— коли мила!
Ну, а ушел — как не́ был.
И я — как не была.

Гляжу на след ножовый:
Успеет ли зажить
До первого чужого,
Который скажет: «Пить».

Август 1920

ВОЛК

Было дружбой, стало службой,
Бог с тобою, брат мой волк!
Подыхает наша дружба:
Я тебе не дар, а долг!

Заедай верстою вёрсту,
Отсылай версту к версте!
Перегладила по шерстке,—
Стосковался по тоске!

Не взвожу тебя в злодеи,—
Не твоя вина — мой грех:
Ненасытностью своею
Перекармливаю всех!

Чем на вас с кремнем-огнивом
В лес ходить — как Бог судил,—
К одному бабьё ревниво:
Чтобы лап не остудил.

Удержать — перстом не двину:
Перст — не шест, а лес велик.
Уноси свои седины,
Бог с тобою, брат мой клык!

Прощевай, седая шкура!
И во сне не вспомяну!
Новая найдется дура —
Верить в волчью седину.

Октябрь 1920

ЧУЖОМУ

Твои знамена — не мои!
Врозь наши головы.
Не изменить в тисках Змеи
Мне Духу — Голубю.

Не ринусь в красный хоровод
Вкруг древа майского.
Превыше всех земных ворот —
Вра́та мне — райские.

Твои победы — не мои!
Иные грезились!
Мы не на двух концах земли —
На двух созвездиях!

Ревнители двух разных звезд —
Так что же делаю —
Я, перекидывая мост
Рукою смелою?!

Есть у меня моих икон
Ценней — сокровища.
Послушай: есть другой закон,
Законы — кроющий!

Пред ним — все клонятся клинки,
Все меркнут — яхонты:
Закон протянутой руки,
Души распахнутой.

И будем мы судимы — знай —
Одною мерою.
И будет нам обоим — Рай,
В который верую!

28 ноября 1920

* * *

Любовь! Любовь! И в судорогах и в гробе
Насторожусь — прельщусь — смущусь — рванусь.
О милая! Ни в гробовом сугробе,
Ни в облачном с тобою не прощусь.

И не на то мне пара крыл прекрасных
Дана, чтоб на́ сердце держать пуды.
Спеленутых, безглазых и безгласных
Я не умножу жалкой слободы.

Нет, выпростаю руки,— стан упругий
Единым взмахом из твоих пелён,
Смерть, выбью! — Верст на тысячу в округе
Растоплены снега — и лес спален.

И если всё ж — плеча, крыла, колена
Сжав — на погост дала себя увезть,—
То лишь затем, чтобы, смеясь над тленом,
Стихом восстать — иль розаном расцвесть!

Около 28 ноября 1920

* * *

Не называй меня никому,
Я серафим твой, легкое бремя.
Ты поцелуй меня нежно в темя
И отпусти во тьму.

Все мы сидели в ночи без света.
Ты позабудешь мои приметы,

Да не смутит тебя сей — Бог весть! —
Вздох, всполохнувший одежды ровность.
Может ли, друг, на устах любовниц
Песня такая цвесть?

Так и иди себе с миром, словно
Мальчика гладил в хору церковном.

Духи и дети, дитя, не в счет!
Не отвечают, дитя, за души!
Эти ли руки веревкой душат?
Эта ли нежность — жжет?

Вспомни, как, руки пустив вдоль тела,
Закаменев, на тебя глядела.

Не загощусь я в твоем дому,
Раскрепощу молодую совесть.
Видишь: к великим боям готовясь,
Сам ухожу во тьму.

И обещаю: не будет биться
В окна твои — золотая птица!

Ноябрь 1920

* * *

И страшные мне снятся сны:
Телега красная...
За ней — согбенные — моей страны
Идут — сыны.
Золотокудрого воздев
Ребенка,— матери
Вопят.— На паперти
На стяг
Пурпуровый маша рукой беспалой,
Вопит калека.— Тряпкой алой
Горит безногого костыль.
И красная — до неба — пыль
Вздымается девятым валом.

Колёса ржавые скрипят.
Конь пляшет — взбешенный.
Все окна — флагами кипят.
Одно — завешено.

Ноябрь 1920

ПОЖАЛЕЙ...

— Он тебе не муж? — Нет.
— Веришь в воскресенье душ? — Нет.
— Так чего ж?
Так чего ж поклоны бьешь?
— Отойдешь —
В сердце — как удар кулашный:
Вдруг ему, сыночку, страшно —
Одному?

— Не пойму!
Он тебе не муж? — Нет.
— Веришь в воскресенье душ? — Нет.
— Гниль и плесень?
— Гниль и плесень.
— Так наплюй!
Мало ли живых на рынке!
— Без перинки
Не простыл бы! — Ровно ссыльно-
Каторжный какой — на досках!
Жестко!

— Черт!
Он же мертв!
Пальчиком в глазную щелку —
Не сморгнет!

Пес! Смердит!
— Не сердись!
Видишь — пот
На виске — еще не высох!
Может, кто еще поклоны в письмах
Шлет, рубашку шьет...

— Он тебе не муж? — Нет.
— Веришь в воскресенье душ? — Нет.
— Так айда! —...Нагрудик вяжет...
Дай-кось я с ним рядом лягу...
— Зако-ла-чи-вай!

<Декабрь 1920>

* * *

Знаю, умру на заре! На которой из двух,
Вместе с которой из двух — не решить по заказу!
Ах, если б можно, чтоб дважды мой факел потух!
Чтоб на вечерней заре и на утренней сразу!

Пляшущим шагом прошла по земле! — Неба дочь!
С полным передником роз! — Ни ростка не наруша!
Знаю, умру на заре! — Ястребиную ночь
Бог не пошлет по мою лебединую душу!

Нежной рукой отведя нецелованный крест.
В щедрое небо рвануся за последним приветом.
Про́резь зари — и ответной улыбки прорез...
— Я и в предсмертной икоте останусь поэтом!

Декабрь 1920

* * *

Ох, грибок ты мой, гри́бочек, белый груздь!
То шатаясь причитает в поле Русь.
Помогите — на ногах нетверда!
Затуманила меня кровь-руда!

И справа и слева
Кровавые зевы,
И каждая рана:
— Мама!

И только и это
И внятно мне, пьяной.
Из чрева — и в чрево́:
— Мама!

Все рядком лежат —
Не развесть межой.
Поглядеть: солдат.
Где свой, где чужой?

Белый был — красным стал:
Кровь обагрила.
Красным был — белый стал:
Смерть побелила.

— Кто ты? — белый? — не пойму! —
привстань!
Аль у красных пропадал? — Ря—азань.

И справа и слева
И сзади и прямо
И кра́сный и белый:
— Мама!

Без воли — без гнева —
Протяжно — упрямо —
До самого неба:
— Мама!

7 февраля 1921 г.

РОЛАНДОВ РОГ

Как нежный шут о злом своем уродстве,
Я повествую о своем сиротстве...

За князем — род, за серафимом — сонм,
За каждым — тысячи таких, как он.

Чтоб, пошатнувшись,— на живую стену
Упал и знал — что тысячи на смену!

Солдат — полком, бес — легионом горд,
За вором — сброд, а за шутом — всё горб.

Та́к, наконец, усталая держаться
Сознаньем: перст и назначеньем: драться,

Под свист глупца и мещанина смех —
Одна из всех — за всех — противу всех! —

Стою и шлю, закаменев от взлёту,
Сей громкий зов в небесные пустоты.

И сей пожар в груди тому залог,
Что некий Карл тебя услышит, Рог!

Март 1921

УЧЕНИК

Сказать — задумалась о чем?
В дождь — под одним плащом,
В ночь — под одним плащом,
потом
В гроб — под одним плащом.

1

Быть мальчиком твоим светлоголовым,—
О, через все века! —
За пыльным пурпуром твоим брести в суровом
Плаще ученика.

Улавливать сквозь всю людскую гущу
Твой вздох животворящ —
Душой, дыханием твоим живущей,
Как дуновеньем — плащ.

Победоноснее царя Давида
Чернь раздвигать плечом.
От всех обид, от всей земной обиды
Служить тебе плащом.

Быть между спящими учениками
Тем, кто во сне — не спит.
При первом чернью занесенном камне
Уже не плащ — а щит!

(О, этот стих не самовольно прерван!
Нож чересчур остёр!)
...И — дерзновенно улыбнувшись — первым
Взойти на твой костер.

15 апреля 1921

Есть некий час...
Тютчев

Есть некий час — как сброшенная клажа:
Когда в себе гордыню укротим.
Час ученичества — он в жизни каждой
Торжественно-неотвратим.

Высокий час, когда, сложив оружье
К ногам указанного нам — перстом,
Мы пурпур воина на мех верблюжий
Сменяем на песке морском.

О, этот час, на подвиг нас — как голос,
Вздымающий из своеволья дней!
О, этот час, когда, как спелый колос,
Мы клонимся от тяжести своей.

И колос взрос, и час веселый пробил,
И жерновов возжаждало зерно.
Закон! Закон! Еще в земной утробе
Мной вожделенное ярмо.

Час ученичества! Но зрим и ведом
Другой нам свет,— еще заря зажглась.
Благословен ему грядущий следом
Ты — одиночества верховный час!

15 апреля 1921

3

Солнце Вечера — добрее
Солнца в полдень.
Изуверствует — не греет —
Солнце в полдень.

Отрешеннее и кротче
Солнце — к ночи.
Умудренное,— не хочет
Бить нам в очи.

Простотой своей тревожа —
Королевской,
Солнце Вечера — дороже
Песнопевцу!

Распинаемое тьмой
Ежевечерне,
Солнце Вечера — не кланяется
Черни...

Низвергаемый с престолу,
Вспомни — Феба!
Низвергаемый — не долу
Смотрит — в небо!

О, не медли на соседней
Колокольне!
Быть хочу твоей последней
Колокольней.

16 апреля 1921

4

Пало прениже волн
Бремя дневное.
Тихо взошли на холм
Вечные — двое.

Тесно — плечо с плечом —
Встали в молчанье.
Два — под одним плащом —
Ходят дыханья.

Завтрашних спящих войн
Вождь — и вчерашних,
Молча стоят двойной
Черною башней.

Змия мудрей стоят,
Голубя кротче.
— Отче, возьми в назад,
В жизнь свою, отче!

Через всё небо — дым
Воинств господних.
Борется плащ, двойным
Вздохом приподнят.

Ревностью взор разъят,
Молит и ропщет...
— Отче, возьми в закат,
В ночь свою, отче!

Празднуя ночи вход,
Дышат пустыни.
Тяжко — как спелый плод —
Падает: — Сыне!..

Смолкло в своем хлеву
Стадо людское.
На золотом холму
Двое — в покое...

19 апреля 1921

5

Был час чудотворен и полн,
Как древние были.
Я помню — бок о̀ бок — на холм,
Я помню — всходили...

Ручьев ниспадающих речь
Сплеталась предивно
С плащом, ниспадающим с плеч
Волной неизбывной.

Всё выше, всё выше — высот
Последнее злато.
Сновидческий голос: Восход
Навстречу Закату.

21 апреля 1921

6

Всё великолепье
Труб — лишь только лепет
Трав — перед тобой.

Всё великолепье
Бурь — лишь только щебет
Птиц — перед тобой.

Всё великолепье
Крыл — лишь только трепет
Век — перед тобой.

23 апреля 1921

7

По холмам — круглым и смуглым,
Под лучом — сильным и пыльным,
Сапожком — робким и кротким —
За плащом — рдяным и рваным.

По пескам — жадным и ржавым,
Под лучом — жгущим и пьющим,
Сапожком — робким и кротким —
За плащом — следом и следом.

По волнам — лютым и вздутым,
Под лучом — гневным и древним,
Сапожком— робким и кротким —
За плащом — лгущим и лгущим.

25 апреля 1921

ПЕРВОЕ СОЛНЦЕ

О первое солнце над первым лбом!
И эти — на солнце прямо —
Дымящие — черным двойным жерлом
Большие глаза Адама.

О первая радость, о первый яд
Змеиный — под грудью левой!
В высокое небо вперенный взгляд:
Адам, проглядевший Еву!

Врожденная рана высоких душ,
О Зависть моя! О Ревность!
О всех мне Адамов затмивший — Муж:
Крылатое солнце древних!

10 мая 1921

МАРИНА

1

Быть голубкой его орлиной!
Больше матери быть — Мариной!
Вестовым, часовым, гонцом —

Знаменосцем — льстецом придворным!
Серафимом и псом дозорным
Охранять непокойный сон.

Сальных карт захватив колоду,—
Ногу в стремя! — сквозь огнь и воду!
Где верхом — где ползком — где вплавь!

Тростником — ивняком — болотом,
А где конь не берет — там лётом,
Все ветра полонивши в плащ!

Черным вихрем летя беззвучным,
Не подругою быть — сподручным!
Не единою быть — вторым!

Близнецом — двойником — крестовым
Стройным братом, огнем костровым,
Ятаганом его кривым.

Гул кремлевских гостей незваных.
Если имя твое — Басманов,
Отстранись.— Уступи любви!

Распахнула платок нагрудный.
— Руки на́стежь! — Чтоб в день свой Судный
Не в басмановской встал крови.

11 мая 1921

2

Трем самозванцам жена,
Мнишка надменного дочь,

Ты — гордецу своему
Не родившая сына...

В простоволосости сна
В гулкий оконный пролет
Ты — гордецу своему
Не махнувшая следом...

На роковой площади́
От оплеух и плевков
Ты — гордеца своего
Не покрывшая телом...

В маске дурацкой лежал,
С дудкой кровавой во рту...
Ты — гордецу своему
Не отершая пота...

— Своекорыстная кровь!
Проклята, треклята будь,
Ты — Лжедимитрию смогшая быть Лжемари́ной!

11 мая 1921

3

— Сердце, измена!
— Но не разлука!
И воровскую смуглую руку
К белым губам.
Краткая встряска костей о плиты.
— Гришка! — Димитрий!

Цареубийцы! Псе кровь холопья!
И — повторенным прыжком —
На копья!

11 мая 1921

4

— Грудь ваша благоуханна,
Как розмариновый ларчик...
Ясновельможная панна!
— Мой молодой господарчик!

— Чем заплачу за щедроты:
Темен, негромок, не признан...

Из-под ресничного взлету
Что-то ответило: — Жизнью!

В каждом пришельце гонимом
Пану мы Иезусу — служим...
Мнет в замешательстве мнимом
Горсть неподдельных жемчужин.

Перлы рассыпались,— слезы!
Каждой ресницей нацелясь,
Смотрит, как, в прахе елозя,
Их подбирает пришелец.

13 мая 1921

* * *

Вдовое полуденная тень,
Склоненная к моим сединам,
Ровесник мой год в год, день в день,—
Мне постепенно станешь сыном.

Нам вместе было тридцать шесть,—
Прелестная мы были пара!
И кажется — надежда есть —
Что все-таки — *не* буду старой!

<Июнь 1921>

ВЕСТНИКУ

Скрежещут якорные звенья,
Вперед, крылатое жилье!
Покрепче, чем благословенье,
С тобой — веление мое!

Мужайся, корабельщик юный!
Вперед в лазоревую рожь!
Ты больше, нежели Фортуну,
Ты *сердце* Цезаря везешь!

Смирит лазоревую ярость
Ресниц моих — единых взмах!
Дыханием надут твой парус
И не нуждается в ветрах!

Обветренные руки стиснув,
Слежу.— Не верь глазам! — Всё ложь!
Доподлинный и рукописный
Приказ Монархини везешь.

Два слова, звонкие, как шпоры,
Две птицы в боевом грому.
То зов мой — тысяча который? —
К единственному одному.

В страну, где солнце правосудья
Одно для нищих и вельмож,
— Между рубахою и грудью —
Ты сердце Матери везешь.

3 июля 1921

ГЕОРГИЙ

С. Э.

1

Ресницы, ресницы,
Склоненные ниц.
Стыдливостию ресниц
Затменные — солнца в венце стрел!
— Сколь грозен и сколь ясен! —
И плащ его — был — красен.
И конь его — был — бел.

Смущается Всадник,
Гордится конь.
На дохлого гада
Белейший конь
Взирает вполоборота.
В пол-ока широкого
Вслед копью
В пасть красную — дико раздув ноздрю —
Раскосостью огнеокой.

Смущается Всадник,
Снисходит конь.
Издохшего гада
Дрянную кровь

— Янтарную — легким скоком
Минует,— янтарная кровь течет.
Взнесенным копытом застыв — с высот
Лебединого поворота.

Безропотен Всадник,
А конь брезглив.
Гремучего гада
Копьем пронзив —
Сколь скромен и сколь томен!
В ветрах — высоко — седлецо твое,
Речной осокой — копьецо твое
Вот-вот запоет в восковых перстах
У розовых уст
Под прикрытьем стрел
Ресничных,
Вспоет, вкличет.
— О, страшная тяжесть
Свершенных дел!
И плащ его красен,
И конь его бел.

Любезного Всадника,
Конь, блюди!
У нежного Всадника
Боль в груди.
Ресницами жемчуг нижет...
Святая иконка — лицо твое,
Закатным лучом — копьецо твое
Из длинных перстов брызжет.
Иль луч пурпуровый
Косит копьем?
Иль красная туча
Взмелась плащом?
За красною тучею —
Белый дом.
Там впустят
Вдвоем
С конем.

Склоняется Всадник,
Дыбится конь.
Все слабже вокруг копьеца ладонь.
Вот-вот не снесет Победы!
— Колеблется — никнет — и вслед копью
В янтарную лужу — вослед копью

Скользнувшему.
— Басенный взмах
Стрел...

Плащ красен, конь бел.

9 июля 1921

2

О, тяжесть удачи!
Обида Победы!
Георгий, ты плачешь,
Ты красною девой
Бледнеешь над делом
Своих двух
Внезапно-чужих
Рук.

Конь брезгует Гадом,
Ты брезгуешь гласом
Победным.— Тяжелым смарагдовым маслом
Стекает кровища.
Дракон спит.
На всю свою жизнь
Сыт.

Взлетевшею гривой
Затменное солнце.
Стыдливости детской
С гордынею конской
Союз.
Из седла —
В небеса —
Куст.
Брезгливая грусть
Уст.

Конь брезгует Гадом,
Ты брезгуешь даром
Царевым,— ее подвенечным пожаром.
Церковкою ладанной:
Строг — скуп —
В безжалостный
Рев
Труб.

Трубите! Трубите!
Уж слушать недолго.
Уж нежный тростник победительный — долу.
Дотрубленный долу
Поник.— Смолк.
И облачный — ввысь! —
Столб.

Клонитесь, клонитесь,
Послушные травы!
Зардевшийся под оплеухою славы —
Бледнеет.— Домой, трубачи! — Спит.
До судной трубы —
Сыт.

11 июля 1921

3

Синие версты
И зарева горние!
Победоносного
Славьте — Георгия!

Славьте, жемчужные
Грозди полуночи,
Дивного мужа,
Пречистого юношу:

Огненный плащ его,
Посвист копья его,
Кровокипящего
Славьте — коня его!

Зычные мачты
И слободы орлие!
Громокипящего
Славьте — Георгия!

Солнцеподобного
В силе и в кротости
Доблесть из доблестей,
Роскошь из роскошей:

Башенный рост его,
Посвист копья его,

Молниехвостого
Славьте — коня его!

Львиные ветры
И глыбы соборные!
Великолепного
Славьте — Георгия!

Змея пронзившего,
Смерть победившего,
В дом Госпожи своей
Конным — вступившего!

Зычный разгон его,
Посвист копья его,
Преображенного
Славьте — коня его!

Льстивые ивы
И травы поклонные,
Вольнолюбивого,
Узорешенного

Юношу — славьте,
Юношу — плачьте...
Вот он, что розан
Райский — на травке:

Розовый рот свой
На две половиночки —
Победоносец,
Победы не вынесший.

11 июля 1921

4

Из облаков кивающие перья.
Как передать твое высокомерье,
— Георгий! — Ставленник небесных сил!

Как передать закрепощенный пыл
Зрачка и трезвенной ноздри раздутой
На всем скаку обузданную смуту.

Перед любезнейшею из красот
Как передать — с архангельских высот
Седла — копья — содеянного дела

И девственности гневной — эти стрелы
Ресничные — эбеновой масти —
Разящие: — Мы не одной кости!

Божественную ведомость закончив,
Как передать, Георгий, сколь уклончив
— Чуть что земли не тронувший едва —

Поклон,— и сколь пронзительно-крива
Щель, заледеневающая сразу:
— О, не благодарите! — По приказу.

12 июля 1921

5

С архангельской высоты седла
Евангельские творит дела.
Река сгорает, верста смугла.
— О, даль! Даль! Даль!

В пронзающей прямизне ресниц
Пожарищем налетать на птиц.
Копыта! Крылья! Сплелись! Свились!
О, высь! Высь! Высь!

В заоблачье исчезать, как снасть!
Двуочие разевать, как пасть!
И, не опомнившись,— мертвым пасть:
О, страсть! — Страсть! — Страсть!

12 июля 1921

6

А девы — не надо.
По вольному хладу,
По синему следу
Один я поеду.

Как был до победы:
Сиротский и вдовый,
По вольному следу
Воды родниковой.

От славы, от гною
Доспехи отмою.
Во славу Твою
Коня напою.

Храни, Голубица,
От града — посевы,
Девицу — от гада,
Героя — от девы.

13 июля 1921

7

О, всеми ветрами
Колеблемый лотос!
Георгия — робость,
Георгия — кротость...

Очей непомерных
— Широких и влажных —
Суровая — детская — смертная важность.

Так смертная мука
Глядит из тряпья.
И вся непомерная
Тяжесть копья.

Не тот — высочайший,
С усмешкою гордой:
Кротчайший Георгий,
Тишайший Георгий,

Горчайший — свеча моих бдений — Георгий,
Кротчайший — с глазами оленя — Георгий!

(Трепещущей своре
Простивший олень.)
— Которому пробил
Георгиев день.

О лотос мой!
Лебедь мой!
Лебедь! Олень мой!
Ты — все мои бденья
И все сновиденья!

Пасхальный тропарь мой!
Последний алтын мой!
Ты больше, чем Царь мой,
И больше, чем сын мой!

Лазурное око мое —
В вышину!
Ты, блудную снова
Вознесший жену.

— Так слушай же!..

14 июля 1921

БЛАГАЯ ВЕСТЬ

<Из цикла>

С. Э.

1

В сокровищницу
Полунощных глубин
Недрогнувшую
Опускаю ладонь.

Меж водорослей —
Ни приметы его!
Сокровища нету
В морях — моего!

В заоблачную
Песнопенную высь —
Двумолнием
Осмеливаюсь — и вот

Мне жаворонок
Обронил с высоты,
Что за̀ морем ты,
Не за облаком ты!

15 июля 1921

2

Жив и здоров!
Громче громов —
Как топором —
Радость!

Нет, топором
Мало: быком
Под обухом
Счастья!

Оглушена,
Устрашена.
Что же взамен
Вырвут?

И от колен
Вплоть до корней
Вставших волос —
Ужас.

Стало быть, жив!
Веки смежив,
Дышишь, зовут —
Слышишь?

Вывез корабль?
О мой журавль
Младший — во всей
Стае!

Мертв — и воскрес?!
Вздоху в обрез,
Камнем с небес,
Ломом

По голове,—
Нет, по эфес
Шпагою в грудь —
Радость!

16 июля 1921

ОТРОК

Геликону

1

Пустоты отроческих глаз! Провалы —
В лазурь! Как ни черны — лазурь!
Игралища для битвы небывалой,
Дарохранительницы бурь.

Зеркальные! Ни зыби в них, ни лона.
Вселенная в них правит ход.
Лазурь! Лазурь! Пустынная до звона,—
Книгохранилища пустот!

Провалы отроческих глаз! Пролеты!
Душ раскаленных — водопой.
Оазисы! — Чтоб всяк хлебнул и отпил,
И захлебнулся пустотой.

Пью — не напьюсь. Вздох — и огромный выдох,
И крови ропщущей подземный гул.
Так по ночам, тревожа сон Давидов,
Захлебывался царь Саул.

25 августа 1921

2

Огнепоклонник! Красная масть!
Завороженный и ворожащий!
Как годовалый — в красную пасть
Льва, в пурпуровую кипь, в чащу —

Око и бровь! Перст и ладонь!
В самый огонь! В самый огонь!

Огнепоклонник! Страшен твой Бог!
Пляшет твой Бог, на́смерть ударив!
Думаешь — глаз? Красный всполох —
Око твое! — Перебег зарев!

А пока жив — прядай и сыпь
В самую кипь! В самую кипь!

Огнепоклонник! Не опалюсь!
По мановенью — горят, гаснут!
Огнепоклонник! Не поклонюсь!
В черных пустотах твоих красных

Стройную мощь вы́крутив в жгут —
Мой это бьет — красный лоскут!

27 августа 1921

3

Простоволосая Агарь — сижу,
В широкоокую печаль — гляжу.

В печное зарево раскрыв глаза —
Пустынй карие — твои глаза,—

Забывши: «Верую», купель, потир,—
Справа-налево в них читаю — мир!

Орлы и гады в них, и лунный год,—
Весь грустноглазый твой, чужой народ.

Пески и зори в них, и плащ вождя...
Как ты в огонь глядишь — я на тебя.

Пески не кончатся... Сынок, ударь!
Простой поденщицей была Агарь.

Босая, темная бреду, в тряпье...
— И уж не помню я, что там — в котле!..

28 августа 1921

4

Виноградины тщетно в садах ржавели,
И наложница, тщетно прождав, уснула.
Палестинские жилы! — Смолы тяжéле
Протекает в вас древняя грусть Саула.

Пятидневною раною рот запекся.
Тяжек ход твой, о кровь, приближаясь к сроку!
Так давно уж Саулу-царю не пьется,
Так давно уже землю пытает око.

Иерихонские розы горят на скулах,
И работает грудь наподобье горна.
И влачат, и влачат этот вздох Саулов
Палестинские отроки с кровью черной.

30 августа 1921

СИВИЛЛА И ЮНОША

Векáми, векáми
Свергала, взводила.
Горбачусь — из серого камня — Сивилла.

Пустынные очи
Упорствуют в землю.
Уже не пророчу,—
Зубов не разъемлю.

О дряхлом удаве
Презренных сердец —
Лепечет, лепечет о славе юнец.

Свинцовые веки
Смежила — не выдать!
Свинцовые веки
Смеженные — видят:

В сей нищенской жизни —
Лишь час величавый!
Из серого камня — гляди! — твоя слава.

О дряхлом удаве
Презренных сердец —
Лепечет, лепечет о славе юнец.

1 сентября 1921

* * *

Гордость и робость — ро̀дные сестры,
Над колыбелью, дружные, встали.

«Лоб запрокинув!» — гордость велела.
«Очи потупив!» — робость шепнула.

Так прохожу я — очи потупив —
Лоб запрокинув — Гордость и Робость.

20 сентября 1921

ХАНСКИЙ ПОЛОН

<Из цикла>

1

Ханский полон
Во́ сласть изведав,
Бью крылом
Богу побегов.

Спорый бог,
Скорый бог,
Шпоры в бок-бог!

Оповести
Словом и знаком,
Тех усыпи
Хмелем и маком.

Кровом и мраком будь,
Словом и знаком будь,
Пнем и канавой будь,—
Чтоб все ветра им в грудь!

Черный бог,
Ворон-бог,
По̀лночь-бьет-бог.

Щебнем-травой,
Гребнем-откосом.
Над татарвой
— Тьфу! — над раскосой.

Конь мой земли не тронь,
Лоб мой звезды не тронь,
Вздох мой губы не тронь,
Всадник-конь, перст-ладонь.

Конный бог,
Сонный бог,
Ломом в лоб-бог!

Быстрым ногам —
Крепость и смелость!
По слободам
Век чтобы пелось!

Беглых и босых — бог,
Простоволосых — бог,
Взлет, всплеск, всхлёст, охлёст-бог,
Сам черт на веслах — бог.

Окрик-бог,
Охлёст-бог,
Опрометь-бог!

1 октября 1921

2

Ни тагана
Нет, ни огня.
Нà меня, нá!
Будет с меня

Конскую кость
Жрать с татарвой.
Сопровождай,
Столб верстовой!

— Где ж, быстрота,
Крест-твой-цепòк?
— Крест-мой-цепòк
Хан под сапог.

Град мой в крови,
Грудь без креста,—
Усынови,
Матерь-Верста!

— Где ж, сирота,
Кладь-твоя-дом?
— Скарб — под ребром,
Дом — под седлом,

Хан мой — Мамай,
Хлеб мой — тоска.
К старому в рай,
Паперть-верста!

— Что ж, красота,
К Хану строга?
— К Хану строга?
Память долга!

Князем мне — Хан,
Ямой — Москва.
К ангелам в стан,
Скатерть-верста!

2 октября 1921

3

Следок твой не пытан,
Вихор твой — колтун.

Скрипят под копытом
Разрыв да плакун.

Нетоптаный путь,
Непутевый огонь.—
Ох, Родина-Русь,
Неподкованный конь!

Кумач твой без сбыту,
Палач твой без рук.
Худое корыто
В хоромах — да крюк.

Корою нажрусь,—
Не диковина нонь!
— Ох, Родина-Русь,
Зачарованный конь!

Не вскочишь — не сядешь!
А сел — не пеняй!
Один тебе всадник
По нраву — Мамай!

Раскосая гнусь,
Воровская ладонь...
— Эх, Родина-Русь,
Нераскаянный конь!

8 октября 1921

ЗМЕЙ

Семеро, семеро
Славлю дней!
Семь твоих шкур твоих
Славлю, Змей!

Пустопорожняя
Дань земле —
Старая кожа
Лежит на пне.

Старая сброшена —
Новой жди!
Старую кожу,
Прохожий, жги!

Чтоб уж и не было
Нам: вернись!
Чтобы ни следу
От старых риз!

Снашивай, сбрасывай
Старый день!
В ризнице нашей —
Семижды семь!

16 октября 1921

ХВАЛА АФРОДИТЕ

1

Блаженны дочерей твоих, Земля,
Бросавшие для боя и для бега,
Блаженны — в Елисейские поля
Вступившие, не обольстившись негой.

Там лавр растет, жестоколист и трезв,—
Лавр-летописец, горячитель боя.
— Содружества заоблачный отвес
Не променяю на юдоль любови.

17 октября 1921

2

Уже богов — не те уже щедроты
На берегах — не той уже реки.
В широкие закатные ворота,
Венерины, летите, голубки!

Я ж, на песках похолодевших лежа,
В день отойду, в котором нет числа...
Как змей на старую взирает кожу —
Я молодость свою переросла.

17 октября 1921

3

Тщетно, в ветвях заповедных кроясь,
Нежная стая твоя гремит.
Сластолюбивый роняю пояс,
Многолюбивый роняю мирт.

Тяжкоразящей стрелой тупою
Освободил меня твой же сын.
— Так, о престол моего покоя,
Пеннорожденная, пеной сгинь!

18 октября 1921

4

Сколько их, сколько их ест из рук,
Белых и сизых!
Целые царства воркуют вкруг
Уст твоих, Низость!

Не переводится смертный пот
В золоте кубка.
И полководец гривастый льнет
Белой голубкой.

Каждое облако в час дурной
Грудью круглится.
В каждом цветке придорожном — твой
Лик, Дьяволица!

Бренная пена, морская соль...
В пене и в муке —
Повиноваться тебе — доколь,
Камень безрукий?

23 октября 1921

* * *

С такою силой в подбородок руку
Вцепив, что судорогой вьется рот,
С такою силою поняв разлуку,
Что, кажется, и смерть не разведет,—

Так знаменосец покидает знамя,
Так на помосте матерям: «Пора!»,
Так в ночь глядит — последними глазами —
Наложница последнего царя.

24 октября 1921

МОЛОДОСТЬ

1

Молодость моя! Моя чужая
Молодость! Мой сапожок непарный!
Воспаленные глаза сужая,
Так листок срывают календарный.

Ничего из всей твоей добычи
Не взяла задумчивая Муза.
Молодость моя! Назад не кличу.
Ты была мне ношей и обузой.

Ты́ в ночи начесывала гребнем,
Ты́ в ночи оттачивала стрелы.
Щедростью твоей давясь, как щебнем,
За чужие я грехи терпела.

Скипетр тебе вернув до сроку —
Что̀ уже душе до яств и брашна!
Молодость моя! Моя морока —
Молодость! Мой лоскуток кумашный!

18 ноября 1921

2

Скоро уж из ласточек — в колдуньи!
Молодость! Простимся накануне.
Постоим с тобою на ветру.
Смуглая моя! Утешь сестру!

Полыхни малиновою юбкой,
Молодость моя! Моя голубка
Смуглая! Раззор моей души!
Молодость моя! Утешь, спляши!

Полосни лазоревою шалью,
Шалая моя! Пошалевали
Досыта с тобой! Спляши, ошпарь!
Золотце мое — прощай, янтарь!

Неспроста руки твоей касаюсь,
Как с любовником с тобой прощаюсь.
Вырванная из грудных глубин —
Молодость моя! — Иди к другим!

20 ноября 1921

МУЗА

Ни грамот, ни праотцев,
Ни ясного сокола.
Идет-отрывается,—
Такая далекая!

Под смуглыми веками —
Пожар златокрылый.
Рукою обветренной
Взяла — и забыла.

Подол неподобранный,
Ошметок оскаленный.
Не злая, не добрая,
А так себе: дальняя.

Не плачет, не сетует:
Рванул — так и милый!
Рукою обветренной
Дала — и забыла.

Забыла — и россыпью
Гортанною, клекотом...
— Храни ее, Господи,
Такую далекую!

19 ноября 1921

ОРФЕЙ

Так плыли: голова и лира:
Вниз, в отступающую даль.
И лира уверяла: — мира!
А губы повторяли: — жаль!

Крово-серебряный, серебро-
Кровавый след двойной лия,
Вдоль обмирающего Гебра —
Брат нежный мой! сестра моя!

Порой, в тоске неутолимой,
Ход замедлялся головы.
Но лира уверяла: — мимо!
А губы ей вослед: — увы!

В даль-зыблющимся изголовьем
Сдвигаемые, как венцом,—
Не лира ль истекает кровью?
Не волосы ли — серебром?

Так, лестницею нисходящей
Речною — в колыбель зыбей.
Так, к острову тому, где слаще,
Чем где-либо,— лжет соловей...

Где осиянные останки?
Волна соленая,— ответь!
Простоволосой лесбиянки,
Быть может, вытянула сеть?

1 декабря 1921

* * *

Так говорю, ибо дарован взгляд
Мне в игры хоровые:
Нет, пурпурные с головы до пят,
А вовсе не сквозные!

Так — довожу: лба осиянный свод
Надменен до бесчувствья.
И если радугою гнется рот —
То вовсе не от грусти.

Златоволосости хотел? Стыда?
Вихрь — и костер лавровый!
И если нехотя упало: *да* —
Нет — их второе слово.

Мнил — проволокою поддержан бег?
Нет, глыбы за плечами!
В полуопущенности смуглых век
Стрел больше, чем в колча́не!

О, в каждом повороте головы —
Целая преисподня!
Я это утверждаю: таковы,
Да,— ибо рать Господня.

Медновскипающие табуны —
В благовест мы — как в битву!

Какое дело нам до той слюны,
Названной здесь молитвой?!

Путеводители старух? Сирот?
— Всполохи заревые! —
Так утверждаю, ибо настежь вход
Мне в игры хоровые.

14 декабря 1921

ВЕСТЬ

Необычайная она! Сверх сил!
Не обвиняй меня пока! Забыл!
Благословенна ты! Велел сказать —
Благословенна ты! А дальше гладь

Такая ровная... Постой: меж жен
Благословенна ты... А дальше звон
Такой ликующий... Дитя, услышь:
Благословенна ты! А дальше тишь —
Такая...

18 декабря 1921

АХМАТОВОЙ

Кем полосынька твоя
Нынче выжнется?
Чернокосынька моя,
Чернокнижница!

Дни полночные твои,
Век твой таборный...
Все работнички твои
Разом забраны.

Где сподручники твои,
Те сподвижнички?
Белорученька моя,
Чернокнижница!

Не загладить тех могил
Слезой, славою.
Один заживо ходил —
Как удавленный.

Другой к стеночке пошел
Искать прибыли.
(И гордец же был — сокòл!)
Разом выбыли.

Высокò твои братья!
Не докличешься!
Ясносоконька моя,
Чернокнижница!

А из тучи-то (хвала —
Диво дивное!)
Соколиная стрела,
Голубиная...

Знать, в два перышка тебе
Пишут тамотка,
Знать, уж вскорости тебе
Выйдет грамотка:

— Будет крылышки трепать
О булыжники!
Чернокрылонька моя!
Чернокнижница!

29 декабря 1921

НОВОГОДНЯЯ

С. Э.

Тот — вздохом взлелеянный,
Те — жестоки и смуглы.
Залетного лебедя
Не обижают орлы.

К орлам — не по записи:
Кто залетел — тот и брат!
Вольна наша трапеза,
Дик новогодний обряд.

Гуляй, пока хочется,
В гостях у орла.
Мы — вольные летчики,
Наш знак — два крыла!

Под гулкими сводами
Бои: взгляд о взгляд, сталь об сталь.
То ночь новогодняя
Бьет хрусталем о хрусталь.

Попарное звяканье
Судеб: взгляд о взгляд, грань о грань.
Зрачками невнятными
Один — в новогоднюю рань...

Не пей, коль не хочется!
Гуляй вдоль стола!
Мы — вольные летчики,
Наш знак — два крыла!

Соборной лавиною
На лбы — новогодний обвал.
Тоска лебединая,
В очах твоих Дон ночевал.

Тоска лебединая,
Протяжная — к родине — цепь...
Мы знаем единую
Твою,— не донская ли степь?

Лети, куда хочется!
На то и стрела!
Мы — вольные летчики,
Наш век — два крыла!

18 января 1922

* * *

Каменногрудый,
Каменнолобый,
Каменнобровый
Столб:
Рок.

Промысел, званье!
Вставай в ряды!
Каменной дланью
Равняет лбы.

Хищен и слеп,
Хищен и глуп.

Милости нет:
Каменногруд.

Ведомость, номер!
Без всяких прочих!
Равенство — мы:
Никаких высочеств!

Выравнен? Нет?
Кланяйся праху!
Пушкин — на снег,
И Шенье — на плаху.

19 января 1922

ПОСМЕРТНЫЙ МАРШ

Добровольчество — это добрая воля к смерти...
(Попытка толкования)

И марш вперед уже,
Трубят в поход.
О как встает она,
О как встает...

Уронив лобяной облом
В руку, судорогой сведенную,
— Громче, громче! — Под плеск знамен
Не взойдет уже в залу тронную!

И марш вперед уже,
Трубят в поход.
О как встает она,
О как встает...

Не она ль это в зеркалах
Расписалась ударом сабельным?
В едком верезге хрусталя
Не ее ль это смех предсвадебный?

И марш вперед уже,
Трубят в поход.
О как встает она,
О как —

Не она ли из впалых щек
Продразнилась крутыми скулами?
Не она ли под локоток:
— Третьим, третьим вчерась прикуривал!

И марш вперед уже,
Трубят в поход.
О как —

А — в просторах — Норд-ост и шквал.
— Громче, громче промежду ребрами! —
Добровольчество! Кончен бал!
Послужила вам воля добрая!

И марш вперед уже,
Трубят —

Не чужая! Твоя! Моя!
Всех как есть обнесла за ужином!
— Долгой жизни, Любовь моя!
Изменяю для новой суженой...

И марш —

23 января 1922

ДОЧЬ ИАИРА

1

Мимо иди!
Это великая милость.
Дочь Иаира простилась
С куклой (с любовником!) и с красотой.
Этот просторный покрой
Юным к лицу.

2

В просторах покроя —
Потерянность тела,
Посмертная сквозь.

Девица, не скроешь,
Что кость захотела
От косточки врозь.

Зачем, равнодушный,
Противу закону
Спешащей реки —

Слез женских послушал
И о̀тчего стону —
Душе вопреки!

Сказал — и воскресла,
И смутно, по памяти,
В мир хлеба и лжи.

Но поступь надтреснута,
Губы подтянуты,
Руки свежи.

И всё как спросоньица
Немеют конечности.
И в самый базар

С дороги не тронется
Отвесной.— То Вечности
Бессмертный загар.

Привыкнет — и свыкнутся.
И в белом, как надобно,
Меж плавных сестер...

Те юную скрытницу
Лавиною свадебной
Приветствует хор.

Рукой его согнута,
Смеется — всё заново!
Всё роза и гроздь!

Но между любовником
И ею — как занавес
Посмертная сквозь.

16—17 февраля 1922

НА ЗАРЕ...

На заре — наимедленнейшая кровь,
На заре — наиявственнейшая тишь.
Дух от плоти косной берет развод,
Птица клетке костной дает развод,

Око зрит — невидимейшую даль,
Сердце зрит — невидимейшую связь...
Ухо пьет — неслыханнейшую молвь...
Над разбитым Игорем плачет Див.

18 февраля 1922

* * *

Переселенцами —
В какой Нью-Йорк?
Вражду вселенскую
Взвалив на горб —

Ведь и медведи мы!
Ведь и татары мы!
Вшами изъедены
Идем — с пожарами!

Покамест — в долг еще!
А там, из тьмы —
Сонмы и полчища
Таких, как мы.

Полураскосая
Стальная щель.
Дикими космами
От плеч — метель.

— Во имя Господа!
Во имя Разума! —
Ведь и короста мы,
Ведь и проказа мы!

Волчьими искрами
Сквозь вьюжный мех —
Звезда российская:
Противу всех!

Отцеубийцами —
В какую дичь?
Не ошибиться бы,
Вселенский бич!

«Люд земледельческий,
Вставай с постелею!»

И вот с расстрельщиком
Бредет расстрелянный,

И дружной папертью,
— Рвань к голытьбе:
«Мир белоскатертный!
Ужо тебе!»

22 февраля 1922

* * *

Есть час на те слова.
Из слуховых глушизн
Высокие права
Выстукивает жизнь.

Быть может — от плеча,
Протиснутого лбом.
Быть может — от луча,
Невидимого днем.

В напрасную струну
Прах — взмах на простыню.
Дань страху своему
И праху своему.

Жарких самоуправств
Час — и тишайших просьб.
Час безземельных братств.
Час мировых сиротств.

Берлин, 11 июня 1922

ЗЕМНЫЕ ПРИМЕТЫ

1

Так, в скудном труженичестве дней,
Так, в трудной судорожности к ней,
Забудешь дружественный хорей
Подруги мужественной своей.

Ее суровости горький дар,
И легкой робостью скрытый жар,

И тот беспроволочный удар,
Которому имя — даль.

Все древности, кроме: *дай* и *мой*,
Все ревности, кроме той, земной,
Все верности,— но и в смертный бой
Неверующим Фомой.

Мой неженка! Сединой отцов:
Сей беженки не бери под кров!
Да здравствует левогрудый ков
Немудрствующих концов!

Но, может, в щебетах и в счетах
От вечных женственностей устав —
И вспомнишь руку мою без прав
И мужественный рукав.

Уста, не требующие смет,
Права, не следующие вслед,
Глаза, не ведающие век,
Исследующие: свет.

15 июня 1922

2

Ищи себе доверчивых подруг,
Не выправивших чуда на число.
Я знаю, что Венера — дело рук,
Ремесленник — и знаю ремесло:

От высокоторжественных немот
До полного попрания души:
Всю лестницу божественную — от:
Дыхание мое — до: не дыши!

18 июня 1922

3

(БАЛКОН)

Ах, с откровенного отвеса —
Вниз — чтобы в прах и в смоль!
Земной любови недовесок
Слезой солить — доколь?

Балкон. Сквозь соляные ливни
Смоль поцелуев злых.

И ненависти неизбывной
Вздох: выдышаться в стих!

Стиснутое в руке комочком —
Что́: сердце или рвань
Батистовая? Сим примочкам
Есть имя — Иордань.

Да, ибо этот бой с любовью
Дик и жестокосерд.
Дабы с гранитного надбровья
Взмыв — выдышаться в смерть!

30 июня 1922

4

Руки — и в круг
Перепродаж и переуступок!
Только бы губ,
Только бы рук мне не перепутать!

Этих вот всех
Суетностей, от которых сна нет.
Руки воздев,
Друг, заклинаю свою же память!

Чтобы в стихах
(Свалочной яме моих высочеств!)
Ты не зачах,
Ты не усох наподобье прочих.

Чтобы в груди
(В тысячегрудой моей могиле
Братской!) — дожди
Тысячелетий тебя не мыли...

Тело меж тел,
— Ты, что мне про́падом был двухзвёздным!..
Чтоб не истлел
С надписью: не опознан.

9 июля 1922

5

Удостоверишься — повремени! —
Что, выброшенной на солому,
Не надо было ей ни славы, ни
Сокровищницы Соломона.

Нет, руки за́ голову заломив,
— Глоткою соловьиной! —
Не о сокровищнице — Суламифь:
Горсточке красной глины!

12 июля 1922

6

Дабы ты меня не видел —
В жизнь — пронзительной, незримой
Изгородью окружусь.

Жимолостью опояшусь,
Изморозью опушусь.

Дабы ты меня не слушал
В ночь — в премудрости старушьей:
Скрытничестве — укреплюсь.

Шорохами опояшусь,
Шелестами опушусь.

Дабы ты во мне не слишком
Цвел — по зарослям: по книжкам
Заживо запропащу:

Вымыслами опояшу,
Мнимостями опушу.

25 июня 1922

7

(ВОЛОСЫ)

Вкрадчивостию волос:
В гладь и в лоск
Оторопию продольной —

Синь полу́нощную, масть
Воронову. — Вгладь и всласть
Оторопи вдоль — ладонью.

Неженка! — Не обманись!
Так заглаживают мысль
Злостную: разрыв — разлуку —

Лестницы последний скрип...
Так заглаживают шип
Розовый...— Поранишь руку!

Ве́домо мне в жизни рук
Многое.— Из светлых дуг
Присталью неотторжимой

Весь противушерстный твой
Строй выслеживаю: смоль,
Стонущую под нажимом.

Жалко мне твоей упор-
ствующей ладони: в лоск
Волосы,— вот-вот уж через

Край — глаза... Загнана внутрь
Мысль навязчивая: утр
Наваждение — под череп!

17 июля 1922

8

Леты слепотекущий всхлип.
Долг твой тебе отпущен: слит
С Летою,— еле-еле жив
В лепете сребротекущих ив.

Ивовый сребролетейский плеск
Плачущий... В слепотекущий склеп
Памятей — перетомилась! — спрячь
В ивовый среброЛетейский плач.

На́ плечи — сребро-седым плащом
Старческим, сребро-сухим плющом
На́ плечи — перетомилась! — ляг,
Ладанный, слеполетейский мрак

Маковый...
— ибо красный цвет
Старится, ибо пурпур — сед
В памяти, ибо, выпив всю —
Сухостями теку.

Тусклостями: ущербленных жил
Скупостями, молодых сивилл
Слепостями, головных истом
Седостями: свинцом.

31 июля 1922

* * *

Ночные шепота: шелка
Разбрасывающая рука.
Ночные шепота: шелка
Разглаживающие уста.
                                        Счета
Всех ревностей дневных —
                                                      и вспых
Всех древностей — и стиснув челюсти —
И стих
Спор —
В шелесте...
И лист
В стекло...
И первой птицы свист.
— Сколь чист! — И вздох.
Не тот.— Ушло.
Ушла.
И вздрог
Плеча.

Ничто.
Тщета.
Конец.
Как нет.

И в эту суету сует
Сей меч: рассвет.

17 июня 1922

* * *

Когда же, Господин,
На жизнь мою сойдет
Спокойствие седин,
Спокойствие высот.

Когда ж в пратишину
Тех первоглубизн
Высокое плечо,
Всю вынесшее жизнь.

Ты, Господи, один,
Один, никто из вас,

Как с пуховых горбин
В синь горнюю рвалась.

Как под упорством уст
Сон — слушала — траву...
(Здесь, на земле искусств,
Словесницей слыву!)

И как меня томил
Лжи — ломовой оброк,
Как из последних жил
Дерева первый вздрог...

Дерева — первый — вздрог,
Голубя — первый — ворк.
(Это не твой ли вздрог,
Гордость, не твой ли ворк,
Верность?) — Остановись.
Светопись зорких стрел!
В тайнописи любви
Небо — какой пробел!

Если бы — не — рассвет:
Дребезг, и свист, и лист,
Если бы не сует
Сих суета — сбылись

Жизни б...
                Не луч, а бич —
В жимолость нежных тел.
В опромети добыч
Небо — какой предел!

День. Ломовых дрог
Ков.— Началась.— Пошла.
Дикий и тихий вздрог
Вспомнившего плеча.

Прячет...
                Как из ведра -
Утро. Малярный мел.
В летописи ребра
Небо — какой пробел!

22—23 июня 1922

* * *

Здравствуй! Не стрела, не камень:
Я! — живейшая из жен:
Жизнь. Обеими руками
В твой невыспавшийся сон.

Дай! (На языке двуостром:
Нá! — Двуострота змеи!)
Всю меня в простоволосой
Радости моей прими!

Льни! — Сегодня день на шхуне,
— Льни! — на лыжах! — Льни! — льняной!
Я сегодня в новой шкуре:
Вызолоченной, седьмой!

— Мой! — и о каких наградах
Рай — когда в руках, у рта —
Жизнь: распахнутая радость
Поздороваться с утра!

25 июня 1922

* * *

В пустынной хрáмине
Троилась — ладаном.
Зерном и пламенем
На темя падала...

В ночные клёкоты
Вступала — ровнею.
— Я буду крохотной
Твоей жаровнею:

Домашней утварью:
Тоску раскуривать,
Ночную скуку гнать,
Земные руки греть!

С груди безжалостной
Богов — пусть сброшена!
Любовь досталась мне
Любáя: бóльшая!

С такими путами!
С такими льготами!
Пол-жизни? — Всю тебе!
По-локоть? — Во́т она!

За то, что требуешь,
За то, что мучаешь,
За то, что бедные
Земные руки есть...

Тщета! — Не выверишь
По амфибрахиям!
В груди пошире лишь
Глаза распахивай,

Гляди, не Логосом
Пришла, не Вечностью:
Пустоголовостью
Твоей щебечущей

К груди...
— Не властвовать!
Без слов и на́ слово —
Любить... Распластаннейшей
В мире — ласточкой!

Берлин, 26 июня 1922

* * *

Неподражаемо лжет жизнь:
Сверх ожидания, сверх лжи...
Но по дрожанию всех жил
Можешь узнать: жизнь!

Словно во ржи лежишь: звон, синь...
(Что ж, что во лжи лежишь!) — жар, вал...
Бормот — сквозь жимолость — ста жал...
Радуйся же! — Звал!

И не кори меня, друг, столь
Заворожимы у нас, тел,
Ду́ши — что вот уже: лбом в сон,
Ибо — зачем пел?

В белую книгу твоих тишизн,
В дикую глину твоих «да» —
Тихо склоняю облом лба:
Ибо ладонь — жизнь.

8 июля 1922

БЕРЛИНУ

Дождь убаюкивает боль.
Под ливни опускающихся ставень
Сплю. Вздрагивающих асфальтов вдоль
Копыта — как рукоплесканья.

Поздравствовалось — и слилось.
В оставленности златозарной
Над сказочнейшим из сиротств
Вы смилостивились, казармы!

Берлин, 10 июля 1922

* * *

Светло-серебряная цвель
Над зарослями и бассейнами.
И занавес дохнет — и в щель
Колеблющийся и рассеянный

Свет... Падающая вода
Чадры. (Не прикажу — не двинешься!)
Так пери к спящим иногда
Прокрадываются в любимицы.

Ибо не ведающим лет
— Спи! — головокруженье нравится.
Не вычитав моих примет,
Спи, нежное мое неравенство!

Спи.— Вымыслом останусь, лба
Разглаживающим неровности.
Так Музы к смертным иногда
Напрашиваются в любовницы.

16 июля 1922

ИЗ ЦИКЛА «СИВИЛЛА»

1

Сивилла: выжжена, сивилла: ствол.
Все птицы вымерли, но Бог вошел.

Сивилла: выпита, сивилла: сушь.
Все жилы высохли: ревностен муж!

Сивилла: выбыла, сивилла: зев
Доли и гибели. — Древо меж дев.

Державным деревом в лесу нагом —
Сначала деревом шумел огонь.

Потом, под веками — вразбег, врасплох,
Сухими реками взметнулся Бог.

И вдруг, отчаявшись искать извне,
Сердцем и голосом упав: во мне!

Сивилла: вещая! Сивилла: свод!
Так Благовещенье свершилось в тот

Час нестареющий, так в седость трав
Бренная девственность, пещерой став

Дивному голосу...
— так в звездный вихрь
Сивилла: выбывшая из живых.

Прага, 5 августа 1922

2

Каменной глыбой серой,
С веком порвав родство.
Тело твое — пещера
Голоса твоего.

Недрами — в ночь, сквозь слепость
Век, слепотой бойниц.
Глухонемая крепость
Над пестротою жниц.

Кутают ливни плечи
В плащ, плесневеет гриб.

Тысячелетья плещут
У столбняковых глыб.

Горе горé! Под толщей
Век, в прозорливых тьмах —
Глиняные осколки
Царств и дорожный прах

Битв...

6 августа 1922

БЕРЕГИСЬ...

Но тесна вдвоем
Даже радость утр.
Оттолкнувшись лбом
И подавшись внутрь

(Ибо странник — Дух,
И идет один),
До начальных глин
Потупляя слух —

Над источником
Слушай-слушай, Адам,
Чтó проточные
Жилы рек — берегам:

— Ты и путь и цель,
Ты и след и дом.
Никаких земель
Не открыть вдвоем.

В горний лагерь лбов
Ты и мост и взрыв.
(Самовластен — Бог
И меж всех ревнив.)

Над источником
Слушай-слушай, Адам,
Чтó проточные
Жилы рек — берегам:

— Берегись слуги,
Дабы в отчий дом

В гордый час трубы
Не предстать рабом.

Берегись жены,
Дабы, сбросив прах,
В голый час трубы
Не предстать в перстнях.

Над источником
Слушай-слушай, Адам.
Что́ проточные
Жилы рек — берегам:

— Берегись! Не строй
На родстве высот.
(Ибо крепче — *той*
В нашем сердце — *тот*.)

Говорю, не льстись
На орла,— скорбит
Об упавшем ввысь
По сей день — Давид!

Над источником
Слушай-слушай, Адам,
Что́ проточные
Жилы рек — берегам:

— Берегись могил:
Голодней блудниц!
Мертвый был и сгнил:
Берегись гробниц!

От вчерашних правд
В доме — смрад и хлам.
Даже самый прах
Подари ветрам!

Над источником
Слушай-слушай, Адам,
Что́ проточные
Жилы рек — берегам:

— Берегись...

8 августа 1922

ДЕРЕВЬЯ

Моему чешскому другу,
Анне Антоновне Тесковой

1

В смертных изверясь,
Зачароваться не тщусь.
В старческий вереск,
В среброскользящую сушь,

— Пусть моей тени
Славу трубят трубачи! —
В вереск-потери,
В вереск-сухие ручьи.

Старческий вереск!
Голого камня нарост!
Удостоверясь
В тождестве наших сиротств,

Сняв и отринув
Клочья последней парчи —
В вереск-руины,
В вереск-сухие ручьи.

Жизнь: двоедушье
Дружб и удушье уродств.
Седью и сушью
(Ибо вожатый — суров),

Ввысь, где рябина
Краше Давида-царя!
В вереск-седины,
В вереск-сухие моря.

5 сентября 1922

2

Когда обидой — опилась
Душа разгневанная,
Когда семижды зареклась
Сражаться с демонами —

Не с теми, ливнями огней
В бездну нисхлестнутыми:

С земными низостями дней,
С людскими косностями,—

Деревья! К вам иду! Спастись
От рева рыночного!
Вашими вымахами ввысь
Как сердце выдышано!

Дуб богоборческий! В бои
Всем корнем шествующий!
Ивы-провидицы мои!
Березы-девственницы!

Вяз — яростный Авессалом,
На пытке вздыбленная
Сосна — ты, уст моих псалом:
Горечь рябиновая...

К вам! В живоплещущую ртуть
Листвы — пусть рушащейся!
Впервые руки распахнуть!
Забросить рукописи!

Зеленых отсветов рои...
Как в руки — плещущие...
Простоволосые мои,
Мои трепещущие!

8 сентября 1922

3

Купальщицами, в легкий круг
Сбитыми — стаей
Нимф-охранительниц — и вдруг,
Гривы взметая,

В закинутости лбов и рук,
— Свиток развитый! —
В пляске, кончающейся вдруг
Взмахом защиты —

Длинную руку на бедро...
Вытянув выю...
Березовое серебро
Ручьи живые!

9 сентября 1922

4

Други! Братственный сонм!
Вы, чьим взмахом сметен
След обиды земной.
Лес! — Элизиум мой!

В громком таборе дружб
Собутыльница душ,
Кончу, трезвость избрав,
День — в тишайшем из братств.

Ах, с топочущих стогн
В легкий жертвенный огнь
Рощ! В великий покой
Мхов! В струение хвой...

Древа вещая весть!
Лес, вещающий: Есть
Здесь, над сбродом кривизн —
Совершенная жизнь:

Где ни рабств, ни уродств,
Там, где всё во весь рост,
Там, где правда видней:
По ту сторону дней...

17 сентября 1922

5

Беглецы? Вестовые?
Отзовись, коль живые!
Чернецы верховые,
В чащах бога узрев?

Сколько мчащих сандалий!
Сколько пышущих зданий!
Сколько гончих и ланей —
В убеганьи дерев!

Лес! Ты нынче — наездник!
То, что люди болезнью
Называют: последней
Судорогою древес —

Это — в платье просторном —
Отрок, нектаром вскормлен.

Это — сразу и с корнем
Ввысь сорвавшийся лес!

Нет, иное: не хлопья —
В сухолистом потопе!
Вижу: опрометь копий!
Слышу: рокот крове́й!

И в разверстой хламиде
Пролетая — кто видел?! —
То Саул за Давидом:
Смуглой смертью своей!

3 октября 1922

6

Не краской, не кистью!
Свет — царство его, ибо сед.
Ложь — красные листья:
Здесь свет, попирающий цвет.

Цвет, попранный светом.
Свет — цвету пятою на грудь.
Не в этом, не в этом
ли: тайна, и сила, и суть

Осеннего леса?
Над тихою заводью дней
Как будто завеса
Рванулась — и грозно за ней...

Как будто бы сына
Провидишь сквозь ризу разлук —
Слова: Палестина
Встают, и Элизиум вдруг...

Струенье... Скворженье...
Сквозь трепетов мелкую вязь —
Свет, смерти блаженнее,
И — обрывается связь.

———

Осенняя седость.
Ты, Гетевский апофеоз!
Здесь многое спелось,
А больше еще — расплелось.

Так светят седины:
Так древние главы семьи —
Последнего сына,
Последнейшего из семи —

В последние двери —
Простертым свечением рук...
(Я краске не верю!
Здесь пурпур — последний из слуг!)

...Уже и не светом:
Каким-то свеченьем светясь...
Не в этом, не в этом
ли — и обрывается связь.

Так светят пустыни.
И — больше сказав, чем могла:
Пески Палестины,
Элизиума купола...

9 октября 1922

7

Та, что без видения спала,—
Вздрогнула и встала.
В строгой постепенности псалма,
Зрительною скáлой —

Сонмы просыпающихся тел:
Руки! — Руки! — Руки!
Словно воинство под градом стрел,
Спелое для мýки.

Свитки рассыпающихся в прах
Риз, сквозных как сети.
Руки, прикрывающие пах,
(Девственниц!) — и плети

Старческих, не знающих стыда...
Отроческих — птицы!
Конницею на трубу суда!
Стан по поясницу

Выпростав из гробовых пелен —
Взлет седобородый:

Есмь! — Переселенье! — Легион!
Целые народы

Выходцев! — На милость и на гнев!
Ви́ди! — Бу́ди! — Вспомни!
...Несколько взбегающих дерев
Вечером, на всхолмье.

13 октября 1922

8

Кто-то едет — к смертной победе.
У деревьев — жесты трагедий.
Иудеи — жертвенный танец!
У деревьев — трепеты таинств.

Это — заговор против века:
Веса, счета, времени, дроби.
Се — разодранная завеса:
У деревьев — жесты надгробий...

Кто-то едет. Небо — как въезд.
У деревьев — жесты торжеств.

7 мая 1923

9

Каким наитием,
Какими истинами,
О чем шумите вы,
Разливы лиственные?

Какой неистовой
Сивиллы таинствами —
О чем шумите вы,
О чем беспамятствуете?

Что в вашем веянье?
Но знаю — лечите
Обиду Времени
Прохладной Вечности.

Но юным гением
Восстав — порочите
Ложь лицезрения
Перстом заочности.

Чтоб вновь, как некогда,
Земля — *казалась* нам.
Чтобы *под ве́ками*
Свершались замыслы.

Чтобы монетами
Чудес — не чваниться!
Чтобы *под веками*
Свершались таинства!

И прочь от прочности!
И прочь от срочности!
В поток! — В пророчества
Речами косвенными...

Листва ли — листьями?
Сивилла ль — выстонала?
...Лавины лиственные,
Руины лиственные...

9 мая 1923

* * *

Золото моих волос
Тихо переходит в седость.
Не жалейте: все сбылось,
Все в груди слилось и — спелось.

Спелось — как вся даль слилась
В стонущей трубе окраины.
Господи! Душа сбылась,—
Умысел твой самый тайный.

Несгорающую соль
Дум моих — ужели пепел
Фениксов отдам за смоль
Временных великолепий?

Да и ты посеребрел,
Спутник мой! К громам и ды́мам,
К молодым сединам *дел* —
Дум моих причти седины.

Горделивый златоцвет,
Роскошью своей не чванствуй:
Молодым railinam бед
Лавр пристал — и дуб гражданский.

Между 17 и 23 сентября 1922

ЗАВОДСКИЕ

1

Стоят в чернорабочей хмури
Закòпченные корпуса.
Над копотью взметают кудри
Растроганные небеса.

В надышанную сирость чайной
Картуз засаленный бредет,
Последняя труба окрайны
О праведности вопиет.

Труба! Труба! Лбов искаженных
Последнее: еще мы тут!
Какая нá-смерть осужденность
В той жалобе последних труб!

Как в вашу бархатную сытость
Вгрызается их жалкий вой!
Какая зáживо-зарытость
И выведенность на убой!

А Бог? — По самый лоб закурен,
Не вступится! Напрасно ждем!
Над койками больниц и тюрем
Он гвоздиками пригвожден.

Истерзанность! Живое мясо!
И было так и будет — до
Скончания.
                    — Всем песням насыпь,
И всех отчаяний гнездо:

Завод! Завод! Ибо зовется
Заводом этот черный взлет.
К отчаянью трубы завòдской
Прислушайтесь — ибо зовет

Завод. И никакой посредник
Уж не послужит вам тогда,
Когда над городом последним
Взревет последняя труба.

23 сентября 1922

2

Книгу вечности на людских устах
Не вотще листав —
У последней, последней из всех застав,
Где начало трав

И начало правды... На камень сев,
Птичьим стаям вслед...
Ту последнюю — дальнюю — дальше всех
Дальних — дольше всех...

Далечайшую...
Говорит: приду!
И еще: в гробу!
Труднодышащую — наших дел судью
И рабу — трубу,

Что над городом утвержденных зверств,
Прокаженных детств,
В дымном олове — как позорный шест
Поднята, как перст.

Голос шахт и подвалов,—
Лбов на чахлом стебле! —
Голос сирых и малых,
Злых — и правых во зле:

Всех прокопченных, коих
Черт за корку купил!
Голос стоек и коек,
Рычагов и стропил.

Кому — нету отбросов:
Сам — последний ошмет!
Голос всех безголосых
Под бичом твоим,— Тот!

Погребов твоих щебет,
Где растут без луча.
Кому нету отребьев:
Сам — с чужого плеча!

Шевельнуться не смеет:
Родился — и лежи!
Голос маленьких швеек
В проливные дожди.

Черных прачешен кашель,
Вшивой ревности зуд.
Крик, что кровью окрашен:
Там, где любят и бьют...

Голос, бьющийся в прахе
Лбом — о кротость Твою,
(Гордецов без рубахи
Голос — свой узнаю!)

Еженощная ода
Красоте твоей, тверды!
Всех — кто с черного хода
В жизнь, и шепотом в смерть...

У последней, последней из всех застав,
Там, где каждый прав —
Ибо все́ бесправны — на камень встав,
В плеске первых трав...

И навстречу, с безвестной
Башни — в каторжный вой:
Голос правды небесной
Против правды земной.

26 сентября 1922

СЕДЫЕ ВОЛОСЫ

Это пеплы сокровищ:
Утрат, обид.
Это пеплы, пред коими
В прах — гранит.

Голубь голый и светлый,
Не живущий четой.
Соломоновы пеплы
Над великой тщетой.

Беззакатного времени
Грозный мел.

Значит, Бог в мои двери —
Раз дом сгорел!

Не удушенный в хламе,
Снам и дням господин,
Как отвесное пламя
Дух — из ранних седин!

И не вы меня предали,
Годы, в тыл!
Эта седость — победа
Бессмертных сил.

27 сентября 1922

ХВАЛА БОГАТЫМ

И засим, упредив заране,
Что меж мной и тобою — мили!
Что себя причисляю к рвани,
Что честно̀ мое место в мире:

Под колесами всех излишеств:
Стол уродов, калек, горбатых...
И засим, с колокольной крыши
Объявляю: *люблю* богатых!

За их корень, гнилой и шаткий,
С колыбели растящий рану,
За растерянную повадку
Из кармана и вновь к карману.

За тишайшую просьбу уст их,
Исполняемую как окрик.
И за то, что их в рай не впустят,
И за то, что в глаза не смотрят.

За их тайны — всегда с нарочным!
За их страсти — всегда с рассыльным!
За навязанные им ночи,
(И целуют и пьют насильно!)

И за то, что в учетах, в скуках,
В позолотах, в зевотах, в ватах,
Вот меня, наглеца, не купят —
Подтверждаю: *люблю* богатых!

А еще, несмотря на бритость,
Сытость, питость (моргну — и трачу!),
За какую-то — вдруг — побитость,
За какой-то их взгляд собачий,

Сомневающийся...
                — не стержень
ли к нулям? Не шалят ли гири?
И за то, что меж всех отверженств
Нет — такого сиротства в мире!

Есть такая дурная басня:
Как верблюды в иглу пролезли.
...За их взгляд, изумленный на́смерть,
Извиняющийся в болезни,

Как в банкротстве... «Ссудил бы... Рад бы —
Да...»
        За тихое, с уст зажатых:
«По каратам считал, я — брат был...»,
Присягаю: *люблю* богатых!

30 сентября 1922

* * *

Спаси, Господи, дым!
— Дым-то, Бог с ним! А главное — сырость!
С тем же страхом, с каким
Переезжают с квартиры:

С той же лампою вплоть,—
Лампой нищенств, студенчеств, окраин.
— Хоть бы деревце, хоть
Для детей! — И каков-то хозяин?

И не слишком ли строг
Тот, в монистах, в монетах, в туманах,
Непреклонный как рок
Перед судорогою карманов?

И каков-то сосед?
Хорошо б холостой, да потише!
Тоже сладости нет
В том-то, в старом — да *нами* надышан

Дом, пропитан насквозь!
Нашей затхлости запах! Как с ватой
В ухе — спелось, сжилось!
Не чужими: своими захватан!

Стар-то стар, сгнил-то сгнил,
А все мил... А уж тут: номера ведь!
Как рождаются в мир —
Я не знаю; но *так* умирают.

30 сентября 1922

БОГ

1

Лицо без обличия.
Строгость.— Прелесть.
Все́ ризы делившие
В тебе спелись.

Листвою опавшею,
Щебнем рыхлым.
Все́ криком кричавшие
В тебе стихли.

Победа над ржавчиной —
Кровью — сталью.
Все́ навзничь лежавшие
В тебе встали.

1 октября 1922

2

Нищих и горлиц
Сирый распев.
То не твои ли
Ризы простерлись
В беге дерев?

Рощ, перелесков.

Книги и храмы
Людям отдав — взвился.
Тайной охраной
Хвойные мчат леса:
— Скроем! — Не выдадим!

Следом гусиным
Землю на сон крестил.
Даже осиной
Мчал — и ее простил:
Даже за сына!

Нищие пели:
— Темен, ох, темен лес!
Нищие пели:
— Сброшен последний крест!
Бог из церквей воскрес!

4 октября 1922

3

О, его не привяжете
К вашим знакам и тяжестям!
Он в малейшую скважинку,
Как стройнейший гимнаст...

Разводными мостами и
Перелетными стаями,
Телеграфными сваями
Бог — уходит от нас.

О, его не приучите
К пребыванью и к участи!
В чувств оседлой распутице
Он — седой ледоход.

О, его не догоните!
В домовитом поддоннике
Бог — ручною бегонией
На окне не цветет!

Всé под кровлею сводчатой
Ждали зова и зодчего.
И поэты и летчики —
Всé отчаивались!

Ибо бег он — и движется.
Ибо звездная книжища
Вся: от Аз и до Ижицы —
След плаща его лишь!

5 октября 1922

РАССВЕТ НА РЕЛЬСАХ

Покамест день не встал
С его страстями стравленными,
Из сырости и шпал
Россию восстанавливаю.

Из сырости — и свай,
Из сырости — и серости.
Покамест день не встал
И не вмешался стрелочник.

Туман еще щадит,
Еще в холсты запахнутый
Спит ломовой гранит,
Полей не видно шахматных...

Из сырости — и стай...
Еще вестями шалыми
Лжет вороная сталь —
Еще Москва за шпалами!

Так, под упорством глаз —
Владением бесплотнейшим —
Какая разлилась
Россия — в три полотнища!

И — шире раскручу:
Невидимыми рельсами
По сырости пущу
Вагоны с погорельцами:

С пропавшими навек
Для Бога и людей!
(Знак: сорок человек
И восемь лошадей.)

Так, посредине шпал,
Где даль шлагбаумом выросла,
Из сырости и шпал,
Из сырости — и сирости,

Покамест день не встал
С его страстями стравленными —
Во всю горизонталь
Россию восстанавливаю!

Без низости, без лжи:
Даль — да две рельсы синие...
Эй, вот она! — Держи!
По линиям, по линиям...

12 октября 1922

* * *

В сиром воздухе загробном —
Перелетный рейс...
Сирой проволоки вздроги,
Повороты рельс...

Точно жизнь мою угнали
По стальной версте —
В сиром мо́роке — две дали...
(Поклонись Москве!)

Точно жизнь мою убили.
Из последних жил
С сиром мо̀роке в две жилы
Истекает жизнь.

28 октября 1922

* * *

Нет, правды не оспаривай.
Меж кафедральных Альп
То бьется о розариум
Неоперенный альт.

Девичий и мальчишеский:
На самом рубеже.
Единственный из тысячи —
И сорванный уже.

В самом истоке суженный:
Растворены вотще
Сто и одна жемчужина
В голосовом луче.

Пой, пой, — миры поклонятся!
Но регент: «Голос тот
Над кровною покойницей,
Над Музою поет!

Я в голосах мальчишеских
Знаток...» — и в прах и в кровь
Снопом лучей рассыпавшись
О гробовой покров.

Нет, сказок не насказывай:
Не радужная хрупь,—
Кантатой Метастазовой
Растерзанная грудь.

Клянусь дарами Божьими:
Своей душой живой! —
Что всех высот дороже мне
Твой срыв голосовой!

8 февраля 1923

ДУША

Выше! Выше! Лови — летчицу!
Не спросившись лозы — отческой
Нереидою по-лощется,
Нереидою в ла-зурь!

Лира! Лира! Хвалынь — синяя!
Полыхание крыл — в скинии!
Над мотыгами — и — спинами
Полыхание двух бурь!

Муза! Муза! Да как — смеешь ты?
Только узел фаты — веющей!
Или ветер станиц — шелестом
О страницы — и, смыв, взмыл...

И покамест — счета — кипами,
И покамест — сердца — хрипами,
Закипание — до — кипени
Двух вспененных — крепись — крыл.

Так, над вашей игрой — крупною,
(Между тру́пами — и́ — куклами!)
Не общупана, не́ куплена,
Полыхая и пля-ша —

Шестикрылая, ра-душная,
Между мнимыми — ниц — сущая,
Не задушена вашими тушами,
Ду-ша!

10 февраля 1923

СКИФСКИЕ

1

Из недр и на ветвь — ры́сями!
Из недр и на ветр — свистами!

Гусиным пером писаны?
Да это ж стрела скифская!

Крутого крыла грифова
Последняя зга — Скифия!

Сосед, не спеши! Нечего
Спешить, коли верст — тысячи.

Разменной стрелой встречною
Когда-нибудь там — спишемся!

Великая — и — тихая
Меж мной и тобой — Скифия...

И спи, молодой, смутный мой
Сириец, стрелу смертную
Леилами — и — лютнями
Глуша...
 Не ушам смертного —

(Единожды в век слышимый)
Эпический бег — Скифии!

11 февраля 1923

2

(КОЛЫБЕЛЬНАЯ)

Как по синей по степи
Да из звездного ковша
Да на лоб тебе да...
 — Спи,
Синь подушками глуша.

Дыши да не дунь,
Гляди да не глянь.
Волынь-криволунь,
Хвалынь-колывань.

Как по льстивой по трости
Росным бисером плеща,
Заработают персты...
Шаг — подушками глуша,

Лежи — да не двинь,
Дрожи — да не грянь.
Волынь-перелынь,
Хвалынь-завирань.

Как из моря из Каспий-
ского — синего плаща,
Стрела свистнула да...
(спи,
Смерть подушками глуша...)

Лови — да не тронь,
Тони — да не кань.
Волынь-перезвонь,
Хвалынь-целовань.

13 февраля 1923

3

От стрел и от чар,
От гнезд и от нор,
Богиня Иштар,
Храни мой шатер:

Братьев, сестер.

Руды моей вар,
Вражды моей чан,
Богиня Иштар,
Храни мой колчан...

(Взял меня — хан!)

Чтоб не́ жил, кто стар,
Чтоб не́ жил, кто хвор,
Богиня Иштар,
Храни мой костер:

(Пламень востер!)

Чтоб не́ жил — кто стар,
Чтоб не́ жил — кто зол,
Богиня Иштар,
Храни мой котел:

(Зарев и смол!)

Чтоб не́ жил — кто стар,
Чтоб *нежил* — кто юн!
Богиня Иштар,
Стреми мой табун
В тридевять лун!

14 февраля 1923

ПЛАЧ ЦЫГАНКИ ПО ГРАФУ ЗУБОВУ

Расколюсь — так в склянь!
Распалюсь — так в пар!
В рокота гитар
Рокочи, гортань!

В пляс! В тряс! В прах — да не в пляс!
А — ах, струна сорвалась!

У—ехал парный мой,
У—ехал в армию!
Стол—бы фонарные!
Ла — ды гитарные!

И в прах!
И в тряс!
И грянь!
И вдарь!

Ермань-Дурмань.
Гортань-Гитарь!

В пляс! В тряс! В прах — да не в пляс!
А—ах, рука сорвалась!

Про трудного,
Про чудного
Про Зубова-
Про сударя.

Чем свет — руку жав
— Зубов-граф, Зубов-граф!
Из всех — сударь-брав!

Зу — бов граф!
В пляс! В тряс! В прах — да не в пляс!
А—ах, душа сорвалась!

У—пал, ударный мой!
Стол—бы фонарные!
Про—пала армия!
Ла—ды гитарные!

За всех — грудью пав
(Не снег — уголь-ржав!),
Как в мех — зубы вжав,
Э—эх, Зубов-граф!..

И в прах и в...

19 февраля 1923

ОФЕЛИЯ — ГАМЛЕТУ

Гамлетом — перетянутым — натуго,
В нимбе разуверенья и знания,
Бледный — до последнего атома...
(Год тысяча который — издания?)

Наглостью и пустотой — не тронете!
(Отроческие чердачные залежи!)
Некоей тяжеловесной хроникой
Вы на этой груди — лежали уже!

Девственник! Женоненавистник! Вздорную
Нежить предпочедший!.. Думали ль
Раз хотя бы о том — что̀ сорвано
В маленьком цветнике безумия...

Розы?.. Но ведь это же — тсс! — Будущность!
Рвем — и новые растут! Предали ль
Розы хотя бы раз? Любящих —
Розы хотя бы раз? — Убыли ль?

Выполнив (проблагоухав!), тонете...
— Не было! — Но встанем в памяти
В час, когда над ручьевой хроникой
Гамлетом — перетянутым — встанете...

28 февраля 1923

ОФЕЛИЯ — В ЗАЩИТУ КОРОЛЕВЫ

Принц Гамлет! Довольно червивую залежь
Тревожить... На розы взгляни!
Подумай о той, что — единого дня лишь —
Считает последние дни.

Принц Гамлет! Довольно царицыны недра
Порочить... Не девственным — суд
Над страстью. Тяжéле виновная — Федра:
О ней и поныне поют.

И будут! — А вы с вашей примесью мела
И тлена... С костями злословь,
Принц Гамлет! Не вашего разума дело
Судить воспаленную кровь.

Но если... Тогда берегитесь!.. Сквозь плиты —
Ввысь — в опочивальню — и всласть!
Своей королеве встаю на защиту —
Я, ваша бессмертная страсть.

28 февраля 1923

ФЕДРА

1

ЖАЛОБА

Ипполит! Ипполит! Болит!
Опаляет... В жару ланиты...
Что за ужас жестокий скрыт
В этом имени Ипполита!

Точно длительная волна
О гранитное побережье.
Ипполитом опалена!
Ипполитом клянусь и брежу!

Руки в землю хотят — от плеч!
Зубы щебень хотят — в опилки!..
Вместе плакать и вместе лечь!
Воспаляется ум мой пылкий...

Точно в ноздри и губы — пыль
Геркуланума... Вяну... Слепну...
Ипполит, это хуже пил!
Это суше песка и пепла!

Это слепень в раскрытый плач
Раны плещущей... Слепень злится...
Это — красною раной вскачь
Запаленная кобылица!

Ипполит! Ипполит! Спрячь!
В этом пеплуме — как в склепе.
Есть Элизиум — для — кляч:
Живодерня! — Палит слепень!

Ипполит! Ипполит! В плен!
Это в перси, в мой ключ жаркий,
Ипполитова вза-мен
Лепесткового — клюв Гарпий!

Ипполит! Ипполит! Пить!
Сын и пасынок? Со-общник!
Это лава — взамен плит
Под ступнею! — Олимп взропщет?!

Олимпийцы?! Их взгляд спящ!
Небожителей — мы — лепим!
Ипполит! Ипполит! В плащ!
В этом пеплуме — как в склепе!

Ипполит, утоли...

7 марта 1923

2

ПОСЛАНИЕ

Ипполиту от Матери — Федры — Царицы — весть.
Прихотливому мальчику, чья красота, как воск
От державного Феба, от Федры бежит... Итак,
Ипполиту от Федры: стенание нежных уст.

Утоли мою душу! (Нельзя, не коснувшись уст,
Утолить нашу душу!) Нельзя, припадя к устам,
Не припасть и к Психее, порхающей гостье уст...
Утоли мою душу: итак, утоли уста.

Ипполит, я устала... Блудницам и жрицам — стыд!
Не простое бесстыдство к тебе вопиет! Просты
Только речи и руки... За трепетом уст и рук
Есть великая тайна, молчанье на ней — как перст.

О, прости меня, девственник! отрок! наездник! нег
Ненавистник! Не похоть! Не женского лона — блажь!
То она — обольстительница! То Психеи лесть
Ипполитовы лепеты слушать у самых уст.

— «Устыдись!» — Но ведь поздно! Ведь это последний
всплеск!
Понесли мои кони! С отвесного гребня — в прах —
Я наездница *тоже!* Итак, с высоты грудей,
С рокового двухолмия — в пропасть твоей груди!

(Не своей ли?!) Сумей же! Смелей же! Нежней же! Чем
В вощаную дощечку — не смуглого ль сердца воск? —
Ученическим стилосом знаки врезать... О, пусть
Ипполитову тайну устами прочтет твоя

Ненасытная Федра...

11 марта 1923

ПРОВОДА

1

Вереницею певчих свай,
Подпирающих Эмпиреи,
Посылаю тебе свой пай
Праха дольнего.
По аллее
Вздохов — проволокой к столбу —
Телеграфное: лю—ю—блю...

Умоляю... (печатный бланк
Не вместит! Проводами проще!)
Это — сваи, на них Атлант
Опустил скаковую площадь

Небожителей...
Вдоль свай
Телеграфное: про—о—щай...

Слышишь? Это последний срыв
Глотки сорванной: про—о—стите...
Это — снасти над морем нив
Атлантический путь тихий:

Выше, выше — и сли — лись
В Ариаднино: ве — ер — нись,

Обернись!.. Даровых больниц
Заунывное: не́ выйду!
Это — про̀водами стальных
Проводо̀в — голоса Аида

Удаляющиеся... Даль
Заклинающее: жа — аль...

Пожалейте! (В сем хоре — сей
Различаешь?) В предсмертном крике
Упирающихся страстей —
Дуновение Эвридики:

Через насыпи — и — рвы
Эвридикино: у — у — вы,

Не у —

17 марта 1923

2

Чтоб высказать тебе... Да нет, в ряды
И в рифмы сдавленные... Сердце — шире!
Боюсь, что мало для такой беды
Всего Расина и всего Шекспира!

«Все́ плакали, и если кровь болит...
Все́ плакали, и если в розах — змеи...»
Но был один — у Федры — Ипполит!
Плач Ариадны — об одном Тезее!

Терзание! Ни берегов, ни вех!
Да, ибо утверждаю, в счете сбившись,
Что я в тебе утрачиваю всех
Когда-либо и где-либо *небывших!*

Какие чаянья — когда насквозь
Тобой пропитанный — весь воздух свыкся!
Раз Наксосом мне — собственная кость!
Раз собственная кровь под кожей — Стиксом!

Тщета! во мне она! Везде! закрыв
Глаза: без дна она! без дня! И дата
Лжет календарная...
Как ты — Разрыв,
Не Ариадна я и не ...
— Утрата!

О, по каким морям и городам
Тебя искать? (Незримого — незрячей!)
Я прòводы вверяю проводáм,
И в телеграфный столб упершись — плачу.

18 марта 1923

3

(ПУТИ)

Все́ перебрав и все́ отбросив
(В особенности — семафор!),
Дичайшей из разноголосиц
Школ, оттепелей... (целый хор

На помощь!) Рукава как стяги
Выбрасывая...
— Без стыда!—
Гудят моей высокой тяги
Лирические провода.

Столб телеграфный! Можно ль кратче
Избрать? Доколе небо есть —
Чувств непреложный передатчик,
Уст осязаемая весть...

Знай, что доколе свод небесный,
Доколе зори к рубежу —
Столь явственно и повсеместно
И длительно тебя вяжу.

Чрез лихолетие эпохи,
Лжей насыпи — из снасти в снасть —
Мои неизданные вздохи,
Моя неистовая страсть...

Вне телеграмм (простых и срочных
Штампованностей постоянств!),
Весною стоков водосточных
И проволокою пространств.

19 марта 1923

4

Самовластная слобода!
Телеграфные провода!

Вожделений — моих — выспренных,
Крик — из чрева и на ветр!
Это сердце мое искрою
Магнетической — рвет метр.

— «Метр и меру?» Но чет — вертое
Измерение мстит! — Мчись
Над метрическими — мертвыми —
Лжесвидетельствами — свист!

Тсс... А ежели вдруг (всюду же
Провода и столбы?), лоб
Заломивши, поймешь: трудные
Словеса сии — лишь вопль

Соловьиный, с пути сбившийся:
— Без любимого мир пуст! —
В Лиру рук твоих влю — бившийся,
И в Лейлу твоих уст!

20 марта 1923

5

Не чернокнижница! В белой книге
Далей донских навострила взгляд!
Где бы ты ни был — тебя настигну,
Выстрадаю — и верну назад.

Ибо с гордыни своей, как с кедра,
Мир озираю: плывут суда,
Зарева рыщут... Морские недра
Выворочу — и верну со дна!

Перестрадай же меня! Я всюду:
Зори и руды я, хлеб и вздох,

Есмь я, и буду я, и добуду
Губы — как душу добудет бог:

Через дыхание — в час твой хриплый,
Через архангельского суда
Изгороди! — Всé уста о шипья
Выкровяню и верну с одра!

Сдайся! Ведь это совсем не сказка!
— Сдайся! — Стрела, описавши круг...
— Сдайся! — Еще ни один не спасся
От настигающего без рук:

Через дыхание... (Перси взмыли,
Веки не видят, вкруг уст — слюда...)
Как прозорливица — Самуила
Выморочу — и вернусь одна:

Ибо другая с тобой, и в Судный
День не тягаются...
Вьюсь и длюсь.
Есмь я, и буду я, и добуду
Душу — как губы добудет уст
Упокоительница...

25 марта 1923

6

Час, когда вверху цари
И дары друг к другу едут.
(Час, когда иду с горы):
Горы начинают ведать.

Умыслы сгрудились в круг.
Судьбы сдвинулись: не выдать!
(Час, когда не вижу рук.)

Души начинают видеть.

25 марта 1923

7

В час, когда мой милый брат
Миновал последний вяз
(Взмахов, выстроенных в ряд),
Были слезы — больше глаз.

В час, когда мой милый друг
Огибал последний мыс
(Вздохов мысленных: вернись!),
Были взмахи — больше рук.

Точно руки — вслед — от плеч!
Точно губы вслед — заклясть!
Звуки растеряла речь,
Пальцы растеряла пясть.

В час, когда мой милый гость...
— Господи, взгляни на нас! —
Были слезы больше глаз
Человеческих и звезд
Атлантических...

26 марта 1923

8

Терпеливо, как щебень бьют,
Терпеливо, как смерти ждут,
Терпеливо, как вести зреют,
Терпеливо, как месть лелеют —

Буду ждать тебя (пальцы в жгут —
Так Монархини ждет наложник)
Терпеливо, как рифмы ждут,
Терпеливо, как руки гложут.

Буду ждать тебя (в землю — взгляд,
Зубы в губы. Столбняк. Булыжник).
Терпеливо, как негу длят,
Терпеливо, как бисер нижут.

Скрип полозьев, ответный скрип
Двери: рокот ветров таежных.
Высочайший пришел рескрипт:
— Смена царства и въезд вельможе.

И домой:
В неземной —
Да мой.

27 марта 1923

9

Весна наводит сон. Уснем.
Хоть врозь, а все ж сдается: всё

Разрозненности сводит сон,
Авось увидимся во сне.

Всевидящий, он знает, чью
Ладонь — и в чью, кого — и с кем.
Кому печаль мою вручу,
Кому печаль мою повем.

Предвечную (дитя, отца
Не знающее и конца
Не чающее!). О, печаль
Плачущих без плеча!

О том, что памятью с перста
Спадет, и камешком с моста...
О том, что заняты места,
О том, что наняты сердца

Служить — безвыездно — навек,
И жить — пожизненно — без нег!
О заживо — чуть встав! чем свет! —
В архив, в Элизиум калек.

О том, что тише ты и я
Травы, руды, беды, воды...
О том, что выстрочит швея:
Рабы — рабы — рабы — рабы.

5 апреля 1923

10

С другими — в розовые груды
Грудей... В гадательные дроби
Недель...
А я тебе пребуду
Сокровищницею подобий

По случаю — в песках, на щебнях
Подобранных,— в ветрах, на шпалах
Подслушанных... Вдоль всех бесхлебных
Застав, где молодость шаталась.

Шаль, узнаешь ее? Простудой
Запахнутую, жарче ада
Распахнутую...
Знай, что чудо
Недр — под полой, живое чадо:

Песнь! С этим первенцем, что пуще
Всех первенцев и всех Рахилей...
— Недр достовернейшую гущу
Я мнимостями пересилю!

11 апреля 1923

ЭВРИДИКА — ОРФЕЮ

Для тех, отженивших последние клочья
Покрова (ни уст, ни ланит!..)
О, не превышение ли полномочий
Орфей, нисходящий в Аид?

Для тех, отрешивших последние звенья
Земного... На ложе из лож
Сложившим великую ложь лицезренья,
Внутрь зрящим — свидание нож.

Уплочено же — всеми розами крови
За этот просторный покрой
Бессмертья...
                    До самых летейских верховий
Любивший — мне нужен покой

Беспамятности... Ибо в призрачном доме
Сем — призрак *ты*, сущий, а явь —
Я, мертвая... Что же скажу тебе, кроме:
«Ты это забудь и оставь!»

Ведь не растревожишь же! Не повлекуся!
Ни рук ведь! Ни уст, чтоб припасть
Устами! — С бессмертья змеиным укусом
Кончается женская страсть.

Уплочено же — вспомяни мои крики! —
За этот последний простор.
Не надо Орфею сходить к Эвридике
И братьям тревожить сестер.

23 марта 1923

ПОЭТ

1

Поэт — издалека заводит речь.
Поэта — далеко заводит речь.

Планетами, приметами... окольных
Притч рытвинами... Между *да* и *нет*
Он — даже размахнувшись с колокольни —
Крюк выморочит... Ибо путь комет —

Поэтов путь. Развеянные звенья
Причинности — вот связь его! Кверх лбом —
Отчаетесь! Поэтовы затменья
Не предугаданы календарем.

Он тот, кто смешивает карты,
Обманывает вес и счет,
Он тот, кто *спрашивает* с парты,
Кто Канта нáголову бьет,

Кто в каменном гробу Бастилий —
Как дерево в своей красе.
Тот, чьи следы — всегда простыли,
Тот поезд, на который все
Опаздывают...
— ибо путь комет —

Поэтов путь: жжя, а не согревая,
Рвя, а не взращивая — взрыв и взлом —
Твоя стезя, гривастая кривая,
Не предугадана календарем!

8 апреля 1923

2

Есть в мире лишние, добавочные,
Не вписанные в окоем.
(Не числящимся в ваших справочниках,
Им свалочная яма — дом.)

Есть в мире полые, затолканные,
Немотствующие: навоз,
Гвоздь — вашему подолу шелковому!
Грязь брезгует из-под колес!

Есть в мире мнимые, невидимые:
(Знак: лепрозариумов крап!),
Есть в мире Иовы, что Иову
Завидовали бы — когда б:

Поэты мы — и в рифму с париями,
Но, выступив из берегов,
Мы бога у богинь оспариваем
И девственницу у богов!

22 апреля 1923

3

Что̀ же мне делать, слепцу и пасынку,
В мире, где каждый и отч и зряч,
Где по анафемам, как по насыпям —
Страсти! где насморком
Назван — плач!

Что̀ же мне делать, ребром и промыслом
Певчей! — как провод! загар! Сибирь!
По наважденьям своим — как по̀ мосту!
С их невесомостью
В мире гирь.

Что̀ же мне делать, певцу и первенцу,
В мире, где наичернейший — сер!
Где вдохновенье хранят, как в термосе!
С этой безмерностью
В мире мер?!

22 апреля 1923

ПОЭМА ЗАСТАВЫ

А покамест пустыня славы
Не засыпет мои уста,
Буду петь мосты и заставы,
Буду петь простые места.

А покамест еще в тенетах
Не увязла — людских кривизн,
Буду брать — труднейшую ноту,
Буду петь — последнюю жизнь!

Жалобу труб.
Рай огородов.
Заступ и зуб.
Чуб безбородых.

День без числа.
Верба зачахла.
Жизнь без чехла:
Кровью запахло!

Потных и плотных,
Потных и тощих:
— Ну́ да на площадь?! —
Как на полотнах —

Как на полотнах
Только — и в одах:
Рев безработных,
Рев безбородых.

Ад? — Да,
Но и сад — для
Баб и солдат,
Старых собак,
Малых ребят.

«Рай — с драками?
Без — раковин
От устриц?
Без люстры?
С заплатами?!»

— Зря плакали:
У всякого —
Свой.

Здесь страсти поджары и ржавы:
Держав динамит!
Здесь часто бывают пожары:
Застава горит!

Здесь ненависть оптом и скопом:
Расправ пулемет!
Здесь часто бывают потопы:
Застава плывет!

Здесь плачут, здесь звоном и воем
Рассветная тишь.
Здесь отрочества под конвоем
Щебечут: шалишь!

Здесь платят! Здесь — Богом и Чертом,
Горбом и торбо́й!
Здесь молодости, как над мертвым,
Поют над собой.

Здесь матери, дитя заспав...
(Мосты, пески, кресты застав!) —

Здесь, младшую купцу пропив...
Отцы...
— Кусты, кресты крапив...

— Пусти.
— Прости.

23 апреля 1923

ЛАДОНЬ

Ладони! (Справочник
Юнцам и девам.)
Целуют правую,
Читают в левой.

В полночный заговор
Вступивший — ведай:
Являют правою,
Скрывают левой.

Сивилла — левая:
Вдали от славы.
Быть неким Сцеволой
Довольно — правой.

А всё же в ненависти
Час разве́рстый
Мы миру левую
Даем — от сердца!

А всё же, праведным
Объевшись гневом,
Рукою правою
Мы жилы — *левой!*

27 апреля 1923

ОБЛАКА

1

Перерытые — как битвой
Взрыхленные небеса.
Рытвинами — небеса.
Битвенные небеса.

Перелетами — как хлёстом
Хлёстанные табуны.
Взблестывающей Луны
Вдовствующей — табуны!

2

Стой! Не Федры ли под небом
Плащ? Не Федрин ли взвился
В эти марафонским бегом
Мчащиеся небеса?

Стой! Иродиады с чубом —
Блуд... Не бубен ли взвился
В эти иерихонским трубом
Рвущиеся небеса?

3

Нет! Вставший вал!
Пал — и пророк оправдан!
Раз-дался вал:
Целое море — нà два!

Бо-род и грив
Шествие морем Чéрмным!
Нет! — се — Юдифь —
Голову Олоферна!

1 мая 1923

ТАК ВСЛУШИВАЮТСЯ...

1

Так вслушиваются (в исток
Вслушивается — устье).
Так внюхиваются в цветок:
Вглубь — до потери чувства!

Так в воздухе, который синь,—
Жажда, которой дна нет.
Так дети, в синеве простынь,
Всматриваются в память.

Так вчувствовывается в кровь
Отрок — доселе лотос.
...Так влюбливаются в любовь:
Впадываются в пропасть.

2

Друг! Не кори меня за тот
Взгляд, деловой и тусклый.
Так вглатываются в глоток:
Вглубь — до потери чувства!

Так, в ткань врабатываясь, ткач
Ткет свой последний про́пад.
Так дети, вплакиваясь в плач,
Вшептываются в шепот.

Так вплясываются... (Велик
Бог — посему крути́тесь!)
Так дети, вкрикиваясь в крик,
Вмалчиваются в тихость.

Так жалом тронутая кровь
Жалуется — без ядов!
Так вбаливаются в любовь:
Впадываются в: падать.

3 мая 1923

РУЧЬИ

1

Прорицаниями рокоча,
Нераскаянного скрипача
Piccicata'ми... Разрывом бус!
Паганиниевскими «добьюсь!»
Опрокинутыми...
Нот, планет —

Ливнем!
— Вывезет!!!
— Конец... На-нет...

Недосказанностями тишизн
Заговаривающие жизнь:
Страдивариусами в ночи
Проливающиеся ручьи.

4 мая 1923

2

Монистом, расколотым
На тысячу блях.—
Как Дзи́нгара в золоте —
Деревня в ручьях.

Монистами — вымылась!
Несется как челн
В ручьёвую жимолость
Окунутый холм.

Монистами-сбруями...
(Гривастых теней
Монистами! Сбруями
Пропавших коней...)

Монистами-бусами...
(Гривастых монет
Монистами! Бусами
Пропавших планет...)

По кручам, по впадинам,
И в щеку, и в пах —
Как Дзи́нгара в краденом —
Деревня в ручьях.

Споем-ка на радостях!
Черны, горячи,
Сторонкою крадучись,
Цыганят ручьи.

6 мая 1923

ОКНО

Атлантским и сладостным
Дыханьем весны —
Огромною бабочкой
Мой занавес — и —

Вдовою индусскою
В жерло златоустое.
Наядою сонною
В моря заоконные...

5 мая 1923

ХВАЛА ВРЕМЕНИ

Вере Аренской

Беженская мостовая!
Гикнуло — и понеслось
Опрометями колес.
Время! Я не поспеваю.

В летописях и в лобзаньях
Пойманное... но песка
Струечкою шелестя...
Время, ты меня обманешь!

Стрелками часов, морщин
Рытвинами — и Америк
Новшествами...— Пуст кувшин! —
Время, ты меня обмеришь!

Время, ты меня предашь!
Блудною женой — обнову
Выронишь...— «Хоть час да наш!»

— Поездà с тобой иного
Следования!..—

Ибо *мимо* родилась
Времени! Вотще и всуе
Ратуешь! Калиф на час:
Время! Я тебя миную.

10 мая 1923

ДИАЛОГ ГАМЛЕТА С СОВЕСТЬЮ

— На дне она, где ил
И водоросли... Спать в них
Ушла,— но сна и там нет!
— Но я ее любил,

Как сорок тысяч братьев
Любить не могут!
— Гамлет!

На дне она, где ил:
Ил!.. И последний венчик
Всплыл на приречных бревнах...
— Но я ее любил,
Как сорок тысяч...
— Меньше
Всё ж, чем один любовник.

На дне она, где ил.
— Но я ее —
любил??

5 июня 1923

МОРЕПЛАВАТЕЛЬ

Закачай меня, звездный челн!
Голова устала от волн!

Слишком долго причалить тщусь,—
Голова устала от чувств:

Гимнов — лавров — героев — гидр,—
Голова устала от игр!

Положите меж трав и хвой,—
Голова устала от войн...

12 июня 1923

РАСЩЕЛИНА

Чем окончился этот случай —
Не узнать ни любви, ни дружбе.
С каждым днем отвечаешь глуше,
С каждым днем пропадаешь глубже.

Так, ничем уже не волнуем,—
Только дерево ветви зыблет,—
Как в расщелину ледяную —
В грудь, что *так* о тебя расшиблась!

Из сокровищницы подобий
Вот тебе — наугад — гаданье:
Ты во мне как в хрустальном гробе
Спишь,— во мне, как в глубокой ране

Спишь,— тесна ледяная прорезь!
Льды к своим мертвецам ревнивы:
Перстень — панцирь — печать — и пояс...
Без возврата и без отзыва.

Зря Елену клянете, вдовы!
Не Елениной красной Трои
Огнь! Расщелины ледниковой
Синь, на дне опочиешь коей...

Сочетавшись с тобой, как Этна
С Эмпедоклом... Усни, сновидец!
А домашним скажи, что тщетно:
Грудь своих мертвецов не выдаст.

17 июня 1923

СВИДАНЬЕ

На назначенное свиданье
Опоздаю. Весну в придачу
Захвативши — приду седая.
Ты его высоко́ назначил!

Будут годы идти — не дрогнул
Вкус Офелии к горькой руте!
Через горы идти — и стогны,
Через души идти — и руки.

Землю долго прожить! Трущоба —
Кровь! и каждая капля — заводь.
Но всегда стороной ручьевой —
Лик Офелии в горьких травах.

Той, что, страсти хлебнув, лишь ила
Нахлебалась! — Снопом на щебень!
Я тебя высоко́ любила:
Я себя схоронила в небе!

18 июня 1923

ЛУНА — ЛУНАТИКУ

Оплетавшие — останутся.
Дальше — высь.
В час последнего беспамятства
Нé очнись.

У лунатика и гения
Нет друзей.
В час последнего прозрения
Нé прозрей.

Я — глаза твои. Совиное
Око крыш.
Будут звать тебя по имени —
Нé расслышь.

Я — душа твоя: Урания —
В боги — дверь.
В час последнего слияния
Нé проверь!

20 июня 1923

ЗАНАВЕС

Водопадами занавеса, как пеной —
Хвоей — пламенем — прошумя.
Нету тайны у занавеса — от сцены.
(Сцена — ты, занавес — я.)

Сновиденными зарослями (в высоком
Зале — оторопь разлилась)
Я скрываю героя в борьбе с Роком,
Место действия — и — час.

Водопадными радугами, обвалом
Лавра (вверился же! знал!)
Я тебя загораживаю от зала,
(Завораживаю — зал!)

Тайна занавеса! Сновиденным лесом
Сонных снадобий, трав, зёрн...
(За уже содрогающейся завесой
Ход трагедии — как — шторм!)

Ложи, в слезы! В набат, ярус!
Срок, исполнься! Герой, будь!
Ходит занавес — как — парус,
Ходит занавес — как — грудь.

Из последнего сердца тебя, о недра,
Загораживаю.— Взрыв!
Над ужа-ленною — Федрой
Взвился занавес — как — гриф.

Нате! Рвите! Глядите! Течет, не так ли?
Заготавливайте — чан!
Я державную рану отдам до капли!
(Зритель бел, занавес рдян.)

И тогда — сострадательным покрывалом —
До́лу, знаменем прошумя.
Нету тайны у занавеса — от зала.
(Зала — жизнь, занавес — я.)

23 июня 1923

* * *

Строительница струн — приструню
И эту. Обожди
Расстраиваться! (В сем июне
Ты́ плачешь, ты — дожди!)

И если гром у нас — на крышах,
Дождь — в доме, ливень — сплошь,—
Так это ты письмо мне пишешь,
Которого не шлешь.

Ты дробью голосов ручьевых
Мозг бороздишь, как стих.
(Вместительнейший из почтовых
Ящиков — не вместит!)

Ты, лбом обозревая дали,
Вдруг по хлебам — как цеп
Серебряный... (Прервать нельзя ли?
Дитя! Загубишь хлеб!)

3 июля 1923

САХАРА

Красавцы, не ездите!
Песками глуша,
Пропавшего бéз вести
Не скажет душа.

Напрасные поиски,
Красавцы, не лгу!
Пропавший покоится
В надежном гробу.

Стихами, как странами
Чудес и огня,
Стихами — как странами,
Он въехал в меня:

Сухую, песчаную,
Без дна и без дня.
Стихами — как странами
Он канул в меня.

Внимайте без зависти
Сей повести душ.
В главные оазисы —
Песчаная сушь...

Адамова яблока
Взывающий вздрог...
Взяла его наглухо,
Как страсть и как Бог.

Без имени — канувший!
Не сыщете! Взят.
Пустыни беспамятны,—
В них тысячи спят!

Стиханье до кипени
Вскипающих волн.—
Песками засыпанный,
Сахара — твой холм.

3 июля 1923

РЕЛЬСЫ

В некой разлинованности нотной
Нежась наподобие простынь —
Железнодорожные полотна,
Рельсовая режущая синь!

Пушкинское: сколько их, куда их
Гонит! (Миновало — не поют!)
Это уезжают-покидают,
Это остывают-отстают.

Это — остаются. Боль, как нота
Высящаяся... Поверх любви
Высящаяся... Женою Лота
Насыпью застывшие столбы...

Час, когда отчаяньем, как свахой,
Простыни разостланы.— Твоя! —
И обезголосившая Сафо
Плачет, как последняя швея.

Плач безропотности! Плач болотной
Цапли... Водоросли — плач! Глубок
Железнодорожные полотна
Ножницами режущий гудок.

Растекись напрасною зарею,
Красное, напрасное пятно!
...Молодые женщины порою
Льстятся на такое полотно.

10 июля 1923

ЧАС ДУШИ

1

В глубокий час души и ночи,
Не числящийся на часах,
Я отроку взглянула в очи,
Не числящиеся в ночах

Ничьих еще, двойной запрудой
— Без памяти и по края! —

Покоящиеся...
Отсюда
Жизнь начинается твоя.

Седеющей волчицы римской
Взгляд, в выкормыше зрящей — Рим!
Сновидящее материнство
Скалы... Нет имени моим

Потерянностям... Все́ покровы
Сняв — выросшая из потери! —
Так некогда над тростниковой
Корзиною клонилась дщерь

Египетская...

14 июля 1923

2

В глубокий час души,
В глубокий — но́чи...
(Гигантский шаг души,
Души в ночи́).

В тот час, душа, верши
Миры, где хочешь
Царить — чертог души,
Душа, верши.

Ржавь губы, пороши
Ресницы — снегом.
(Атлантский вздох души,
Души — в ночи́...)

В тот час, душа, мрачи
Глаза, где Вегой
Взойдешь... Сладчайший плод,
Душа, горчи.

Горчи и омрачай:
Расти: верши.

8 августа 1923

3

Есть час Души, как час Луны,
Совы — час, мглы — час, тьмы —

Час... Час Души, как час струны
Давидовой сквозь сны

Сауловы... В тот час дрожи,
Тщета, румяна смой!
Есть час Души, как час грозы,
Дитя, и час сей — мой.

Час сокровеннейших низов
Грудных.— Плотины спуск!
Все́ вещи сорвались с пазов,
Все́ сокровенья — с уст!

С глаз — все́ завесы! Всѐ следы —
Вспять! На линейках — нот —
Нет! — Час Души, как час Беды,
Дитя, и час сей — бьет.

Беда моя! — Так будешь звать.
Так, лекарским ножом
Истерзанные,— дети — мать
Корят: «Зачем живем?»

А та, ладонями свежа
Горячку: «Надо.— Ляг».
Да, час Души, как час ножа,
Дитя, и нож сей — благ.

14 августа 1923

НАКЛОН

Материнское — сквозь сон — ухо.
У меня к тебе наклон слуха,
Духа — к страждущему: жжет? да?
У меня к тебе наклон лба,

Дозирающего вёр-ховья.
У меня к тебе наклон крови
К сердцу, неба — к островам нег,
У меня к тебе наклон рек,

Век... Беспамятства наклон светлый
К лютне, лестницы к садам, ветви
Ивовой к убеганью вех...
У меня к тебе наклон *всех*

Звезд к земле (родовая тяга
Звезд к звезде!) — тяготенье стяга
К лаврам выстраданных мо-гил.
У меня к тебе наклон крыл,

Жил... К дуплу тяготенье совье,
Тяга темени к изголовью
Гроба,— годы ведь уснуть тщусь!
У меня к тебе наклон уст

К роднику...

28 июля 1923

РАКОВИНА

Из лепрозария лжи и зла
Я тебя вызвала и взяла

В зори! Из мертвого сна надгробий —
В руки, вот в эти ладони в обе,

Раковинные — расти, будь тих:
Жемчугом станешь в ладонях сих!

О, не оплатят ни шейх, ни шах
Тайную радость и тайный страх

Раковины... Никаких красавиц
Спесь, сокровений твоих касаясь,

Так не присвоит тебя, как тот
Раковинный сокровенный свод

Рук неприсваивающих... Спи!
Тайная радость моей тоски,

Спи! Застилая моря и земли,
Раковиною тебя объемлю:

Справа и слева и лбом и дном —
Раковинный колыбельный дом.

Дням не уступит тебя душа!
Каждую муку туша, глуша,

Сглаживая... Как ладонью свежей,
Скрытые громы студя и нежа,

Нежа и множа... О, чай! О, зрей!
Жемчугом выйдешь из бездны сей.

Выйдешь! По первому слову: будь!
Выстрадавшая раздастся грудь

Раковинная.— О, настежь створы! —
Матери каждая пытка впору,

В меру... Лишь ты бы, расторгнув плен,
Целое море хлебнул взамен!

31 июля 1923

ЗАОЧНОСТЬ

Кастальскому току,
Взаимность, заторов не ставь!
Заочность: за оком
Лежащая, вящая явь.

Заустно, заглазно,
Как некое верхнее là,
Меж ртом и соблазном
Версту расстояния для...

Блаженны длинноты,
Широты забвений и зон!
Пространством, как нотой,
В тебя удаляясь, как стон —

В тебе удлиняясь,
Как эхо в соборную грудь,
В тебя ударяясь:
Не видь и не слышь и не будь —

Не надо мне белым
По черному — мелом доски!
Почти за пределом
Души, за пределом тоски —

...Словесного чванства
Последняя карта сдана.
Пространство, пространство,
Ты нынче — глухая стена!

4 августа 1923

ПИСЬМО

Так писем не ждут,
Так ждут — письма.
Тряпичный лоскут,
Вокруг тесьма
Из клея. Внутри — словцо.
И счастье.— И это — всё.

Так счастья не ждут,
Так ждут — конца:
Солдатский салют
И в грудь — свинца
Три дольки. В глазах краснó.
И только.— И это — всё.

Не счастья — стара!
Цвет — ветер сдул!
Квадрата двора
И черных дул.

(Квадрата письма:
Чернил и чар!)
Для смертного сна
Никто не стар!

Квадрата письма.

11 августа 1923

МИНУТА

Минута: мѝнущая: минешь!
Так мимо же, и страсть и друг!
Да будет выброшено ныне ж —
Чтó завтра б — вырвано из рук!

Минута: мерящая! Малость
Обмеривающая, слышь:
То никогда не начиналось,
Что кончилось. Так лги ж, так льсти ж

Другим, десятеричной кори
Подверженным еще, из дел
Не выросшим. Кто ты, чтоб море
Разменивать? Водораздел

Души живой? О, мель! О, мелочь!
У славного Царя Щедрот
Славнее царства не имелось,
Чем надпись: «И сие пройдет» —

На перстне... На путях обратных
Кем не измерена тщета
Твоих Аравий циферблатных
И маятников маята?

Минута: мающая! Мнимость
Вскачь — медлящая! В прах и в хлам
Нас мелящая! *Ты, что минешь:*
Минута: милостыня псам!

О как я рвусь тот мир оставить,
Где маятники душу рвут,
Где вечностью моею правит
Разминовение минут.

12 августа 1923

НАУКА ФОМЫ

Без рук не обнять!
Сгинь, выспренных душ
Небыль!
Не вижу — и гладь,
Не слышу — и глушь:
Не был.

Круги на воде.
Ушам и очам —
Камень.
Не здесь — так нигде,
В пространство, как в чан
Канул.

Руками держи!
Всей крепостью мышц
Ширься!
Что́ сны и псалмы!
Бог ради Фомы
В мир сей

Пришел: укрепись
В неверье — как негр

В трюме.
Всю рану — по кисть!
Бог ради таких
Умер.

24 августа 1923

* * *

С этой горы, как с крыши
Мира, где в небо спуск.
Друг, я люблю тебя свыше
Мер — и чувств.

От очевидцев скрою
В тучу! С золою съем.
...С этой горы, как с Трои
Красных — стен.

Страсти: хвала убитым,
Сущим — срам.
Так же смотрел на битву
Царь — Приам.

Рухнули у-стои:
Зарево? Кровь? Нимб?
Так же смотрел на Трою
Весь О-лимп.

Нет, из прохладной ниши
Дева, воздевши длань...
Друг, я люблю тебя свыше.
Слышь — и — встань.

30 августа 1923

* * *

Как бы дым твоих ни горек
Труб, глотать его — всё нега!
Оттого что ночью — город —
Опрокинутое небо.

Как бы дел твоих презренных
День ни гол,— в ночи ты — шах!

Звезды страсть свела — на землю!
Картою созвездий — прах.

Гектором иль Бонапартом
Звать тебя? Москва иль Троя?
Звездной и военной картой
Город лег...
Любовь? — Пустое!

Минет? Нищеты надземной
Ставленник, в ночи я — шах!
Небо сведено на землю:
Картою созвездий — прах

Рассыпается...

30 августа 1923

ПРАЖСКИЙ РЫЦАРЬ

Бле́дно-ли́цый
Страж над плеском века —
Рыцарь, рыцарь,
Стерегущий реку.

(О, найду ль в ней
Мир от губ и рук?!)
Ка-ра-ульный
На посту разлук.

Клятвы, кольца...
Да, но камнем в реку —
Нас-то — сколько
За четыре века!

В воду пропуск
Вольный. Розам — цвесть!
Бросил — брошусь!
Вот тебе и месть!

Не устанем
Мы — доколе страсть есть!
Мстить мостами.
Широко расправьтесь,

Крылья! В тину,
В пену — как в парчу!

Мосто-вины
Нынче не плачу!

— «С рокового мосту
Вниз — отважься!»
Я тебе по росту,
Рыцарь пражский.

Сласть ли, грусть ли
В ней — тебе видней,
Рыцарь, стерегущий
Реку — дней.

27 сентября 1923

ПОДРУГА

«Не расстанусь! — Конца нет!» И льнет, и льнет...
А в груди — нарастание
Грозных вод,
Нот... Надёжное: как таинство
Непреложное: рас-станемся!

5 октября 1923

ПОЕЗД

Не штык — так клык, так сугроб, так шквал,—
В Бессмертье что час — то поезд!
Пришла и знала одно: вокзал,
Раскладываться не стоит.

На всех, на всё — равнодушьем глаз,
Которым конец — исконность.
О, как естественно в третий класс
Из душности дамских комнат!

Где от котлет разогретых, щек
Остывших...— Нельзя ли дальше,
Душа? Хотя бы в фонарный сток —
От этой фатальной фальши:

Папильоток, пеленок,
Щипцов каленых,
Волос паленых,

Чепцов, клеенок,
О-де-ко-лонов
Семейных, швейных
Счастий (kleinwenig!) [1]
Взят ли кофейник?..
Сушек, подушек, матрон, нянь,
Душности бонн, бань.

Не хочу в этом коробе женских тел
Ждать смертного часа!
Я хочу, чтобы поезд и пил и пел:
Смерть — тоже вне класса!

В удаль, в одурь, в гармошку, в надсад,
в тщету!
— Эти нехристи й льнут же! —
Чтоб какой-нибудь странник: *«На тем свету...»*
Не дождавшись, скажу: лучше!

Площадка.— И шпалы.— И крайний куст
В руке.— Отпускаю.— Поздно
Держаться.— Шпалы.— От сто́льких уст
Устала.— Гляжу на звезды.

Так через радугу всех планет
Пропавших — считал-то кто их? —
Гляжу и вижу одно: конец.
Раскаиваться не стоит.

6 октября 1923

* * *

Ты, меня любивший фальшью
Истины — и правдой лжи,
Ты, меня любивший — дальше
Некуда! — За рубежи!

Ты, меня любивший дольше
Времени.— Десницы взмах! —
Ты меня не любишь больше:
Истина в пяти словах.

12 декабря 1923

---

[1] Немножко, чуточку *(нем.)*.

ПОБЕГ

Под занавесом дождя
От глаз равнодушных кроясь,
— О завтра мое! — тебя
Выглядываю — как поезд

Выглядывает бомбист
С еще-сотрясеньем взрыва
В руке... (Не одних убийств
Бежим, зарываясь в гриву

Дождя!) Не расправы страх,
Не...— Но облака! но звоны!
То Завтра на всех парах
Проносится вдоль перрона

Пропавшего... Бог! Благой!
Бог! И в дымовую опушь —
Как об стену... (Под ногой
Подножка — или ни ног уж,

Ни рук?) Верстовая снасть
Столба... Фонари из бреда...
О нет, не любовь, не страсть,
Ты поезд, которым еду

В Бессмертье...

14 октября 1923

ДВОЕ

1

Есть рифмы в мире сём:
Разъединишь — и дрогнет.
Гомер, ты был слепцом.
Ночь — на буграх надбровных,

Ночь — твой рапсодов плащ,
Ночь — на очах — завесой.
Разъединил ли б зрящ
Елену с Ахиллесом?

Елена. Ахиллес.
Звук назови созвучней.

Да, хаосу вразрез
Построен на созвучьях

Мир, и, разъединен,
Мстит (на согласьях строен!)
Неверностями жен
Мстит — и горящей Троей!

Рапсод, ты был слепцом:
Клад рассорил, как рухлядь.
Есть рифмы — в мире *том*
Подобранные. Рухнет

Сей — разведешь. Чтó нужд
В рифме? Елена, старься!
...Ахеи лучший муж!
Сладостнейшая Спарты!

Лишь шорохом древес
Миртовых, сном кифары:
«Елена: Ахиллес:
Разрозненная пара».

30 июня 1924

2

Не суждено, чтобы сильный с сильным
Соединились бы в мире сём.
Так разминулись Зигфрид с Брунгильдой,
Брачное дело решив мечом.

В братственной ненависти союзной
— Буйволами! — на скалу — скала.
С брачного ложа ушел, неузнан,
И неопознанною — спала.

Порознь! — даже на ложе брачном —
Порознь! — даже сцепясь в кулак —
Порознь! — на языке двузначном —
Поздно и порознь — вот наш брак!

Но и постарше еще обида
Есть: амазонку подмяв, как лев, —
Так разминулися: сын Фетиды
С дщерью Аресовой: Ахиллес

С Пенфезилеей.
О вспомни — снизу
Взгляд ее! сбитого седока

Взгляд! не с Олимпа уже,— из жижи
Взгляд ее,— все ж еще свысока!

Что ж из того, что отсель одна в нем
Ревность: женою урвать у тьмы.
Не суждено, чтобы равный — с равным...
. . . .

Так разминовываемся — мы.

3 июля 1924

3

В мире, где всяк
Сгорблен и взмылен,
Знаю — один
Мне равносилен.

В мире, где столь
Многого хощем,
Знаю — один
Мне равномощен.

В мире, где всё —
Плесень и плющ,
Знаю: один
Ты — равносущ

Мне.

3 июля 1924

ПОД ШАЛЬЮ

Запечатленный, как рот оракула,—
Рот твой, гадавший многим.
Женщина, что от дозору спрятала
Меж языком и нёбом?

Уж не глазами, а в вечность дырами
Очи, котлом ведёрным!
Женщина, яму какую вырыла
И заложила дёрном?

Располагающий ста кумирнями
Идол — не столь заносчив.

Женщина, чтó у пожара вырвала
Нег и страстей двунощных?

Женщина, в тайнах, как в шалях, ширишься,
В шалях, как в тайнах, длишься.
Отъединенная — как счастливица
Ель на вершине мглистой.

Точно усопшую вопрошаю,
Душу, к корням пригубившую...
Женщина, чтó у тебя под шалью?
— Будущее!

Вшеноры, 8 ноября 1924

* * *

Пела, как стрелы и как морены,
Мчащие из-под ног
С звуком рвущегося атласа.
— Пела! — и целой стеной матрасной
Остановить не мог
Мир меня.
Ибо единый вырвала
Дар у богов: бег!

Пела, как стрелы.
Тело?
Мне нету дела!

8 ноября 1924

ВЗГЛЯД

Тáк — только Елена глядит над кровлями
Троянскими! В столбняке зрачков
Четыре провинции обескровлено
И обезнадежено сто веков.

Тáк — только Елена над брачной бойнею,
В сознании: наготой моей
Четыре Аравии обеззноено
И обезжемчужено пять морей.

Тáк только Елена — не жди заломленных
Рук! — диву дается на этот рой

Престолонаследников обездомленных
И родоначальников, мчащих в бой.

Та́к только Елена — не жди взывания
Уст! — диву дается на этот ров,
Престолонаследниками заваленный:
На обессыновленность ста родов.

Но нет, не Елена! Не та двубрачная
Грабительница, моровой сквозняк.
Какая сокровищница растрачена
Тобою, что в очи нам смотришь — та́к,

Как даже Елене за красным ужином
В глаза не дерзалось своим рабам:
Богам.— «Чужеземкою обезмуженный
Край! Все еще гусеницей — к ногам!»

11 ноября 1924

ПОПЫТКА РЕВНОСТИ

Как живется вам с другою,—
Проще ведь? — Удар весла! —
Линией береговою
Скоро ль память отошла

Обо мне, плавучем острове
(По́ небу — не по водам)!
Души, души! — быть вам сестрами,
Не любовницами — вам!

Как живется вам с *простою*
Женщиною? *Без* божеств?
Государыню с престола
Свергши (с оного сошед),

Как живется вам — хлопочется —
Ежится? Встается — как?
С пошлиной бессмертной пошлости
Как справляетесь, бедняк?

«Судорог да перебоев —
Хватит! Дом себе найму».
Как живется вам с любою —
Избранному моему!

Свойственнее и съедобнее —
Снедь? Приестся — не пеняй...
Как живется вам с подобием —
Вам, поправшему Синай!

Как живется вам с чужою,
Здешнею? Ребром — люба?
Стыд Зевесовой вожжою
Не охлестывает лба?

Как живется вам — здоровится —
Можется? Поется — как?
С язвою бессмертной совести
Как справляетесь, бедняк?

Как живется вам с товаром
Рыночным? Оброк — крутой?
После мраморов Каррары
Как живется вам с трухой

Гипсовой? (Из глыбы высечен
Бог — и на́чисто разбит!)
Как живется вам с сто-тысячной —
Вам, познавшему Лилит!

Рыночною новизною
Сыты ли? К волшбам остыв,
Как живется вам с земною
Женщиною, бе́з шестых

Чувств?..
Ну, за голову: счастливы?
Нет? В провале без глубин —
Как живется, милый? Тяжче ли,
Так же ли, как мне с другим?

19 ноября 1924

СОН

1

Врылась, забылась — и вот как с тысяче-
фу́товой лестницы без перил.
С хищностью следователя и сыщика
Все́ мои тайны — сон перерыл.

Сопки — казалось бы, прочно замерли,—
Не доверяйте смертям страстей!
Зорко — как следователь по камере
Сердца — расхаживает Морфей.

Вы! Собирательное убожество!
Не обрывающиеся с крыш!
Знали бы, как, на перинах лежачи,
Преображаешься и паришь!

Рухаешь! Как скорлупою треснувшей —
Жизнь с ее грузом мужей и жен.
Зорко — как летчик над вражьей местностью
Спящею — над душою сон.

Тело, что все свои двери заперло,—
Тщетно! — уж ядра поют вдоль жил.
С точностью сбирра и оператора
Все́ мои раны — сон перерыл!

Вскрыта! ни щелки в райке, под куполом,
Где бы укрыться от вещих глаз
Собственных. Духовником подкупленным
Все́ мои тайны — сон перетряс!

24 ноября 1924

2

В мозгу ухаб пролёжан —
Три века до весны!
В постель иду, как в ложу:
Затем, чтоб видеть сны.

Сновидеть: рай Давидов
Зреть и Ахиллов шлем
Священный,— стен не видеть!
В постель иду — затем.

Разведены с Мартыном
Задекою — не все́!
Не доверяй перинам:
С сугробами в родстве!

Занежат,— лести женской
Пух, рук и ног захват.
Как женщина младенца
Трехдневного — заспят.

Спать! Потолок как короб
Снять! Синевой запить!
В постель иду — как в прорубь:
Вас — не себя топить!

Заокеанских тропик
Прель, Индостана — ил...
В постель иду — как в пропасть:
Перины — без перил!

26 ноября 1924

ЛЮБОВЬ

Ятаган? Огонь?
Поскромнее,— куда как громко!
Боль, знакомая, как глазам — ладонь,
Как губам —
Имя собственного ребенка.

1 декабря 1924

ПОЛОТЕРСКАЯ

Колотёры-молотёры,
Полотёры-填олодёры,
Кумашный стан,
Бахромчатый штан.

Что Степан у вас, что Осип —
Ни приметы, ни следа.
— Нас нелегкая приносит,
Полотеров, завсегда.

Без вины навязчивые,
Мы полы наващиваем,
По паркетам взъахивая,
Мы молей вымахиваем.

Кулик краснопер,
Пляши, полотер!

Колотилы-громыхалы,
Нам все́ комнаты тесны.
Кольцо бабкино пропало —
Полотеры унесли.

Нажариваем.
Накаливаем.
...Пошариваем!
...Пошаливаем!

С полотеров взятки гладки:
Катай вдоль да поперек!
Как подкатимся вприсядку:
«Пожалуйте на чаек!»

Не мастикой ясеневы
Вам полы намасливаем.
По́том-кровью ясеневы
Вам полы наласниваем.

Вощи добела́!
Трещи, мебеля!

Тише сажи, мягче замши...
Полотеров взявши в дом —
Плачь! Того гляди, плясамши,
Нос богине отобьем.

Та богиня — мраморная,
Нарядить — от Ламановой,
Не гляди, что мраморная —
Всем бока наламываем!

Гол, бос.
Чтоб жглось!

Полотерско дело вредно:
Пляши, в пот себя вогнав!
Оттого и ликом бледны,
Что вся кровь у нас в ногах.

Ногой пишем,
Ногой пашем.
Кто повыше —
Тому пляшем.

О пяти корявых пальцах —
Как и барская нога!
Из прихожей — через зальце —
Вот и вся вам недолга!

Знай откалывай
До кола́ в груди!

...Шестипалого
Полотера жди.

Нам балы давать не внове!
Двери — все́ ли на ключе?
А кумач затем — что крови
Не видать на кумаче!

Нашей ли, вашей ли —
Ляжь да не спрашивай.

Как господско дело — грязью
Следить, лоску не жалеть —
Полотерско дело — мазью
Те следочки затереть.

А уж мазь хороша!
— Занялась пороша! —

Полодёры-полодралы,
Полотеры-пролеталы,
Разлет-штаны,
Паны-шаркуны,

Из перинки прасоловой
Не клопов вытрясываем,
По паркетам взгаркивая —
Мы господ вышаркиваем!

Страсть-дела,
Жар-дела,
Красная гвардия!

Поспешайте, сержанты резвые!
Полотеры купца зарезали.

Получайте, чего не грезили:
Полотеры купца заездили.

18 декабря 1924

МОЛВЬ

Емче орга́на и звонче бубна
Молвь — и одна для всех:
Ох — когда трудно, и ах — когда чудно,
А не дается — эх!

Ах с Эмпиреев, и ох вдоль пахот,
И повинись, поэт,
Что ничего, кроме этих ахов,
Охов, у Музы нет.
Наинасыщеннейшая рифма
Недр, наинизший тон.
Так, перед вспыхнувшей Суламифью —
Ахнувший Соломон.

Ах: разрывающееся сердце,
Слог, на котором мрут.
Ах, это занавес — вдруг — разверстый.
Ох: ломовой хомут.

Словоискатель, словесный хахаль,
Слов неприкрытый кран,
Эх, слуханул бы разок, — как ахал
В ночь половецкий стан!

И пригибался, и зверем прядал...
В мхах, в звуковом меху:
Ах — да ведь это ж цыганский табор
— Весь! — и с луной вверху!

Се жеребец, на аршин ощерясь,
Ржет, предвкушая бег.
Се, напоровшись на конский череп,
Песнь заказал Олег —

Пушкину. И — раскалясь в полете —
В прабогатырских тьмах —
Неодолимые возгласы плоти:
Ох! — эх! — ах!

23 декабря 1924

ЖИЗНИ

1

Не возьмешь моего румянца —
Сильного — как разливы рек!
Ты охотник, но я не дамся,
Ты погоня, но я есмь бег.

Не возьмешь мою душу живу!
Та́к, на полном скаку погонь —
Пригибающийся — и жилу
Перекусывающий конь

Аравийский.

25 декабря 1924

2

Не возьмешь мою душу живу,
Не дающуюся как пух.
Жизнь, ты часто рифмуешь с: лживо, —
Безошибочен певчий слух!

Не задумана старожилом!
Отпусти к берегам чужим!
Жизнь, ты явно рифмуешь с жиром.
Жизнь: держи его! жизнь: нажим.

Жестоки у ножных костяшек
Кольца, в кость проникает ржа!
Жизнь: ножи, на которых пляшет
Любящая.
— Заждалась ножа!

28 декабря 1924

КРЕСТИНЫ

Воды не перетепли́л
В чану, зазнобил — как надобно —
Тот поп, что меня крестил.
В ковше плоскодонном свадебном

Вина не пересластил —
Душа да не шутит брашнами! —
Тот поп, что меня крестил
На трудное дело брачное:

Тот поп, что меня венчал.
(Ожжась, поняла танцовщица,
Что сок твоего, Анчар,
Плода в плоскодонном ковшике

Вкусила...)

— На вечный пыл
В пещи смоляной поэтовой
Крестил — кто меня крестил
Водою неподогретою

Речною,— на свыше сил
Дела, не вершимы женами —
Крестил — кто меня крестил
Бедою неподслащенною:

Беспримесным тем вином.
Когда поперхнусь — напомните!
Каким опалюсь огнем?
Все́ страсти водою комнатной

Мне́ кажутся. Трижды прав
Тот поп, что меня обкарнывал.
Каких убоюсь отрав?
Все яды — водой отварною

Мне чудятся. Что́ мне рок
С его родовыми страхами —
Раз собственные, вдоль щек,
Мне слезы — водою сахарной!

А ты, что меня крестил
Водой исступленной Савловой
(Так Савл, занеся костыль,
Забывчивых останавливал) —

Молись, чтоб тебя простил —
Бог.

1 января 1925

* * *

Жив, а не умер
Демон во мне!
В теле — как в трюме,
В себе — как в тюрьме.

Мир — это стены.
Выход — топор.
(«Мир — это сцена»,—
Лепечет актер.)

И не слукавил,
Шут колченогий.
В теле — как в славе,
В теле — как в тоге.

Многие лета!
Жив — дорожи!
(Только поэты
В кости́ — как во лжи!)

Нет, не гулять нам,
Певчая братья,
В теле, как в ватном
Отчем халате.

Лучшего стоим.
Чахнем в тепле.
В теле — как в стойле,
В себе — как в котле.

Бренных не копим
Великолепий.
В теле — как в топи,
В теле — как в склепе,

В теле — как в крайней
Ссылке.— Зачах!
В теле — как в тайне,
В висках — как в тисках

Маски железной.

5 января 1925

* * *

Не колесо громовое —
Взглядами перекинулись двое.

Не Вавилон обрушен —
Силою переведались души.

Не ураган на Тихом —
Стрелами перекинулись скифы.

16 января 1925

* * *

В седину — висок,
В колею — солдат,
— Небо! — морем в тебя окрашиваюсь.
Как на каждый слог —
Что на тайный взгляд
Оборачиваюсь,
Охорашиваюсь.

В перестрелку — скиф,
В христопляску — хлыст,
— Море! — небом в тебя отваживаюсь,
Как на каждый стих —
Что на тайный свист
Останавливаюсь,
Настораживаюсь.

В каждой строчке: стой!
В каждой точке — клад.
— Око! — светом в тебя расслаиваюсь,
Расхожусь. Тоской
На гитарный лад
Перестраиваюсь,
Перекраиваюсь.

Не в пуху — в пере
Лебедином — брак!
Браки розные есть, разные есть!
Как на знак тире —
Что на тайный знак
Брови вздрагивают —
Заподазриваешь?

Не в чаю спитом
Славы — дух мой креп.
И казна моя — немалая есть!
Под твоим перстом —
Что Господень хлеб,
Перемалываюсь,
Переламываюсь.

22 января 1925

* * *

Б. Пастернаку

Рас-стояние: версты, мили...
Нас рас-ставили, рас-садили,
Чтобы тихо себя вели,
По двум разным концам земли.

Рас-стояние: версты, дали...
Нас расклеили, распаяли,
В две руки развели, распяв,
И не знали, что это — сплав

Вдохновений и сухожилий...
Не рассóрили — рассори́ли,
Расслоили...
                    Стена да ров.
Расселили нас, как орлов-

Заговорщиков: версты, дали...
Не расстроили — растеряли.
По трущобам земных широт
Рассовали нас, как сирот.

Который уж — ну который — март?!
Разбили нас — как колоду карт!

24 марта 1925

* * *

Русской ржи от меня поклон,
Ниве, где баба застится.
Друг! Дожди за моим окном,
Беды и блажи нá сердце...

Ты, в погудке дождей и бед —
То ж, что Гомер — в гекзаметре.
Дай мне руку — на весь тот свет!
Здесь — мои обе заняты.

Вшеноры, 7 мая 1925

* * *

Тише, хвала!
Дверью не хлопать,
Слава!
                Стола
Угол — и локоть.

Сутолочь, стоп!
Сердце, уймись!
Локоть — и лоб.
Локоть — и мысль.

Юность — любить,
Старость — погреться:
Некогда — *быть*,
Некуда деться.

Хоть бы закут —
Только без прочих!
Краны — текут,
Стулья — грохочут,

Рты говорят:
Кашей во рту
Благодарят
«За красоту».

Знали бы вы,
Ближний и дальний,
Как головы
Собственной жаль мне —

Бога в орде!
Степь — каземат —
Рай — это где
Не говорят!

Юбочник — скот —
Лавочник — частность!
Богом мне — тот
Будет, кто даст мне

— Не времени!
Дни сочтены! —
Для тишины —
Четыре стены.

Париж, 26 января 1926

<ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА>

...И не жалость — мало жил,
И не горечь — мало дал,—
Много жил — кто в *наши* жил
Дни, всё дал — кто песню дал.

Январь 1926

* * *

Кто — *мы?* Потонул в медведях
Тот край, потонул в полозьях.
Кто — *мы?* Не из тех, что ездят,—
Вот — *мы!* А из тех, что возят:

Возницы. В раненьях жгучих
В грязь вбитые — за везучесть.

Везло! Через Дон — так голым
Льдом. Хвать — так всегда патроном
Последним. Привар — несолон.
Хлеб — вышел. Уж так везло нам!

Всю Русь в наведенных дулах
Несли на плечах сутулых.

Не вывезли! Пешим дралом —
В ночь, выхаркнуты народом!
Кто *мы?* да по всем вокзалам!
Кто *мы?* да по всем заводам!

По всем гнойникам гаремным [1]—
Мы, вставшие за деревню,
За — дерево...

С шестерней, как с бабой, сладившие —
Это мы — белоподкладочники?
С Моховой князья да с Бронной-то —
Мы-то? — золотопогонники?

Гробокопы, клоповоды —
Подошло! подошло!
Это мы пустили слово:
Хорошо! хорошо!

---

[1] Дансеры в дансингах. (*Прим. М. Цветаевой.*)

Судомои, крысотравы,
Дом — верша, гром — глуша,
Это мы пустили славу:
— Хороша! хороша —
Русь!

Маляры-то в поднебесьице —
Это мы-то с жиру бесимся?
Баррикады в Пятом строили
Мы, ребятами.
— История.

Баррикады, а нынче — троны.
Но всё тот же мозольный лоск.
И сейчас уже Шарантоны
Не вмещают российских тоск.

Мрем от них. Под шинелью драной —
Мрем, наган наставляя в бред...
Перестраивайте Бедламы:
Все — малы для российских бед!

Бредит шпорой костыль — острите! —
Пулеметом — пустой обшлаг.
В сердце, явственном после вскрытья —
Ледяного похода знак.

Всеми пытками не исторгли!
И да будет известно — *там:*
Доктора узнают нас в морге
По не в меру большим сердцам.

Апрель 1926

РАЗГОВОР С ГЕНИЕМ

Глыбами — лбу
Лавры похвал.
«Петь не могу!»
— «Будешь!» — «Пропал,

(На толокно
Переводи!)
Как молоко —
Звук из груди.

Пусто. Суха.
В полную веснь —
Чувство сука».
— «Старая песнь!

Брось, не морочь!»
«Лучше мне впредь —
Камень толочь!»
— «Тут-то и петь!»

«Что́ я, снегирь,
Чтоб день-деньской
Петь?»
— «Не моги,
Пташка, а пой!

На́ зло врагу!»
«Коли двух строк
Свесть не могу?»
— «Кто когда — *мог?!*» —

«Пытка!» — «Терпи!»
«Скошенный луг —
Глотка!» — «Хрипи:
Тоже ведь — звук!»

«Львов, а не жен
Дело».— «*Детей:*
Распотрошен —
Пел же — Орфей!»

«Так и в гробу?»
— «И под доской».
«*Петь* не могу!»
— «*Это* воспой!»

Медон, 4 июня 1928

НАЯДА

Проходи стороной,
Тело вольное, рыбье!
Между мной и волной,
Между грудью в зыбью —

Третье, злостная грань
Дружбе гордой и голой:

Стопудовая дань
Пустяковине: полу.

Узнаю тебя, клин,
Как тебя ни зови:
В море — ткань, в поле — тын,
Вечный третий в любви!

Мало — злобе людской
Права каменных камер?
Мало — деве морской
Моря трепетной ткани?

Океана-Отца
Неизбывных достатков —
Пены — чудо-чепца?
Вала — чудо-палатки?

Узнаю тебя, гад,
Как тебя ни зови:
В море — ткань, в горе — взгляд,—
Вечный третий в любви!

Как приму тебя, бой,
Мне даваемый глубью,
Раз меж мной — и волной:
Между грудью — и грудью...

— Нереида! — Волна!
Ничего нам не надо,
Что не я, не она,
Не волна, не наяда!

Узнаю тебя, гроб,
Как тебя ни зови:
В вере — храм, в храме — поп,—
Вечный третий в любви!

Хлебопек, кочегар,—
Брак без третьего мéжду!
Прячут жир (горе бар!)
Чистым — нету одежды!

Черноморских чубóв:
— Братцы, голые топай!
Голым в смерть и в любовь,
Как бойцы Перекопа —

В бой.
Матросских сосков
Рябь.— «Товарищ, живи!»
...В пулю — шлем, в бурю — кровь
Вечный третий в любви!

Побережья бродяг,
Клятвы без аналоев!
Как вступлю в тебя, брак,
Раз меж мною — и мною ж —

Что́? Да нос на тени́,
Соглядатай извечный —
Свой же. Всё, что бы *ни* —
Что? Да *всё*, если нечто!

Узнаю тебя, біс,
Как тебя ни зови:
Нынче — нос, завтра — мыс,—
Вечный третий в любви!

Горделивая мать
Над цветущим отростком,
Торопись умирать!
Завтра — третий вотрется!

Узнаю тебя, смерть,
Как тебя ни зови:
В сыне — рост, в сливе — червь:
Вечный третий в любви.

Понтайяк, 1 августа 1928

ПЛАЧ МАТЕРИ ПО НОВОБРАНЦУ

Уж вы, батальоны —
Эскадроны!
Сынок порожёный,
Бе-ре-женый!

Уж ты по младенцу —
Новобранцу —
Слеза деревенска,
Океанска!

В который раз вспо́рот
Живот — мало!

Сколько б вас, Егорок,
Ни рожала —

Мало! *Мои* сучья!
Кро̀вь чья? Со̀ль чья?
Мало! Мала куча:
Больше! Больше!

Хоша б целый город
Склала — живы!
Сколько б вас, Егорок,
Ни ложила —

В землю. Большеротый,
Башка — вербой
Вьется. Людям — сотый,
А мне — первый!

Теки, мои соки,
Брега́ — через!
Сосцы пересохли,
Очам — че́ред!

Реви, долговласа,
По армейцу!
Млецо́м отлилася —
Слезой лейся!

1928

МАЯКОВСКОМУ

1

Чтобы край земной не вымер
Без отчаянных дяде́й,
Будь, младенец, Володимир:
Целым миром володей!

2

Литературная — не в ней
Суть, а вот — кровь пролейте!
Выходит каждые семь дней.
Ушедший — раз в столетье

Приходит. Сбит передовой
Боец. Каких, столица,

Еще вестей тебе, какой
Еще — передовицы?

Ведь это, милые, у нас
Черновец — милюковцу:
«Владимир Маяковский? Да-с,
Бас, говорят, и в кофте

Ходил...»
Эх, кровь-твоя-кровцà!
Как с новью примириться,
Раз первого ее бойца
Кровь — на второй странице
(Известий).

3

«В гробу, в обыкновенном темном костюме, в устойчивых, грубых ботинках, подбитых железом, лежит величайший поэт революции».
(«Однодневная газета», 24 апреля 1930 г.)

В сапогах, подкованных железом,
В сапогах, в которых гору брал —
Никаким обходом ни объездом
Не доставшийся бы перевал —

Израсходованных до сиянья
За двадцатилетний перегон.
Гору пролетарского Синая,
На котором праводатель — он.

В сапогах — двустопная жилплощадь,
Чтоб не вмешивался жилотдел —
В сапогах, в которых, понаморщась,
Гору нес — и брал — и клял — и пел —

В сапогах и *до* и *без* отказу
По невспаханностям Октября,
В сапогах почти что водолаза:
Пехотинца, чище ж говоря:

В сапогах великого похода,
На донбассовских, небось, гвоздях.
Гору горя своего народа
Стапятидесяти (Госиздат)

Миллионного...— В котором роде
Своего, когда который год:
«Ничего-де своего в заводе!»
Всех народов горя гору — вот.

Так вот в этих — про его Рольс-Ройсы
Говорок еще не приутих —
Мертвый пионерам крикнул: Стройся!
В сапогах — *свидетельствующих*.

4

Любовная лодка разбилась о быт.

И полушки не поставишь
На такого главаря.
Лодка-то твоя, товарищ,
Из какого словаря?

В лодке да еще в любовной
Запрокинуться — скандал!
Разин — чем тебе не ровня? —
Лучше с *бытом* совладал.

Эко новшество — лекарство,
Хлещущее, что твой кран!
Парень, не по-пролетарски
Действуешь — а что твой пан!

Стоило ж в богов и в матку
Нас, чтоб — кровь, а не рассвет! —
Класса белую подкладку
Выворотить напослед.

Вроде юнкера, на «Тоске»
Выстрелившего — с тоски!
Парень! не по-маяковски
Действуешь: по-шаховски.

Фуражечку б на бровишки
И — прощай, моя джаным!
Правнуком своим проживши,
Кончил — прадедом своим.

То-то же как на поверку
Выйдет — стыд тебя заест:
Совето-российский Вертер.
Дворяно-российский жест.

Только раньше — в околодок,
Нынче ж...
— Враг ты мой родной!
Никаких любовных лодок
Новых — нету под луной.

5

Выстрел — в самую душу,
Как только что по врагам.
Богоборцем разрушен
Сегодня последний храм.

Еще раз не осекся
И, в точку попав — усоп.
Было, стало быть, сердце,
Коль выстрелу следом — стоп.

(Зарубежье, встречаясь:
«Ну, казус! Каков фугас!
Значит — тоже сердца есть?
И с той же, что и у нас?»)

Выстрел — в самую точку,
Как в ярмарочную цель.
(Часто левую — мочку
Отбривши — с женой в постель.)

Молодец! Не прошибся!
А женщины ради — что ж!
И Елену паршивкой
— Подумавши — назовешь.

Лишь одним, зато знатно,
Нас лефовец удивил:
Только вправо и знавший
Палить-то, а тут — слевил.

Кабы в правую — сверк бы
Ланцетик — и здрав ваш шеф.
Выстрел в *левую* створку:
Ну в самый-те Центропев!

Зерна огненного цвета
Брошу на ладонь,
Чтоб предстал он в бездне света
Красный как огонь.

Советским вельможей,
При полном синоде...
— Здорово, Сережа!
— Здорово, Володя!

Умаялся? — Малость.
— По общим? — По личным.
— Стрелялось? — Привычно.
— Горелось? — Отлично.

— Так стало быть *пожил?*
— Пасс в нек'тором роде.
...Негоже, Сережа!
...Негоже, Володя!

А помнишь, как матом
Во весь свой эстрадный
Басище — меня-то
Обкладывал? — Ладно

Уж...— Вот-те и шлюпка
Любовная лодка!
Ужель из-за юбки?
— Хужей из-за водки.

Опухшая рожа
С тех пор и на взводе?
Негоже, Сережа.
— Негоже, Володя.

А впрочем — не бритва —
Сработано чисто.
Так стало быть бита
Картишка? — Сочится.

— Приложь подорожник.
— Хорош и коллодий.
Приложим, Сережа.
— Приложим, Володя.

А что на Рассее-
На матушке? — То есть

Где? — В Эсэсэсэре
Что нового? — Строят.

Родители — рòдят,
Вредители — точут,
Издатели — водят,
Писатели — строчут.

Мост новый заложен,
Да сбит половодьем.
Все то же, Сережа!
— Все то же, Володя.

А певчая стая?
— Народ, знаешь, тертый!
Нам лавры сплетая,
У нас, как у мертвых,

Прут. Старую Росту
Да завтрашним лаком.
Да не обойдешься
С одним Пастернаком.

Хошь, руку приложим
На ихнем безводье?
Приложим, Сережа?
— Приложим, Володя!

Еще тебе кланяется...
— А что добрый
Наш Льсан Алексаныч?
— Вон — ангелом! — Федор

Кузьмич? — На канале:
По красные щеки
Пошел. — Гумилев Николай?
— На Востоке.

(В кровавой рогоже,
На полной подводе...)
— Все то же, Сережа!
— Все то же, Володя!

А коли все то же,
Володя, мил-друг мой,
Вновь руки наложим,

Володя, хоть рук — и —
Нет.
— Хотя и нету,
Сережа, мил-брат мой,
Под царство и это
Подложим гранату!

И на раствороженном
Нами Восходе —
Заложим, Сережа!
— Заложим, Володя!

7

Много храмов разрушил,
А этот — ценней всего.
Упокой, Господи, душу усопшего врага твоего.

Савойя, август 1930 г.

ЛУЧИНА

До Эйфелевой — рукою
Подать! Подавай и лезь.
Но каждый из нас — такое
Зрел, зрит, говорю, и днесь,

Что скушным и некрасивым
Нам кажется ваш Париж.
«Россия моя, Россия,
Зачем так ярко горишь?»

Июнь 1931

СТИХИ К ПУШКИНУ

1

Бич жандармов, Бог студентов,
Желчь мужей, услада жен —
Пушкин — в роли монумента?
Гостя каменного? — он,

Скалозубый, нагловзорый
Пушкин — в роли Командора?

Критик — нòя, нытик — вторя:
«Где же пушкинское (взрыд)
Чувство меры?» Чувство — моря
Позабыли — о гранит
Бьющегося? Тот, соленый
Пушкин — в роли лексикона?

Две ноги свои — погреться —
Вытянувший, и на стол
Вспрыгнувший при самодержце
Африканский самовол —

Наших прадедов умора —
Пушкин — в роли гувернера?

Черного не перекрасить
В белого — неисправим!
Недурен российский классик,
Небо Африки — своим

Звавший, невское — проклятым,
— Пушкин — в роли русопята?

Ох, брадатые авгуры!
Задал, задал бы вам бал
Тот, кто царскую цензуру
Только с дурой рифмовал,

А «Европы Вестник» — с...
Пушкин — в роли гробокопа?

К пушкинскому юбилею
Тоже речь произнесем:
Всех румяней и *смуглее*
До сих пор на свете всем,

Всех живучей и живее!
Пушкин — в роли мавзолея?

То-то к пушкинским избушкам
Лепитесь, что сами — хлам!
Как из душа! Как из пушки —
Пушкиным — по соловьям

Слòва, соколàм полета!
— Пушкин — в роли пулемета!

Уши лопнули от вопля:
«Перед Пушкиным во фрунт!»
А куда девали пёкло
Губ, куда девали — бунт

Пушкинский? уст окаянство?
Пушкин — в меру пушкиньянца!

Томики поставив в шкафчик —
Посмешаете ж его,
Беженство свое смешавши
С белым бешенством его!

Белокровье мозга, морга
Синь — с оскалом негра, горло
Кажущим...

Поскакал бы, Всадник Медный,
Он со всех копыт — назад.
Трусоват был Ваня бедный,
Ну, а он — *не* трусоват.

Сей, глядевший во все страны —
В роли собственной Татьяны?

Чтò вы делаете, карлы,
Этот — голубей олив —
Самый вольный, самый крайний
Лоб — навеки заклеймив

Низостию двуединой
Золота и середины?

«Пушкин — тога, Пушкин — схима,
Пушкин — мера, Пушкин — грань...»
Пушкин, Пушкин, Пушкин — имя
Благородное — как брань

Площадную — попугаи.

— Пушкин? Очень испугали!

1931

2

ПЕТР И ПУШКИН

Не флотом, не пòтом, не задом
В заплатах, не Шведом у ног,
Не ростом — из всякого ряду,
Не сносом — всего, чему срок,—

Не лòтом, не бòтом, не пивом
Немецким сквозь кнастеров дым,
И даже и не Петро-дивом
Своим (Петро-делом своим!).

И бòльшего было бы мало
(Бог дал, человек не обузь!),
Когда б не привез Ганнибала-
Арапа на белую Русь.

Сего афричонка в науку
Взяв, всем россиянам носы
Утер и наставил,— от внука-
то *негрского* — свет на Руси!

Уж он бы вертлявого — в струнку
Не стал бы! — «На волю? Изволь!
Такой же ты камерный юнкер,
Как я — машкерадный король!»

Поняв, что ни пеной, ни пемзой —
Той Африки,— царь-грамотей
Решил бы: «Отныне я — цензор
Твоих африканских страстей».

И дав бы ему по загривку
Курчавому (стричь-не остричь!):
«Иди-ка, сынок, на побывку
В свою африканскую дичь!

Плыви — ни об чем не печалься!
Чай есть в паруса кому дуть!
Соскучишься — так ворочайся,
А нет — хошь и дверь позабудь!

Приказ: ледяные туманы
Покинув,— за пядию пядь
Обследовать жаркие страны
И виршами нам описать».

И мимо наставленной свиты,
Отставленной — прямо на склад,
Гигант, отпустивши пииту,
Помчал — по земле или *над*?

Сей не по снегам смуглолицый
Российским — снегов Измаил!
Уж он бы заморскую птицу
Архивами не заморил!

Сей, не по кровям торопливый
Славянским, сей *тоже* — метис!
Уж ты б у него по архивам
Отечественным не закис!

Уж он бы с тобою — поладил!
За непринужденный поклон
Разжалованный — Николаем,
Пожалованный бы — Петром!

Уж он бы жандармского сыска
Не крыл бы «отечеством чувств»!
Уж он бы тебе — василиска
Взгляд! — не замораживал уст.

Уж он бы полтавских не комкал
Концов, не тупил бы пера.
За что недостойным потомком —
Подонком — опенком Петра

Был сослан в румынскую область,
Да ею б — пожалован был
Сим — так ненавидевшим робость
Мужскую,— что сына убил

Сробевшего.— «Эта мякина —
Я? — Вот и роди! и расти!»
Был *негр* ему истинным сыном,
Так истинным правнуком — *ты*

Останешься. Заговор равных.
И вот, не спросясь повитух,
Гигантова крестника правнук
Петров унаследовал дух.

И шаг, и светлейший из светлых
Взгляд, коим поныне светла...
Последний — посмертный — *бессмертный*
Подарок России — Петра.

2 июля 1931

3

(СТАНОК)

Вся его наука —
Мощь. Светлò — гляжу:
Пушкинскую руку
Жму, а не лижу.

Прадеду — товарка:
В той же мастерской!
Каждая помарка —
Как своей рукой.

Вольному — под стопки?
Мне, в котле чудес
Сём — открытой скобки
Ведающей — вес,

Мнящейся описки —
Смысл, короче — всё.
Ибо нету сыска
Пуще, чем родство!

Пелось как — поется
И поныне — тàк.
Знаем, как «дается»!
Над тобой, «пустяк»,

Знаем — как потелось!
От тебя, мазок,
Знаю — как хотелось
В лес — на бал — в возок.

И как — спать хотелось!
Над цветком любви —
Знаю, как скрипелось
Негрскими зубьми!

Перья на востртоты —
Знаю, как чинил!
Пальцы не просохли
От его чернил!

А зато — меж талых
Свеч, картежных сеч —
Знаю — как стрясалось!
От зеркал, от плеч

Голых, от бокалов
Битых на полу —
Знаю, как бежалось
К голому столу!

В битву без злодейства:
Самого — с самим!
— Пушкиным не бейте!
Ибо бью вас — им!

1931

4

Преодоленье
Косности русской —
Пушкинский гений?
Пушкинский мускул

На кашалотьей
Туше судьбы —
Мускул полета,
Бега,
Борьбы.

С утренней негой
Бившийся — бодро!
Ровного бега,
Долгого хода —
Мускул. Побегов
Мускул степных,
Шлюпки, что к брегу
Тщится сквозь вихрь.

Не онедужен
Русскою кровью —
О, не верблюжья
И не воловья
Жила (усердство
Из-под ремня!) —
Конского сердца
Мышца — моя!

Больше балласту —
Краше осанка!
Мускул гимнаста
И арестанта,
Что на канате
Собственных жил
Из каземата —
Соколом взмыл!

Пушкин, с монаршьих
Рук руководством
Бившийся так же
Насмерть — как бьется
(Мощь — прибывала,
Сила — росла)
С мускулом вала
Мускул весла.

Кто-то, на фуру
Несший: «Атлета
Мускулатура,
А не поэта!»
То — серафима
Сила — была:
Несокрушимый
Мускул — крыла.

10 июля 1931

(ПОЭТ И ЦАРЬ)

5

Потусторонним
Залом царей.
— А непреклонный
Мраморный сей?

Столь величавый
В золоте барм.
— Пушкинской славы
Жалкий жандарм.

Автора — хаял,
Рукопись — стриг.
Польского края —
Зверский мясник.

Зорче вглядися!
Не забывай:
Певцоубийца
Царь Николай
Первый.

6

Нет, бил барабан перед смутным полком,
Когда мы вождя хоронили:
То зубы царёвы над мертвым певцом
Почетную дробь выводили.

Такой уж почет, что ближайшим друзьям —
Нет места. В изглавье, в изножье,
И справа, и слева — ручищи по швам —
Жандармские груди и рожи.

Не дивно ли — и на тишайшем из лож
Пребыть поднадзорным мальчишкой?
На что-то, на что-то, на что-то похож
Почет сей, почетно — да слишком!

Гляди, мол, страна, как, молве вопреки,
Монарх о поэте печется!
Почетно — почетно — почетно — архи-
Почетно,— почетно — до черту!

Кого ж это так — точно воры ворà
Пристреленного — выносили?
Изменника? Нет. С проходного двора —
Умнейшего мужа России.

Медон, 19 июля 1931

7

Народоправству, свалившему трон,
Не упразднившему — тренья:
Не поручать палачам похорон
Жертв, цензорам — погребенья

Пушкиных. В непредуказанный срок,
В предотвращение смуты,
Не увозить под (великий!) шумок
По воровскому маршруту —

Не обрекать на последний мрак,
Полную глухонемость —
Тела, обкарнанного и так
Ножницами — в поэмах.

1931

ОДА ПЕШЕМУ ХОДУ

1

В век сплошных скоропадских,
Роковых скоростей —
Слава стойкому братству
Пешехожих ступней!

Всеутёсно, всерощно,
Прямиком, без дорог,
Обивающих мощно
Лишь природы — порог,

Дерзко попранный веком.
(В век турбин и динам
Только жить что калекам!)
...Но и мстящей же вам

За рекламные клейма
На вскормившую грудь.
— Нет, безногое племя,
Даль — ногами добудь!

Слава толстым подметкам,
Сапогам на гвоздях,
Ходокам, скороходкам —
Божествам в сапогах!

Если есть в мире — ода
Богу сил, Богу гор —
Это взгляд пешехода
На застрявший мотор.

Сей ухмыл в пол-аршина,
Просто — шире лица:
Пешехода на шину
Взгляд — что лопается!

Поглядите на чванством
Распираемый торс!
Паразиты пространства,
Алкоголики верст —

Что сквозь пыльную тучу
Рукоплещущих толп
Расшибаются.
— Случай?
— Дури собственной — столб.

2

Вот он, грузов наспинных
Бич, мечтателей меч!
Красоту — как насильник,
С ног сшибающий: лечь!

Не ответит и ляжет —
Как могила — как пласт, —
Но лица не покажет
И души не отдаст...

Ничего не отдаст вам
Ни апрель, ни июль, —
О безглазый, очкастый
Лакированный нуль!

Между Зюдом и Нордом —
Поставщик суеты!
Ваши форды (рекорды
Быстроты: пустоты),

Ваши рольсы и ройсы —
Змея ветхая лесть!
Сыне! Господа бойся,
Ноги давшего — бресть.

Драгоценные куклы
С Опера́ и Мадлэн,
Вам бы тихие туфли
Мертвецовы — взамен

Лакированных лодок.
О, холодная ложь
Манекенных колодок,
Неступивших подошв!

Слаза Господу в небе —
Богу сил, Богу царств —
За гранит и за щебень,
И за шпат и за кварц,

Чистоганную сдачу
Под копытом — кремня...
И за то, что — *ходячим*
Чудом — создал меня!

3

Дармоедством пресытясь,
С шины — спешится внук.
Пешеходы! Держитесь —
Ног, как праотцы — рук.

Где предел для резины —
Там простор для ноги.
Не хватает бензину?
Вздоху — хватит в груди!

Как поток жаждет прага,
Так восторг жаждет — трат.
Ничему, кроме шага,
Не учите ребят!

По ручьям, по моренам,
Дальше — нет! дальше — стой!
Чтобы Альпы — коленом
Знал, саванны — ступней.

Я костьми, други, лягу —
За *раскрытие* школ!
Чтоб от первого шага
До последнего — шел

Внук мой! отпрыск мой! мускул —
Посрамивший Аид!
Чтобы в царстве моллюсков —
На своих-на двоих!

Медон, 26 августа 1931

ДОМ

Из-под нахмуренных бровей
Дом — будто юности моей
День, будто молодость моя
Меня встречает: — Здравствуй, я!

Так самочувственно-знаком
Лоб, прячущийся под плащом
Плюща, срастающийся с ним,
Смущающийся быть большим.

Недаром я — грузи! вези! —
В непросыхающей грязи
Мне предоставленных трущоб
Фронтоном чувствовала лоб.

Аполлонический подъем
Музейного фронтона — лбом

Своим. От улицы вдали
Я за стихами кончу дни —
Как за ветвями бузины.

Глаза — без всякого тепла:
То зелень старого стекла,
Сто лет глядящегося в сад,
Пустующий — сто пятьдесят.

Стекла, дремучего, как сон,
Окна, единственный закон
Которого: гостей не ждать,
Прохожего не отражать.

Не сдавшиеся злобе дня,
Глаза, оставшиеся — да —
Зерца̀лами самих себя.

Из-под нахмуренных бровей —
О зелень юности моей!
Та — риз моих, та — бус моих,
Та — глаз моих, та — слез моих...

Меж обступающих громад —
Дом — пережиток, дом — магнат,
Скрывающийся между лип.
Девический дагерротип
Души моей...

Медон, 6 сентября 1931

БУЗИНА

Бузина цельный сад залила!
Бузина зелена, зелена!
Зеленее, чем плесень на чане,
Зелена — значит, лето в начале!
Синева — до скончания дней!
Бузина моих глаз зеленей!

А потом — через ночь — костром
Ростопчинским! — в очах краснò
От бузинной пузырчатой трели.
Красней кори на собственном теле
По всем порам твоим, лазорь,
Рассыпающаяся корь

Бузины — до зимы, до зимы!
Что за краски разведены
В мелкой ягоде, слаще яда!
Кумача, сургуча и ада —
Смесь, коралловых мелких бус —
Блеск, запекшейся крови — вкус!

Бузина казнена, казнена!
Бузина — цельный зад залила
Кровью юных и кровью чистых,
Кровью веточек огнекистых —
Веселейшей из всех кровей:
Кровью сердца — твоей, моей...

А потом — водопад зерна,
А потом — бузина черна.
С чем-то сливовым, с чем-то липким.
Над калиткой, стонавшей скрипкой
Возле дома, который пуст,—
Одинокий бузинный куст.

Бузина, без ума, без ума
Я от бус твоих, бузина!

Степь — хунхузу, Кавказ — грузину,
Мне — мой куст под окном бузинный
Дайте. Вместо Дворцов Искусств
Только этот бузинный куст...

Новоселы моей страны!
Из-за ягоды бузины,
Детской жажды моей багровой,
Из-за древа и из-за слова:
Бузина (по сей день — ночьми...),
Яда — всосанного очьми...

Бузина багрова, багрова!
Бузина — цельный край забрала
В лапы: детство мое у власти.

Нечто вроде преступной страсти,
Бузина, меж тобой и мной.
Я бы века болезнь — бузиной
Назвала...

11 сентября 1931 — 21 мая 1935

* * *

— Не нужен твой стих —
Как бабушкин сон.
— А мы для *иных*
Сновидим времен.

— Докучен твой стих —
Как дедушкин вздох.
— А мы для *иных*
Дозорим эпох.

— В пять лет — целый свет —
Вот сон наш каков!
— Ваш — на̀ пять лишь лет,
Мой — на̀ пять веков.

— Иди, куда дни!
— Дни *мимо* идут...

———

А быть или нет
Стихам на Руси —
Потоки спроси,
Потомков спроси.

14 сентября 1931

СТРАНА

С фонарем обшарьте
Весь подлунный свет.
Той страны на карте —
Нет, в пространстве — нет.

Выпита как с блюдца:
Донышко блестит!
Можно ли вернуться
В дом, который — срыт?

Заново родися!
В новую страну!
Ну-ка, воротися
На спину коню

Сбросившему! (Кости
Целы-то — хотя?)
Эдакому гостю
Булочник — ломтя

Ломаного, плотник —
Гроба не продаст!
Той ее — несчетных
Верст, *небесных* царств,

Той, где на монетах —
Молодость моя,
Той России — нету.
Как и той меня.

1931

СТИХИ К СЫНУ

1

Ни к городу и ни к селу —
Езжай, мой сын, в свою страну, —
В край — всем краям наоборот! —
Куда *назад* идти — *вперед*
Идти, особенно — тебе,
Руси не видывавшее

Дитя мое... Мое? *Ее* —
Дитя! То самое былье,

Которым порастает быль.
Землицу, стершуюся в пыль,—
Ужель ребенку в колыбель
Нести в трясущихся горстях:
— «Русь — этот прах, чти — этот прах!»

От неиспытанных утрат —
Иди — куда глаза глядят!
Всех стран — глаза, со всей земли —
Глаза, и синие твои
Глаза, в которые гляжусь:
В глаза, глядящие на Русь.

Да не поклонимся словам!
Русь — прадедам, Россия — нам,
Вам — просветители пещер —
Призывное: СССР,—
Не менее во тьме небес
Призывное, чем: SOS.

Нас родина не позовет!
Езжай, мой сын, домой — вперед —
В *свой* край, в *свой* век, в *свой* час,—
от нас —
В Россию — вас, в Россию — масс,
В *наш*-час — страну! в *сей*-час — страну!
В на-Марс — страну! в без-нас — страну!

Январь 1932

2

Наша совесть — не ваша совесть!
Полно! — Вольно! — О всем забыв,
Дети, сами пишите повесть
Дней своих и страстей своих.

Соляное семейство Лота —
Вот семейственный ваш альбом!
Дети! Сами сводите счеты
С выдаваемым за Содом —

Градом. С братом своим не дравшись —
Дело чисто твое, кудряш!
Ваш край, *ваш* век, *ваш* день, *ваш* час,
Наш грех, *наш* крест, *наш* спор, *наш* —

Гнев. В сиротские пелеринки
Облаченные отродясь —
Перестаньте справлять поминки
По Эдему, в котором вас

Не было! по плодам — и видом
Не видали! Поймите: слеп —
Вас ведущий на панихиду
По народу, который хлеб

Ест, и вам его даст,— как скоро
Из Мёдона — да на Кубань.
Наша ссора — не ваша ссора!
Дети! Сами творите брань

Дней своих.

Январь 1932

3

Не быть тебе нулем
Из молодых — да вредным!
Ни медным королем,
Ни попросту — спортсмедным

Лбом, ни слепцом путей,
Коптителем кают,
Ни парой челюстей,
Которые жуют,—

В *сем* полагая цель.
Ибо в любую щель —
Я — с моим ветром буйным!
Не быть тебе буржуем.

Ни галльским петухом,
Хвост заложившим в банке,
Ни томным женихом
Седой американки,—

Нет, ни одним из тех,
Дописанных, как лист,
Которым — только смех
Остался, только свист

Достался от отцов!
С *той* стороны весов

Я — с черноземным грузом!
Не быть тебе французом.

Но также — ни одним
Из нас, досадных внукам!
Кем будешь — Бог один...
Не будешь кем — порукой —

Я, что в тебя — всю Русь
Вкачала — как насосом!
Бог видит — побожусь! —
Не будешь ты отбросом

Страны своей.

22 января 1932

РОДИНА

О неподатливый язык!
Чего бы попросту — мужик,
Пойми, певал и до меня:
— Россия, родина моя!

Но и с калужского холма
Мне открывалася *она* —
Даль — тридевятая земля!
Чужбина, родина моя!

Даль, прирожденная, как боль,
Настолько родина и столь
Рок, что повсюду, через всю
Даль — всю ее с собой несу!

Даль, отдалившая мне близь,
Даль, говорящая: «Вернись
Домой!» Со всех — до горних звёзд —
Меня снимающая мест!

Недаром, голубей воды,
Я далью обдавала лбы.

Ты! Сей руки своей лишусь,—
Хоть двух! Губами подпишусь
На плахе: распрь моих земля —
Гордыня, родина моя!

12 мая 1932

* * *

Никуда не уехали — ты да я —
Обернулись прорехами — все моря!
Совладельцам пятерки рваной —
Океаны не по карману!

Нищеты вековечная сухомять!
Снова лето, как корку всухую мять!
Обернулось нам море — мелью:
Наше лето — другие съели!

С жиру лопающиеся: жир — их «лоск»,
Что не только что масло едят, а мозг
Наш — в поэмах, в сонатах, в сводах:
Людоеды в парижских модах!

Нами — лакомящиеся: франк — за вход.
О, урод, как водой туалетной — рот
Сполоснувший — бессмертной песней!
Будьте прокляты вы — за весь мой

Стыд: вам руку жать, когда зуд в горсти,—
Пятью пальцами — да от всех пяти
Чувств — на память о чувствах добрых —
Через всё вам лицо — автограф!

Фавьер, 1932 — лето 1935

СТОЛ

1

Мой письменный верный стол!
Спасибо за то, что шел
Со мною по всем путям.
Меня охранял — как шрам.

Мой письменный вьючный мул!
Спасибо, что ног не гнул
Под ношей, поклажу грез —
Спасибо — что нес и нес.

Строжайшее из зерцал!
Спасибо за то, что стал
(Соблазнам мирским порог)
Всем радостям поперек,

Всем низостям — наотрез!
Дубовый противовес
Льву ненависти, слону
Обиды — всему, всему.

Мой заживо смертный тёс!
Спасибо, что рос и рос
Со мною, по мере дел
Настольных — большал, ширел,

Так ширился, до широт —
Таких, что, раскрывши рот,
Схватясь за столовый кант...
— Меня заливал, как штранд!

К себе пригвоздив чуть свет —
Спасибо за то, что — вслед
Срывался! На всех путях
Меня настигал, как шах —

Беглянку.
                    — Назад, на стул!
Спасибо за то, что блюл
И гнул. У невечных благ
Меня отбивал — как маг —

Сомнамбулу.
                    Битв рубцы,
Стол, выстроивший в столбцы
Горящие: жил багрец!
Деяний моих столбец!

Столп столпника, уст затвор —
Ты был мне престол, простор —
Тем был мне, что морю толп
Еврейских — горящий столп!

Так будь же благословен —
Лбом, локтем, узлом колен
Испытанный,— как пила
В грудь въевшийся — край стола!

Июль 1933

2

Тридцатая годовщина
Союза — верней любви.

Я знаю твои морщины,
Как знаешь и ты — мои,

Которых — не ты ли — автор?
Съедавший за дестью десть,
Учивший, что нету — завтра
Что только сегодня — есть.

И деньги, и письма с почты —
Стол — сбрасывавший — в поток!
Твердивший, что каждой строчки
Сегодня — последний срок.

Грозивший, что счетом ложек
Создателю не воздашь,
Что завтра меня положат —
Дурищу — да на тебя ж!

8

Тридцатая годовщина
Союза — держись, злецы!
Я знаю твои морщины,
Изъяны, рубцы, зубцы —

Малейшую из зазубрин!
(*Зубами* — коль стих не шел!)
Да, был человек возлюблен!
И сей человек был — стол

Сосновый. Не мне на всхолмье
Березу берег карéл!
Порой еще с слезкой смольной,
Но вдруг — через ночь — старел,

Разумнел — так школьник дерзость
Сдает под мужской нажим.
Сажусь — еле доску держит.
Побьюсь — точно век дружи́м!

Ты — стоя, в упор, я — спину
Согнувши — пиши! пиши! —
Которую десятину
Вспахали, версту — прошли,

Покрыли: письмом — красивей
Не сыщешь в державе всей!

Не меньше, чем пол-России
Покрыто рукою сей!

Сосновый, дубовый, в лаке
Грошовом, с кольцом в ноздрях,
Садовый, столовый — всякий,
Лишь бы́ не на трех ногах!

Как трех Самозванцев в браке
Признавшая тезка — *тот!*
Бильярдный, базарный — всякий —
Лишь бы́ не сдавал высот

Заветных. Когда ж подастся
Железный — под локтевым
Напором, столов — богатство!
Вот пень: не обнять двоим!

А паперть? А край колодца?
А старой могилы — пласт?
Лишь только б мои два локтя
Всегда утверждали: — *даст*

Бог! *Есть* бог! Поэт — устройчив:
Всё — стол ему, всё — престол!
Но лучше всего, всех стойче —
Ты,— мой наколенный стол!

Около 15 июля 1933 — 29—30 октября 1935

4

Обидел и обошел?
Спасибо за то, что — стол
Дал, стойкий, врагам на страх —
Стол — на четырех ногах

Упорства. Скорей — скалу
Своротишь. И лоб — к столу
Подстатный, и локоть *под* —
Чтоб лоб свой держать, как свод.

— А прочего дал в обрез?
А прочный, во весь мой *вес*,
Просторный,— во весь мой бег,
Стол — вечный — на весь мой век!

Спасибо тебе, Столяр,
За до̀ску — во весь мой дар,

За ножки — прочней химер
Парижских, за вещь — в размер.

5

Мой письменный верный стол!
Спасибо за то, что ствол
Отдав мне, чтоб стать — столом,
Остался — живым стволом!

С листвы молодой игрой
Над бровью, с живой корой,
С слезами *живой* смолы,
С корнями до дна земли!

17 июля 1933

6

Квиты: вами я объедена,
Мною — живописаны.
Вас положат — на обеденный,
А меня — на письменный.

Оттого что, йотой счастлива,
Яств иных не ведала.
Оттого что слишком часто вы,
Долго вы обедали.

Всяк на выбранном заранее —
Много до рождения! —
Месте своего деяния,
Своего радения:

Вы — с отрыжками, я — с книжками,
С трюфелем, я — с грифелем,
Вы — с оливками, я — с рифмами,
С пикулем, я — с дактилем.

В головах — свечами смертными —
Спаржа толстоногая.
Полосатая десертная
Скатерть вам — дорогою!

Табачку пыхнем гаванского
Слева вам — и справа вам.
Полотняная голландская
Скатерть вам — да саваном!

А чтоб скатертью не тратиться —
В яму, место низкое,
Вытряхнут вас всех со скатерти:
С крошками, с огрызками.

Каплуном-то вместо голубя
— Порх! — душа — при вскрытии.
А меня положат — голую:
Два крыла прикрытием.

1933

* * *

Вскрыла жилы: неостановимо,
Невосстановимо хлещет жизнь.
Подставляйте миски и тарелки!
Всякая тарелка будет — мелкой,
Миска — плоской.
Через край — и *мимо* —
В землю черную, питать тростник.
Невозвратно, неостановимо,
Невосстановимо хлещет стих.

6 января 1934

КУСТ

1

Что̀ нужно кусту от меня?
Не речи ж! Не доли собачьей
Моей человечьей, кляня
Которую — голову прячу

В него же (седей — день от дня!).
Сей мощи, и пле́щи, и гущи —
Что̀ нужно кусту — от меня?
Имущему — от неимущей!

А нужно! иначе б не шел
Мне в очи, и в мысли, и в уши.
Не нужно б — тогда бы не цвел
Мне прямо в разверзтую душу,

Что только кустом не пуста:
Окном моих всех захолустий!
Что̀, полная чаша куста,
Находишь на сем — месте пусте?

Чего не видал (на ветвях
Твоих — хоть бы лист одинаков!)
В моих преткновения пнях,
Сплошных препинания знаках?

Чего не слыхал (на ветвях
Молва не рождается в муках!),
В моих преткновения пнях,
Сплошных препинания звуках?

Да вот и сейчас, словарю
Предавши бессмертную силу —
Да разве я *то̀* говорю,
Что̀ знала,— пока не раскрыла

Рта, знала еще на черте
Губ, той — за которой осколки...
И снова, во всей полноте,
Знать буду — как только умолкну.

2

А мне от куста (не шуми
Минуточку, мир человечий!)
А мне от куста — тишины:
Той — между молчаньем и речью.

Той — можешь ничем, можешь — всем
Назвать: глубока, неизбывна.
Невнятности! наших поэм
Посмертных — невнятицы дивной.

Невнятицы старых садов,
Невнятицы музыки новой,
Невнятицы первых слогов,
Невнятицы Фауста Второго.

Той — *до* всего, *после* всего.
Гул множеств, идущих на форум.
Ну — шума ушного того,
Все соединилось — в котором.

Как будто бы все кувшины́
Востока — на лобное всхолмье.
Такой от куста — тишины,
Полнее не выразишь: полной.

Около 20 августа 1934

* * *

О поэте не подумал
Век — и мне не до него.
Бог с ним, с громом, Бог с ним, с шумом
Времени не моего!

Если веку не до предков —
Не до правнуков мне: стад.
Век мой — яд мой, век мой — вред мой.
Век мой — враг мой, век мой — ад.

Сентябрь 1934

САД

За этот ад,
За этот бред,
Пошли мне сад
На старость лет.

На старость лет,
На старость бед:
Рабочих — лет,
Горбатых — лет...

На старость лет
Собачьих — клад:
Горячих лет —
Прохладный сад...

Для беглеца
Мне сад пошли:
Без ни — лица,
Без ни — души!

Сад: ни шажка!
Сад: ни глазка!

Сад: ни смешка!
Сад: ни свистка!

Без ни-ушка
Мне сад пошли:
Без ни-*душка!*
Без ни-души!

Скажи: довольно му́ки — на̀
Сад — одинокий, как сама.
(Но около и сам не стань!).
Сад, одинокий, как я сам.

Такой мне сад на старость лет...
— Тот сад? А может быть — тот свет? —
На старость лет моих пошли —
На отпущение души.

1 октября 1934

ДЕРЕВЬЯ

Мятущийся куст над обрывом —
Смятение уст под наплывом
Чувств...

Кварталом хорошего тона —
Деревья с пугливым наклоном
(Клонились — не так — над обрывом!)
Пугливым, а может — брезгливым?

Мечтателя — перед богатым —
Наклоном. А может — отвратом
От улицы: всех и всего̀ там —
Курчавых голов отворотом?

От девушек — сплошь без стыда,
От юношей — то ж — и без лба:
Чем меньше — тем выше заносят!
Безлобых, а завтра — безносых.

От тресков, зовущихся: речь,
От лака голов, ваты плеч,
От отроков — листьев новых
Не видящих из-за листовок,

Разрываемых на разрыв.
Так и лисы в лесах родных,

В похотливый комок смеся́ся,—
Так и лисы не рвали мяса!

От гвалта, от мертвых лис —
На *лисах* (о смертный рис
На лицах!), от свалки потной
Деревья бросаются в окна —

Как братья-поэты — в ре́ку!
Глядите, как собственных веток
Атлетикою — о железо
Все руки себе порезав —
Деревья, как взломщики, лезут!

И выше! За крышу! За тучу!
Глядите — как собственных сучьев
Хроматикой — почек и птичек —
Деревья, как смертники, кли́чут!

(Был дуб. Под его листвой
Король восседал...)
— Святой
Людовик — чего глядишь?
Погиб — твой город Париж!

1934

* * *

Тоска по родине! Давно
Разоблаченная морока!
Мне совершенно все равно —
Где совершенно одинокой

Быть, по каким камням домой
Брести с кошелкою базарной
В дом, и не знающий что — мой,
Как госпиталь или казарма.

Мне все равно, каких среди
Лиц — ощетиниваться пленным
Львом, из какой людской среды
Быть вытесненной — непременно —

В себя, в единоличье чувств.
Камчатским медведём без льдины
Где не ужиться (и не тщусь!),
Где унижаться — мне едино.

Не обольщусь и языком
Родным, его призывом млечным.
Мне безразлично — на каком
Непонимаемой быть встречным!

(Читателем, газетных тонн
Глотателем, доильцем сплетен...)
Двадцатого столетья — он,
А я — до всякого столетья!

Остолбеневши, как бревно,
Оставшееся от аллеи,
Мне все́ — равны, мне всё — равно,
И, может быть, всего равнее —

Роднее бывшее — всего.
Все признаки с меня, все меты,
Все даты — как рукой сняло:
Душа, родившаяся — где-то.

Та̀к край меня не уберег
Мой, что и самый зоркий сыщик
Вдоль всей души, всей — поперек!
Родимого пятна *не* сыщет!

Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И всё — равно, и всё — едино.
Но если по дороге — куст
Встает, особенно — рябина...

1934

ИЗ ЦИКЛА «НАДГРОБИЕ»

1

«Иду на несколько минут...»
В работе (хаосом зовут
Бездельники) оставив стол,
Отставив стул — куда ушел?

Опрашиваю весь Париж.
Ведь в сказках лишь, да в красках лишь
Возносятся на небеса!
Твоя душа — куда ушла?

В шкафу — двустворчатом как храм —
Гляди: все книги по местам,
В строке — все буквы налицо.
Твое лицо — куда ушло?

Твое лицо,
Твое тепло,
Твое плечо —
Куда ушло?

3 января 1935

2

Напрасно глазом — как гвоздем,
Пронизываю чернозем:
В сознании — верней гвоздя:
Здесь нет тебя — и нет тебя.

Напрасно в ока оборот
Обшариваю небосвод:
— Дождь! дождевой воды бадья.
Там нет тебя — и нет тебя.

Нет, никоторое из двух:
Кость слишком — кость, дух слишком — дух,
Где — ты? где — тот? где — сам? где — весь?
Там — слишком там, здесь — слишком здесь,

Не подменю тебя песком
И па̀ром. Взявшего — родством
За труп и призрак не отдам.
Здесь — слишком здесь, там — слишком там,

Не ты — не ты — не ты — не ты.
Что̀ бы ни пели нам попы,
Что смерть есть жизнь и жизнь есть
смерть —
Бог — слишком бог, червь — слишком червь.

На труп и призрак — неделим!
Не отдадим тебя за дым
Кадил,
Цветы
Могил.

И если где-нибудь ты *есть* —
Так — в нас. И лучшая вам честь,
Ушедшие — презреть раскол:
Совсем ушел. Со *всем* — ушел.

5—7 января 1935

3

За то, что некогда, юн и смел,
Не дал мне заживо сгнить меж тел
Бездушных, замертво пасть меж стен —
Не дам тебе — умереть совсем!

За то, что за руку, свеж и чист,
На волю вывел, весенний лист —
Вязанками приносил мне в дом! —
Не дам тебе — порасти быльем!

За то, что первых моих седин
Сыновней гордостью встретил — чин,
Ребячьей радостью встретил — страх —
Не дам тебе — поседеть в сердцах!

7—8 января 1935

4

Удар, заглушенный годами забвенья,
Годами незнанья.
Удар, доходящий — как женское пенье,
Как конское ржанье,

Как страстное пенье сквозь косное зданье
Удар — доходящий.
Удар, заглушенный забвенья, незнанья
Беззвучною чащей.

Грех памяти нашей — безглазой, безгубой,
Безмясой, безносой!
Всех дней друг без друга, ночей друг
без друга
Землею наносной

Удар — заглушенный, замшённый — как тиной,
Так плющ сердцевину
Съедает и жизнь обращает в руину...
— Как нож сквозь перину!

...Оконною ватой, набившейся в уши,
И той, заоконной:
Снегами — годами — пудами бездушья
Удар — заглушенный...

Ванв, между 26 января и 8 февраля 1935

* * *

Есть счастливцы и счастливицы,
Петь *не* могущие. Им —
Слезы лить! Как сладко вылиться
Горю — ливнем проливным!

Чтоб под камнем что-то дрогнуло.
Мне ж — призвание как плеть —
Меж стенания надгробного
Долг повелевает — петь.

Пел же над другом своим Давид,
Хоть пополам расколот!
Если б Орфей не сошел в Аид
Сам, а послал бы голос

Свой, только голос послал во тьму,
Сам у порога *лишним*
Встав,— Эвридика бы по нему
Как по канату вышла...

Как по канату и как на свет,
Слепо и без возврата.
Ибо раз *голос* тебе, поэт,
Дан, остальное — взято.

Январь 1935

* * *

Жизни с краю,
Середкою брезгуя,
Провожаю —
Дорогу железную.

Века с краю
В запретные зоны
Провожаю
Кверх лбом — авионы.

Почему же,
О люди в полете!
Я — «отстала»,
А вы — отстаете,

Остаетесь.
Крылом — с ног сбивая,
Вы несетесь,
А опережаю —
Я?

Февраль 1935

ОТЦАМ

1

В мире, ревущем:
— Слава грядущим!
Что̀ во мне шепчет:
— Слава прошедшим!

Вам, приходящим,
В счет не идущим,
Чад не родящим,
Мне — предыдущим.

С клавишем, с кистью ль
Спорили, с дестью ль
Писчею — чисто
Прожили, с честью.

Белые — краше
Снега сокровищ! —
Волосы — вашей
Совести — повесть.

14—15 сентября 1935

2

Поколенью с сиренью
И с Пасхой в Кремле,
Мой привет поколенью —
По колено в земле,

А сединами — в звездах!
Вам, слышней камыша,

— Чуть зазыблется воздух —
Говорящим: ду — ша!

Только душу и спасшим
Из фамильных богатств,
— Современникам старшим —
Вам, без равенств и братств,

— Руку веры и дружбы,
Как кавказец — кувшин
С виноградным! — врагу же —
Две протягивавшим!

Не сиреной — сиренью
Заключенное в грот,
Поколенье — с пареньем!
С тяготением — *от*

Земли, *над* землей, прочь от
И червя и зерна!
Поколенье — без почвы,
Но с такою — до дна,

Днища — у́зренной бездной,
Что из впалых орбит
Ликом девы любезной —
Как живая глядит.

Поколенье, где краше
Был — кто жарче страдал!
Поколенье! Я — ваша! —
Продолженье зеркал.

Ваша — сутью и статью,
И почтеньем к уму,
И презрением к платью
Плоти — временному!

Вы, ребенку— поэтом
Обреченному быть,
Кроме звонкой монеты
Всё —внушившие — чтить:

Кроме бога ВААЛА!
Всех — богов — всех времен — и племен...
Поколенью — с привалом —
Мой — бессмертный поклон.

Вам, в одном небывалом
Умудрившимся — *быть,*
Вам, средь шумного бала
Так умевшим — любить!

До последнего часа
Обращенным к звезде —
Уходящая раса,
Спасибо тебе!

16 октября 1935

* *

Ударило в виноградник —
Такое сквозь мглу седу́ —
Что каждый кусток, как всадник,
Копьем пригвожден к седлу.

Из туч с золотым обрезом —
Такое — на краснозем,
Что весь световым железом
Пронизан — пробит — пронзен.

Светила и преисподни
Дитя: виноград! смарагд!
Твой каждый листок — Господня
Величия — транспарант.

Хвалы виноградным соком
Исполнясь, как царь Давид —
Пред Солнца Масонским Оком —
Куст служит: боготворит.

20—22 сентября 1935

* * *

«Двух станов не боец, а только
гость случайный...»

Двух станов не боец, а — если гость случайный —
То гость — как в глотке кость, гость —
как в подметке гвоздь.
Была мне голова дана — по ней стучали
В два молота: одних — корысть и прочих — злость.

Вы с этой головы — к создателеву чуду
Терпение мое, рабочее, прибавь —
Вы с этой головы — что̀ требовали? — Блуда!
Дивяся на ответ упорный: обезглавь.

Вы с этой головы, уравненной — как гряды
Гор, вписанной в вершин божественный чертеж,
Вы с этой головы — что̀ требовали? — Ряда!
Дивяся на ответ (безмолвный): обезножь.

Вы с этой головы, настроенной — как лира:
На самый высший лад: лирический...
— Нет, спой!
Два строя: Домострой (—и Днепрострой—на выбор!)
Дивяся на ответ безумный: — Лиры — строй.

И с этой головы, с лба — серого гранита
Вы требовали: нас — люби! те́х — ненавидь!
Не все ли ей равно — с какого боку битой,
С какого профиля души — глушимой быть?

Бывают времена, когда голов — не надо!
Но *слово* низводить до свеклы кормовой —
Честнее с головой Орфеевой — менады!
Иродиада с Иоанна головой!

— Ты царь: живи один... (Но у царей — наложниц
Минуты.) *Бог* — один. Тот — в пустоте небес.
Двух станов не боец: судья — истец — заложник —
Двух — противубоец. Дух — противубоец.

25 октября 1935

ЧИТАТЕЛИ ГАЗЕТ

Ползет подземный змей,
Ползет, везет людей.
И каждый — со своей
Газетой (со своей
Экземой!), Жвачный тик,
Газетный костоед.
Жеватели мастик,
Читатели газет.

Кто — чтец? Старик? Атлет?
Солдат? — Ни че́рт, ни лиц,

Ни лет. Скелет — раз нет
Лица: газетный лист!

Которым — весь Париж
С лба до пупа одет.
Брось, девушка!
Родишь —
Читателя газет.

Кача — «живет с сестрой» —
ются — «убил отца!» —
Качаются — тщетой
Накачиваются.

Что̀ для таких господ —
Закат или рассвет?
Глотатели пустот,
Читатели газет!

Газет — читай: клевет,
Газет — читай: растрат.
Что ни столбец — навет,
Что ни абзац — отврат...

О, с чем на Страшный суд
Предстанете: на свет!
Хвататели минут,
Читатели газет!

— Пошел! Пропал! Исчез!
Стар материнский страх.
Мать! Гуттенбергов *пресс*
Страшней, чем Шварцев *прах!*

Уж лучше на погост —
Чем в гнойный лазарет
Чесателей корост,
Читателей газет!

Кто наших сыновей
Гноит во цвете лет?
Смесители кровей,
Писатели газет!

Вот, други, — и куда
Сильней, чем в сих строках! —
Что̀ думаю, когда
С рукописью в руках

Стою перед лицом
— Пустее места — нет! —
Так значит — *нелицом*
Редактора газет-

ной нечисти.

Ванв, 1—15 ноября 1935

СТИХИ СИРОТЕ

> Шел по улице малютка,
> Посинел и весь дрожал.
> Шла дорогой той старушка,
> Пожалела сироту...

1

Ледяная тиара гор —
Только бренному лику — рамка.
Я сегодня плющу — пробор
Провела на граните замка.

Я сегодня сосновый стан
Обгоняла на всех дорогах.
Я сегодня взяла тюльпан —
Как ребенка за подбородок.

16—17 августа 1936

2

Обнимаю тебя кругозором
Гор, гранитной короною скал.
(Занимаю тебя разговором —
Чтобы легче дышал, крепче спал.)

Феодального замка боками,
Меховыми руками плюща —
Знаешь — плющ, обнимающий камень —
В сто четыре руки и ручья?

Но не жимолость я — и не плющ я!
Даже ты, что руки мне родней,
Не расплю́щен — а вольноотпущен
На все стороны мысли моей!

...Кру́гом клумбы и кру́гом колодца,
Куда камень придет — седым!
Круговою порукой сиротства,—
Одиночеством — круглым моим!

(Та̀к вплелась в мои русые пряди —
Не одна серебристая прядь!)
...И рекой, разошедшейся на̀ две —
Чтобы остров создать — и обнять.

Всей Савойей и всем Пиемонтом,
И — немножко хребет надломя —
Обнимаю тебя горизонтом
Голубым — и руками двумя!

21—24 августа 1936

3

(ПЕЩЕРА)

Могла бы — взяла бы
В утробу пещеры:
В пещеру дракона,
В трущобу пантеры.

В пантерины лапы —
— Могла бы — взяла бы.

Природы — на лоно, природы — на ложе.
Могла бы — свою же пантерину кожу
Сняла бы...
— *Сдала* бы трущобе — в учёбу!
В кустову, в хвощёву, в ручьёву, в плющёву,—

Туда, где в дремоте, и в смуте, и в мраке,
Сплетаются ветви на вечные браки...

Туда, где в граните, и в лыке, и в млеке,
Сплетаются руки на вечные веки —
Как ветви — и реки...

В пещеру без света, в трущобу без следу.
В листве бы, в плюще бы, в плюще — как
в плаще бы...

Ни белого света, ни черного хлеба:
В росе бы, в листве бы, в листве — как
в родстве бы...

Чтоб в дверь — не стучалось,
В окно — не кричалось,
Чтоб впредь — не *случалось*,
Чтоб — ввек не кончалось!

Но мало — пещеры,
И мало — трущобы!
Могла бы — взяла бы
В пещеру — утробы.

Могла бы —
Взяла бы.

Савойя, 27 августа 1936

На льдине —
Любимый,
На мине —
Любимый,
На льдине, в Гвиане, в Геенне — любимый.

В коросте — желанный,
С погоста — желанный:
Будь гостем! — лишь зубы да кости — желанный!
Тоской подколенной
До тьмы провалéнной
Последнею схваткою чрева — жаленный.

И нет такой ямы, и нет такой бездны —
Любимый! желанный! жаленный! болезный!

5—6 сентября 1936

5

Скороговоркой — ручья водой
Бьющей: — Любимый! больной! родной!

Речитативом — тоски протяжней:
— Хилый! чуть-жúвый! сквозной! бумажный!

От зева до чрева — продольным разрезом:
— Любимый! желанный! жаленный! болезный!

9 сентября 1936

6

Наконец-то встретила
Надобного — мне:
У кого-то смертная
Надоба — во мне.

Что̀ для ока — радуга,
Злаку — чернозем —
Человеку — надоба
Человека — в нем.

Мне дождя и радуги
И руки — нужней
Человека надоба
Рук — в руке моей.

Это — шире Ладоги
И горы верней —
Человека надоба
Ран — в руке моей.

И за то, что с *язвою*
Мне принес ладонь —
Эту руку — сразу бы
За тебя в огонь!

11 сентября 1936

7

В мыслях об ином, инаком,
И ненайденном, как клад,
Шаг за шагом, мак за маком —
Обезглавила весь сад.

Так, когда-нибудь, в сухое
Лето, поля на краю,
Смерть рассеянной рукою
Снимет голову — мою.

5—6 сентября 1936

* * *

Когда я гляжу на летящие листья,
Слетающие на булыжный торец,
Сметаемые — как художника кистью,
Картину *кончающего* наконец,

Я думаю (уж никому не по нраву
Ни стан мой, ни весь мой задумчивый вид),
Что явственно желтый, решительно ржавый
Один такой лист на вершине — забыт.

20-е числа октября 1936

* * *

В синее небо ширя глаза —
Как восклицаешь: — Будет гроза!

На проходимца вскинувши бровь —
Как восклицаешь: — Будет любовь!

Сквозь равнодушья серые мхи —
Та̀к восклицаю: — Будут стихи!

1936

СТИХИ К ЧЕХИИ

СЕНТЯБРЬ

1

Полон и просторен
Край. Одно лишь горе:
Нет у чехов — моря.
Стало чехам — море

Слёз: не надо соли!
Запаслись на годы!
Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы.

Не бездельной, птичьей —
Божьей, человечьей.
Двадцать лет величья,
Двадцать лет наречий

Всех — на мирном поле
Одного народа.
Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы —

Всем. Огня и дома —
Всем. Игры́, науки —
Всем. Труда — любому —
Лишь бы были руки.

На̀ поле и в школе —
Глянь — какие всходы!
Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы.

Подтвердите ж, гости
Чешские, все вместе:

Сеялось — всей горстью,
Строилось — всей честью.

Два десятилетья
(Да и то не целых!)
Как нигде на свете
Думалось и пелось.

Посерев от боли,
Стонут Влтавы воды:
— Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы.

На орлиных скàлах
Как орел рассевшись —
Чтò с тобою сталось,
Край мой, рай мой чешский?

Горы — откололи,
Оттянули — воды...
...Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы.

В селах — счастье ткалось
Красным, синим, пестрым.
Чтò с тобою сталось,
Чешский лев двухвостый?

Лисы поборoли
Леса воеводу!
Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы!

Слушай каждым древом,
Лес, и слушай, Влтава!
Лев рифмует с гневом,
Ну, а Влтава — слава.

Лишь на час — не боле —
Вся твоя невзгода!
Через ночь неволи —
Белый день свободы!

12 ноября 1938

2

Горы — турам поприще!
Черные леса,
Долы в воды смотрятся,
Горы — в небеса.

Край всего свободнее
И щедрей всего.
Эти горы — родина
Сына моего.

Долы — ланям пастбище,
Не смутить зверья —
Хата крышей застится,
А в лесу — ружья́ —

Сколько бы ни пройдено
Верст — ни одного.
Эти долы — родина
Сына моего.

Там растила сына я,
И текли — вода?
Дни? или гусиные
Белые стада?

...Празднует смородина
Лета рождество.
Эти хаты — родина
Сына моего.

Было то рождение
В мир — рожденьем в рай.
Бог, создав Богемию,
Молвил «Славный край!

Все дары природные,
Все — до одного!
Пощедрее родины
Сына — моего!»

Чешское подземие:
Брак ручьев и руд!
Бог, создав Богемию,
Молвил: «Добрый труд!»

Всё было — безродного
Лишь — ни одного

Не́ было — на родине
Сына моего.

Про́кляты — кто заняли
Тот смиренный рай
С зайцами и с ланями,
С перьями фазаньими...

Тре́кляты — кто продали,—
Век не прощены! —
Вековую родину
Всех,— кто без страны!

Край мой, край мой, проданный
Весь, живьем, с зверьем,
С чудо-огородами,
С горными породами,

С целыми народами,
В поле, без жилья,
Стонущими:
— Родина!
Родина моя!

Богова! Богемия!
Не лежи, как пласт!
Бог давал обеими —
И опять подаст!

В клятве — руку подняли
Все твои сыны —
Умереть за родину
Всех — кто без страны!

Между 12 и 19 ноября 1938

3

Есть на карте — место:
Взглянешь — кровь в лицо!
Бьется в му́ке крестной
Каждое сельцо.

Поделил — секирой
Пограничный шест.
Есть на теле мира
Язва: всё проест!

От крыльца — до статных
Гор — до орльих гнезд —
В тысячи квадратных
Невозвратных верст —

Язва.
        Лег на отдых —
Чех: живым зарыт.
Есть в груди народов
Рана: *наш* убит!

Только край тот назван
Братский — дождь из глаз!
Жир, аферу празднуй!
Славно удалась.

Жир, Иуду — чествуй!
Мы ж — в ком сердце — есть:
Есть на карте место
Пусто: наша честь.

19—22 ноября 1938

4

ОДИН ОФИЦЕР

В Судетах, на лесной чешской границе, офицер с 20-тью солдатами, оставив солдат в лесу, вышел на дорогу и стал стрелять в подходящих немцев. Конец его неизвестен.

(Из сентябрьских газет 1938 г.)

Чешский лесок —
Самый лесной.
Год — девятьсот
Тридцать восьмой.

День и месяц? — вершины, эхом:
— День, как немцы входили к чехам!

Лес — красноват,
День — сине-сер.
Двадцать солдат,
Один офицер.

Крутолобый и круглолицый
Офицер стережет границу.

Лес мой, кругом,
Куст мой, кругом,
Дом мой, кругом,
Мой — этот дом.

Леса не сдам,
Дома не сдам,—
Края не сдам,—
Пяди не сдам!

Лиственный мрак.
Сердца испуг:
Прусский ли шаг?
Сердца ли стук?

Лес мой, прощай!
Век мой, прощай!
Край мой, прощай!
Мой — этот край!

Пусть целый край
К вражьим ногам!
Я — под ногой —
Камня не сдам!

Топот сапог.
— Немцы! — листок.
Грохот желéз.
— Немцы! — весь лес.

— Немцы! — раскат
Гор и пещер.
Бросил солдат
Один — офицер.

Из лесочку — живым манером
На громаду — да с револьвером!

Выстрела треск.
Треснул — весь лес!
Лес: рукоплéск!
Весь — рукоплéск!

Пока пулями в немца хлещет —
Целый лес ему рукоплещет!

Кленом, сосной,
Хвоей, листвой,

Всею сплошной
Чащей лесной —

Понесена
Добрая весть,
Что — спасена
Чешская честь!

Значит — страна
Так не сдана,
Значит — война
Всё же — *была!*

— Край мой, виват!
— Выкуси, герр!
...Двадцать солдат.
Один офицер.

Октябрь 1938 — 17 апреля 1939

МАРТ

1

(КОЛЫБЕЛЬНАЯ)

В òны дни певала дрёма
По всем селам-деревням:
— Спи, младенец! Не то злому
Псу-татарину отдам!

Ночью черной, ночью лунной —
По Тюрингии холмам:
— Спи, германец! Не то гунну
Кривоногому отдам!

Днесь — по всей стране богемской
Да по всем ее углам:
— Спи, богемец! Не то немцу,
Пану Гитлеру отдам!

28 марта 1939

2

ПЕПЕЛИЩЕ

Налетевший на град Вацлàва —
Так пожар пожирает трàву...
Поигравший с богемской гранью! —
Так зола засыпает зданья,

Так метель заметает вехи...
От Эдема — скажите, чехи! —

Что осталося? — Пепелище.
— Так чума веселит кладбище!

Налетевший на град Вацлàва
— Так пожар пожирает трàву —

Объявивший — последний срок нам:
Так вода подступает к окнам.

Так зола засыпает зданья...
Над мостами и площадями

Плачет, плачет двухвостый львище...
— Так чума веселит кладбище!

Налетевший на град Вацлàва
— Так пожар пожирает трàву —

Задушивший без содроганья —
Так зола засыпает зданья:

— Отзовитесь, живые души!
Стала Прага — Помпеи глуше:

Шага, звука — напрасно ищем...
— Так чума веселит кладбище!

29—30 марта 1939

3

БАРАБАН

По богемским городам
Чтò бормочет барабан?
— Сдан — сдан — сдан
Край — без славы, край — без бою.
Лбы — под серою золою
Дум — дум — дум...
— Бум!
Бум!
Бум!

По богемским городам —
Или то не барабан
(Горы ропщут? Камни шепчут?)
А в сердцах смиренных чешских —
Гне-ва
Гром:
— Где
Мой
Дом?

По усопшим городам
Возвещает барабан:
— Вран! Вра́н! Вран
Завелся в Градчанском замке!
В ледяном окне — как в рамке
(Бум! бум! бум!)
Гунн!
Гунн!
Гунн!

30 марта 1939

4

ГЕРМАНИИ

О, дева всех румянее
Среди зеленых гор —
Германия!
Германия!
Германия!
Позор!

Полкарты прикарманила,
Астральная душа!
Встарь — сказками туманила,
Днесь — танками пошла.

Пред чешскою крестьянкою —
Не опускаешь вежд,
Прокатываясь танками
По ржи ее надежд?

Пред горестью безмерною
Сей *маленькой* страны,
Что чувствуете, Германы:
Германии сыны??

О мания! О мумия
Величия!
Сгоришь,
Германия!
Безумие,
Безумие
Творишь!

С объятьями удавьими
Расправится силач!
За здравие, Моравия!
Словакия, *словачь!*

В хрустальное подземие
Уйдя — готовь удар:
Богемия!
Богемия!
Богемия!
Наздар!

9—10 апреля 1939

5

МАРТ

Атлас — что колода карт:
В лоск перетасован!
Поздравляет — каждый март:
— С краем, с паем с новым!

Тяжек мартовский оброк:
Зе́мли — цепи горны —
Ну и карточный игрок!
Ну и стол игорный!

Полны́ руки козырей:
В ордена одетых
Безголовых королей,
Продувных — *валетов.*

— Мне и кости, мне и жир!
Так играют — тигры.
Будет помнить целый мир
Мартовские игры.

В свои козыри — игра
С картой европейской.

(Чтоб Градчанская гора —
Да скалой Тарпейской!)

Злое дело не нашло
Пули: дули пражской.
Прага — что! и Вена — что!
На Москву — отважься!

Отольются — чешский дождь,
Пражская обида.
— Вспомни, вспомни, вспомни, вождь,—
Мартовские Иды!

22 апреля 1939

6

ВЗЯЛИ...

Чехи подходили к немцам и плевали.
(См. мартовские газеты 1939 г.)

Брали — скоро и брали — щедро:
Взяли горы и взяли недра,
Взяли уголь и взяли сталь,
И свинец у нас, и хрусталь.

Взяли сахар и взяли клевер,
Взяли Запад и взяли Север,
Взяли улей и взяли стог,
Взяли Юг у нас и Восток.

Вары — взяли и Татры — взяли,
Взяли близи и взяли дали,
Но — больнее, чем рай земной! —
Битву взяли — за край родной,

Взяли пули и взяли ружья,
Взяли руды и взяли дружбы...
Но покамест во рту слюна —
Вся страна вооружена!

9 мая 1939

7

ЛЕС

Видел, как рубят? Руб —
Рубом! — за дубом — дуб.
Только убит — воскрес!
Не погибает — лес.

Так же, как мертвый лес
Зелен — минуту чрез! —
(Мох — что зеленый мех!)
Не погибает — чех

9 мая 1939

8

О слезы на глазах!
Плач гнева и любви!
О Чехия в слезах!
Испания в крови!

О черная гора,
Затмившая — весь свет!
Пора — пора — пора
Творцу вернуть билет.

Отказываюсь — быть.
В Бедламе нелюдей
Отказываюсь — жить.
С волками площадей

Отказываюсь — выть.
С акулами равнин
Отказываюсь плыть —
Вниз — по теченью спин.

Не надо мне ни дыр
Ушных, ни вещих глаз.
На твой безумный мир
Ответ один — отказ.

15 марта — 11 мая 1939

9

Не бесы — за иноком,
Не горе — за гением,
Не горной лавины ком,
Не вал наводнения,—

Не красный пожар лесной,
Не заяц — по зарослям,
Не ветлы — под бурею,—
За фюрером — фурии!

15 мая 1939

10

НАРОД

Его и пуля не берет,
И песня не берет!
Так и стою, раскрывши рот:
— Народ! Какой народ!

Народ — такой, что и поэт —
Глашатай всех широт,—
Что и поэт, раскрывши рот,
Стоит — такой народ!

Когда ни сила не берет,
Ни дара благодать,—
Измором взять такой народ?
Гранит — измором взять!

(Сидит — и камешек гранит,
И грамотку хранит...
В твоей груди зарыт — горит! —
Гранат, *творит* — магнит.)

...Что *радий* из своей груди
Достал и подал: вот!
Живым — Европы посреди —
Зарыть такой народ?

Бог! Если ты и сам — *такой*,
Народ моей любви
Не со святыми упокой —
С живыми оживи!

20 мая 1939

11

Не умрешь, народ!
Бог тебя хранит!
Сердцем дал — гранат,
Грудью дал — гранит.
Процветай, народ,—
Твердый, как скрижаль,
Жаркий, как гранат,
Чистый, как хрусталь.

Париж, 21 мая 1939

* * *

Двух — жарче меха! рук — жарче пуха!
Круг — вкруг головы.
Но и под мехом — неги, под пухом
Гаги — дрогнете вы!

Даже богиней тысячерукой
— В гнезд, в звезд черноте —
Как ни кружи вас, как ни баюкай
— Ах! — бодрствуете...

Вас и на ложе неверья гложет
Червь (*бедные* мы!).
Не народился еще, кто вложит
Перст — в рану Фомы.

7 января 1940

* * *

— Пора! для этого огня —
Стара!
 — Любовь — старей меня!
— Пятидесяти январей
Гора!
 — Любовь еще старей:
Стара, как хвощ, стара, как змей,
Старей ливонских янтарей,
Всех привиденских кораблей
Старей! — камней, старей — морей...
Но боль, которая в груди,
Старей любви, старей любви.

23 января 1940

* * *

— Годы твои — гора,
Время твое — царей.
Дура! любить — стара.
— Други! любовь — старей:
Чудищ старей, корней,
Каменных алтарей
Критских старей, старей
Старших богатырей...

29 января 1940

* * *

Пора снимать янтарь,
Пора менять словарь,
Пора гасить фонарь
Наддверный...

Февраль 1941

* * *

«Я стол накрыл на шестерых...»

Всё повторяю первый стих
И всё переправляю слово:
— «Я стол накрыл на шестерых»...
Ты одного забыл — седьмого.

Невесело вам вшестером.
На лицах — дождевые струи...
Как мог ты за таким столом
Седьмого позабыть — седьмую...

Невесело твоим гостям,
Бездействует графин хрустальный.
Печально — им, печален — сам,
Непозванная — всех печальней.

Невесело и несветло.
Ах! не едите и не пьете.
— Как мог ты позабыть число?
Как мог ты ошибиться в счете?

Как мог, как смел ты не понять,
Что шестеро (два брата, третий —
Ты сам — с женой, отец и мать)
Есть семеро — раз я на свете!

Ты стол накрыл на шестерых,
Но шестерыми мир не вымер.
Чем пугалом среди живых —
Быть призраком хочу — с твоими,

(Своими...)
Робкая как вор,
О — *ни души* не задевая! —

За непоставленный прибор
Сажусь незваная, седьмая.

Раз! — опрокинула стакан!
И все, что жаждало пролиться,—
Вся соль из глаз, вся кровь из ран —
Со скатерти — на половицы.

И — гроба нет! Разлуки — нет!
Стол расколдован, дом разбужен.
Как смерть — на свадебный обед,
Я — жизнь, пришедшая на ужин.

...Никто: не брат, не сын, не муж,
Не друг — и всё же укоряю:
— Ты, стол накрывший на шесть — *душ*,
Меня не посадивший — с краю.

6 марта 1941

ПОЭМЫ

1920—1936

ЦАРЬ-ДЕВИЦА

Поэма-сказка

Как у молодой змеи — да старый у́ж,
Как у молодой жены — да старый муж,
Морда тыквой, живот шаром, дышит — терем дрожит,
От усов-то перегаром на сто верст округ разит.

Как у мачехи у младенькой — сынок в потолок,
Не разбойничек, не всадничек, не силач, не стрелок,
Вместо щек — одни-то впадинки, губы крепко молчат.
Как в дворцовом палисадничке гусли за́ полночь бренчат...
Поведешь в его сторонку оком —
Смотрит в стену,
Дай-ка боком
Д'ненароком
Да задену!

НОЧЬ ПЕРВАЯ

Спит Царевич, распростерся,
Спит, не слышит ничего.
Ровно палочкой уперся
Месяц в личико его.

Соврала, что палочкой:
Перстом светлым, пальчиком.
И стоит бабенка шалая
Над мальчиком.

«Скрытные твои ресницы,—
Без огня сожжена!
Отчего я не девица,
А чужая жена!

Отчего-то людям спится,
А мне плачется!
Отчего тебе не мать родная
Я, а мачеха?

На кроваточке одной
Сынок с матушкой родной.
С головеночкой льняной
Ребеночек мой!

Молчи, пес цепной!
Не реви, царь морской!
Проходи, сон дурной!
Ребеночек — мой!

В кипяток положь яйцо —
Да как не сварится?
Как на личико твое цветочное
Не зариться?

Для одной твоей лежанки
Я на свет рождена.
Я царевичу служанка —
Не царёва жена.

Обдери меня на лыко,
Псам на ужин изжарь!
Хошь, диковинный с музыкой
Заведу — кубáрь?

Гляжу в зеркальце, дивлюся:
Али грудь плоска?
Хочешь, два тебе — на бусы —
Подарю глазка?

Не введу в расход,— задаром!»
А сынок в ответ:
— К взрослым пасынкам — нестарым
Мачехам ходить не след.—

«Дай подушечку поправлю!»
— Я и сам примощусь! —
«Как же так тебя оставлю?»
— Я и сам обойдусь! —

«Ай пониже? Ай повыше?»
— Мне твой вид постыл! —

«Видно, разум твой мальчиший
Звоном по́ морю уплыл.

Али ручки не белы?»
— В море пена белей! —
«Али губки не алы?»
— В море зори алей! —

«Али грудь не высока?»
— Мне что грудь — что доска! —
«Можно рядушком прилечь?»
— Постеля узка! —

«Коль и впрямь она узка — свернусь в трубочку,
Говорливые мои шелка? — скину юбочку!
Всё, что знала, позабыла нынче за ночь я:
Я крестьяночка, твоей души служаночка!»

А Царевич ей в ответ
Опять всё то же:
Всё: негоже, да не трожь,
Не трожь, негоже!

«Али личиком и впрямь не бела?»
— Не страми родство, да брось озорство! —
«Ох, зачем тебя не я родила?»
— Мне не надо твоего — ничего! —

«Ох, височки, волосочки мои!»
— Корабельные досочки мои! —

Поздний свет в ночи, да треньканье струн...
То царевичев усердный шептун
Три свечи зажег — да вниз головой,
Да псалмы поет на лад плясовой.

На угодничков плюет, давит мух,
Черных сродничков своих славит вслух.
— Распотешь себя, душа, распотешь! —
Над лампадочкой святой клонит плешь.

— Слюнка, слюнка моя, верный плевок!
Ты в лампадочке моей — поплавок.
Я недаром старичок-колдунок:
Не царевичев ли вижу челнок?

Шея лебедем, высок, белогруд,
В нем Царевич мой, и я с ним сам-друг.

Всколыхнулася лазурная рябь:
К нам на гусельный на звон — Жар-Корабь!

Подивись со мной, пророк Моисей!
Купины твоей прекрасной — красней!
Посередке же, с простертой рукой —
Не то Ангел, не то Воин какой.

Что за притча? Что за гость-за-сосед?
Не то в латы, не то в ризы одет!
С корабля кладет две легких доски,
Да Царевичу дает две руки.

Всполохнулся мой Царевич — погиб! —
Половицы тут в ночи: скрип да скрип,
Голосочек тут в ночи: «Дядь, а дядь!
Научи меня, старик, колдовать!
Опостылела царёва кровать!
Я с Царевичем хочу ночевать».

— Что ты, матушка, кто ж с пасынком спит? —
«Царь с бутылкою в обнимку храпит.
Ты царевичеву кровь развяжи:
Коршунком ко мне на грудь положи!»

Усмехнулся в бороденку старик:
Хоть царица, а проста на язык!
Ночевать одной, поди, невтерпеж!..
— Что ж, краса, мне за работу кладешь?

«Положу тебе шесть сот соболей».
— Мне плевочек твой единый милей!

«Скат заморского сукна на кафтан».
— Из сукна того скатай сарафан!

«Так червонцев нагружу чугунок».
— Дешев, дешев тебе царский сынок!

Приклонись ко мне, Царица, ушком,
Цену сам тебе скажу шепотком.—

Помертвела ровно столб соляной,
Д'как сорвется, д'как взовьется струной,
Как плевком ему да вызвездит лоб!..
«Хам! Охальник! Худородный холоп!

Целовать тебя — повешусь допрежь!»
Старикашка ничего, вытер плешь:

— Хочешь проку, красоты не жалей!
Погляди-ка ты в лампадный елей!

Дунь и плюнь! Сделай рябь!
Что ты видишь — «Корабь.

Без гребцов-парусов,
Само море несет».
— Ну-кось? — «Чтой-то темно».
— Плюнь на самое дно!

Ну-кось! — «Ходко бежит!
Кто-то в лежку лежит:
Человек молодой...
— Светел пасынок мой!»

Смотрит в синюю гладь.
Ничего не видать.

— Перстень в маслице брось!
Ну-кось! — «Рученьки врозь,
Бусы в левой руке,
Гусли в правой руке.

Привалился к корме.
Думу держит в уме».

— Топни правой ногой!
Что ты видишь? — «Другой
В синеморскую хлябь
Выплывает корабь.

В сини волны в упор
Грудь высокую впер.
Посередке — костер,
Пурпуровый шатер».

— Полный круг обойди!
Ну-кось! Зорче гляди! —

«Душу сперло в груди!
Дева всех впереди!
Великановый рост,
Пояс — змей-самохлёст,
Головою до звезд,
С головы конский хвост,
Месяц в ухе серьгой...»

— Топни левой ногой! —

Левой ножкой топнула,
Да как охнет, взглянув!
Да как навзничь грохнется,
Колен не согнув!

Да как затылком чокнется
С заслонкой печной! —
Подсмотрел в окошечко
Месяц, сторож ночной.

— Ох вы, бабьи дела келейные! —
Положил свою кладь на лавочку.
— Вынь из ближнего, из нашейного
Из платочка свово — булавочку.

Ты упрись ею в грудь высокую,
Напои ее кровью досыта.
А пленишь молодого сокола,
Помяни и меня, красоточка! —

Дернула рукою спешною:
Грудь раскинулась — цветом яблочным!
Вынимает из тела грешного
Пурпуро́вую — всю — булавочку:

«Всю до капли кровь
За его любовь!
Всю из жилок прочь
За одну за ночь!»

Тот булавку враз
Ртом клыкастым — хвать!
— Как начнет в волнах
Дева-Зверь вставать —

И вколи ему змейку в шиворот,
Чтобы вся их любовь — навыворот!
От булавки той — будет крепко спать,
Она звать его, а он пуще спать...
Ляжет парень смирней травиночки
От кровиночки-булавиночки.

Вру — оставь в руке
Бороденки клок! —
А она в тоске:

«Получай залог!»
И, прильнув к бороде взъерошенной,
В ночь — с улыбочкой перекошенной.

Лежит Царевич мой бессонный,
Как лебедь крылья разбросал;
«Всё отдал бы, весь сан престольный,
Кто бы мне душу распростал!

Не естся яблочко румяно,
Не пьются женские уста,
Всё в пурпуро́вые туманы
Уводит синяя верста.

Каким правителем вам буду,
Каким ероем-силачом —
Я, гусляришка узкогрудый,
Не понимающий ни в чем!

Как с конницей-свяжусь-пехотой,
Когда до бабы не охоч!»
И, опершись на локоточек,
Такой унылый смотрит в ночь.

А за дверью скреб да скреб...
«Дядька, ты?»
— Я, твой лодырь,
Твой холоп-лысолоб!

Светлый колос мой, опять клонишь лоб?
Слабый голос твой меня силком приволок!

Что ж не спишь опять?—«Не сплю, не дремлю,
Дрему, радужную птицу, ловлю,
Поступь легкая, и птица близка,
Да ни сети у меня, ни силка».

— Не испить тебе бы маку? —
«Не в настойке суть!
В этих подлостях и так уж
Я увяз по грудь.

Все́-то нежат день-деньской,
Тешат, нянчат,—
Ровно цветик я какой,
Одуванчик!

Отчего душа теснится,
Грудь для вздоху мала?»
— Оттого, что Чудо-Птица
В ней гнездо завила.

«Отчего на бабьи речи
Весь — как ржавый замок?»
— Оттого, что узкоплечий:
Не по гостье — домок!

«Отчего корабь морями
Сам без весел плывет?»
— Оттого, что за морями
Царь-Девица живет!

ВСТРЕЧА ПЕРВАЯ

Не слетались голуби
К окну, за крупой —
Встал Царевич сгорбленный,
Кручинный такой.

Вкруг очей — что обручи,
Набились круги.
Чай, опять на ковричек —
Да с левой ноги!

Гребешок потрагивал —
Из рук пустил!
Сапожок натягивал —
Да так застыл.

«Не понять, чем бабам
Моя суть хороша!
Руки-ноги слабые,
Как есть — лапша!

Награди халатиком,
Крещеный мир!
Цельный полк как я́ таких
Взойдет в мундир.

Кто б меня да ту́рманом
Да в тартарары!
Где глаза лазурные?
Две черных дыры.

Снеговее скатерти,
Мертвец — весь сказ!

Вся-то кровь до капельки
К губам собралась!

Василька от робости
В полях не сорву.
Киньте в воду — пробочкой
Поверх всплыву!

Само солнце пятится,
Не кажет лица.
Видно, в полночь, в пятницу
На свет родился.

До любви нелакомый,
Себе немил —
Видно, месяц, плакамши,
Слезой обронил».

Слабыми руками
Вдоль перил витых,
Слабыми шажками
С лестничек крутых.

Не трубили зо́рю
С крепостной стены.
В небесах Егорий
Не разжег войны.

Спит кузнец над горном,
Спит косарь в копне.
— Чей глазочек черный
В слуховом окне?

Что за соглядатай
Мерит даль зыбе́й —
Выше голубятни,
Раньше голубей?

Нет такой вершины,
Чтоб тоске — крута!
Лучше всех аршинов —
Черный взгляд-верста.

Берегитесь, люди,
Некалёных стрел!
Ветр с кудрями-грудью,
Как любовник, смел.

Уж такой ревнитель!
Всюду — враз — рука!
Что б дружочку прыти
Взять у ветерка?

«Дар ты мой обманный,
Клад непокупной!
Ровно столб туманный,
Аль дымок степной...

Пьет — отца хоронит,
А ступнет шажком —
Вот сейчас обронит
Ножку с сапожком.

Шагай с косогору,
Плыви — вдаль — водой...
Не уйдешь от взору
Мачехи младой!

Все ж на Зверь-Солдатку
Не откроешь глаз:
В вороток твой сладкий
Я змеей впилась!»

— Ох ты воля! — дорогая! — корабельная!
Окиянская дорога колыбельная!

Прискакав с ночной атаки
(На лбу — пот росою крупной),
У окна сваво, над взморьем,
Царь-Девица саблю чистит.

На плече на правом — голубь,
На плече на левом — кречет.
У ее подножья нянька
Ей сапожки начищает.

«Ох ты, царь мой, Царь-Девица,
Вихрь-Девица, Жар-Девица!
Нету мне с тобою сладу,
Не покоишь мою старость.

Погляжу на кудри гривой,
Погляжу на взор пожаром —
Как не я тебя, а львица
Львиным молоком вскормила!

День встает — врага сражаешь,
Полдень бьет — по чащам рыщешь,
Вечер пал — по хлябям пляшешь,
Полночь в дом — с полком пируешь.

Люди спать — ты саблю точишь,
В церковь — псов из ручек кормишь.
Вся родня и отступилась.
Дай-ка правую мне ножку!»

Рассмеялась Царь-Девица:
«Мне и любо без родни-то!
Огнь — отец мне, Вода — матерь,
Ветер — брат мне, сестра — Буря.
Мне другой родни не надо!»

Осерчала нянька: «Полно
Ржать-то, ровно кобылица!
Как бы этим ржаньем всех-то
Женихов не распугала!»

Пуще Дева-Царь хохочет:
«Эка сладость — женихи-то!
Мой жених — мой меч пресветлый,
Меч мой сабельный, веселый:
Мне других дружков — не надо!»

Пригорюнилась тут нянька:
«Порвала б цветочков в поле,
Завела б себе подружек,
Позабавилась б маненько...»
Ей в ответ с усмешкой Дева:
«Трубный звон — моя забава!
Мне иных забав — не надо!»

«Первенчалась бы с красавцем,—
Нянька у ней в ножках хнычет,—
Сбросила б наряд свой мерзкий,
Да над люлькой над роскошной,
Над пеленочной заботой,
Всю бы ночь, заместо гульбищ,
Все бы пела-распевала».

Топнула ногой тут Дева:
— Нянька ты, а я — Царь-Демон!
Кой мне черт в твоих пеленках!
Бранный быт — моя забота!
Мне иных забот — не надо!

...Отстранись-ка, нянька, что́ за
Звон с воды встает за чудный?
Чтой-то под моим окошком
Волны за слова лепечут?

— Гусли, гусли-самозвоны,
Вся забавушка моя!
Из зубчатой из короны
Ни зубца не стою я.

Не слыхал еще, как бабы
По ночам толкуют сны.
Гусли, гусли — вся забава
Осемнадцатой весны!

Я, мальчишка узкогрудый,
С бранным бытом незнаком.
Гусли, гусли-самогуды
Мне — единственный закон!

Я до смертного до поту
Не отстану от струны!
Гусли, гусли — вся забота
Осемнадцатой весны!

Просияла Царь-Девица:
Терем враз озолотила.
«Баб не любишь? Драк не любишь?
Ну, тебя-то мне и надо!
Как, к примеру, Дева-Царь я,
Так, выходит,— Царь-ты-Дева!
Уж с таким-то голосочком
Муж за прялку не засодит!»

Хлопнула тут Царь в ладоши:
«Повели, чтоб тем же часом
Вихря-мне-Коня седлали!»

Хлопнула в ладоши дважды:
«Повели, чтоб тем же часом
Был Корабь готов к отплытью!»

Трижды хлопнула в ладоши:
«Повели, чтоб тем же часом
Для прощального параду
Там, на площади великой,
Все́ наши полки сбирались!

— Дура старая, что хнычешь?
Али жалко, что последний
День встает наш, Царь-Девицын?» —

«Ошалела я от счастья,—
Нянька хнычет под ногами,—
Знать, за все мои молитвы, за слёзные,
Вить гнездо тебе, моя орлица безгнездная!
Знать, недаром карты врали,
Знать, недаром я все ночи,
Притаясь, наряд венчальный
Тебе шила-расшивала.
Утюжок пойду поставлю:
Хоть и глаженый, а надоть
Для красы провесть маненько...

— Что ж ты рот перекривила?»

«Как в раззолоченной попонке
Негоже бранному коню,
Ужель атласною тряпчонкой
Свою же славу заслоню?

Цельному войску господином
Была,— так справлюсь и с одним!
Одним своим лучом единым
Мы светел-месяц полоним».

Опоясалась тут саблей,
Свистнула в кулак свой смуглый,
И на зов ее кулашный
Вихорь-Конь к ней на крылечко
Белой молнией взлетает.

«Ну, простимся, нянька, что-ли?
Там, на площади великой,
Будет нам не до тебя уж».

Чмокнула с размаху няньку
В рот морщинистый, соленый,
И с окошечка резного
Коню на спину с размаху
Белой птицею махнула.

Не колосочки овсяные
До солнышка встают в ряды,—

То ратнички ее стальные
Равняются на площади.

Толк по рядам прошел безвестный:
«Не будет Девы-нам-Царя!»
И что нам до зари небесной,
Когда земная нам заря!

Топчи, конь вражеский, посевы!
Все́ в море кол'кола́, звонарь!
И вздох тут: «Дева! Дева! Дева!»
И рокот: «Царь наш! Царь наш! Царь!»

Грудь в светлых латах, лоб — обломом,
С подсолнечником равен лик.
Как из одной груди́ тут громом:
«Сам Михаил-Архистратиг!»

«Здорово, стан сильномогучий!» —
Гремит громоподобный глас.
Рече́ — и, рассекая тучи,
Промеж рядочков понеслась.

Конь с Де́вицею точно сросся;
Не различишь, коли вдали:
Хвост конский, али семишёрстый
Султан с девичьей головы!

Как вихрь промеж рядочков вихрит,
Пот — градом сквозь пожар ланит.
Лишь где на том конце затихнет,
Уж на другом конце гремит.

Уж никогда грозней да лучше
Трубач губастый не трубил.
Гром-барабанщик обе ручки
По локоток себе отбил.

Как облачная рать в лазури —
Полк за полком, полк за полком.
И подает полкам Царь-Буря
Тут знак малиновым платком.

«Прощайте, верные мундиры!
Стан сухопутный, стан морской!
Как вам — такого командира,
Команды мне не знать такой.

Ни сына у меня, ни дочек,
Вся без остатку пропаду!
Кто на мово коня да вскочит,
Того наследником кладу.

Перехожу в иную веру,
Всю вольность отдаю за грош...
Но следом моему примеру —
Вы бабами не станьте тож!»

Словно лес какой червонный —
Всé склоняются знамена...
Словно лик какой явлéнный —
Все склоняются колена.

Словно реки в половодье —
Слезы светлые текут.

«Рев — сарафанам; кровь — доспехам! —
Им Дева молвит свысока.—
Смерть самое встречают смехом
Мои усердные войска.

Аль осердить меня решили?»
Стойком на стременах встает,
Всем руки сильные, большие
На целование дает...

«Чад не балуйте баб не бейте,
Мечом рубите новизну!
А помянуть меня — пропейте
Сегодня всю нашу казну!»

— Прощайте! — почернела разом,
— Простите! — разломила щит...
Мчит, а за ней против приказу
Гром-барабанщик следом мчит.

«Как две руки мои отбиты,
Дай хоть с мизинца ноготок!»
На всем скаку рукой сердитой
Раздергивает жар-платок.

Рвет надвое платок-ширинку,
И, голову пригнув к плечу:
«Нá, барабанщик, половинку!
Другая будет трубачу».

Песнь прежалостную тут мы споем:
Как прощалась Царь-Девица с конем.

Как дружочка за загривок брала,
Сахарочку в рот брусочек клала,

Целовала как, огня горячей,
Промеж грозных, промеж кротких очей,

Прижималась как — щекой золотой
К конской шее лебединой, крутой...

Повязавши как шнурком поясным,
В ножки кланялась поклоном земным,

Как покорно — что гайдук-есаул —
Белый конь в ответ колено согнул,

Как пригнувшись, чтоб не слышал никто,
Сотворила ему речь на ушко.

И еще-то мы прибавим к сему,
Как все слезки до единой ему

Сцеловала — ровно брат-ей-жених —
С карих ласковых очей дорогих,

Как все жилы напружились на лбу,
Себе в кровь как закусила губу.

Как по сходням взошла
Стопудовой пято́й,
Как прах с ног отрясла,
Как махнула рукой.

Полк замертво свалился пьяный.
Конь пеной изошел, скача.
Дух вылетел из барабана.
Грудь лопнула у трубача.

«Что за костер это мчится в степях синих вод?»
— То сваму счастью навстречу красотка плывет.

«Кто ж у ней славно так правит рулем-кораблем?»
— Море им правит, так во́т он и прет напролом!

«А под шатром-то, с лицом-то как шар золотой,
Что там за Воин — за Ангел — за Демон такой?

Каску хвостатую ветр ему сшиб набекрень,
Ростом-то — башня, в плечах-то косая сажень!

В хладной пучине, чай, крестит купецкую тварь?»
— Мчит на смотрины, а имя ему — Дева-Царь.

«Как это?» — Так это! — «Что ж за краса без косиц?
— Кос всюду досыта! А светлолиц, круглолиц,—

Солнцу на ревность! — «Уж больно плечá высоки!»
— А поясочек-то! Перстень берет в пояски!

Спорить-то нечего! Каб не свобода-душа:
Кабы не плечики — вся б в перстенечек прошла!

Так, почаевничав позавчерашним хвостом,
Спор-заводили-беседу акула с китом.

Отдыхает зыбь-красотка
От ночи́ своей от ндравной.
И́дут ровно, и́дут славно,
И́дут славно, и́дут ходко.

Словно месяц в полнолунье —
Звон собой все море занял.
Струнки, струнки-говоруньи,
Жилочки мои бараньи!

Лежит Царский сын на спинке,
Гусельки зажал любовно,
Ходят пальцы без запинки,
Ходят славно, ходят ровно.

В чудный час передвосходный
Мой совет тебе — кто б ни был!
Меняй страстный путь на водный!
Бросай бабу,— иди к рыбам!

Говорят: яд рыбий горек,
Говорят: яд бабий — тоже!
Да по крайности не спорит,
Как с нее сдираешь кожу!

Бабе: дура! она: ро́дный!
Ты ей в рыло, она: милый!
Не теряй на подлость силу
В чудный час передвосходный!

Эх вы, царские сыночки!
Эх мы, сосны-чернолесье!
— Ни денек тебе, ни ночка,
Ни заря тебе, ни месяц.

Ни корабь тебе, ни зыбка,
В ней ни муж тебе, ни дева,
Ни гармонь в руках, ни скрипка,
Ни те вправо, ни те влево...

Вдруг как вскочит корабь-лодка,
Как припустится с прискоком!
Уж не ровно, уж не ходко:
И́дут скоком, и́дут боком.

Уж такая дурь да дикость,
Новгородское аж Вече!
«Ну-кось, дядька, погляди-кось:
Ай корабь какой навстречу?»

Отвечает тот, осклабясь:
(Дух учуял Царь-Девицын!)
«Ни в волне мозгов, ни в бабе!
Стало — нечего дивиться.

В море плыть — не землянику
Брать, аль в шахматы-бирюльки!
То — корабь тебе, то — люлька!
Лучше песню затяни-ка».

Тот поет, а рев вокруг-то:
Точно львица с львом сцепилась!
Привстает гусляр по грудку:
«Что за притча? Ай взбесилось?

До зари-то, глянь, час цельный,
А волна-то, глянь,— кровь-кровью!»
— Пой, сыночек, на здоровье —
«Нет уж,— не до колыбельной!»

Хлябь-то тигрой полосатой:
Вал пурпурный, вал червонный...

— Спи, сыночек, час-то сонный!
«Нет уж, дядька, не до сна тут!»

Хочет встать, а тот булавку
Ему в шиворот — как вгонит!
Хочет встать, а сон-то клонит,
Как ягненочка на травку,
Как купца валит к прилавку...

Спит...

Тут как вздрогнет жук навозный,
Раб неверный, тварь иудья:
С кораблем-челном — грудь с грудью —
Жар-Корабь стоит, гость грозный.

То не солнце по златым ступеня́м —
Сходит Дева-Царь по красным сходня́м.

Под военной да под веской стопой
Чуть не треснул весь челнок скорлупой.

Руки в боки — ровно жар-самовар!
Зычным голосом речет: «Где гусляр?»

Дядька в ножки ей — совсем обопсел!
Аж по-пёсьему от страху присел.

Д'ну по до́скам башкой лысой плясать!
Д'ну сапо́жки лизать, лоснить, сосать!

Д'как брыкнет его тут Дева-Царь по башке:
«Что за тля — да на моем сапожке?»

Д'как притопнет о корабь каблучком:
Дядька — кубарем, а волны — ничком!

«Будешь помнить наш сапог-леденец!
Где гусляр — сын царский — знатный певец?»

Шипом-свистом тот с коленочек: — Спят-с!
«Я б за свист тебя змеиный — да бац

По щеке — да вот боясть-то кака́:
Змеем-гадом провоняет рука!»

— Тише, волны, синеморская рать!
Голосочку мне сваво не слыхать! —

«Где ж он?» — Духом вам представлю всю суть,—
Лишь изволите коленку согнуть! —

Смотрит: не́ шелк-янтарь — мусор-товар:
На дне — с гуслями в обнимку — гусляр!

Взглянула — д'как расхохочется!
В ладошечки — д'как всплеснет!
«Я-чай, еще в пеленки мочится!
Пустышечку еще сосет!

Без перстня, без попа, без венчика,
Ну, было мне о чем тужить!
Не думала я себе младенчика
От взгляду одного нажить!

Забыла я тебе пеленочек,—
Прости меня за недосмотр!
Смотрю-ка на тебя, миленочек:
Смотрины-то смотреть — не смотр!»

И водит всё —
По бровочкам,
По лобику
Рукой.
«Молоденький!
Да родненький!
Да плохонький какой!

В серебряном нагрудничке,
И кольчики занятные.
И ничего, что худенький,—
На личико приятненький».

Сгоняет муху с бровей,
Равняет руку с своей.

«Как суха корочка!
Как есть — без мякиша!
Твоя-то — перышко,
Моя-то — лапища!

И каждый пальчик-то
Как царь закованный!

А моя — черная
Да бесперстнёвая!

Твоя — ковры расшивать,
Моя — дубы корчевать».

И к люботе припав
Лбом смуглым сводчатым —
По волосочкам-то
Да по височкам-то...

«Твои-то тонкие,
Лен — волосенки-то!
А мои — конские,
Что струны — звонкие!

Дай, вошку поищу,
Головку почешу.

Уж такого из тебя детину вынянчу,
Паутинка ты моя, тростинка, шелковиночка!

И гласом гневным вдруг:
«Ох, старый змей-паук!

На живодерню гож:
Дурной уход ведешь!

Чай, по снегам водил
Ступнями босыми,
Поил не дóпьяна,
Кормил не досыта...

— Тонее тросточки!»
А дядька-хитростник:
«Были бы косточки,—
Мясцо-то вырастет!

Что ж, что весом плох, зато стройнее сосенки!
По плечо тебе, небось,— такой высоконький!»

Та грудочкой склоняется,
Тот ручкой заслоняется,—
Чтоб солнышко ему, должно,
Личика не нажгло.

— Гляжу, гляжу, и невдомек:
Девица — где, и где дружок?

Ты расплетись, верёвьице!
Где юноша? Где девица?

То́т юноша? — лицом кругла,
То́т юноша? — рука мала:

Одной косы две плеточки,
Две девицы-красоточки.

Да больно вид-то их таков,—
А ну-ка двое пареньков?

То́т девица? — глядит насквозь!
То́т девица? — коленки врозь!

Одной руки суставчики,
Два юноши-красавчика.

Чтоб не испортил нам смотрин
Неверный разум наш Фомин,—

Где царь не приложил печать,
Там надо на́двое решать:

Кто сам с косой да в юбочке —
Тому пускай — два юноши.

Кто вокруг юбок веется —
Тому пускай — две девицы.

А ну́ как зорче поглядим —
И вовсе всё обман один,

И вовсе над туманом — дым,
Над херувимом — серафим?

Спим...

И ладит, и гладит,
Долг девичий пло́тит.
Ресницами в самые веки щекотит.

Чай, синие очи-то,
Как по́ морю плыть!
И видеть-то хочется,
И жалко будить.

Над ухом аукает:
«Жених мой! — Ау!»
На грудке баюкает
Добычу свою.

«Спи, копна моя льняная,
Одуванчик на стебле!
Будет грудь моя стальная
Колыбелочкой тебе.

Сна тебя я не лишаю,
Алмаз, яхонт мой!
Оттого что я большая,
А ты — махонькой!

Что шелка — щека,
Что шелка — рука!
Ни разочку, чай, в атаку
Не водил полка.

Спать тебе не помешаю,
Алмаз, яхонт мой!
Оттого что я большая,
А ты — махонькой!

Что за дивный твой за сон за такой?
Дай-ка взбрызну да водицей морской!

— Держись, дружок хорошенький!» —
Берет воды пригоршенку:
«Тебе для раза первого
Твой сонный грех прощу!

Чтоб крепло тело бренное,
Морской водою пенною —
На подвиги военные
Младенчика крещу!

Чтоб светлым встал, чтоб век не спал,
Одним своим речением
— Морским своим крещением —
Младенчика крещу!

Чтоб цельный полк поклал перстом,
Чтоб первый гром пред ним ползком,
Чтоб Деву-Царь согнул кольцом —
Младенчика крещу!»

То не тучка молодая
Лен кропит:
То дружочка — дорогая
Водой плещет, поливает,
А он спит.

На лице его из воску —
Как серебряная россыпь,
Как серебряные слезки,—
По лицу его из воску —
На все́ стороны — полоски —
Струйки светлые — текут.

«И не взглянет! А уж знаю — глазаст!
Всем хорош, да больно спать-то горазд!

А пора бы уж глазочкам из горенки!
Погляди — меньше вершочку до зореньки!

Ровно шерстка на ягнятах-баранах —
Весь восход-то в завиточках румяных!»

Старик над ним: «Всё гусельки!
От них и сон глубок!»
Краса над ним: «Где ж усики?
Осьмнадцатый годок!

Пора бы уж травиночке
Пробиться на лужку!
За первую пушиночку
Весь сон тебе прощу!»

И, зардевшись пуще каски своей,
В лоб целует — промеж ровных бровей.

Дрогнули веки,
Руки разжал.
Вдоль лица — некий
Блеск пробежал.

Звякнули — выпав из ручек — гусли,
Дева над ним:

«Синих очей твоих аль дождусь я?»
Но — словно дым —

Изнизу — вдоль впалых щек —
Облак — мóрок — обморок.

Постояла Дева-Царь, пождалá;
«Ох, ты яблок мой, изюм-шепталá!..
А достать тебя — Господь умудри».
Вынимает из височной кудри
Горсть кручёных-перкручёных струнищ,
Горсть червонных-золотых волосищ.

«Не видали вы такого руна!
Каждый волос — золотая струна! —

Передашь их Гусляру на струньё,
Пусть звончей бренчит во имя мое!

Таких на рынке нету струн!..
Становься, старый змей, во фрунт!

Руки по швам,
Червяк земли!
Зелó моим словам
Внемли!

Чтоб вышла из него болесть —
Дашь яблочка ему поесть.

А пить ему вино, не квас,—
Вот будет первый наш приказ.

Чтоб выхмелил весь сонный хмель —
День зá море, Гусляр — в постель.

От мух рединкою накрой,—
Вот будет наш приказ второй.

Вставал чтоб правою ногой,
Чтоб мылся хладною водой,

И — весла в ручки! — в добрый час!
Вот будет третий наш приказ.

Да чтоб струночек не рвал — поминаньица,
Да чтоб первым приплывал — на свиданьице!»

Стоит — дитя над пряником,—
Стоит, очей не сводит.
На личико кудрями-то
Резную тень наводит.

«Прощай, мой невзаправдошный,
До завтра, сласть нерусская!
На первый раз — вприглядочку,
А уж второй — вприкусочку!

Поцеловала б в лоб еще,
Да уж боюсь — без навыку!
Пока еще заботушкой
Не стал — прощай, забавонька!»

Сапожок чрез борток,
Ногой легкою — скок
Домой, в красный чертог.

На простор синих волн —
Толк — Царевичев челн!

Меж Солнцем и Месяцем
Верста пролегла.
Султан конский трепется.
Поплыл.— Поплыла.

Не заноза из тела вон —
То из ткани булавка вострая,
То на личике снеговом
Глаза синие, синемóрские,

Бьет ресницами — нá
Локоточек привстал.
Промеж бровками трет:
«Уж и долго я спал!

Ровно дождь меня тонким
Серебром поливал.

Ровно жаворонок звонкий
Вкруг меня ликовал».

— То не пташечка-резвушка
Ликовала,—
То тебя твоя подружка
Миловала.

Аукала, агукала,
На жар-груди баюкала,
В кудрях тигрицей рыскала,
В лицо водицей прыскала.

Бушевала над тобой — как в день судный!
Да уж сон-то твой такой — непробудный!

«И снится мне,— молвит,
Лоб-гладя-чело,—
Что красное солнце
На лоб мне сошло.

Лежал, не завесясь.
Ан и вышел ожог!»
— Ох, бел ты мой месяц,
Меловой пирожок!

И солнца-то нетути
Тебе лоб припекать!
То губ царских редкостных
Дорогая печать.—

Не слышит Царевич
Тех дивный речей.
Глубь сонную мерит
Верстою очей.

«И снится мне,— охает,
Руно гладя волос,—
Что с куполу с грохотом
Сто цепей сорвалось».

— Тебе бы припарочек
Штук пяток на башку!
То первый подарочек
От невесты — дружку! —

Принимает в ручку белую
Волоса червонные.
А рука-то занемелая,
А рука-то сонная...

Волосок пить-есть не просит...
Ручку раскрывает,
За волосиком волосик
Из руки роняет.

— Эх вы, с головы беспутной
Кольцы завитые!
У морских цариц на лютнях,
Чай, звонят, златые!

НОЧЬ ВТОРАЯ

Сидит Царь в нутре земном, ус мокрый щипет,
Озирается кругом — чего бы выпить?
Уж пито̀-пито̀,— полцарства про̀пито!
А всё как быдто чегой-то не до́пито.

Как боярышня пред грозным пред отцом,
Вкруг него все́ чарочки кольцом.

Тут и турецкие, тут и немецкие,
Архиерейские да венецейские...

«Быстрее глоточки моей,
Ей-ей, вы сохнете!
Пью не напьюсь, лей не жалей,
А все пустёхоньки!»

Ровно милочки — плясать перед купцом —
Вкруг него бутылочки кольцом.

Уж и горластые, цветные, красные,
Уж и бокастые, и ярлыкастые!

Лета́ми-плесенью седой захватаны,
Как леший, царь лесной,— гляди — мохнатые.

Узнать-то надобно, что в них скрывается,
Что цветом-радугой переливается!

Лей-лей, не жалей,—
Все равно перельешь!

Пей-пей сколько хошь,—
Все равно не перепьешь!

Лоза наша полная,
Погреба просторные,
Бочкарь наш испытанный,
Бочонки не считаны.

Как мальчоночки пред старым пред бойцом —
Вкруг него бочоночки кольцом.

Каким кольцом?
Сплошной стеной!
Какой стеной,—
Война войной!

Плеснешь — не выплеснешь!
Хлестнешь — не выхлестнешь!
Гляди, Царь-хитростник,
Как строй осилишь наш!

Промеж винных рек, бочоночных гор
Свой бахромчатый раскинул шатер.

«Людям — море синее,
Мое море — винное.
Люди спят на берегу,
А я — так всю ночь гребу!

Мое море тихое,
И гребу без смены.
А зато мне ихние
Моря — по колено!

Их вода — не сладкая,
А моя — с накладкою.
Не щадя ни рук, ни плеч,
И гребем мы бесперечь.

В своем море мы гребцы,
В своем море мы пловцы.
Придет час идти ко дну —
В своем море потону!»

— Да ну?

«Кто ж тебя схоронит?
Раз пьешь — неженатый,
А коли женатый,
Кругом виноватый!

Кому я нужен — старый,
Пятиалтынный — пара,
Вином лишенный сану,
Кому я нужен — пьяный?»

Сидел, сидел Царь наш — инда устал!
Ручкой-ножкой себе путь распростал.

Хочет нá ноги — ан нет, тянет вниз!
— Эй, дорогу, мелкота, сторонись!

Попытался было с левой ноги —
Снова навзничь повалили враги!

Разгасился — что индюк-кохинхин!
Д'как вцепился тут в шатер-балдахин!

Был кумач тот не сменен — с коих пор!
Царю нá голову и рухнул шатер!

Как пошла тут дребедень стеклянной пылью!
Как тут чокаться пошли бутыль с бутылью!

Шатер Царя душит,
Вино Царя топит,
Уж не лужи — а реки,
Уж не реки — потоки...

Взошел бы кто с воли,
Всяк диву б дался!
Шатер царский воет
На все голоса.

Как черт — красным машет,
Шатер царский пляшет.
Аль, может, в нем слон какой?
Аль, может, дракон какой?
Аль, может, всё сон какой?

Чтоб в умишке нам самим не порешиться,
Мы пройдем пока на половиночку к Царице.

Пройдем-ка к красавице,
— С вином спорить — зря! —
Посмотрим, как мается,
Слезой обливается,
Как с ночью справляется
Страна — без Царя.

Прежде чем засов раздвинем,
Ты скажи, душа,— отколе
Ты сама-то к нам: с мужской ли,
Али с женской половины?

Коль с мужской — так брось тревогу:
Нянек корочкой задобрим,
Коли с женской — врозь дороги,
Влево путь держи, час добрый!

Так.— Засим, дружок, дай руку.
Не робей,— плечом не трону!
Это — детская наука,
Я китайской обучёна.

Если ж сердце (грудь-то ящик!)
Хрусталем об стенки чокнет,—
Ничего, дружок! — тем слаще
На крыльце подружку чмокнешь!

Не води, дружок, певицы
Потаенными тропáми!
Мы, поющие,— что птицы:
Разве что перо на память!

Да и то, коль не скупиться:
Тебе — малость, ему — малость...
Всем по перышку — Жар-Птица
Вовсе б без хвоста осталась!

— Так.—

Отстегни-ка мне монисто —
Нянек не обеспокоить!
Семь небес у Девы Чистой,
У Царицы — семь покоев.
(У тебя ж, паренька,
Как ледышечка — рука!)

Стены все́ в сетях-тенётах,
Колокольчиках-звоночках.
Честь жены — Царю веночек:
Недостаточно замочков.

(А со мной, коль пригож,
Сквозь иголочку пройдешь!)

Быстро — руки, вниз — ресницы:
В одной юбке легкой, летней —
То плетуньи-кружевницы
День и ночь сплетают сплетни.

(Только вкось поглядев,
Оплетем без кружéв!)

Глянь-ка: под семью замками,
Чтобы вора позабавить,
С семью смертными грехами
Целых семь укладок бабьих.

(Подари нитку бус,—
Без отмычки обойдусь!)

Что за звон такой комарий,
Что за звон такой претонкий?
То чесальщицы Камарин-
скую шпарят на гребенках!

(Лишь бы не было плеши,—
И без гребня расчешем!)

С утиральничками в лапах,
(Во все очи, мальчик, пялься!)
То семь чертовых арапок,
Семь царицыных купальщиц.

(Может, семь моих сестер:
Ты мне спинки не тер!)

В кухню женского обману
Поспешай, Самсон с Далилой!
Здесь из зорь творят румяна,
Из снегов творят белила...

(Без белил, без румян
В очи пустим туман!)

Так из кухоньки — да в кузню:
Кто-то, молот взявши в руки,
Из стекла кует союзы,
Из свинца кует разлуки.

(Не скажу наперед —
Чего нам с тобой скует!)

Рука óб руку два брата,
Мухи не обеспокоив.
Ровно жар в руке — рука-то!
Позади все́ шесть покоев...

(Перед главным, седьмым,
Прижми губы к моим!)

Сердце к сердцу, устье к устью...
Окунуться в реки эти —
Всех цариц с тобой упустим,
Всех царевичей на свете!

(Отпусти! Оторвись!
Мы рассказывать взялись!)

Перед главным ее входом,
Пред седьмым ее покоем,
Вот тебе, дружочек родный,
Слово я скажу какое:

(Да чтоб голос был свеж,
Дай воды напьюсь допрежь!)

Коль опять себе накличешь
Птицу, сходную со мною,
Знай: лишь перья наши птичьи,
Сердце знойное, земное...

(Площадной образец,
Каких много сердец.)

И еще, дружок, запомни:
Мы народ вдвойне пропащий!
Так, коли поем краснó мы,—
Так еще целуем слаще...
(Запиши себе в грудь.
Говорившую — забудь.)

Няньки спят, мамки спят,
Пуховик не смят.
Лишь лампадочки в углах дымят.

Ах, так вот каков — покой ее — покой седьмой!
Ах, так вот каков — покой ночной!

Где ж она? — Нету.
Где ж она? — С ветром.
Не спится — так плачется,
Так к милому скачется —
От мамок, от мужа,
От риз от жемчужных,
От рож скоморошьих,—
От дел наших тошных!

Из спаленки выкралась,
На лесенку выбралась,
Ступень за ступенечкой —
Лишь выйти трудненечко!

А там уж — вольней, вольней,
Ногам уж верней, верней,
Как будто из гробика
Восстав, мчишь по воздуху:
Не к птицам на кровельку,—
На вышнюю звездочку!

(Ветер, ветер, вор-роскошник,
Всем красавицам — помощник,
Ревности — служитель,
Верности — губитель,
Даровой рабочий —
Ветерочек мой!)

Стоит полоняночка
На башенной вышечке.
Связалась, беляночка,
С тем самым с мальчишечкой,
Кто цепь нашу грубую
Раньше всех расклепал,
Кто прежде супруга нам
Шейный плат растрепал.

И мастер он ластиться!
Потягается с кошками!
Сорвал ей запястьице,
Играет сережками.
Своею жемчужинкой
Зовет — дорогой...

Да нужен-то, нужен-то
Ей мальчонок другой!

— Шаги! —
Матерь Божья, помоги!
Оттого что эти чудные — шаги!
Я свечу тебе в три пуда засвечу,
Оттого что эти знаю — сапоги!

То не стон —
Струнный звон.
То не сон —
Он.

— Ты здесь зачем?
«А ты зачем?»
— Небось уйду.
«Сама уйду».

Стоит смиренник юный,
Пощипывает струны.

Нет слов у мачехи-красы,
Покусывает хвост косы.

А ветер между ними —
Как вьюн — между двоими.

Гусляр по стрункам: щелк да щелк,
А сердце в грудь ей: толк да толк,—

Вот в щепья расколотит!
Вот спиночку воротит.

Вот-вот уйдет! — Святой Исус!
И, косу выхлестнув из уст,

Как зверь нечеловечий —
Хвать — сына за заплечье!

«Стой, погоди, так не уйдешь!»
— Брось, баба, что за речь ведешь?

Ты мне сукна не комкай!
Ай девка с моряком ты? —

И хочет плечиком повесть,—
Не может ручек ей развесть:

За шейкой за любезной
Свились — как круг железный.

— Я сын тебе, а ты мне — мать.
Взошел я ветром подышать.

Морскую речь послушать...
А ты — веревкой душишь! —

«Ты баб до времени не старь.
Царица я, а ты мне — Царь!»

А месяц между ними —
Как меч — между двоими.

«Три года завтрашней зарей,
Как я на персик восковой,

Как нищий на базаре,—
На нежный лик твой зарюсь!

Три года эту ночь ждала!»
Легонечко — как два крыла —

Ослабшие от муки
Он ей разводит — руки.

Вдоль стана бережно кладет,
Сам прямо к лесенке идет,

И на гортанный окрик
Вдруг голову воротит.

Стоит на башенном зубце,
Как ведьма в месячном венце,

Над бездной окиянской
Стоит, качает стан свой.

Покачивает, раскачивает,
Как будто дитя укачивает,
Большие глаза незрячие
К мучителю оборачивает.
А ветер — шелка горячие
Как парусом разворачивает.

«Введешь в беду!
Уйдешь — уйду:
Ты — с лесенки,
Я — с башенки!»

Качается, качается,
Шелк вкруг колен курчавится.
Как есть — дитя проказница
Страх нагоняет, дразнится.

«Что пошатнулся! Ай — струхнул?»
Царевич к ней на шаг ступнул.

«Теперь ко мне — ни шагу!»
Царевич к ней — два шага.

Качается: — помру за грош!
Качается: — и ты помрешь!
Качается: — ан нет, не трожь!
Не след! — Негоже! — И как горсть

Горошин тут жемчужинных —
Из горлышка — смех судорожный!

«Прощай, мой праведник-монах!»
Всё яростней разлет-размах,
«Мой персик-абрикосик!»
Как змеи, свищут косы.

Так разошлась — в глазах рябит!
Так разошлась — луну дробит!

Тут страшным криком нутряным —
Как вскрикнет! тот кольцом стальным
На всем лету — как сдавит!
Как на́ ноги поставит!

Аж потом высыпал испуг.—
Она смирней ребенка.—
Стоит, не разжимая рук,
Стоит и дышит громко.

Тут речи нежные лились:
«Теперь не страшно с башни вниз...»
И — дрожью соловьиной —
Смех легкий, шаловливый.

«Моя исполнилась — вся сласть!
Моя исполнилась — вся страсть!»
Из бахромы курчавой
Глазок глядит лукаво.

«Ты на руках меня держал,
К своей груди меня прижал...
Добилась,— вновь смеется,—
Как твое сердце бьется!

Железом ты в меня впился,
Как огневая полоса
Под красными щипцами —
След твоих рук — на память!

Хотенье женское мое —
Вот все именьице мое.
Иди! — Теперь уж, друг мой,
Вниз головой не рухну!»

Ух! — Кто ж это так ухнул вдруг?
Чья кошачья меж зубцов — голова?
То пророчица великих разлук:
Сова-плакальщица, филин-сова.

Охорашивается, чистит клюв.
Глаза желтые — янтарь шаровой!
Красе на ухо шепочет, прильнув:
«За булавочкой к тебе я второй!»

Сотворила тут краса крестный знак,
Сзаво гостя дорогого узнав.
«Весь-то слышал я ваш спор боевой,
Все-то филином-летал я-совой!

Дважды в грудь свою — булавку отправь!
Дважды филину — уста предоставь!»

Крылами руку ей с рукой,
А клювом губку ей с губой
Разводит пакостник рябой:
— Ты не противься, рот тугой!

Покорность с бабой родилась!
Льни, тонкоствольная лоза!
Чтоб не увидеть желтых глаз —
Закройтесь, черные глаза!

Закроешь — и легче!
Пол-зла, пол-обиды...
Обидчика чуешь хотя —
А не видишь!

И легче уж губы
Свой жар отдают.
Не ветер, а певчие
Ровно поют.

Уж разное шепчешь,
Рот жадный ощеря.
Уж грудь — без приказу
Вгребается в перья.

Всё легче — всё крепче —
И вот уж с тобой —
Не филин твой старый,
А лебедь младой!

Видят сквозь кисейку-дымку
Месяц с ветром-невидимкой:

Ведьма с филином в прижимку!
Ведьма с филином в обнимку!

Месяц — слезку смахнул,
Тот — березкой тряхнул...

А от губ — двойной канавой —
Что за след такой за ржавый?

— Вог спаси нашу державу! —
Клюв у филина кровавый!

Ветер рябь зарябил,
Месяц лик загородил...

ВСТРЕЧА ВТОРАЯ

Солнце в терем грянуло —
Что полк золотой.
Встал Царевич правильный:
Веселый такой!

Хоть не спал, а выспался!
Хоть враз под венец!
Смородина — кислая,
А я — молодец!

Трех быков на вертеле
Сгублю, не щадя!
Поглядим-ка в зеркале,
Каков из себя!

Белый стан с шнуровочкой,
Да красный кушак.
— Что за круг меж бровочек,
Кумашный пятак?

Словно снег пуховочкой
Прошелся вдоль щек.
— Что за круг меж бровочек,
Почетный значок?

Аль пастух полуночный
Здесь жег костер?
Али думу думамши —
Да лоб натер?

Смелыми руками —
Вдоль перил витых,
Резвыми шажками
С лестничек крутых.

Позабыл иконам
Класть поклон земной,

Не идет с поклоном
К батюшке с женой.

Невдомек, что стража
Ему на́ кра — ул,
Белизной лебяжьей
Всех ворон спугнул.

Вся краса платочком
Ему вслед с крылец.
А старухи — дочкам:
«Молодец — малец!»

Чья в окошке темном
Ночь темней врачка?
Кто к глазам недремным
Жмет два кулачка?

«Хочешь цельным уйти
Да из женских тенёт —
По счетам не плати,
Своди с совестью счет.

Скажет: в море плыви!
Пусть красотка клянет!
Бабы — дрянный народ,
Рыбы — славный народ.

Хочешь цельным уйти
Да из женских тенёт —
Держи сердце в горсти,
Дай челну полный ход...

Погляди, как в волнах
Наш Царевич плывет,
Вровень с морем плывет,
В голос с ветром поет.

Хочешь цельным уйти
Да из женских тенёт —
Надо быстро грести,
Молодой мореход!

Ведь все то ж тебя ждет
И у жен и у вод:
Грудь — волною встает,
Волна — грудью встает.

Песнопевец, в плену!
Наша летопись: льну...
Не Царевич к челну —
Лебедь к лебедю льнет.

И опять ни к чему
Тебе вольный полет!
Никому не уйти
Да из женских тенёт!»

———

Слушал, слушал гуслярок голоса,
Просветлел, на локоток оперся.

Словно струнки под его пятерней —
В теле жилочки пошли болтовней.

С раззолоченных подушек встает,
Лоб откинувши, а грудку вперед.

Да как вскинет синий взор — вот-те раз! —
Видит: филин-сыч сидит, пучеглаз.

Подошел, да и накрыл с головой:
«Доброй ночи, господин рулевой!

И без ваших ясных глаз обойдусь!»
А рябой из-под полы: — Вот так гусь!

Гусь ты, гусь ты мой, заморский индюк! —
Да как вымахнется — разом — из рук!

Не очнулся гуслярок, как промеж
Двух сапог его — да дядькина плешь!

«Что за притча? Ошалел, старый гриб!»
— Ручки-ножки, ребра-кости зашиб?

«Без приказу моего — как дерзнул?»
— Чтобы лебедь мой — да в даль не махнул!

Мало ль на море приманок-прилук?
Кто в ответе — есаул твой, гайдук! —

Расходился тут Царевич,— нет сил!
Ожерельице в зубах закусил.

«Как завидел тебя — нож ровно в бок!
Словно черный кот мне путь перебёг!

Чтоб весь век не пил-не-ел, чтоб зачах!»
Да как вдарит тут по гуслям в сердцах!

Говорит тут Царь-Девица
Двум юнцам-своим-щеночкам,
Морячочкам-морякам:

«Ох вы, чудо-морячочки,
Два весла моих проворных,
Две младых моих руки!

Цельну ночь всё в карты дулись,
Картой дрему вышибали —
Моего дружка стеречь.

Бросьте карты-вы-колоду,
Вы ныряйте в глубь-пучину,
Поспрошайте тварей-рыб:

Не слыхать ли рыбам звону,
Не слыхать ли тварям гласу,
Не плывет ли млад-гусляр?»

Разом мо́лодцы вставали,
Расправляли стан плечистый,
Сотворяли знак честной,—

Лишь жемчужное круженье
По воде,— да грудь у Девы
Вся алмазами пошла.

«Мать рожала — не тужила:
Не дитя,— дымочек-дым!
Словно кто мне налил жилы
Светом месячным сквозным.

Лень и семечки лущить-то!
Не до плотского греха!
Вы невесту мне сыщите
Для такого жениха!

Не жених, а стебель шаткий!
Кто пройдет — дрожу росой.
Коли дождь, иду без шапки,
Коли снег, иду босой.

Старой бабы беззащитней,
Зеленее стерженька...
Вы подружку мне сыщите
Для такого муженька!

По морским румяным рощам,
Лыжи легкие востря,
Сжалилась над братом тощим
Мощная моя сестра.

Красный круг заря прожгла мне,
Круг, пылающий вверху.
Есть моим палатам — камни,
Есть невеста — жениху!»

Ту песенку прослушала —
Как яблочка откушала.
Звон струнный вобрала —
Как брагой запила.

А тут — бореньем водяным —
Пловцы на свет столбом двойным:

Гривастые, как львы,
Две красных головы.

«Шептались с тварью-с-рыбами»,
Враз на кора́бель прыгают,
«Для горя твоего —
Не слышно ничего.

Нет твоего Царевича!»
— «Знать, тонок слух мой девичий»,—
Она с усмешкой им,
Двум морячкам своим.

«Такой уж слух мой воровской,
Что даже шум травы морской
О рыбий хвост чешуйный,
Не то что друга — чую!

Ввысь, паруса! Пучина, в пляс!
Не Царь я вам, коль в тот же час
Челнами не сшибиться!
Не Царь и не Девица!»

Ох ты воля! — дорогая! — корабельная!
Окиянская дорога колыбельная!

Плывет Царь-мой-Лебедь
В перстнях, в ожерельях,
Кафтан — нет белее,
Кушак — нет алее...

Сережка — подковой
Висит из ушка...
(Живого такого
Напеть бы дружка!)

Ох, взор его синий!
Роток его алый!
«Глянь, чтой-то пучина
Пошаливать стала!»

— В сочельник крещенский,
Что ль, парень, рожден?
У баб деревенских,
Что ль, врать обучён?

«Да нет, старина!
Ровно мо́рок какой-то.
Гляди,— не волна уж:
Гривастая тройка!»

— Ври, дурь-ты-деревня,
Лещу да ершу!
Дай, лучше-ка гребнем
Копну расчешу!

«Врешь, совья ты старость,
Подземная шахта!
Что там за Царь-Парус
Встает на водах-то?»

— Не видишь глазами,—
Гадай на бобах!
Я, что ли, хозяин
На грозных водах? —

Глаза-то всё шире,
А змейка-то колет...

— Спи, свет, спи, соколик! —
Уж руки как гири,

Уж ноги как гири,
Лоб налит свинцом...
Не пить ей в трактире
Чайку с молодцом!

Но спорит, но всю свою мощь собирает,
Но пальцами веки себе разрывает...
Качнется — очнется: «Ой сплю, невтерпеж!»
Какой уж, какой тут любовный крутёж!

Красный загар,
Меченый лоб.
«Дядька, пожар!»
Закрылся глазок.

Ручку разжал,
Звякнул серьгой.
— Дядька, пожар! —
Закрылся другой.

Так и спит с последним криком,
С ротиком полуоткрытым.

Весь кафтан-ему-шнуровку
Расстегнула на груди.
Держит сонную головку
На полвздоха от груди.

Дышит? — Нет?
Дышит? — Да?

Наклонила лик сусальный
Над своей грудною сталью:
Есть ли, нет ли след вздыхальный?

Да, надышан круг!
Да!

Радость — молнией
В глазах,— зо́лотом!
Радость — молнией!
Горе — молотом!

«А если уж жив он,—
Чего ж он лежит-то?
А если уж дышит,—
Чего ж он не слышит?»

Бог по́ морю ветром пишет!

Брови сильные стянув,
Взор свой — как орлица клюв —
В спящего вонзает.

Весь из памяти — букварь!
Растерялась Дева-Царь,
Что сказать — не знает.

В грудь, прямую как доска,
Втиснула два кулачка:
Усмиряет смуту.

— Ох, лентяй ты наш, лентяй!
И от пушечного, чай,
Не вздрогнёт — салюту! —

Как бы листвой
Затрёсся дуб.

Как пес цепной
Смех — с дерзких губ.

«Агу, агу, младенец!»
Хохочет, подбоченясь.

Все — как метлою замела:
Все — как водою залила!

Гляди: сейчас — грудь лопнет!
Все корабли потопнут!

Молча, молча,
Как сквозь толщу
Каменной коры древесной,

Из очей ее разверстых —
Слезы крупные, янтарные,
Непарные.

Не бывало, чтоб смолою
Плакал дуб!
Так, слезища за слезою,

Золотые три дороги
От истока глаз широких
К устью губ.

Не дрожат ресницы длинные,
Личико недвижное.
Словно кто на лоб ей выжал
Персик апельсинный.

Апельсинный, абрикосный,
Лейся, сок души роскошный,
Лейся вдоль щек —

Сок пре́ценный, янтарёвый,
Дар души ее суровой,
Лейся в песок!

На кафтан его причастный,
Лик безгласный — кровью красной
Капай, смола!

Кровью на немую льдину...
— Растопись слезой, гордыня,
Камень-скала!

А уж под сталью-латами
Спор беспардонный начат:
— Что́: над конем не плакала,
А над мальчишкой — плачешь?

Вихрь-жар-град-гром была,—
За всё наказана!
Войска в полон брала,—
Былинкой связана!

Войска в полон брала,
Суда вверх дном клала,
А сама в топь брела —
Да невылазную!

Кулаком славным, смуглым
Лик утирает круглый —
Наводит красоту.

Лик опрокинула вверх дном,
Чтоб солнце ей своим огнем
Всю выжгло — срамоту.

«Его Высочеству приказ:
Что в третий и в последний раз
Зарей в морскую гладь

На гусельный прибудем зов.
Прощай, Гусляр! До трех разов
У нас закон — прощать».

Всей крепостью неженских уст
Уста прижгла. (От шейных бус
На латах — след двойной.)

От сласти отвалилась в срок,
И — сапожок через борток —
В дом свой морской — домой.

Еще сталь-змея вороток дерёт,
А целованный уже вздрогнул рот:
Не то вздох, не то так, зевóта,
А всё, может, зовет кого-то...

Допрежь синих глаз приоткрыл уста:
— Эх, и чтоб тебе подождать, краса!
И не слышал бы ветер жалоб:
Целовала б и целовала б!

Оттого что бабам в любовный час
Рот горячий-алый — дороже глаз,
Все́ мы к райским плодам ревнивы,
А гордячки-то — особливо!

Потягивается, подрагивает,
Перстами уста потрагивает...
Напрасно! И не оглянется!
Твое за сто верст — свиданьице!

А дядька-то шепчет, козлом пляша:
«Должно быть, на всех парусах пошла!
Не всё целовать в роточек...
Давай-ка свой вороточек!»

Синей василечков,
Синей конопли
На заспанных щечках
Глаза расцвели.

«Эй, старый, послушь-ка:
Вот сон-то приспел!
Как будто кукушку
Я взял на прицел!

Пусть зря не тоскует!
Зажмурил глазок...
И слышу — кукует:
До трех до разов».

— То не пташечка-кукушка
Куковала,
То твоя подружка
Тосковала.

Как под бурею ночной стонут снасти...
Да уж спать-то ты у нас больно мастер! —

«И вижу еще я,—
Речет сам не свой,—
Что плачет смолою
Дубок молодой.

Ветвями облапит
Как грудку-мне-стан,
И капит, и капит
Слезой на кафтан».

— Нет, Царь Лебединый,
Не дуб, не смола:
То спесь-ее-льдина
Слезой изошла.—

«И снится мне,— молвит
(Сам губочки трет),—
Что красное солнце
Мне — яблочком в рот.

Да так вот, с поклоном:
Испробуй, лентяй!»
— Царя Соломона
На сон почитай.—

Тот вздохом туманным:
«Дай сон доскажу!
За перст безымянный
Прикован — лежу.

Ай к смерти? Ай к свадьбе?
Скажи, не мытарь!»
— Эх, спать бы и спать бы
Тебе, государь!

От бабы Иосиф-то
Нагишом,— берегись!
На женском волосике
Не один уж повис! —

Не внемлет Царевич дурной ворожбе,
Сам нежную руку целует себе.

«Гадай хошь на картах,
А хошь — на бобах!
Хошь вороном каркай,—
Все сласть на губах!»

Ты бренчи, Гусляр, задай нам пиру-звону!
Синь-то водная — что синькой подсинёна!
Исполать тебе, Царь-Буря, будь здорова!
Рот у мальчика — что розан пурпуровый!

НОЧЬ ТРЕТЬЯ

— Веселитесь, наши верные народы!
Белогривый я ваш Царь, белобородый.
Круговой поднос, кумачовый нос,
Мне сам черт сегодня чарочку поднес!

Веселитесь, наши руки даровые!
Всé хлеба ваши я про́пил яровые!
Коли хлеба нет, будем есть овес:
Напитаемся — и личиком в навоз!

Выпивайте, брови черные, до донышка!
Всех-то телок ваших про́пил я, буренушек!
А коль тошно вам от ребячьих слез,—
Помолитесь, чтоб их черт скорей унес!

Задирайте, попы-дьяконы, подрясники!
Не то в пляске-то носами о́б пол хряснетесь!
Чем крысиный хвост, да великий пост —
Лучше с чарочкой-сударочкой взасос!

Подымайтесь, воры-коршуны-мятежники!
Для костра сваво я сам припас валежнику.
Двери — настежь — всé! В клети заперт — пес!
Частоколы сам по колышку разнес!

Рухай-рухай, наше царство развалённое!
Красный грянь, петух, над щами несолеными!
Красный грянь, петух: «Царь-кумашный нос
Всё, как есть, свое именьице растрёс!»

— Эй, холопы, гусляра за бока!
Чтоб Камаринскую мне, трепака!

То не дым-туман, турецкое куреньице —
То Царевича перед Царем виденьице.

То не птицы две за сеткою тюремною —
То ресницы его низкие, смиренные.

Ох, ресницы, две в снегу полуподковочки!
Розан-рот твой, купблок-льняной-макóвочка!

В кулачок свой кашлянýвши для приличества:
«Какой песней услужу тваму Величеству?»

— Птица в небе — выше нас родилась!
Над тобою наш не властен приказ!

«Часто я слыхал сквозь дрему
Бабий шепот-шепотеж:
— Плохой сын Царю земному,—
Знать, Небесному хорош!

Черным словом, буйным скоком
Не грешил я на пиру.
На крыльце своем высоком
Дай ступеньку гусляру!

Никогда, сойдясь межою,
Навзничь девки не бросал,
Да не то что там с чужою —
Вовсе с бабами не спал!

Не плясал в зазорном платье,
Как ударят ввечеру,
Широки твои полати,—
Дай местечко гусляру!

Хошь плохой я был наследник —
Гуслярок зато лихой!
Паренек-то из последних —
Может, ангел не плохой...

Хошь и неуч л в молебнах,
Наверстаю — как помру!
Между труб твоих хвалебных
Дай местечко гусляру!»

«Взял лучину Царь: «Нагнись-ка, дружок!»
(Чуть-что всей ему копны не поджег!)
«Видно, воду пьешь да постное ешь?
Что тебя-то не видал я допрежь?»

Сын ли с батюшкой, аль с львом красным — лань.
Вся-то глотка-пересохла-гортань!

Вспыхнул пуще корольков-своих-бус:
«Я вам, батюшка, сынком довожусь!»

Как толкнет его тут Царь сгоряча:
«Врешь, молочная лапша! каланча!

Прынц заморский либо беглый монах,—
Ни в каких я не повинен сынах!»

Подивился тут Царевич бровьми:
«Хоть убей меня, а зря не страми!

Не монах и не заморский мужик,—
Я в супружестве законном прижит!»

Помянул тут Царь с десяток шутов:
«Знать, косушку перелил, полуштоф!

Да иная нам тут малость важна:
Коли сын, так твоя мать мне — жена?!»

И как взвоет — инда стекла дрожат:
«Ох, пропал-пропал, пропал-пропал,— женат!

Коль жена, так значит — дочь, значит — зять?
Где ж убивица моя,— твоя мать?!»

В землю пальчиком гусляр: «Вечный дом! —
Ты в супружестве живешь во втором».

Разом хмель пропал от этого сказу,
Растаращился, что сом пучеглазый,

Вздоху нету,— гляди лопнет шаро́м,
«Так в супружестве живем во втором!..»

Дрожит сын, шепочет,
Вином виски мочит,
Хлопочет вокруг той горы кумачовой:
Лик — шар сургучовый, краснее клопа.
«Ох, батюшки,— так и ушел без попа!»

Льет в рот вино, назад — вино,
К груди припал,— бревном-бревно.
«Одно бы знать: что дышишь.
Да сердца не прослышишь!»

«Коли вино не хочет в рот,—
Сам в руки гусельки берет,—
Быть может, Царь-отец мой,
Мое — поможет средство!»

Пробежался по струна́м ветерком,
Слышит: кто-то ровно — щелк! — языком.

Разжужжался, что шмелиха-пчела,
Смотрит: холм-гора-то кверху пошла!

А как пальчики пустил во всю прыть,
Видит: Царь сидит, да ручкою: пить!

Отцу сынок налил,
Пьет Царь, подставляет,
За кажною чаркой
Сынка похваляет:

«И кудри-то — шапкой!
Стан — рюмки стройней!
Вот что́ бы без баб-то —
Рожать сыновей!

Зачем — жена?
На-кой — жена?
Ты не жена,
Скажи,— война!

Чуть что не так —
И свет ей мрак,
И друг ей враг,
И царь — дурак...

Ох ты, Царь-дурак, женатый холостяк!

Приведи-ка мне сыночек, жену:
Бить не стану, а разок — толкану!»

То не сон-туман, ночное наважденьице —
То Царицыно перед Царем виденьице.

То не черный чад над жаркою жаровнею —
То из уст ее — дыханьице неровное.

То не черных две косы, служанки кроткие:
Две расхлестанных змеи — да с косоплетками!

До ковровой до земли склонилась истово,
Об царевы сапоги звенит монистами.

«Виноградинка в соку,
Здравствуй, зернышко!
Не видал я на веку
Стройней горлышка!

Вся от пяточек до бус —
Вó как — нравишься!
Да коль я не подавлюсь,
Ты — подавишься!

Оттого что вкус мой гнусный, мокрый ус!»

Вырывала тут из кос косоплетки,
Отползала змея к самой середке,

Духом винным-тут-бочоночным румянилась,
Царю — в землю, гуслярочку — в пояс кланялась.

Ножки смирные, рот алый поджат.
Во всем теле — одни ноздри дрожат.

Заиграл сперва гусляр так-бт легонечко,
Ровно капельки шумят по подоконничку.

Та — рябь рябит,
Плечьми дрожит.

Заработали тут струночки-прислужницы,
Ровно зернышки-посыпались-жемчужинки.

Та — пруд-река,
Колеблет бока.

Заходили тут и руки в странном плясе:
Коготочками гребет, что кот в атласе.

Сожмет, разожмет,
Вновь в горсть соберет.

Отпустил гусляр своих коней стреноженных —
Прокатилась дрожь волной до быстрых ноженек.

Как тигр-лежебок
Готовит прыжок.

Ой, рябь!
Ой, зыбь!
Ой, жар!
Ой, клад!

Ой, в пляс пошла, помилуй Бог вас, стар и млад!

Бочком, бочком,
Шмыжком, шмыжком,
Играючи да крадучись —
Что кот с мышом!

(Ох, не пляшут так, жена, пред муженьком!)

— Скидавай босовики!
Босая пляши! —

Эй, топ, босовичок!
Эй, скок, босовичок!
Наших бо́сых ног —
Не белей снежок!

(Что ж ты вспыхнул, ай мороз тебя ожег?)

— Пусть душу не спасу,—
Распущай косу! —

Как тряханет!
Как маханет!
Мраком-то-как-
Жаром — дохнет!

Белый плат-то свой нагрудный распахнет!..

Плоть ли бабья — ай
Просто яблонь-май?
Бабья пазуха —
Али божий рай?

То дыханьице ли, жаркий воздушок,
Аль инбирь-шафран-корица-корешок?

Веселится Царь,— инда пот утер!
Белей снегу — сын, глаза в землю впер.

— Что ж вы, струночки, не стали вперебор?

Не змеиный шип — шелков рваных скрип,
То не плетка-хлыст — шелков рваных свист,
То на всем плясу — шелка́ ручьями вниз!

— Эй, жару поддавай!
Рубаху скидавай!

Отцу с сыном пир великий задавай!

Заленилась — не слыхать монист.
С плеча левого наплечник вниз.

Рукой заспанной ресницы трет,
Теперь правому плечу — черед.

Осовела, что кулек с мукой,
Ткань у бедер собрала рукой.

Да не во́время зевнула, дрянь!
Пошла рот крестить,— пустила ткань.

И — взыграв как целый град Содом —
Закрутилась дымовым столбом!

Ночь — ежели черная,
Кровь ежели красная,
Бабенка невздорная,
Да на всё согласная —

Можно одной улочкой
Вдвоем ходить,
Можно одной булочкой
Двоих накормить.

Друг ли ты с товарищем,
Ай сын с отцом,
Поделитесь чарочкой —
И всё с концом!

Грех из-за убожества
Входить в изъян!
Поделись по-божески —
И каждый пьян.

На миру монашество —
Что землю грызть!
Ну, а бабья наша тут
Молчать — корысть.

Столбам с перекладкою
Никто не плох!
Хватай мертвой хваткою,
А там — как Бог!

Луна с луговины
Ушла за копну.
Глядит Царь на сына,
Глядит на жену.

Верней самострела
Глаз пьяных — прицел.
«Ты ног не жалела,
Ты рук не жалел,

И так что за кружкой
Я верно сужу,
Решил, что друг дружкой
Я вас награжу.

Любитесь — доколе
Ус есть у китов,
Да чтоб мне к Николе
Внучок был готов!

Да чтоб тот внучонок
С меня был снятой!»
Берет Царь бочонок:
«Налой вам святой!

В ковры-вам-подстилки
Вину велю течь!»
В персты по бутылке
Сует вместо свеч.

«Чтоб в играх-затействах
Плодились птенцы,
Вот вам венецейских
Две чарки — в венцы!»

Вверх дном, ошалелый!
Двойной аж фонтан:
Ей прямо на тело,
Ему на кафтан.

Сидит, приосанясь,
Меж струн и меж струй,
Да вдруг как затянет:
«Исайя, ликуй!»

Эх, Исайя ты, Исайя,
С небес свесь-ка голову!
На невесту взглянь: босая,
Того хуже — голая!

Словно цельным станови́щем
Вражьим — в рот целована.
Всего тела вдоль — винищем
В кровь исполосована.

Ишь, сокрыла черноглазье!
Хороша, смиренница!
На полунощных-то разве
На летуньях — женятся?

Как пойдет чудить в кровати
Булавками-иглами!
— Нет, Исайя-ликователь,
Твое дело гиблое!

Гляди: Царь их лбами чокнул
Для дельца веселого!
«Да в уста чтобы — не в щеку
Целоваться, голуби!

Не рябая, не косая,
Глаже шелку — платьице!»
— Ох, пророк ты наш Исайя,
Паренек-то пятится!

«Коли сам жену не чмокнешь,
Скручу с ней веревкою!»
(Ох, поддастся паренек наш!
Пенька — баба ловкая!)

Быть ему, пророк Исайя,
За дверьми чугунными!
От нее себя заставил
Изгородью струнною!

Царь из рук как схватит гусли!
— Держись, гуси-лебеди! —
«Чмокай в паточное устье,—
Не то — гусли вдребезги!»

То не де́вица в когтях у черной немочи —
То Царевича у женских уст застеночек.

Потягивается, подрагивает,
Устами уста потрагивает,
Как жалом в него вонзается,
Как в яблок в него вгрызается,
Из сердца весь сок вытягивает,
В глубинную глубь затягивает.

«Учись, учись, любовничек,
Как без меня чаевничать!
Учись, учись, болезный мой,
Как нашей лаской брезговать!

Учись, учись, монашек мой,
Как в споре жить — да с мачехой!»

Обхватывает, обматывает,
В грудь скудную — когти вкапывает,
Вокруг обвилась, как жимолость,
Как радуга — запрокинулась!
Белки-то уже — под дёснами!
Аж пол подметает — космами!

Стар и млад — не суди!
Этот жар — из груди
Должен в грудь перебечь,
Аль всю суть нашу сжечь.

У цыгана — луна,
У буяна — война,
У дворянчиков — честь,
У нас — кровь одна есть.

Кровь, что воет волко́м,
Кровь — свирепый дракон,
Кровь, что кровь с молоком
В кровь целует — силком!

ВСТРЕЧА ТРЕТЬЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

Солнце в терем врезалось —
Что меч золотой!
Лежит цвет-наш-трезвенник,
Как пьяный какой.

Вот уж вечер-зарево —
Он взор межит.
Уж к вечерне вдарили —
Он всё лежит.

Ухо клонит-слушает:
Уж с коих пор —
Ровно шум-шушуканье,
Девичий спор.

Словно ручеечка два
Шумят сквозь снег...
Только шепоточка два,—
А толку — нет.

Ему шепоточка два
Без всяких слов,
А нам волосочка два
Да с двух голов.

(Враги неразрывные —
В одном котле!)
Сошлись на груди одной,
Одном сукне.

Один — глаз хоть выколи,
Тот — взор завесь.
Один — аж по щиколку,
Тот — с пальчик весь.

По кафтану шитому
Шумят войной.
Тот — змеиным шипом-то,
А тот — струной.

От их шуму-шороху
Аж лоб болит!
«Твое дело коротко!»
— Да толк велик!

«Стрижка-брижка-выскочка!»
— С грозой дружу!
«Из хвоста-знать-кисточки!»
— Да верх держу!

«С головы я чёсаной!»
— А я с честно́й!
«Моя баба — с косами!»
— Моя — с красой!

Был тут спор порядошный:
Свились в комок!
Только слышит: рядышком —
Другой шумок.

Не морской, не гусельный:
Пчелиный — гуд.
Близко-близко, чуть ли не
У самых губ.

Нет, не пчелки розанам
Ведут дозор.
То с печатью грозною
У слюнки — спор [1].

«Чей ты, мед несмешанный?»
— Забыл ожог?
«Подари усмешечкой!»
— Вздохни разок!

«Вспомни час полуночный!»
— Полдневный жар!
«Теку в каждой слюночке!»
— Что вздох — то дар!

«Раскрой половиночки!»
— Шепни во сне!
«Все мои — кровиночки!»
— Все песни — мне!

---

[1] Печать (ожог) — поцелуй Царь-Девицы, слюнка — поцелуй мачехи. Первой говорит слюнка. *(Прим. М. Цветаевой.)*

Разорвут на части две,
(Аж жар во рту!)
Разных уст — печати две
На том же рту.

«Мой он, мед несмешанный!»
— Шалишь, дружок!
Свистит слюнка грешная,
Кипит ожог.

«Что это с губами-то?»
(Гусляр в тупик.)
«Пить хочу без памяти,—
Аж грудь кипит!»

Язычком оближется:
От губ — дымок,
Только что поблизости —
Опять шумок:

Как от свечки воск дает
В церкви́ ночной —
Речь великопостная,
Шумок свечной.

Ему — капли воску две
Из Божьих сот,
А нам, значит, слезки две —
Из разных вод.

Та из моря Че́рмного,
Акульих мест,
Та из моря верного —
Жемчужный всплеск.

Двух печалей первенцы:
— Вернись! — Вернись! —
Две слезы-соперницы
В одну слились.

Жаркими руками
Вдоль перил витых,
Шалыми скачками
С лестничек крутых.

Какой тут заморыш!
Богатырь, ей-ей!
Одним махом — сорок
Спрыгнул ступеней.

Бугор ему — кочка,
Страшон ему — кто?
Море бы в примочки
Взял, каб не мелко!

Ох, ожог, знать, лютый!
Не простой, знать, мед!
Гляди, вихрь полу-то
Сейчас оторвет!

По камням-колючкам
Шпарит-жарит — и-их!
А ведьмухи внучкам:
«Ошалел жених!»

Только — Царь Небесный! —
Из тьмы теремной
Что за знак за крестный
Вслед ему — чудной?

«На измор-отраву,
На позор-на-вред,
Слева — да направо,
Снизу — да наверх...»

Не глаза под бровью:
Черные дела!
Не наестся кровью
Ревности игла!

Ох ты воля! — дорогая! — корабельная!
Окиянская дорога — колыбельная!

«Не спи, крепись!
Взгляни на птиц:
Заснем — так вниз,
Заснешь — так вниз...

Не та уж синь
Промеж ресниц

Пойдет,—
Морская синь пойдет!

Морская синь,
Морская соль,
Всё море в грудь твою взойдет,—
И будешь ты
Не Царский сын:
Морской король.
Аминь.

Не спи — встряхнись!
Учись у птиц!
Смекай наш писк,
Смекай наш свист!
Не звон монист —
Змеиный шип!
Держись!
С змеищей вперегиб
Не стой в ночи́!
Шелками шит, змеей зашит
Твой вороток!
Не спи, крепись!
Встряхнись!
Смекай наш свист!»

И ветер этой песне вторил
Широким свистом кучерским.
Тогда заговорило море
Роскошным голосом морским:

— Доверься морю! — Не обманет!
Плыви, кора́бель-корабе́ль!
Я нянюшка — всех лучше — нянек,
Всем колыбелям колыбель.

Уж скоро ты в кулак — канаты
Сам разорвешь, своей рукой.
Припав к груди моей богатой,
Крепчай, мой выкормыш морской!

Клади себе взамен подушки
Мою широкую зарю!
Тебе в игрушки-погремушки
Я само солнце подарю!

Не будет вольным володеньям
Твоим ни краю, ни конца...
Испей, сыночек двухнедельный,
Испей морского питьеца.

Испей, испей его, испробуй!
Утробу тощую согрей.
Иди, иди ко мне в учебу —
К пенящейся груди моей!

Волна челн колышет,
Жар утробу сушит.
Одно дело — слушать,
А другое — слышать.

Кому жить охота —
К мощам не паломник,
Кому пить охота —
Лишь стакан и помнит.

Ох, стакан твой полный,
Голубые волны!
Ох, медок в нем ценный,
Чересчур уж пенный!

Выпьешь,— ничего не
Скажешь,— мед хвалёный!
Ох, твой ужин ноне
Весь пересолёный!

Кровь ли это в жилах,
Аль волна об челн,
Как та песнь сложилась —
Нам-то знать почем?

Не своей охотой —
Дуло у виска!
Не своей работы —
Смертная тоска!

Как ременным кушаком сжата грудь.
Ручку поднял — вороток отстегнуть,

Да от темени до пят — как вздрогнёт!
Да как ручку-то назад дерганёт!

А всего-то на тебе, дурачок,
Пустяковина сидит: паучок.

Шейкой крутит, аж в лице покраснел!
А паук-то уж на грудку приспел.

«Не дави меня, Господь не велит.
Не простой я паучок,— крестовик!»

И тонéнько так, комарьей струной:
«Не простой я паучок,— теремной!»

Ну и страху-тут-смятенья былó!
Ровно судорогой парня свело.

Тут бы дрянь ему да в воду щелчком!
Ан уж кончено и так с паучком:

Солнце светит, ветерок, значит, свеж...
Только нового — что дядькина плеш!

— Чтоб ты лопнул с той мушиной крови! —
А старик ему: «Бог в помощь, плыви!»

— Чтоб огнем тебя—мушиная кровь! —
А старик ему: «Совет да любовь!»

— Чтоб на гроб тебе не стало досóк! —
А старик на то ни слова,— молчок.

То не Свет-Егорий
Спор ведет с Советом,
То посередь моря —
Царь-Девица с Ветром.

Говорит, как с ровней,
(Мудр, хоть непоседа!)
Спор-то полюбовный,
Дружная беседа:

«Ветер-ветер, перебежчик,
Переносчик, пересказчик,
Наших женских дел доносчик,
Слов разносчик, дум доказчик...

Да чтоб слов не тратить,
— Разом чтоб! Спроста! —

Есть ли где, касатик,
Меж царей мне братец,
Меж девиц — сестра?»

Говорит — как шутит.
Тот кудрями крутит:

— Нет во всей вселенной
Такой здоровенной!
Ты — наш цвет военный!
Я — твой неизменный! —

Вздох тут поборовши,
Отпила от чаши.
«Так-то так — здоровше!
Ну, а всех ли краше?»

Говорит — как рубит.
Тот как дьякон тру́бит:

— Нет во всей вселенной
Такой откровенной!
Ты — наш цвет военный!
Я — твой неизменный! —

«Эх, болтун досужий,
Скажи, не жалея:
Ну, а может — хуже
Знаешь — да милее?»

Говорит — как просит.
Тот гонцом доносит:

— Нет во всей вселенной
Такой несравненной!
Ты — наш цвет военный!
Я — твой неизменный!

«Чего ж он, мой лебедь...
(Говорит — как бредит)
Синий взор свой прячет?»
Говорит — как плачет...

— Будет тебе руки
Марать бабьим делом!
Коли будут внуки,
Будешь ты им — дедом! —

Нà руку ей тихо
Шум-кладет-крыло:
— Мой совет, чтоб их и
Вовсе не былò!

Варишь — не наваришь!
От лоханки — к курам!
Предоставь, товарищ,
Это дело — дурам.

Куры на нашесте,—
Ребят не унять!
Давай лучше вместе
Корабли гонять! —

Разошелся дурень:
Аж грозится Деве!
— А родства-то: шурин,
Тесть, да зять, да деверь...

Степняки, невежды,
Ватошный кафтан! —
Крылышек промежду
Грудку-взял-ей-стан.

— Нет на всем на рынке
Ценней — жениха-то!
От моей перинки
Не пойдешь брюхатой!

Крыл у меня двое:
Одно подстелю,
А другим накрою
И благословлю.—

Да над самой, эдак,
Шепчет над душой:
«Не хочу я девок,
Ты мне брат старшой!»

— Нет во всей вселенной
Такой дерзновенной!
Ты —наш цвет военный!
Я — твой неизменный!

По рукам, что ль? — Слышит:
Слеза — стук — об сталь.
«Об одном лишь,— дышит,—
Грусть-схватила-жаль.

Лучше б... (тот к ней ближе)
Вовсе б свет погас!
Так и не увижу
Его синих глаз!»

Зарычал с досады!
Разом крылья отнял!
— Да в любом посаде
Таких глаз — по сотням!

Бабью страсть дрянную
Знаю — к кулаку!
Чай, не приревную,—
Сам приволоку!

Не мужик, не зверь я,
Не законный лапоть!
Ну, а чем на перья
Мне слезою капать —

Хватай-ка за гриву —
Брать Стамбул-Царьград!
Девичий-свой-львиный
Покажи захват!

Завзятой бобыль я,
Проживем без скуки! —
Тот навстречу — крылья,
Та навстречу — руки...

— Всех законов крепче
Ветровой закон! —
«Свет-Архандел! — шепчет.—
Никак, его звон?»

«Сорную траву дурную
Не коси, косарь, с плеча!
Не паша, не боронуя,
Молодость моя прошла:

Всё печаль свою покоил,
Даже печки не сложил.
Кто избы себе не строил —
Тот земли не заслужил.

Для гробочка-домовины,
Из досочек из шести
Из сосновых — ни единой
Я не выстрогал доски.

Только знал, что на перине
Струнным звоном ворожил.
Кто страды земной не принял —
Тот земли не заслужил.

На перине, на соломе,
Середь моря без весла,—
Ничего не чтил, окроме
Струнного рукомесла.

Ну, а этим уж именьем
Пуще хлеба дорожил...
Кто к земным плодам надменен —
Тот земли не заслужил!»

Ломовым ей дышлом
В грудь — напев чуть слышный.
Она Ветру: «Слышишь?»
— Ничего не слышу!

Тот без зла ответил,
Ее зло взяло.
«Отстранись-ка, Ветер,
Рваное крыло!

Из твоей свободы
Не слатать заплаты!
Тебе путь — к Восходу,
Ну, а мне — к Закату!»

Не орел с орлицей
В спор-вступили-схват:
Крылья рвет — Девицын
Нареченный брат.

Солнце — долу,
Месяц — в гору,
Челнок с горы нà гору.
Оставался б, мальчик, дома,
Обирал бы ягоды...

В сапожке казанском ногу
На борток поставил он.
Окиянскую дорогу
Мерит взором сабельным.

То не меч с мечом,
Не клинок с клинком —
То пресветлый взор
С заревым лучом —

Взор державный с лучом державным
В поединке схватились славном.

Под ногою хлябь-трясина
Дурь ведет опасную.
Мерься, мерься, взор пресиний,
С тою саблей красною!

Докажи: не трус ты скверный,
Не сопля в халатике!
С самим воинством вечерним,
Мол, играл в солдатики.

То не ладан-пар
От воды встает,
То войскам — гусляр
Производит смотр.

Не крестьянским полкам голодным —
Золотым облакам Господним.

— Выходи сам хан татарский —
Поравняюсь силою!
Возводи меня на царство,
Рать ширококрылая!

Надоело промеж нянек
Брать цветник атакою!
Никакой я вам не пряник,
Не миндаль, не патока! —

То не два крыла —
В золотой костер,
То Царевич наш
Две руки простер,

Две руки свои разом поднял
В золотую зарю Господню!

(Не кичись своим обхватом,
Грудь Первопрестольная!
Семихолмие — Москва-то,
Хлябь — тысячехолмие!

Величай нас, люд сермяжный,
По имени-отчеству!
На морском холму на кажном —
Во́т наше Высочество!)

То не просто — конь
В боевой огонь,
Без стремян-подков
Острогрудый конь —

По морским заповедным чащам,
С белым всадником, ввысь глядящим.

А навстречу — из чертога —
Кто — в броню́ закованный?
Не ему ли дать дорогу
Войска — на две стороны?

К гусляру простерты длани,
За плечьми-просторами
Разошлась двумя крылами
Рать золотоперая...

То не меч честной
Мечу держит речь,
То булавка-сон
Промеж жилых плеч,

То острожник двух рук ревнивых
Женской местью сражен в загривок.

———

Над орленком своим — орлица,
Над Царевичем — Царь-Девица.

— Бог на небе — и тот в аду,
Ворон в поле, мертвец в гробу,
Шептуны, летуны, ветрогоны,
Вихрь осенний и ветр полуденный,
Все́ разбойнички по кустам,
Хан татарский, турецкий султан,
Силы — власти — престолы — славы —

Стан пернатый и стан шершавый,
Ветер — во́ды — огонь — земля,
Эта спящая кровь — моя!

Царю не дам,
Огню не дам,
Воде не дам,
Земле не дам.

Ребенок, здесь спящий,
Мой — в море и в чаще,
В шелках — под рогожей —
Мой — стоя и лежа,
И в волчьей берлоге,
И в поздней дороге,
Мой — пеший и конный,
Мой — певчий и сонный.

Ребенок, здесь спящий,
Мой — в горе и в счастье,
Мой — в мощи и в хвори,
Мой — в пляске и в ссоре,
И в царском чертоге,
И в царском остроге,
В шелках — на соломе —
Мой — в гробе и в громе!

В огне и в заразе,
В чуме и в проказе,
Мой — в сглазе и в порче,
Мой — в пене и в корчах,
В грехе и в погоне,
Мой — в ханском полоне,
Мой — есть он дотоле
И будет — доколе:

Есть страж — в раю,
Не-наш — в аду,
Земля — внизу,
Судьба — вверху.

Что́ это вдруг стальным лучом
Рассекло луч вечерний?
То Дева-Царь своим мечом
Клянется, саблей верной.

Припав к головочке льняной,
Ресницы-нежит-стрелы:
«Сама виной, сама виной,—
Гордыня одолела!

Видали вы такую стать,
Чтоб вдруг ребеночку не спать?
Да мне твой взор и спящий,
Всех царств небесных — слаще!

Кто спит — тот пьян, кто спит — тот сыт,
Да, цветик благовонный!
Есть Толстый Царь, есть Тонкий Царь,
Ты Царь мой будешь — Сонный!

Чуть что не так — и двор сквозной,
И дом дружку заказан...
Хоть и хорош, как заказной,—
У Бога не заказан!»

С великой нежностью ему
Разглаживает шнур-тесьму,
Лик-наклоняет-солнце
На белое суконце.

И вдруг — будь счастлив, паренек,
Что сон твой непритворный! —
Белого поля поперек
— Пропала! — волос черный!

Через всё небо — вкось
Красные письмена.
Первый глухой удар
Грома далекого.

Дева не крестит лба,
Лат отломила бок,
Сабельной сталью в сталь
Знаки-врезает-весть.

Кончив, на острый край
Весть-насадила-гнев.
Через коленку — враз —
Саблю-ломает-сталь.

В правой — чем грудь разить,
В той — где рукой хватать.
Стан преклонив, к ногам
Оба конца кладет.

Не разогнув колен,
Русским честны́м крестом
Лоб-ему-грудь-плеча
Крестит на сон ночной.

Гонит пророк коней.
Гривами хлябь пошла.
Пуще взметнулся бич
В длани пророковой.

Молнией поднялась,
Грудь-разломила-сталь.
Правой рукой под грудь,
Левою — сердце вон!

Взмах — и ответный всплеск.
Красен рубахи холст,
Как кровяная — хлябь...
Ветер замел круги.

Ох, уж не ветр, не вихрь!
В небо полезла хлябь!
Не оплошай бичом,—
Вожжи уж вырваны!

Не приступ протрубил горнист —
Кулашный свист!
Не бурю полоснувший хлыст —
Ответный свист!

— Здоро̀во, нареченный брат!
— Здоро̀во, брат!
— В дорогу, нареченный брат!
— В дорогу, брат!

Довольно, знать, по гусляру
Рвать волоса!
В грудь — сквозь сердечную дыру —
Ветр ворвался!

Сталь из вòрота —
Память в лоб.
«Где же Воинство?
Что за сноп
Из воды, за лучи-за-стрелы?
Середь моря, что ль, солнце село?
Что за кровь на моей груди?»

А колдун: — В облака гляди!

И видит гусляр: в облаках тех румяных,
В морях тех не наших — туманных — обманных —
Челнок лебединый с младым гусляром...
И дивного мужа под красным шатром
Он видит — как золотом-писанный-краской!
И светлые латы под огненной каской,
И красную каску на красных кудрях,
И властную руку, в небесных морях
Простертую — через простор пурпурòвый —
Чрез версты и версты к челну гуслярову.

И вот уж — прыжками морская слюда,
Вот-вот уж носами сшибутся суда...
Сошлись — и как древнего времени чудо —
Тот муж светоносный в челнок белогрудый
Нисходит — склоняется — сдернул покров...
Да как подивится на вид гусляров!
Да как рассмеется так вот откровенно,—
Как новое солнце взошло во вселенной!
Как лев златогривый стоит над щенком...

Так, ласка за лаской, смешок за смешком,
В морях тех небесных — далече-далече! —
Вся их повторяется первая встреча.

И снова туман-всколохнулся-фата,
И сызнова в небе всё та же мечта:
Корабь тот — и челн тот, и вновь пурпурóвый
Вскипающий вал промеж ними — и снова
По грозному небу — как кистью златой —
Над Ангелом — Воин из стали литой.

И грозную смуту на личике круглом,
Жемчужную россыпь на золоте смуглом
Он видит.— Как дождичком-бьет-серебром!
Да что ж это? Аль обернулся бабьём?

Да как ж это можно, чтоб в каске хвостатой
Над дрянь-гуслягишкой реветь в три ручья-то!
Аль черная ночь-тобой крутит-дурман?
И длится, и длится зеркальный обман...
И вот уж, мечом-поиграв-рукоятью,
Уста гусляру припечатал печатью.
— Смеется! — И это, мол, нам нипочем!

Так, слезка за слезкою, луч за лучом,
В том зеркале чудно́м — с закатного краю —
Вся их повторяется встреча вторая.

И видит гусляр, как в волшебном стекле,
Эбеновый волос на белом сукне,
И светлую саблю с письмом рукописным,
И крест тот широкий — любви бескорыстной,
Которым нас матери крестят: — Живи!
Ох, латы ломает! Рубаха в крови!
Кровавое сердце взметнулось над хлябью!
— Спаси мою душеньку! — Грудка-то — бабья!

Кровавою дланью громам поклялась!..

Так, перед морями двух плачущих глаз,
В морях тех небесных — далече-далече! —
Вся их разыгралась последняя встреча.

И снова: гладь — гладью,
Синь — синью...
Где сердце упало — красно̀!
Оставьте вы Царского сына,
Он память-читает-письмо.

Науки — не царское дело,
Мозги не пристали гербам.
Знать, лютая страсть одолела,
Коль сразу прочел — по складам:

— Нигде меня нету.
В никуда я пропала.
Никто не догонит.
Ничто не вернет.

Как цветочек!
Смотреть-то жалость!
Эх вы, сабельных
Два куска!

«Что ж,— шепочет,—
Теперь осталось?»

— Ей войска, а тебе — тоска! —

Размахнулся всею силой рук:
Ан уж нету старика — паук!

Как притопнет, поглядев востро̀:
Ан уж нету паука — мокро́!

Сам же в воду — добывать свое добро.

НОЧЬ ПОСЛЕДНЯЯ

«Ой, ветлы, ой, ветлы —
Полночные метлы!
Ой, ветлы!

Ой, рот ты мой блёклый,
Глаза мои стёклы —
Ой, ветлы!

Пришел к побережью
Без парня — челнок-то!
Ой, ветлы!

Не жить мне на свете!
Ой, ветлы, ой, ветер,
Ой, ветер!

Бери меня, ветер,
На крылышки, ветер,
Ой, ветер!

Берите, туманы!
Не быть мне румяной —
Туманы!

Отравой-обманом —
Объелась-дурманом,
Ой, ветер!

Не жить мне на свете!
Ой, ветлы, ой, ветер,
Ой, ветер!»

А Ветер в ответ ей:
«Я милого встретил,
Шлет вести.

Жив белый твой цветик,
Да только не весел,
Не светел.

В кумашной палатке
Плывет без оглядки —
С солдаткой.

У страшной солдатки
Под огненной пяткой —
Твой сладкий!

А хочешь — за бабой
Разбойной — в погоню?
Обгоним!

А хочешь — волну
За волной поторопим?
Затопим.

Затопим, закружим,
Закружим, отслужим?
Отслужим!

А дружка́ — назад,
К груди пламенной!»
А она, в слезах:
«Ветер, на́ меня!

Ветер, на́ меня!
Туман, на́ меня!
Отпусти меня,
Гроб мой каменный!»

Мчится, мчится вместе с Ветром — молодая!
Заметает след — ветла седая.
Не пушись, ветла!
Не трудись, метла!
Кому дело, что я с ветром утекла?

«Ох ты, ветер, не было̀ бы нам подвоху!»
— А ты, мать моя, сиди себе, не охай!
Крепче всяких уз —
Ветровой союз!
Чай, не первой в своей верности клянусь! —

«Что ж то, ветер, не слыхать морского шуму?»
— А ты, мать моя, сиди себе, не думай!
Встречных птиц считай,
Звезды в лоб щелка́й,—
Не очнешься — и уж царство-нам-Китай!

«Что толкаешься, мужик ты сиволапый?»
— А ты, мать, меня за крылышки не цапай!
Не слетишь — не трусь!
Не таков я гусь,—
Не таких еще носил через всю Русь!

«Прямо в небо норовит, лесной шишига!»
— А ты, мать моя, сиди себе, не прыгай!
Для двух ног твоих
Тот пролет велик —
Не с любовничком упасть на пуховик!

«Ой, родимый, погоди, никак не сяду!»
— Сиди, мать моя, сиди, сиди, не падай!
До низо̀в-равнин —
Не вершок-аршин!
Уж не ссорься лучше с Ветром ты старши́м!

«Говорят тебе, дурак, сидеть неловко!»
— Нет, уж некогда — годить! Верста — делов-то!
Не одна краса,
Что твоя коса!
Не одной тебе, чай, в верности клялся́!

«Что ж ты, подлый, обернулся кверху брюхом?!»
— Не сумела усидеть, змея,— так рухай!
Знай, змея из змей:
Сахарок-твой-клей
Так и тает промеж двух ее грудей!

— Ух! —

— Кто ж это так ухнул вдруг?
Просто вылетел из тела — дух!
Да не плачь ты, полунощный сыч!
Просто тело о кремень-кирпич.

И пополз меж камней —
Змей...

Над подвалами — полы,
Над полами — потолки,
Купола — над потолками,
Облака — над куполами.
Там — про наши дела
Пальцем пишет — Судьба.

Пишет — ровно плугом пашет:
Не до грамоты ей нашей!
Берегись, народ крещеный:
Пишет прописью саженной!
В облаках — промеж звезд —
Чуть зажглось — уж сбылось.

Под престолами — подвалы,
Над престолами — обломы
Облаков багровых, грозных
С красной молнией и с громом.
Сверху — страсть, снизу — смрад...
А еще царей винят!

Веселись, пока веселый!
Над *подвалами* — престолы.
Как нашлет Бог грозу,
Был вверху, стал внизу.

На́д подвалами — престолы,
По́д подвалами — погосты,
С черной костью нашей рабской,
С мертвой плотью нашей скотской.
Сверху — страсть, снизу — смрад...
А еще рабов винят!

Веселись, лик бледный, впалый!
Под *престолами* — подвалы!

Не пропеть петуху —
Был внизу, стал вверху.

— Кто ж всё царствьице мое разнес в труху?

— А ты кто? — Царь.
— Какой ты Царь!
Нет, — ты не Царь, скажи:
Комарь.

Кровосос ты, ишь, раздулся с нашей кровушки!
Где крестьянские все наши телочки-коровушки?

Царь, залечивай
Раны-немощи!
Есть нам нечего,
Пить нам не на што!
Свиньям месиво —
Вот обед наш весь!
Гниль да с плесенью —
Вот и век наш весь!

Гниль да плесень да горящая солома!
— Кто пустил вас, черти-дьяволы, в хоромы?

— А мы сами пришли!
Одолели вши.
Всё нутро-кишки
Проскребли жмыхи.

Чтоб спознался Царь крестьянский с нашим горем —
Мы царю-то Комару-то — брюхо вспорем!

— Что вы, дурни, Царю брюхо пороть?
У Царя-то, чай, священная плоть!
Али к Божьему закону тупы?
— Всё по рощицам твои, Царь, попы!

— Ошалели, сволочь, черная кость!
— Кость-то белую твою с мясом врозь
Разведем — тогда смекнешь, старина:
Кость-то разная, а кровь-то — одна!

— Эй, дворянчики мои, грибы-груздочки!
Столбы верные, примерные столбочки!
Что ж вы нынче на помин не легки?
— Все́ без шапочки твои, Царь, грибки!

За престол за твой по красным по стогнам
Место лобное свели — с местом лобным.
«Не трудись,— кричат,— собачьи кишки!
Только выше мы еще — без башки!»

— Миткаль-бисер-леденцы-пух гусиный;
Выручай меня хоть ты, Двор Гостиный!
Аль в груди, как на лотке,— одна гниль?
— От купцов твоих, Кумач,— одна быль!

Там, где розаны цветут и на святки
В том краю теперь разбили палатки!
Пропадать с тобой небось — не глупцы!
Всё водой твои махнули купцы!

— Эй, навозенные мухи,
Псы-антихристы!
Вызволяй, свиное ухо,
Царя — хитростью!

— Все́ макать пошли — да в нашу солонку!
Все на нашу перешли на сторонку!

— Ой, Боже, да кто ж вы?
— А мы — бездорожье,
Дубленая кожа,
Дрянцо, бессапожье,
Ощебья, отребья,
Бессолье, бесхлебье,
Рвань, ягоды волчьи,—
Да так себе — сволочь!

— Как не пропиты мои, значит, дрожки,—
Всем сафьянцу привезу на сапожки!

— Сафьян нам негоже:
Твоя нужна кожа.

— Пощадите мою спинку, голубчики!
Всем овчинки привезу на тулупчики!
— Нет, Царь, не до шуб!
Тебя под тулуп.

Чай, веками нас валили под рогожу-то!
— Ой, да что ж это, да что ж это, да что ж это?!.

— Смеялся — плачь!
— Грозился — трусь!
Да, Царь-Кумач,
Мы — Красная Русь!

Твоя мамка мы, кормилка никудашная,
Русь кулашная — калашная — кумашная!

Ша-баш!

Москва, 14 июля — 17 сентября 1920

НА КРАСНОМ КОНЕ

Не Муза, не Муза
Над бедною люлькой
Мне пела, за ручку водила.
Но Муза холодные руки мне грела,
Горячие веки студила.
Вихор ото лба отводила — не Муза,
В большие поля уводила — не Муза.

Не Муза, не черные косы, не бусы,
Не басни,— всего два крыла светлорусых —
Коротких — над бровью крылатой.
Стан в латах.
Султан.

К устам не клонился,
На сон не крестил.
О сломанной кукле
Со мной не грустил.
Всех птиц моих — на свободу
Пускал — и потом — не жалея шпор,
На красном коне — промеж синих гор
Гремящего ледохода!

Пожарные! — Широкий крик!
Как зарево широкий — крик!
Пожарные! — Душа горит!
Не наш ли дом горит?!

Споло́шный колокол гремит,
Качай-раскачивай язык,
Споло́шный колокол! — Велик
Пожар! — Душа горит!

Пляша от страшной красоты,
На красных факелов жгуты
Рукоплещу — кричу — свищу —
Рычу — искры мечу.

Кто вынес? — Кто сквозь гром и чад
Орлом восхи́тил? — Не очнусь!
Рубашка — длинная — до пят
На мне — и нитка бус.

Вой пламени, стекольный лязг...
У каждого — заместо глаз —
Два зарева! — Полет перин!
Горим! Горим! Горим!

Трещи, тысячелетний ларь!
Пылай, накопленная кладь!
Мой дом — над всеми государь,
Мне нечего желать.

— Пожарные! — Крепчай, Петух!
Грянь в раззолоченные лбы!
Чтобы пожар не тух, не тух!
Чтоб рухнули столбы!

Что̀ это — вдруг — рухнуло — вдруг?
Это не столб — рухнул!
Бешеный всплеск маленьких рук
В небо — и крик: — Кукла!

Кто это — вслед — скоком гоня
Взор мне метнул — властный?
Кто это — вслед — скоком с коня
Красного — в дом — красный?!

Крик — и перекричавший всех
Крик.— Громовой удар.
Вздымая куклу, как доспех,
Встает, как сам Пожар.

Как Царь меж огненных зыбей
Встает, сдвигает бровь.
— Я спас ее тебе,— разбей!
Освободи Любовь!

Что̀ это вдруг — рухнуло? — Нет,
Это не мир — рухнул!
То две руки — конному — вслед
Девочка — без — куклы.

Февраль. Кривые дороги.
В полях — метель.
Метет большие дороги
Ветро́в — артель.

То вскачь по хребтам наклонным,
То снова круть.
За красным, за красным конным
Всё тот же путь.

То — вот он! рукой достанешь!
Как дразнит: Тронь!
Безумные руки тянешь,
И снегом — конь.

Султан ли — в глазах — косматый,
Аль так — ветла?
Эй, рук не складайте, сваты!
Мети, ветра!

Мети, громозди пороги —
Превыше скал,
Чтоб конь его крутоногий
Как вкопан — стал.

И внемлют ветра — и стоном
В ответ на стон.
Торопится красным гоном
Мой конный сон.

Косматых воскрылий взлеты,
Аль так — ветла?
Вздымайте, вздымайте метлы!
Держись, ветра!

А что ж это там за глыба
Всплывает — там?
Как будто бы вьюгой вздыблен
Стоглавый храм.

Конец и венец погоне!
Уж в лоб, треща,
Мне пламень подков, в ладони —
Уж край плаща!

На помощь, с мечом и громом,
Всех воинств Царь! —
Но прядает конь — и громом
Взгремел в алтарь!

Стремлю, а за мною — сворой
Вся рать ветров.
Еще не остыл — по хорам —
Раскат подков.

Как рокот Сорокоуста,
Метель взмелась:
Престол опрокинут! — Пусто!
Как в землю сгас!

Стоните, стоните, стены!
Метель, ярись!
Померкло от конской пены
Сиянье риз.

Шатается купол.— Рухай,
Сонм сил и слав!
И рухает тело — руки
Крестом распяв.

Огромною битвой радуг —
Разлет лампад.
— Прими меня, чист и сладок,
За сны — распят.

Ревнивая длань — твой праздник!
Прими огонь!
Но что — с высоты — за всадник,
И что за конь?

Доспехи на нем — как солнце...
— Полет крутой —
И прямо на грудь мне — конской
Встает пятой.

Гром первый по черепу — или лом
По черепу?! — Люди! Люди!
В сухую подушку вгрызаясь лбом,
Впервые сказать: Не любит!

Не любит! — Не надо мне женских кос!
Не любит! — Не надо мне красных бус!
Не любит! — Так я на коня вздымусь!
Не любит! — Вздымусь — до неба!

О дух моих дедов, взыграй с цепи!
Шатай вековые сосны!
О дух моих дедов — Эол! — трепи
Мои золотые космы!

На белом коне впереди полков
Вперед под серебряный гром подков!
Посмотрим, посмотрим — в бою каков
Гордец на коне на красном!

Разломано небо! — Благой знак:
Заря кровянит шлем мой!
Солдаты! До неба — один шаг:
Законом зерна — в землю!

Вперед — через ров! — Сорвались? — Ряд
Другой — через ров! — Сорвались? — Вновь
Другой — через ров! — На снегу лат
Не знаю: заря? кровь?

Солдаты! Какого врага — бьем?
В груди холодок — жгуч.
И входит, и входит стальным копьем
Под левую грудь — луч.

И шепот: Такой я тебя желал!
И рокот: Такой я тебя избрал,
Дитя моей страсти — сестра — брат —
Невеста во льду — лат!

Моя и ничья — до конца лет.
Я, руки воздев: Свет!
— Пребудешь? Не будешь ничья,— нет?
Я, рану зажав: нет.

Не Муза, не Муза,— не бренные узы
Родства,— не твои путы,
О Дружба! — Не женской рукой,— лютой
Затянут на мне —
Узел.

Сей страшен союз.— В черноте рва
Лежу — а Восход светел.
О кто невесомых моих два
Крыла за плечом —
Взвесил?

Немой соглядатай
Живых бурь —
Лежу — и слежу
Тени.

Доколе меня
Не умчит в лазурь
На красном коне —
Мой Гений!

13—17 января 1921

МОЛОДЕЦ

Сказка

Борису Пастернаку —

«за игру за твою великую,
за утехи твои за нежные...»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

МОЛОДЕЦ

Синь да сгинь — край села,
Рухнул дуб, трость цела.
У вдовы у той у трудной
Дочь Маруся весела.

Как пойдет с коромыслом —
Церкви в звон, парни в спор.
Дочь Маруся румяниста —
Самой Троице раззор!

Отпусти-ка меня, мать,
С подружками погулять,
Ленку тонкого попрясть,
Здоровьица порастрясть.

Заспалась уж очень-то
Под камнем — руда!
— Гуляй, гуляй, доченька,
Пока молода!

Бегут русы,
Бегут круты,
Шелком скрученные —
Эх!
Моя — круче,
Твоя — круче,
У Маруси — круче всех!

Ходи шибче,
Ходи выше,
Медом сыщенная —
Эх!
Моя — выше,
Твоя — выше,
У Маруси — выше всех!

Наше счастье —
Ткати, прясти,
Ладком-в складчину-да в гладь!
— Ходи чаще! —
Двери настежь:
— Добро-здравствовать-гулять!

То ль не зга,
То ль не жгонь,
То ль не мо̀лодец-огонь!

То ль не зарь,
То ль не взлом,
То ль не жар-костер — да в дом!

На круг поклон,
Кошель на стол,
Из кошеля — казна ручьем, дождем:
— Хватай в подол!

За сладким-за крепким
Беги, малолетство!
Сокола, на спевку!
Гуляй, красны девки!

Стакан с краем налит,
Кумач жаром горит,
Каждый сам головит,
Народ валом валит.

Горят, ярки,
Горят, жарки,

Жаром бархачены —
Эх!
Мои — жарче,
Твои — жарче,
У Маруси — жарче всех!

Стучат, громки,
Гремят, звонки,
Неуёмчивые —
Эх!
Мое — громче,
Твое — громче,
У Маруси — громче всех!

Вытирайте, Любки,
Малиновы губки!
Волынь, за погудку!
Сокóл, по голубку!

С которой из нас вперед
Чужой мóлодец пойдет?
Котору из нас вперед
Сокóл — за руку возьмет?

За той потянуся,
Что меж русых — руса,
Вкруг той обовьюся,
Что меж Люб — Маруся!

Пляши, Маша,
Пляши, Глаша,
Да по-нашенскому —
Эх!
Моя — краше,
Твоя — краше,
А у гостя — краше всех!

Дрожи, доски!
Ходи, трёски!
Покоробиться вам нонь!

Под тем — доски,
Под тем — доски,
А под мòлодцем — огонь!

Огонь там-огонь здесь,
Огонь сам-огонь весь!

Руки врозь,
Ходом скор,
Вкруг березыньки — костер.

Грива — вкось,
Дыхом — яр,
Вкруг часовенки — пожар!

Прядает, прыщет,
При́топот, присвист,
Пышечка! — Пищи!
Пришепот, прищелк.

Ой да што ж!
Ой да где ж!
Уж и силушки в обрез!

Ой да што ж!
Ой да где ж!
Лучше жилочки подрежь!

Пляши, пряха,
Пляши, птаха,
Растят-взращивают — ан:

Кому — заступ,
Кому — ястреб,
Кому — мо̀лодец незнам.

Неслежён, неслыхан —
Дыхом, дыхом, дыхом!

Не добром — так лихом!
Вихрем, вихрем, вихрем!

Тваво золотца — пуды,
И мне, мо̀лодцу, ссуди!

Твой малиновый налив —
Ссуди, девка, поделись!

Ты — сок
Ты — лист,
Я — нож румяни́ст!

Едок по заслугам!
Кругом, кругом, кругом!

Не добром — так худом!
Кругом, кругом, кругом!

Твоя кожа шелковая —
Потому прищелкиваю.

Твоя сладость спрятанная —
Потому приглатываю.

Близь — в близь,
Сердь — в сердь,
На — жызть,
На —

Ай, Маруся!
Коса руса!
Урожайные хлеба!

Что шатнулась,
Всколыбнулась,
Аль на ноженьки слаба?

От ореховой скорлупки
Весь изъян.
Не пора ли нам, голубки,
По домам?

(Уж как я сваво безусова
Да в рот!)
— Проводи меня, Маруся,
До ворот!

Уж ты кось-околица,
Калитка косящата.
— Небось, пням не молимся:
У купца в приказчиках.

Чай, не задаром:
Звону — хоть брось!
Красным товаром
Тоже, небось!

Наши баньки топлены,
Наши кони — скореньки.
А село — на што тебе?
Небось — с колоколенкой.

Сердь моя руса,
Спелая рожь —
Сердце, Маруся,
Замуж пойдешь?

2

ЛЕСЕНКА

Пляши, мати,
Коль не лень!
У нас в хате
Велик-день.

Меня, ветку,
Алый плод,
Сокòл в женушки берет!

— А сказал тебе отколь?
— Глаза-волосы как смоль!

— А сказал тебе из чьих?
— Одно сердце — на двоих!

— Твои сласти — срочные,
Твое сердце — слепенько.
Накинь ему, доченька,
На пуговку — петельку.

Мое слово верное,
Мое сердце зрячее.
Иди, сердце сдерживай,
Клубок разворачивай.

Уж и жар!
Уж и пляс!
На три Волги расплелась!

Уж и спех!
Уж и дых!
Одно сердце — на двоих!

— Уж ты яблочко-некусанное-плод!
Проводи меня, Маруся,
До ворот.

Прощай, пташечка,
Моя вспу́гнута!

(Она петельку —
Да на пуговку.)

Сон несбытошный,
До свиданьица!
(А уж ниточка
Селом тянется.)

По канавам,
По заборам
— Месяц справа —
Мимо бревен
По амбарам,
Мимо ставен
По колдобинам-
Канавам,
Ходом дробленным,
Дозором,
Ворома-крадом.
Не споткнися,
Ниточка моя, не рвися,
Новик, не закатывайся,
Клубочек, разматывайся!

По оврагам,
По задворкам,
Смётом здравым,
Оком зорким,
По лазуркам-
Закоулкам,
Вздохом спертым,
Сердцем гулким —
Дружок, не спохватывайся!
Клубочек, разматывайся!

Через дичь-лебеду
Я ль на поводе веду?

Через дичь-лебеду
Я ль на поводе — иду?

Сердце — слева,
Месяц — справа,
Мимо царского
Кружала,

Мимо рыбна
Мимо ряда
Вкруг церковныя ограды
Ко главному входу:
Врата на запоре.

Ни души, ни вздоху.
Глянь: лесенка сбоку.

Шмыжком, с осторожкой
По лесенке — кошкой:

Стоит наш знакомец-то,
Грызет упо —

Ох, Маруся! Кровь всполо́хнутая-страх!
Да как охнет тут, как грохнет тут — да как

Через площадь
— Месяц слева —
Мимо Божья
Мимо гнева,
По канавам
— Жилы гудом —
Сердце справа,
Сердце всюду,
По колдобинам-
Ухабам
Валом-варом.
Уж и хват
Суженый! — Взгляни-ка взад,
Привыкай к своим хоромам:
Вдогон церковь с вором, с гробом,
С Богом, с громом!

Через пень-колоду — топом,
Через темь-болото — следом,
Табуном-летит-потопом,
Чугуном-гремит-железом,

Через пень-кол топает,
Воро̀тами хлопает.

Гони, робь,
Вперед лбом:
Мертвец с гробом за горбом!

Мо — лись
Покрову!
Мертвец с гробом на горбу!

И —
Дом.

— Чего, дочка, видела?
Чего, дочка, слышала?
Каков дом у милого?
— С крестовою крышею.

— Чего ж, дочка, бледная?
Чего ж, дочка, потная?
— Деревня-то — эвона!
Через пень-кол топала!

— Пирком да за свадебку!
— Платочком помашете!
— Чего ж, дочка, плачешь-то?
— Да с радости, матушка.

3

В ВОРОТАХ

То над зоренькою мать
Над сокровищем:
— Слезой корку поливать
Дело вдовичье!

Вплетай, золотце,
Базар в волоса!
Небось мòлодец-пожар
Заждался!

Телом льстив,
Взором дик:
— Чего в очи не глядишь?

(В висках — стук,
В жилах — дрожь.)
— Чего ближе не идешь?
Уж ты кровь моя-нарушенная-робь,
Проводи меня, Маруся, до ворот!

Девки вьюном крутятся,
Стрекочут, потворствуют.
А Маруся тупится,
Не хочет, упорствует.

— Душа твоя дикая!
Гордыня двуперстная! —
Стыдят, перстом тыкают.
Грохочут, усердствуют.

— Аль укусит
Дружок?
(Уж Маруся — шажок.)

— Аль удушит
Жених?
(Уж Маруся — от них.)

Не пошла б, каб не страх.
Шаг да шаг — в воротах.

— Пиши, девка, на́бело:
На лесенку лазила?

Пыхтит, глаза — стеклами:
— Приступочкой грохала?

(Глаза вски—ды—вает):[1]
— Была-видела? — Нет.

— Ну так знай, сестра
(Сам белей холста,

Сопит, ворот рвет).
Завтра брат помрет.

Зуб о заступ —
Лязг.
Как сказал —
Так сгас.

А уж мать с мосточку-то:
— Как любились-сватались?

[1] Относится к Марусе. *(Прим. М. Цветаевой.)*

Чем угощал-потчевал?
— Загадками, страхами.

— Чего, дочка, хмуришься?
Темна твоя исповедь.
— На крестовой улице
Дом обещал выстроить.

— Кончать бы, как начато!
— Попляшешь, просватамши!
— Чего ж, дочка, плачешь-то?
— Да с радости, матушка!

Спит двор, спит и дом,
Спит дым над бугром,
Спит пес, спит и гусь:
— Марусь, а Марусь!

Спасай мою жызть!
Сестрица, проснись!

Спит царь, спит и вор.
Встань, встань на дозор!
Зол, страшен и гол.
Осиновый кол,

Сестрица, готовь!
Спасай мою кровь!

Ползком — через шлях,
Стойком — в воротах,
Калиткою — скрип...
— Сестрица, погиб!

Лют брачный твой пир,
Жених твой у —

Привстать хочет:
Плеча — пудом.
— Вставай, дочка!
Братцу худо!

— Пчелой сушит!
Червем точит!
— Вставай, душу
Отдать хочет!

Тут как вскочит:
— Кровь! Кровь в доме!
— Молись, дочка:
Братец помер.

Лежит братец, белки прячет
Под синими веками.

Обмыт братец, одет братец,
Мать к попу поехала.

Неплохой тебе сестрою
Была: штаны пла̀таны.
Куды кинусь? куды скроюсь?
Все горлышко — пятнами!

Попы ладаном оденут,
Кадилами встречными.
Куды кинусь? куды денусь?
Ведь три — твоих свечечки!

Есть кто? — Чу!
Задуло свечу.

Отзо—вись!
Две разом сдались
И:
С хрипом-с криком через пень-кол-колен.

4

ВТОРЫЕ ВОРОТА

Как на страшный на суд
Ноги сами несут.

Тишь и темень везде.
Свет — в последней избе.

И — косяк-то знаком! —
Прямо в пляску — снопом.

Разом пляс стал:
Вздох, стон, причет.
Рукой застят,
Водой прыщут.

Жужжат, жмутся
Гурьбой, сбродом.

Чужой тут же,
Стоит одаль.

— Ну-кось, девки,—
Шагнул к телу.
Глядит.— Очи взвела.— Села.

Встает, ровно в дрёме
Тяжкой, неведомой.
— Брат у меня помер.
— Бедная! Бедная!

Серая ты верба! —
Люлькают, пестуют.
И мòлодец первый:
— Царство небесное!

Уж ты рожь моя-нерушенная-мед,
Проводи меня, Маруся, до ворот!

Ветер да ивы.
Тихий, не дерзкий.
Голосом льстивым:
— Выслушай, сердце!

В кротости просим!
Милости райской!
Встану с допросом —
Не отпирайся!

Брось свою хитрость!
— Сердце, клянусь:
Прахом рассыплюсь,
Ввек не вернусь!

(Рученьки сжаты,
Ноженьки ноют.)
Нашего брата
Правдою кроют!

До сердцевины,
Сердь моя, болен!
Знай, что невинен,
Знай, что неволен!

Сам тебе в ручки,
Сердце, даюсь!

Крест мне и ключ мне:
Век не вернусь!

Лют твой сударик!
Лют твой румяный!
Полночь как вдарит,
Волком как гляну —

«Знаю мол чья мол
Кровь в твоих жилах!»
Все мне до самой
Капли и выложь —

И разорвется
Весь наш союз.
Ветром в воротцы —
Век не вернусь!

Не одну твою жызть
В руках, сердце, держу:
Вчера брата загрыз,
Нынче мать загры —

Раз,
Другой
С колокольни — бой.

Раз за разом
Дробясь
До двенадцати раз.

Над душой дыша:
— Скажи, следом шла?

Дрожат, вплоть сошлись,
— Мою знаешь жызть?

Глаза вски—ды—вает.
— Была-видела? — Нет.

— Ну так знай, слепа,
(Руку снял с плеча,

Пыхтит, землю бьет)
— Нынче мать помрет.

Зуб о заступ —
Лязг.

Как сказал —
Так сгас.

А навстречу, с ветром-то:
— Спеши, моя странница!
Псалтирь читать некому!
— Никак не расстанемся!

Чтоб каждый твой помысел
Сбылся, моя звездочка!
— Три дня как знакомы с ним:
Второй дом возводит уж!

— Щедровит уж очень-то!
— Землицы достаточно!
— Возьмешь к себе, доченька?
— Сама приду, матушка!

Дол—га ноч—ка,
Долга ночка скушная!
— Доч—ка! Доч—ка!
Собаки — все спущены?

Аль шажочка
Не ступишь для матери?
Доч—ка! Доч—ка!
Врата крепко заперты?

Ды—ши ти—ше!
Привадишь — грех нá душу!
— Сплю-не слышу,
Сплю-не слышу, матушка!

Дол—га ночка,
Долга ночка страдная.
Доч—ка! Доч—ка!
К знахарке за снадобьем!

Кол да кочка
Земным моим помыслам!
Доч—ка! Доч—ка!
Кто в воротá ломится?

Не свой! Пришлый!
Железная хваточка!

— Сплю-не слышу,
Сплю-не слышу, матушка!

Дол—га ночка,
Долга ночка судная.
— Доч — ка! Доч — ка!
Прощай! Мною сгублена!

В оди—ночку
Помру, спеши, ро́дная!
Доч — ка! Доч — ка!
Прощай! Тобой продана!

Сопит, пышет!
Спеши! — Силком-натиском!
— Сплю-не слышу,
Сплю-не слышу, ма —

Лежит матушка недвижная,
В снега саванные выряжена:
Важная.
Книжная.

Глаза — чаши непочатые —
Пятаками припечатаны:
Вдавлены.
Спрятаны.

Для того, глаза, прикрыты вы,
Чтобы дочку не выпытывали:
Тайную.
Скрытную.

Чтобы, коршуны над падалью,
К себе дочку не выглядывали:
В саваны
В ладаны.

И не надо нам тех страхов пытать.
Ан и на пол — пятак.

И не надо нам в ту хату — ногой.
Ан и на пол — другой.

Знать, не сыт
Гнев твой — посмерть.
Правым спит,
Левым смотрит.

5

ПОД ПОРОГОМ

Уж плясано, плясано!
Уж топано, топано!
Все головы — масляные,
Красные, потные.

Платочками-всплёсками,
Прижимками-шашнями.
Один только вдовствует:
Рубаха кумашная.

Ан и настежь — дверочка:
Мороженый дых.
Да голосом обморочным:
— Здравствуй, жених!

Поклон долог,
Оскал страшен.
— Мать под полог
Ушла,— всспляшем!

Девки разом
В разгон — с плачем.
— Одним глазом
Глядит,— всспляшем!

Красна свадьба!
Чего краше!
Дочка мать продала,—
Вспля —

То не плат белый вьется —
Душа с телом расстается.

— Очнись! — Не хочу!
Пляша душу испущу!

— Беги, девка, из хаты!
Спасай душу! — Тваму брату

И так хороша!
На кой мне душа!

Не пожар тушу,
Свою смерть пляшу —
С гикотом! с топотом!

Головней пышу!
Головой к плечу:
Шепотом, шепотом!

Оттого что клад
Закопали в тай:
Жемчугом! Золотцем!

Оттого что ад
Мне кромешный — рай:
С мóлодцем! С мóлодцем!

Не метель — клочья крутит:
Девка с молодцем шутит.

Не пожар — стеклы бьет:
Парень к девице льнет.

Невестынька!
Стряхни мечту!
Гони версту!
Беги к попу!

Что ведаешь —
Всё выложь в раз!
Вскачь, девонька!
Последний час!

Не хочу твоей раны!
— Ад с тобой — сад румяный!

— Не хочу твоей пены!
— Смерть с тобой — жемчуг ценный!

Не избыть такой нежбы!
Выплясали из избы.

Лесной стравы опилась!
Двор переплывают в пляс.

Ты мне князь! Ты мне храм!
Пляшут, пляшут к воротáм.

— Отступись! — Лют жар! — Всю выжму!
Пуще жизни! — Пуще жизни!

— Дождалась! — Конец! — Всё стерпишь?
Пуще смерти! — Пуще смерти!

И нá голову — в самый спор
Литого олова топор

По темени: в последний пляс
Земного времени приказ

— и —

— Крестом да кадилом
Говори — ходила?

На тайное дело
Говори — глядела?

Глаза вски—ды—вает.
— Была-видела? — Нет.

Ну так знай, стойка
(А из глаз — тоска

В три ручья да сплошь!),
Нынче в ночь помрешь.

Зуб о заступ —
Лязг.
Как сказал —
Так сгас.

Лежит девица
Как в церкву убранная.
Ровно деревце
В цветенье — срубленное.

В три полотнища
Простерлась, в строгостях.
Да нейдет еще
Душа из ребрышек.

Сон-не сон, лежит,
Да плоть-не плоть, лежит,
Ни кость-ни вздох, лежит,
Да ждет-пождет, лежит.

По жилам — уныивная
Жаль, ровно дудочка.
Все такое дивное,
Чудное чудится.

Ровно не на лавочке
Лежит: в цветах-в шелестах.
Ровно не жила еще:
Дед с бабкой не спелися!

Под горькой осиною,
С ручьями, с пчелами.
Все цветочки синие,
Она — что полымя!

Под горькой осиною,
Где странник путь держал.
Все цветочки синие,
Она — что уголь-жар.

За той потянуся,
Что меж русых — руса,
Вкруг той обовьются,
Что меж Люб —

— Сплю, не трожь!
— Жжем-не ждем!
Вкруг роскошества —
Шмелем.

— Час да наш,
Ад мой ал!
К самой чашечке
Припал.

— Конец твоим рудам!
Гудом, гудом, гудом!

— Конец твоим алым!
Жалом, жалом, жалом!

— Ай — жаль?
— Злей — жаль!
С дном пей!
Ай, шмель!

Во — весь
Свой — хмель
Пей, шмель!
Ай, шмель!

— Смекай, румяниста,
Всех кровинок — триста.

Держи, бережлива,
Одну на разживу:

Чтоб той реченькой да вспять
Было нам с чего начать.

Замок да печать.

Свежей прежнего да встать —
Нельзя помнить, велю спать.

ЗАМОК ДА ПЕЧАТЬ

Чтоб и в самом сонном
Сне тебя не вспомнил,
Велю: цвети скромно.

Чтоб за самим князем
Встрев — тебя не сглазил,
Велю: гляди на́-земь.

Наших встреч — счетом пять:
Зерном лечь, цветком встать.

Цветок красен, листок зелен,
Дай тебя уколыбелю
На всю вечность-неделю.

Чтобы ноженьками в двери
Проносить тебя не смели,
Панихиды не пели.

Чтобы с дедами-с отцами
Под крестом тебе не стлали,
Вверху камня не клали.

Раз да раз — пять разов:
Перед Богом — пять годов.

Твоих бед — пять возов:
Без обедни — пять годов.

В царстве небесном
Девки — все русы!
Спишь ли, невеста?
Спишь ли, Маруся?

В царстве небесном
Овцы — все целы!
Спи, моя белая!
Больно не сделаю!

Нагадали тебе девки перемену:
Побелела моя радость, побелела.

Наплясали тебе девки покрывало,
Отпылала моя радость, отпылала.

Зубки — что скалишь?
Аль уж вдовца
Праздную? — Аль уж
Кровушка вся?

Над вздóшным над склоном —
Звоном, звоном, звоном!

Над сердцем над впалым —
Жалом, жалом, жалом —

Ай, в самую сердь!
Прощай, моя —

То не бусинки
Вокруг жемчужинки:
Над Марусенькой
Толпой — подруженьки.

Тяжело, небось!
(Небось, со всякой ведь...)
Таку молодость
Стоять-оплакивать.

Росла, правильная,
Цвела, пламенная.
Зачем спаивали?
Зачем сманивали?

Мести б тебе гладенько,
Цвести б за князенькой.
Хошь для ради празднику
Раскройтесь, глазыньки!

В платочке голубеньком,
Дарила б рубликом...

Раскрой, девка, губоньки,
Скажись, голубонька!

Не считавши
До трех
Из-под савана — вздох.

На всех разом
Да в ряд
Из-под савана — взгляд:

«Как я грешница великая пред Богом —
Проносите меня, девки, под порогом.

Как я с нежитью и в смерти неразрывна —
Хороните меня, девки, на развилье:

В снегах, без креста».
Сказав — отошла.

Греши с Богом!
Земля скроет!
Под порогом
Яму роют.

Прощай! Трогай,
Сустав-хрящик!
Под порогом
Тело тащат.

Как из хаты той безглазой
Выносили троих разом:
Двоих — правильной дорогой,
А Марусю — под порогом.

Как на отдых тот на грозный
Проносили троих — розно:

Двоих — в садик во крестовый,
А Марусю — во просторы

В те простор — ны — и.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

БАРИН

— Эй, звоночки, звончей вдарим!
Наша новая дуга!
Молод барин, холост барин,
Стар у барина слуга.

— Эй, дружочки, скорей будем!
Да на все наши снега!
Буен барин, бубен-барин!
Хмур у барина слуга.

Эй, кони мои —
Вы сони мои
Нахлёстанныи —
Эй, вёрсты мои!

Верста слева, верста справа,
Верста в брови, верста в тыл.
Тому песня, тому слава,
Кто дорогу породил.

Уж не Сидор я, не Павел,
В плечах — удаль, в ушах — гул.
...В глазах — столб рябой поставил,
В снегах — вёрсту протянул.

Эй вы кони мои
Сони мои
Собственныи!
Нахлёстанныи!
Эй, версты мои!

Втору сотню загребаем,
Пляши, сбруя, гуляй, кнут!
— Глянь-кось, барин, встань-кось, барин,
Чем снегá-белы цветут!

Где вёрсты сошлись
(Все — врозь, одна ввысь),—
Цвет, цвет румянист
Горит, уголь-чист!

(Нов у барина глазок,
Скок у барина легóк!)

Перстами защелкал:
— Ай, сдую! Ай, сдерну!
— А ты его с толком!
А ты его с корнем!

В ладошки заплёскал:
— Ай, знатный! Ай, важный!
— Смотри, барин, слёз бы
С красой — да не нажил.

(Млад у барина зубок,
Нрав у барина резòв.)

В сугроб — по колено,
Меха — нараспашку.
(Коль красен, так мне мол,—
Грехи наши тяжки!)

Торопится, взором
Ест, горячится.
— Ну как, барин, скоро ль?
Место нечисто!

Обдувает, стряхивает
Снег с листа.
Сел, в полу запахивает.
— Гей, верста!

2

МРАМОРА

Что за свет такой в снегах
О двенадцати столбах?
Сугроб-белая гора,
Пра́дедовы мрамора.

По той лестнице — да ввысь,
Взглянуть — ноги отнялись!
Сверкнула — и канула
Стремниною каменной.

Отрешись — хоть раз испей
Мраморных оторопей!
Взглянешь — и вбросятся
Мороком, пропастью.

Впрочем — Богу ли соврем? —
Столб как столб и дом как дом:
С башнями, с банями:
Нашего барина.

Что ж барин? Бражничает?
Буйствует? Шпажничает?
Жизнью небрежничает,
С цветиком нежничает.

Цвет мой-найденыш,
Жар мой в ладонях,
Князь мой-затворник,
Красный поддонник.

Как ударит в барабан
Красный мрак по мраморáм,

Как взыграет, аргамак,
Красный мрак во мраморах —

Да по притолкам — в дымá,
Да по тутолкам — в чаны...
И не надо мне вина!
И не надо мне жены!

Ой ли?

Младость в ладонки
Плещет с веселья,
Старость в сторонке
Стелет постелю.

Стелет — без складок,
Канет — без дна...
Старость на младость
Очи взвела.

Встала — да во мрак,
Встала — да вперясь:
— Я у тебя раб,
Ты у меня князь.

В энтих мраморах...
(К уху наклонясь:)
Стар у тебя раб...
Нежить завелась.

Так что — безо лжи —
Виду не кажи,
Взору не межи,
В зоркости лежи.

Не ветер в горах
Седины отряс.
Гудит в мраморах
Двенадцатый час.

Высок, одинок
Грядет государь.
(Считай, баринок:
Четвертый удар!)

Час — тысячегруд,
Час — тысячеуст.
Все мо̀роки дружб,
Все промахи чувств —

Всё выворотил
И выбросил — вал.
(Эй, выше держи!
Девятый упал!)

Девятый удар,
Десятый размах.
Грядет государь,
Грядет в мраморах.

В бахро̀мах — заглох
И — громом вдоль зал —
Высокий как вздох
Двенадцатый вал.

Да с двенадцатым, с последним — в самый бой
Как встряхнется-встрепенется зелень-зной.

Да с двенадцатым, с последним — в самый вал
Как сорвется-оторвется пламень ал.

(Барин как взарится!)
На́земь как свеется!
Да как ударится
Красною девицей!
Красное приданое,
Щечки бесчувственные.

Стан запрокидывает,
Ручки выхрустывает.

Грудками взыгрывает,
Деснами взблёстывает,
Полными пригоршнями
Дрёму расплёскивает.

Взблёстами! — Искрами!
Бровки-то — в две версты!
Ай да поистину
Красная девица!

Бочком вправо,
Бочком влево.
Плывет павой,
Барин — следом.

В ногах — навык:
Чертог — ведом.
Берет вправо.
Барин — следом.

Громки мраморные плиты,
А ее шаги — как смыты.

Звонки мраморные стены,
А ее шаги — как в пену.

Луна в небе — бела.
Плывет,— влево взяла.

Плывет — хлебом,
Плывет — медом.
Барин — следом:
Как запродан.

Метет змеем,
Метет русым.
Как приклеен,
Как прикручен.

Хитры девицыны плутни!
(Глядит:) занавес лоскутный.

Легка девицына свита.
Посередке — стол накрытый.

Не сробевши вот столь —
Хвать — за хлеб да за соль!

Яства — искусные,
Вина — печатные.
Корочкой хрустнула,
Чарочкой звякнула.

Смоквы — роскошные,
Сласти — московские.
Корка искрошена,
Чарка расплёскана.

Слёзкой наслащивает,
Думкой — закусывает.
Всеми суставчиками
Скуку выхрустывает.

Как ударит из стремян
Лунный луч по хрусталям,

Как взыграет, раскалясь,
Лунный луч во хрусталях.

Да как упрется
В лик ее лепый...
— Батюшки-светы!
Очи-то — слепы!

Впалый.
Огненный.
Встала.
Вздрогнула.

Лик — как выдышан.
Ни кро-
виночки.

В лентах-в ржавостях,
В бусах-в тусклостях.
Стенкой крадется.
Ухом слушает.

Вьется, лепится
Черной немочью:
Как по лесенке —
Вверх по стеночке!

Веки суживает,
Плечи втягивает:
Ох, подслушивает!
Ох, подглядывает!

Да как взманит,
Телом прянет,—
Об земь грянет —
В пляс пошла!

В те звонки невидимые
Ты кому названиваешь?
Ты кому подмигиваешь?
Ты кого приманиваешь?

Не путем — так с вывертами!
Не за грош — так втридорога!
Усмешками призрачными
Ты кого заигрываешь?

С кем хороводишься?
Где твои званые?
Ведь никогошеньки:
Месяц да мраморы.

Месяц — взблёстками
Звяк — об стеклышки.
Чаркой — пò столу:
С милым чокнуться!

Чарка — вдребезги!
Скатерть — краскою!
Знать у девицы
Счастье — красное!

Хочу, страчу!
Хочу спрячу!
Пляшет. Плачет.
Плачет. Пляшет.

Вплавь. Вскачь.
Всё — в раз!
Пляс. Плач.
Плач. Пляс.

Парусами шелковыми
Середь пола — колоколом.

Ладошки навыворот:
Землицу раскидывает.

Ай клад?

Ноготками яростными
В половицах скрябается.

С Востока да к Западу
Ложбинку выкапывает:

Ан:

— дон!
Мòрокам приказ:
Вспять!
Вон!
Утренний закон:
Звон:
Час.

Бочком вправо,
Бочком влево.
Плывет павой.
Барин следом.

Пропал, бравый!
Пропал, бедный!
Берет вправо —
Барин следом.

Громки мраморные долы,—
А ее шаги — как в золы.

Громки ржавленые скрепы —
А ее шаги — как в пеплы...

Мимо спящих бород
Метет,— влево берет.

Глоток краткий,
Шажок срочный...
Носком — в пятку:
Как пристрочен.

Уж не раем
Метет — пёклом.
...Как припаян,
Как приклёпан.

Легки девицыны взломы!
Глядит: горенка знакома.

Хитры девицыны прятки!
Глядит: деревце да в кадке.

Лбом об землю — чок!
Да на ветку —
Скок —
Тут к ней барин! Хвать!
— «Говори как звать:

Имя, званье, род!»
Схватил-замер-ждет.

Тут — началось!
(Где и взялось?)
Пламем взмелось!
Змеем взвилось!

Вьется из рук,
Бьется из рук,
Рвется из рук,
Льется из рук.

Сгреб — не даёт.
— Брык-скок-бег-лёт —
Поводом рвет.
Парусом бьет.

Прыгом из рук,
Шибом из рук,
Кидом из рук,
Дыбом из рук.

В лоб укротил —
Полымем в тыл!
Барин — из жил,
Барин — из сил:

Широкогруд,
Жилой — упруг.
Рыбой из рук!
Рывом из рук!

Месяц — во мрак,
Куст-невелик
Сучьями — как
Крючьями в лик!

Месяц — во мрак,
Куст, распалясь,
Шипьями — как
Клычьями в глаз!

Держит (из ям —
Очи!) — вот-вот
Ввысь по ветвям
Цветом уйдет!

Держит (бугром —
Жилы!) — Ни в жызть!
Тут из бахром
Громом: «Держись!»

Лист — в берега,
Месяц — из туч,
К деве — слуга:
— «Крест-тебе-ключ!»

Как встонет тут древо!
Как вздрогнет тут дева!
Как справа-налево
Да слева-направо
Руками, ветвями...
Ослабла, размякла.
Последнее пламя,
Последняя капля
Иссякла, потухла,
Потухла, погасла.
Как пакля — как кукла —
Как лампа без масла...

Потухла,
Поникла,
Погасла.

— Откуда сквозная такая?
— Не знаю.
— Лоза привозная, я чаю?
— Не знаю.
— Какая гроза за плечами?
— Не знаю.
— Как прежде в глаза величали?
— Не знаю.

Тут как вскинет барин брови!
— Хочешь жить со мной в любови?

Жизнь? — На́! — Смерть? — Мне!
— Не зна — ю, не...

Подступает барин тише:
— Может, грех какой давнишний?

Он — дай, ты — на́...
О — на: «не зна —

ю, не помню»... Барин звоном:
— Не в княжны беру, а в жены!

Же — на од — на!
— Не — знаю... На́...

Шумком скушным тростниковым:
— Ты послушь мои три слова!

(Долго ль вместе лечь?
Не об этом речь)

Покорись девичьей бредне:
Не томи меня к обедне

Пять годов — день в день,
Пять годов — и день.

Холодна иду под полог:
Не сзывай гостей веселых,

В одиночку пей,
Не зови гостей.

А последний тебе сказ мой:
Ни одной чтоб нитки красной,
Ни клочка, ни зги!

Деревцо сожги...

3

СЫН

Текут реки, катятся,
Растут дети — старятся,
Живут баре — тратятся,
Гулять — так без скаредства!

У меня ль жена млада,
У меня ль красавица!

Не одна, чай, стерлася
Деньга блеску ярого.
Живут голубь с горлицей,
Живут барин с барыней.

У меня ль жена млада,
У меня ль сударыня!

День встает — свят поют,
Полдень бьет — в лад встают,
Вечер в лоб — сказки вьют,
Ночь в обход — нас не ждут.

Позабыл, как холост был,
За бутылкой вздорничал
Никогда чтоб голос-жив
Раскатился в горницах.

У меня ль жена строга,
У меня ль затворница!

А ведь было — жигом жег!
Нажигал без скупости!
Кумача на весь чертог
Не найдешь лоскутика.

У меня ль жена скромна,—
С такой не раскутишься!

Ходит в белом,
Судит зрело,
Хвалит скупо,
Глаза тупит.

Только шип один жесток:
Что живем без помощи!
Ни одной на весь чертог
Не найдешь иконочки.

У меня ль жена без дна:
Доставать — потонете.

Час живут — страх блюдут,
День живут — слаще льнут,

Год живут — сон без смут,
Пятый стук — сына ждут.

Ходит барин кругом,
Ходит барин возле.
Взъерошен, напуган,
Напуган, разрознен.

Укрепой-охраной
Стоит — живым тыном.
Глазком кто б не глянул,
Огня бы не кинул.

Шмыжком, да с оглядкой,
Где словом, где знаком.
Ключом кто б не звякнул,
Страды бы не запер.

(Куды и вся удаль
Девалась — невемо!)
...На тебя не дунул,
На тебя не венул.

Тягот много принято:
Ни одной не сбавлено.
И в снегах раскинута
Молодая барыня.

Снега — крепко сотканы,
Душа — краем держится.
В две руки высокие
Простирает первенца.

Стоит трезв, как пьян:
— Уж ты дар мой ждан,
Уж ты сын Богдан,—
Уж и пир задам!

Не лоза кудрявая
В свистах-в светлостях:
Молодая барыня
С сыном тешится.

Ровно реки вздулися,
Ливни — звонами...
Ровно по всем улицам
Дни прощёные!

Господи, помилуй мя!
Огнь — без угольях!
Одной ручкой — милого,
Другой — любого.

Словно конь да коновязь
Сбив — за тридевять!
Словно реки тронулись,
Горы сдвинулись!

—

Не леды расколотые
В брег упорствуют.
То соборным колоколом
Грудь отцовская.

Слезы — реками,
В сердце — ласточки!..
Эх, да некому
Тобой похвастаться!

Царем бы Давидом бы
В пляс — да с бубнами!
Сласть невиданная!
Радость трудная!

Так и падаю
С ног, как пьяница...
Эх, и задал бы
Пированьице!

—

(Сласти — шагом,
Страсти — рысью.)
Барин, барин,
Вслух не мысли!

Вести — шаром,
Гости — шастом.
Барин, барин,
Вкось не хвастай!

Шаром-жаром-
Жигом-граем...
Барин, барин, барин, барин!..

ПИРОВАНЬИЦЕ

Нынче — вдосталь, завтра снова
Всего вдоволь.
Как от жизни той медовой
Сны пудовы.

Еще дедов да прадедов
Наших навык.
Лежит барин,— отобедал,
Да и на́ бок.

Всхрапы да вздрёмы,
Свисты да звоны,
Быт наш ядрёный,
День заведённый.

Ан в храп-тот-сап:
— Встань, барин-млад,
Скидай халат!
Влезай в парад!

Тот — как: Бросьте!
— Ба — рин! Гости!

Торба — вестей!
Вставай быстрей!
Рядись пестрей!
Встречай гостей!

Сей — час тут уж!
А тот: К шутам!

— Дорого дашь,
Барин, брось блажь!
Мощь-знать покажь!
Встречать прикажь!

О — пять на́ бок!
Эх — ты: баба!

Как вскочит, брав!
Как топнет, строг!
Рукой — в рукав,
Ногой — в сапог:

Па-шел!

Не вихрь быстроног
Стойком — через ров:
Гляди баринок
С высот-мраморов:

Гля—нул: обмер!
Та-бун огнен!

Ровно граи вороные
С гнезда согнаны.
Кони-сани-возжи-гривы,—
Верста огненна!

О — гонь в пламя!
Ко — ни! Сани!

Ножёвою ссадиной,
Язвой повальною.
Передние-задние,
Ближние-дальние.

Передние — ко крыльцу,
Последние — за версту!

Верстой — не обхватишь:
Катят, катят, катят!

Стеной — не заслонишь:
Гонят, гонят, гонят!

Откуда понабраны?
Табором, табором!

Откуда поназваны?
Князевы! Князевы!

Пожаловали! — Не ждал?
Пожаром — да на пожар!

Ор—дой да в сени.
Ко—ни в пене.

Кони! Кони!
Красные попоны!
Крыльцо — стоном.
Низкие поклоны.
Плеча — трясом, тела — трёсом,
глаза — скошены:

— А мы гости расхорошие,
Непрошены.

Бобер — бором, багрец — жаром,
сапог с постуком:
— А мы гости нетаковские,
Слободские.

Хватка — резвáя!
Таска — борзая!
Царства — не знаем!
Здравствуй, хозяин!

Пыл — в мраморах,
Пар — в мраморах,
Пир — в мраморах,
Жар — в мраморах.

Один спростал —
Другой кричи!
А пуст стакан —
Под стол мечи!

У нас закон:
Стакан — под стол!
Сапог — на стол!
Гуляй, сокòл!

А простыли — скреби с мылом,
мети метлами!
А мы гости вострокрылые,
Залетные!

С которой из стран,
Сброд красен-незван?
Роман-не Роман.
Иван-не Иван.

Эх, лишь бы вино
В нутро — да не вспять,
Не все ли равно,
Кому наливать!

Гуляй, братцы!
Бросай чванство!
— А ты сам пей!
— А ты сам пей!

Напьюсь — конным
В алтарь въеду!
— А мы следом!
— А мы следом!

— Поце—луемся!

Младым — чмокать!
Седым — шамкать!
— А ты сам хват!
— А ты сам хват!

Хошь разок да всласть —
А там хоть...
— А ты сам князь!
— А ты сам князь!

— Побра — таемся!

Горячи куем червонцы!
— Поклянемся!
— Поклянемся!

Хороши дарим гостинцы!
— Покумимся!
— Покумимся!

В отцы крёстные
К тебе посланы!
Домок собственный:
«Ищи по́ снегу!»

Брось страхи,
Брось думы!
Мы — кумы, мы — кумы!

С дороги — да с вестью:
Где ж крестник? Где ж крестник?

Шест — вьице затевай!
Крест — ника подавай!

Вино — лужей.
Спиной — ужас.
Гости: Ну же!
Барин: Ну вас!

Власы — тыном,
Мозги — смутой.

Гости: Сына!
Барин: К шу́там!

Тут как вспышут
Гости — красным:
— Даром хвастал!
— Даром хвастал!

Тут как взмашут
Гости — рдяным:
— Не Богдан он:
Чёртом — дан он!

Один: с горбом!
Другой: урод!
— Клянусь, что хром!
— Ей-ей, двурог!

Один: соплив!
Другой: безнос!
— Клянусь, что крив!
— Клянусь, что кос!

— Бьюсь об заклад
(Один:) клыкаст!
Другой: сохат!
Третёй: без глаз!

— Ах — так?!

— Правильно, кумовья!
(Вдребезги — сулея!)

— Правильно, сатаны́!
(Вдребезги — стаканы́!)

— Так горбач он?
Гей, седины!
Беги в качку!
Тащи сына!

Клыкастый? Хвост в са́жень?
Покажем! Покажем!

Нахвастал? Нос с краю?
Представим! Представим!

— На — ли —

«Твои очи голубые,
Мои мысли вздорные.
Твои очи голубые,
А бывают — черные.

Словно жизнь мою угнали
Верстой,— а я с краю.
Голова моя дурная,
Что̀ пою — не знаю.

У меня ль дружок — не пара,
Уборы — не хитрые?
Точно с лесенки упала,
Упала — не выпрямлюсь.

На чужом огне сгораешь,
Душа,— силком взяли!
Голова моя дурная,
Что̀ пою — не знаю.

Помню зори, помню руды...
— В шелках али в рубище? —
Не припомню, не забуду,
Чего не забуду-то?

Только славы, что верна, мол...
Жена? — Не так звали!
Голова моя дурная,
Что́ пою —»

По ухабинам — пурга,
Перед барином — слуга.

(По ска́мьям — сверканье)
С пустыми руками.

— Где же мой яблок-плод?
— Барыня не дает.

— Где же мой андел-лик?
— Барыня не велит!

Я ей: милость!
Хошь на малость!
Распалилась,
Раскричалась:

— «Душу тебе, рабу,
С косточкой разведу!»

Тут как взграют
Гости — граем:
— Ай да краля!
— Ай да краля!

Тут как сплюнут
Гости на́земь:
— Должно сглазим!
— Должно сглазим!

Белки — пучат,
Перстом — тычут.
Тот — по-щучьи,
Тот — по-птичьи.

Христом просят,
Слюной прыщут.
Тот по-пёсьи,
Тот по-крысьи.

— Здо̀ — рово, кумовья!
(По столу — колея!)

— Здо̀ — рово, холуи!
(Проруби, полыньи...)

Красна баня!
Вскачь, седины!
де, мол, барин
самой с сыном
выходить велел...

— На — ли —

«Твои очи голубые,
Мои мысли спорные.
Твои очи голубые,
А могли бы — черные...

Не выказывала жара
Сваво,— цвела скромно.

Голова-моя-держава:
С кем спала — не помню...

И жила б себе орлицей
Безданно-беспошлинно!
Зачем гости собралися?
Кем званы? Кем посланы?

Не обманывала стража
Сваво,— цвела скромно.
Голова-моя-пропажа:
С кем спала — не помню...

Кто там бродит, взойти хочет?
Соколик — ай перепел?
Люб и нéлюб мне, сыночек!
Всем люб, а чем нéлюб-то?

Не приваживала жала
Тваво,— цвела скромно.
Голова-моя-завалы:
С кем спала — »

По завáлежам — пурга,
Перед барином — слуга:

(По скамьям скаканье)
Один, без канпаньи.

— Где ж моя званая?
— С места не глянула!

— Где ж моя знатная?
— Пястьем не звякнула!

Без хозяйки, мол, не ужин,
А оне в ответ: не нужно!

Не бродяги, мол, вельможи...
А оне в ответ: не можно!

Тут как взвизгнут,
Растопырясь:
— Должно в чирьях!
Должно в чирьях!

Да как вструбят
Разом, вкупе:
— Должно в струпьях!
Должно в струпьях!

— Что ступ — то струп!
— Что зуб — то брешь!
— Клянусь, что чуб!
— Клянусь, что плешь!

— Котел с лица!
— Рыжей лисы!
— Клянусь, лыса!
— Ей-ей, усы!

— Прозаложусь,
(Один:) — смердит!
Другой: курдюк!
Третёй: кадык!

— Ах — так?!

Сверимся, кумовья!
(Голову заломя
Пышет: костер в ночи!)
— Сверимся, кумачи!

Нос шилом, кость — дышлом?
Запишем! Запишем!

Плешива? Пасть — домной?
Попомним! Попомним!

Всем бы цаца,
Каб не клык?
Держись братцы!
Гей, старик!

Пои псарню!
Вари варом!
Пошел парнем —
Вернусь парой!

Пав да с па — вою...
— На — ли —

«Твои очи голубые,
— В ночах, в тайнах вскормленный! —
Твои очи голубые,
Закрываю: черные.

Черным заревом те зори:
Кто слышал? Кто видел?
Голова моя! Ох горе-
голова! Не выдай!

Росло деревце — да с краю,
Стояло-не трогало.
Зачем платьице сорвали
Цветное, махровое?

Где страна-ровна, в которой
Ни мужа-ни сына...
Голова моя! Ох горы-
голова! — Не сдвину.

Дивен, дивен на ресницах
Снежочек не тающий!
Зачем ободом теснитесь?
Под локоть толкаете?

Пять деньков еще до сроку.
— Кто просит? Не выйду!!! —
Голова моя! Ох грохот-
жернова...»

Середь табора — гудёж:
Барин барыню ведет.
По скáмьям трясенье:
В хрустальном, в кисейном.

— Вот вам, гикоты-торги,
Мое дитятко-труды!

— Вот вам, ярманка-орда,
Моя барыня-строга!

Чур — не щупать!
Зá версту дивись!
(Очи тупит,
Мрамор ледовит.)

— Полно жаться!
Кланяйся, душа!
Ну-кось, братцы,
Чем не хороша?

Тут как грянут
Гости стоном:
— Хороша да некрещёна!

Чего жмешься?
Товар жженый!
Некрещёна, непрощёна!

— В церкву ходила?
— Жертву кадила?
— Спичку трудила?
— По — клоны била?

Один: где крест?
Другой: лбом грянь!
Таких невест,
(Третей:) в Ердань!

Один: заест!
Другой: погиб!
Таких невест
(Третей:) на дыб!

Один: волкам!
Другой: в котел!
Третей: во храм!
Слуга: на кол!

— Ах так?!

(Скамьи — скрежетом,
В лицах — пра́зелень)
— Вот вам, нежити,
Слово праведно!

(Пасти — патокой,
Очи — плёнкою)
...Слово краткое,
Слово громкое.

— Ой!

Волчиное стадо!
Лести лисьи!
Не надо-не надо!
Не — клянися!

Будьте прокляты!
Волки! Филины!
Вот-вот грохнется,
Сына выронит.

(Очьми жрут уж,
Пьют без рюмок!)
Барин в смутах,
Барин в думах.

Стакан — дна нет,
Кругом — хари...
Тут как грянут,
Тут как вдарят,—

Тут взвоют как,
Как взноют тут:
Один: тюфяк!
Другой: фетюк!

— Как есть Фетис!
— Чуть тронь — по швам!
Один: раскис!
Другой: сплошал!

За — ряд холост!
Са — пог ла́тан!
Жена в голос:
«Вспомни клятву!»

— Ногой княжит!
— Спиной мыслит!
Жена навзрыд:
«Не — клянися!»

Не вынесло сердце страма,
Кровь дворянская встала,
Слово грозное пало:

«Завтра же в храм Господень
Об руку входим!»
Правую поднял.

Ан:
Зга!
Петушиный клич!
Чудь, дичь,
Нежить — в берега!
Ай —
да!

Столы — скоком,
Ковры — ковом.
— Прощай, сокол,
Держи слово!

Белки — пялью,
Уста — пеной.
— Прощай, краля,
Держи цену!

Торопом-шорохом-ворохом — мороком!

5

ХЕРУВИМСКАЯ

И кони не ржали,
И птицы не пели.
В оконные ржави
Рассветные цвели.

И бражник не цедит,
И возчик не возит.
Рассветные седи,
Рассветные сквози.

И еле — как будто бы мысли сказались —
Над барыней — шелест:
— Проснись, моя зависть!

И брежно — как будто слезою колеблясь —
Над барыней дребезг:
— Проснись, моя ревность!

(Не ветер ли в травах?
Не пепел ли в золах?
Не баринов навык,
Не баринов голос.)

И дале, и возле,
И звоном, и вязью...
Рассветные сквози,
Рассветные связи...

И резью — как будто бы ветер навстречу —
— Не езди! Не езди!
Младенцем ответишь!

И слéзно — как будто бы женщина плачет —
— Не езди! Не езди!
Блаженством заплатишь!

Прислушалась: ýжли?
Потупилась: брежу!
— Родная! Не-мужняя!
Всё тебя нежу!

Не злостно, не ложно:
За вечность — однажды!
Чужая! Неможная!
Всё тебя жажду!..

И нудно — как малые дети в болезни —
— Не езди! Не езди! Не езди! Не езди!

Проморгал до свету,
Серей свечки сальной.
Тихие советы
В бариновой спальне.

Спаси Боже — крик,
Спаси Боже — спор:
Тихий разговор,
Скрытый разговор.

Сидят — русый с седым,
Сидят — малый с лысым.
Один голос: Еду!
Другой: Протрезвися!

— Сказано: иди!
Барыню буди!
(Тихие бои,
Скрытые бои!)

Помолчат — и снов
За старую рану.
Один голос: Слово!
Другой голос: Спьяну!

Больно им твоя
Клятва дорога!
(Старая брада,
Нàдвое игра!)

— Дворянин и спьяну
Не лжет.— Грехи-беды!
— Закладывай сани!
— Избавь! — Сказал: еду!

— Экая ты жмурь,
Дво — рянская дурь,
Графская глазурь,
Барская фигурь!

Девятый раскат,
Десятый размах...
А старый: никак
К обедне звонят?

Кольнуло в груди...
За окнами грай...
— Супругу буди!
Коней запрягай!

— В рай...

В поле — зарево,
В спальне — тишь.
— Вставай, барыня,
Рай проспишь!

Веки— кружевом:
Дрема? Явь?
— Вставай, мужнюю
Волю правь!

Поедем-поедем!
К обедне-к обедне!

По́катим-пока́тим!
К при́частью-к прича́стью!

К мо — щам приложимся!
Вста — вай, безбожница!

Кня — зьям покажемся!
Вста — вай, проказница!

Про тебя — колокол меден!
Едем! Едем! Едем! Едем!

Про тебя, баловень блуден!
Будем! Будем! Будем! Будем!

И — их!

Вьюга! Вьюга!
Белая голуба!
Бела — вьюга!
Бела, белогуба!

Уж и вьюга!
Ни друга, ни дуба!
Пуши, вьюга!
Бобровую шубу!

Шу — ми шире!
Сразишь — осчастливишь!
Таких пиршеств
Не три-не четыре!

Мети выше!
Что свыше — то свято!
— Сплю-не слышу,
Сплю-не слышу, мату —

— Што?

— Што там крючится
Вровень с полозом? [1]

— Ветлы — сучьями,
Версты — холодом.

[1] Вопросы — ее, ответы — бариновы. *(Прим. М. Цветаевой.)*

— Брови — клочьями!
Глотка — трещиной!
— По — морочилось,
При — мерещилось...

Свищи, вьюга!
Смекай, слепость!
Краса с другом —
Одна крепость!

Хлещи, стужа!
Терпи, кротость!
Жена с мужем —
Одна пропасть!

Где двое — не лезь,
Бесштанная блудь!
— «Эй, барская спесь!
Родства не забудь!»

— Прочь! Не до братьёв!
Что было — прошло!
— «А кто я таков
Сказать на у —»

— Што?

— Што там тащится
За полозьями?
— Должно, пташечку
Подморозило.

— Очи — прелестью,
Ручки — скрещены...
— По — метелилось,
— При — мерещилось!..

Тесней к мужу лепится:
Ягненок обсахаренный!
Тесней в меха трепетны
Младенца запахивает:

— Помру, будешь дитятко
Родимое пестовать?
— «Душа твоя дикая!
Гордыня двуперстная!»

— Што?

— Што там крутится
В серьгах-в блёскотах?
— Пурга — прутиком
Ко — ней хлёстает!

— Полно — грудые!
Круто — плечие!
— Пона — думалось,
При — мерещилось!

Вставай прахом, вставай пылью,
Вставай памятью со лба!
Уж ты крест-разъезд-развилье-
Раздорожьице-судьба!

Уж и стужа — костям хладно!
Бобры-шали не спасут!
— Глянь-кось, ладный, встань-кось, ладный,
Чем снега-белы цветут!

Што там угольем
Жжет-красуется?
Тот, испуганно:
— Мечта суетна!

— Краса грозная!
Листы — вещие!
— По — морозилось,
При — мерещилось!

Уж вы, птахи,
Народ мёрзкий!
К шутам, страхи!
Гуляй, версты!

Долой, старый
Козел — с ко́зел!
Мою пару
Заморозил!

(Дед —
Прыг
В снег:
Сник.)

Пиши, идолы, бело̀:
Нашей милости — село!

Кивни, милая, в бобры!
Нашей милости — рабы!

Чьи хаты? — Бариновы!
Ло — паты? — Бариновы!
За — платы? — Бариновы!
Ре — бяты? — Бариновы!

Мои — хаты,
Мои — траты.
Отцом взято,
Богу свято.

— Сапожки валеные!
Чьи ножки? — Бариновы!
— Се — режки да́ренные.
Чьи ночки? — Бариновы!

Мои страхи,
Мои хрипы,
Царем шито,
Богом крыто.

— Эй, гуси жареные!
Чьи гуси? — Бариновы!
— Эй, руки ржавленные!
Чьи Руси? — Бариновы!

Уж мы, баре,
Народ шустрый!
Держись, Марьи!
Моя Русь-то!

На своем селе — мы царь!
Захотим — с конем в алтарь!

С ко — нем, с саня — ми,
С воз — ком, с коня — ми!

Чья кладка? — Барская!
Доглядка? — Барская!
Столбами красная
Чья хата? — Барская!

Вали, троечка, без дум!
Наше — золотце-чугун!

Святой Троицы опричь —
Наша строечка-кирпич!

— Эй, сыч!

— Князь мой таёжный,
Тать подорожный,
Скажи, рогожа,
Чья церковь? — Божья.

Его — своды,
Твоя — глина.
— А я, лодырь,
Думал — ино...

— Взводил — курень,
Вышло — царство!
— А я, дурень,
Думал — барска!

— Где над царствами — крест,
Барской власти — запрет.

Где над царствами — плат,
Барской воле — закат.

— Ловкач парень:
Надоумил!
Думал — барин,
Вышел — дурень!

Уж мы баре —
Простофили!
Слезай, краля!
Подкатили...

К вра — там,
Во — храм.

«Подай, ягодка!
Подай, вишенка!»
Ноем-тягостью
Братья нищая.

«Спаси праведник...
Спаси мученик»...
Загнусавили,
Заканючили.

(Слепцы,
Хромцы,
Немцы,—
Глумцы.)

По алтыну
В ладонь — мимо.
Хромцы — тыном,
Немцы: имя!

Персты — прытью,
Зенки — гатью.
— Кого чтить-то?
— Поминать-то?

— Не чтите меня,
Не славьте меня...
(Поскрипыванье,
Покряхтыванье...)

— Оставьте меня!
Не троньте меня!
(Посапыванье,
Пощелкиванье...)

Один: с Богом! другой: стой!
Диковинный твой покрой!

Один: сдайся! — другой: скрой!
Во здравье, за упокой!

Клю — кой,
Бель — мом.
Лай.— Ной.
Ор.

Конницей вражескою
Вход загораживают.

Гла — зищи — светочем!
Ку — мач — под ветошкой!

Лик — в лик, близь — в близь:
«Скажись-объявись!»

Близь — в близь, жызть — в жызть:
«Скажись-назо...»
— «Брысь,

Рыси прыскучи,
Лисы шатучи!»
Шарахом — куча.
Барин — под ручку
Кралю — во храм.

«От лица нечестивых»,
(На сладость — льстивых!)

«Мою душу острастших»,
(Своей — не спасших!)

«В крове крылу́ твоея
Покроеши мя»...
(Зорь моя утренняя!
Сокровищница!)

Робок — шаг,
Долу — зрак.
Кровь в ушах:
Знобу звяк.

«Врази мои душу».
(Молись! Не слушай!)

«Мою одержаша»,
(Молись!) «Объяша

мя — тако лев
Готов на лов»...
(Разве уж так
Суров?

Не клейми меня печатью крайней!)
«Тако скимен, обитаяй в тайнах».

Шепот с тылу, шепот с краю:
— Чья такая?

Шеи — вертом, очи — кольем:
— Чья? Отколе?

Глубже выю
В плеча.
Глаз не вскинет:
Свеча.

«Окропи мя иссопом — очищуся!»
(В дом веселый, высокий, пышущий

Там, где бубны и гусли
И сласть — без брега!..)
«Убелюся я
Паче снега!»

Круче — сына
К груди:
Глаз не сымет.
«Гряди!

Сердце мое — смяте́ся во мне!
Смерти боязнь — нападе́ на мя!»
(Трезвенница! Девственница!
Кладезь, лишь мне — ведомый!

Дивен твой рай!
Красен твой крин!
Сына продай,
Мужа отринь!

Ибо царств тебя княгиней
Ставлю — явно и вочью́!)
— «Дай мне крылья голубине:
Полещу и почию!»

Крыльев плеск
Возле плеч.
Воску треск.
Жар от свеч.

— «Мягче масла уста их...»
(Рвалась и млела!)
«Слаще ангелов — славят,
Но меч и стрелы —

Словеса их!
И дружба их
Червь — в кости.

Му́жи кровей
И льсти».

(Уж столь ли злостен
Сей мо̀рок костный?
У девок спросим!)

«Премудрость! — Про̀сти!»

Ковом — виски,
Гором — гортань.
(Оком не вскинь!
Взором не взглянь!)

— Как на невесте
Фата...— Грех тяжек!
— И лба не крестит!
И глаз не кажет!

— Гляди-кось: речи
Творит! В гроб краше!
— Нечеловечья
Краса, не наша!

— С дитятком!
— С хлопчиком!
— В чепчике!
— В платьице!

(Тычутся,
Шепчутся,
Топчутся,
Пятятся.)

— Обольщение!
— Тьма египетска!
«Огла — шеннии,
Изыдите!»

(Уста — жжением,
В ушах — гикоты.)
— Огла — шеннии,
Изыдите!

— Свет очей моих!
Недр владычица!
— Оглашеннии,
Изы —

— Прощай, сытенький!
Прощай, гладенький!
Никнет.— Дитятко
Мужу — на руки.

— Прощай, чуточка!
Прощай, крохотка!
Вот-вот скрутится,
На̀земь грохнется.

Зелень... Морская синь...
Стелется... Клонится...
— Только глазка не вскинь:
В левой оконнице!

От входу — крайняя...
Не трону... Чай меня!..—
Веянье... Таянье...
Моленье тайное.

— Рвенье, ко мне!
Рденье, ко мне!
В левом окне,
В вечном огне.

Перси — в багрец!
Сердце — к груди!
Нечеловецк
Свет! — Не гляди!

«И — же хе — ру — вимы!»
Иг — ри — щем орлиным,
Ли — ствием гонимым...

«Хе — ру — вимы тай — но»...
Тысячами-стами,
Тысячами-тьмами...

«Яко да Царя всех»...
Удар.— Окно настежь...
Стклом-звоном, тьмой-страстью...

— Гляди, беспамятна!
(Ни зги. Люд — замертво.)

— Гря — ду, сердь рдяная!
Ма—руся!
                    Глянула.

Грянули стёклы:
Рдяные копны!
Полымем-пёклом,
Полным потоком

Огнь — и в разлете
Крыл — копия
Яростней: — Ты?!
— Я!

Та — ввысь,
Тот — вблизь:
Свились,
Взвились:

Зной — в зной,
Хлынь — в хлынь!
До — мой
В огнь синь.

Прага, Сочельник, 1922

ПОЭМА ГОРЫ

Liebster, Dich wundert
die Rede? Alle Scheidenden
reden wie Trunkene und
nehmen gerne sich festlisch...
Hölderlin [1]

ПОСВЯЩЕНИЕ

Вздрогнешь — и горы с плеч,
И душа — горé.
Дай мне о гóре спеть:
О моей горе!

Черной ни днесь, ни впредь
Не заткну дыры.
Дай мне о гóре спеть
Наверху горы.

1

Та гора была как грудь
Рекрута, снарядом сваленного.
Та гора хотела губ
Девственных, обряда свадебного

Требовала та гора.
— Океан в ушную раковину
Вдруг-ворвавшимся ура! —
Та гора гнала и ратовала.

Та гора была как гром!
Грудь, титанами разыгранная!

[1] О любимый! Тебя удивляет эта речь? Все расстающиеся говорят как пьяные и любят торжественность... *Гёльдерлин. (Пер. М. Цветаевой.)*

(Той горы последний дом
Помнишь — на исходе пригорода?)

Та гора была — миры!
Бог за мир взымает дорого!
. . . .
Горе началось с горы.
Та гора была над городом.

2

Не Парнас, не Синай,
Просто голый казарменный
Холм.— Равняйся! Стреляй! —
Отчего же глазам моим
(Раз октябрь, а не май)
Та гора была — рай?

3

Как на ладони поданный
Рай — не берись, коль жгуч!
Гора бросалась под ноги
Колдобинами круч.

Как бы титана лапами
Кустарников и хвой —
Гора хватала за́ полы,
Приказывала: стой!

О, далеко не азбучный
Рай: сквознякам сквозняк!
Гора валила навзничь нас,
Притягивала: ляг!

Оторопев под натиском,—
Как? Не понять и днесь! —
Гора, как сводня — святости,
Указывала: здесь...

4

Персефоны зерно гранатовое,
Как забыть тебя в стужах зим?
Помню губы, двойною раковиной
Приоткрывшиеся моим.

Персефона, зерном загубленная!
Губ упорствующий багрец,
И ресницы твои — зазубринами,
И звезды золотой зубец.

5

Не обман — страсть, и не вымысел!
И не лжет,— только не дли!
О когда бы в сей мир явились мы
Простолюдинами любви!

О когда б, здраво и пòпросту:
Просто — холм, просто — бугор...
Говорят — тягою к пропасти
Измеряют уровень гор.

В ворохах вереска бурого,
В островах страждущих хвой...
(Высота бреда — над уровнем
Жизни.)
— Нá же меня! Твой...

Но семьи тихие милости,
Но птенцов лепет — увы!
Оттого что в сей мир явились мы —
Небожителями любви!

6

Гора горевала (а горы глиной
Горькой горюют в часы разлук),
Гора горевала о голубиной
Нежности наших безвестных утр.

Гора горевала о нашей дружбе:
Губ непреложнейшее родство!
Гора говорила, что коемужды
Сбудется — по *слезам* его.

Еще горевала гора, что табор —
Жизнь, что весь век по сердцам базарь!
Еще горевала гора: хотя бы
С дитятком — отпустил Агарь!

Еще говорила, что это демон
Крутит, что замысла нет в игре.
Гора говорила. Мы были немы.
Предоставляли судить горе.

7

Гора горевала, что только грустью
Станет — что ныне и кровь и зной.
Гора горевала, что не отпустит
Нас, не допустит тебя с другой!

Гора горевала, что только дымом
Станет — что́ ныне: и Мир и Рим.
Гора говорила, что быть с другими
Нам (не завидую тем, другим!).

Гора горевала о страшном грузе
Клятвы, которую поздно клясть.
Гора говорила, что стар тот узел
Гордиев: долг и страсть.

Гора горевала о нашем горе:
Завтра! Не сразу! Когда над лбом —
Уж не memento [1], а просто — *море!*
Завтра, когда поймем!

Звук... ну как будто бы кто-то просто,
Ну... плачет вблизи?
Гора горевала о том, что врозь нам
Вниз, по такой грязи —

В жизнь, про которую знаем все́ мы:
Сброд — рынок — барак.
Еще говорила, что все поэмы
Гор — пишутся — *та́к*.

8

Та гора была, как горб
Атласа, титана стонущего.
Той горою будет горд
Город, где с утра и до́ ночи мы

---

[1] Memento mori *(лат.)* — помни о смерти.— *Ред.*

Жизнь свою — как карту бьем!
Страстные, *не быть* упорствуем.
Наравне с медвежьим рвом
И двенадцатью апостолами —

Чтите мой угрюмый грот.
(Грот — была, и волны впрыгивали!)
Той игры последний ход
Помнишь — на исходе пригорода?

Та гора была — миры!
Боги мстят своим подобиям!
. . . .
Горе началось с горы.
Та гора на мне — надгробием.

9

Минут годы. И вот — означенный
Камень, плоским смененный, снят [1].
Нашу гору застроят дачами,
Палисадниками стеснят.

Говорят, на таких окраинах
Воздух чище и легче жить.
И пойдут лоскуты выкраивать,
Перекладинами рябить,

Перевалы мои выструнивать,
Все овраги мои — вверх дном!
Ибо надо ведь хоть кому-нибудь
Дома в счастье, и *счастья* — в дом!

Счастья —в *доме!* Любви без вымыслов!
Без вытя—гивания жил!
Надо женщиной быть — и вынести!
(Было-было, когда ходил,

Счастье — в доме!) Любви, не скрашенной
Ни разлукою, ни ножом.
На развалинах счастья нашего
Город встанет: мужей и жен.

---

[1] Т. е. вместо этого камня (горы на мне) будет плоский (плита). *(Прим. М. Цветаевой.)*

И на том же блаженном воздухе,
— Пока можешь еще — греши! —
Будут лавочники на отдыхе
Пережевывать барыши,

Этажи и ходы надумывать,
Чтобы каждая нитка — в дом!
Ибо надо ведь хоть кому-нибудь
Крыши с аистовым гнездом!

10

Но под тяжестью тех фундаментов
Не забудет гора — игры.
Есть беспутные, нет — беспамятных:
Горы времени — у горы!

По упорствующим расселинам
Дачник, поздно хватясь, поймет:
Не пригорок, поросший семьями:
Кратер, пущенный в оборот!

Виноградниками — Везувия
Не сковать! Великана-льном
Не связать! *Одного* безумия
Уст — достаточно, чтобы львом

Виногра́дники за́-воро́чались,
Лаву ненависти струя.
Будут девками ваши дочери
И поэтами — сыновья!

Дочь, ребенка расти внебрачного!
Сын, цыганкам себя страви:
Да не будет вам места злачного,
Телеса, на моей крови!

Тве́рже камня краеугольного,
Клятвой смертника на одре:
Да не будет вам счастья дольнего,
Муравьи, на моей горе!

В час неведомый, в срок негаданный
Опознаете всей семьей
Непомерную и громадную
Гору заповеди седьмой!

Есть пробелы в памяти,— бельма
На глазах: семь покрывал.
Я не помню тебя отдельно.
Вместо че́рт — белый провал.

Без примет. Белым пробелом —
Весь. (Душа, в ранах сплошных,
Рана — сплошь.) Частности мелом
Отмечать — дело портных.

Небосвод — цельным основан.
Океан — скопище брызг?!
Без примет. Верно — особый —
Весь. Любовь — связь, а не сыск.

Вороной, русой ли масти —
Пусть сосед скажет: он зряч.
Разве страсть — делит на части?
Часовщик я или врач?

Ты как круг, полный и цельный:
Цельный вихрь, *полный* столбняк.
Я не помню тебя отдельно
От любви. Равенства знак.

(В ворохах сонного пуха:
Водопад, пены холмы,—
Новизной, странной для слуха,
Вместо: я — тронное: мы...)

Но зато, в нищей и тесной
Жизни: «жизнь, как она есть» —
Я не вижу тебя совместно
Ни с одной:

— памяти месть!

1 января — 1 февраля 1924 г. Прага. Гора.

ПОЭМА КОНЦА

1

В небе, ржавее жести,
Перст столба.
Встал на назначенном месте,
Как судьба

— Бéз четверти. Исправен?
— Смерть не ждет.
Преувеличенно-плавен
Шляпы взлет.

В каждой реснице — вызов.
Рот сведен.
Преувеличенно-низок
Был поклон.

— Бéз четверти. Точен? —
Голос лгал.
Сердце упало: что с ним?
Мозг: сигнал!

Небо дурных предвестий:
Ржавь и жесть.
Ждал на обычном месте.
Время: шесть.

Сей поцелуй без звука:
Губ столбняк.
Так государыням руку,
Мертвым — так...

Мчащийся простолюдин
Локтем — в бок.

Преувеличенно-нуден
Взвыл гудок.

Взвыл,— как собака взвизгнул,
Длился, злясь.
(Преувеличенность жизни
В смертный час.)

То, что вчера — по пояс,
Вдруг — до звезд.
(Преувеличенно, то есть:
Во весь рост.)

Мысленно: милый, милый.
— Час? Седьмой.
В кинематограф, или?..—
Взрыв: Домой!

2

Братство таборное,—
Вот куда вело!
Громом на́ голову,
Саблей наголо́,

Всеми ужасами
Слов, которых ждем,
Домом рушащимся —
Слово: дом.

Заблудшего баловня
Вопль: домой!
Дитя годовалое:
«Дай» и «мой»!

Мой брат по беспутству,
Мой зноб и зной,
Так и́з дому рвутся,
Как ты — домой!

Конем, рвануршим коновязь —
Ввысь! — и веревка в прах.
— Но никакого дома ведь!
— Есть — в десяти шагах:

Дом на горе.— Не выше ли?
— Дом на верху горы.
Окно под самой крышею.
— *«Не от одной зари*

Горящее?» Так сызнова
Жизнь? — простота поэм!
Дом, это значит: и́з дому
В ночь.
(О, кому повем

Печаль мою, беду мою,
Жуть, зеленее льда?..
— Вы слишком много думали.—
Задумчивое: — Да.

3

И — набережная. Воды́
Держусь, как толщи плотной.
Семирамидины сады
Висячие — так вот вы!

Воды — стальная полоса
Мертвецкого оттенка —
Держусь, как нотного листка
Певица, края стенки —

Слепец... Обратно не отдашь?
Нет? Наклонюсь — услышишь?
Всеутолительницы жажд
Держусь, как края крыши

Лунатик...
Но не от реки
Дрожь — рождена наядой!
Реки держаться, как руки,
Когда любимый рядом —

И верен...
Мертвые верны.
Да, но не всем в каморке...
Смерть с левой, с правой стороны —
Ты. Правый бок как мертвый.

Разительного света сноп.
Смех, как грошовый бубен.

— Нам с вами нужно бы...

(Озноб.)

...— Мы мужественны будем?

*

Тумана белокурого
Волна — воланом газовым.
Надышано, накурено,
А главное — насказано!
Чем пахнет? Спешкой крайнею,
Потачкой и грешком:
Коммерческими тайнами
И бальным порошком.

Холостяки семейные
В перстнях, юнцы маститые...
Нашучено, насмеяно,
А главное — насчитано!
И крупными, и мелкими,
И рыльцем, и пушком.
...Коммерческими сделками
И бальным порошком.

(Вполоборота: *это* вот —
Наш дом? — Не я хозяйкою!)
Один — над книжкой чековой,
Другой — над ручкой лайковой,
А тот — над ножкой лаковой
Работает тишком.
...Коммерческими браками
И бальным порошком.

Серебряной зазубриной
В окне — звезда мальтийская!
Наласкано, налюблено,
А главное — натискано!
Нащипано... (Вчерашняя
Снедь — не взыщи: с душком!)
...Коммерческими шашнями
И бальным порошком.

Цепь чересчур короткая?
Зато не сталь, а платина!
Тройными подбородками
Тряся, тельцы — телятину

Жуют. Над шейкой сахарной
Чёрт — газовым рожком.
...Коммерческими крахами
И неким порошком —
Бе́ртольда Шварца...
Даровит
Был — и заступник людям.
— Нам с вами нужно говорить.
Мы мужественны будем?

5

Движение губ ловлю.
И знаю — не скажет первым.
— Не любите? — Нет, люблю.
— Не любите! — Но истерзан,

Но выпит, но изведен.
(Орлом озирая местность):
— Помилуйте, это — дом?
— Дом в сердце моем.— Словесность!

Любовь, это плоть и кровь.
Цвет — собственной кровью полит.
Вы думаете, любовь —
Беседовать через столик?

Часочек — и по домам?
Как те господа и дамы?
Любовь, это значит...
— Храм?
Дитя, замените шрамом

На шраме! — Под взглядом слуг
И бражников? (Я, без звука:
«Любовь — это значит лук
Натянутый: лук: разлука».)

— Любовь, это значит — связь.
Всё врозь у нас: рты и жизни.
(Просила ж тебя: не сглазь!
В тот час, в сокровенный, ближний,

Тот час на верху горы
И страсти. Memento [1] — паром:

[1] Здесь: память (*лат.*).

Любовь — это все дары
В костер — и всегда задаром!

Рта раковинная щель
Бледна. Не усмешка — опись.
— И прежде всего одна
Постель.
— Вы хотели пропасть

Сказать? — Барабанный бой
Перстов.— Не горами двигать!
Любовь, это значит...
— Мой.
Я вас понимаю. Вывод?

———

Перстов барабанный бой
Растет. (Эшафот и площадь.)
— Уедем.— А я: умрем,
Надеялась. Это проще!

Достаточно дешевизн:
Рифм, рельс, номеров, вокзалов...
— Любовь, это значит: жизнь.
— Нет, иначе называлось

У древних...
— Итак? —
Лоскут
Платка в кулаке, как рыба.
— Так едемте? — Ваш маршрут?
Яд, рельсы, свинец — на выбор!

Смерть — и никаких устройств!
— Жизнь! — Как полководец римский,
Орлом озирая войск
Остаток.
— Тогда простимся.

6

— Я этого не хотел.
Не этого. (Молча: слушай!
Хотеть — это дело тел,
А мы друг для друга — души

Отныне...) — И не сказал.
(Да, в час, когда поезд подан,
Вы женщинам, как бокал,
Печальную честь ухода

Вручаете...) — Может, бред?
Ослышался? (Лжец учтивый,
Любовнице как букет
Кровавую честь разрыва

Вручающий...) — Внятно: слог
За слогом, итак — простимся,
Сказали вы? (Как платок
В час сладостного бесчинства

Уроненный...) — Битвы сей
Вы — Цезарь. (О, выпад наглый!
Противнику — как трофей,
Им отданную же шпагу

Вручать!) — Продолжает. (Звон
В ушах...) — Преклоняюсь дважды:
Впервые опережен
В разрыве.— Вы это каждой?

Не опровергайте! Месть,
Достойная Ловеласа.
Жест, делающий вам честь,
А мне разводящий мясо

От кости.— Смешок. Сквозь смех —
Смерть. Жест (Никаких хотений.
Хотеть, это дело — *тех*,
А мы друг для друга — тени

Отныне...) Последний гвоздь
Вбит. Винт, ибо гроб свинцовый.
— Последнейшая из просьб.
— Прошу.— Никогда ни слова

О нас... никому из... ну...
Последующих. (С носилок
Так раненые — в весну!)
— О том же и вас просила б.

Колечко на память дать?
— Нет. — Взгляд, широко́-разверстый,
Отсутствует. (Как печать
На сердце твое, как перстень

На руку твою... Без сцен!
Съем.) Вкрадчивее и тише:
— Но книгу тебе? — Как всем?
— Нет, вовсе их не пишите.

Книг...

Значит, не надо.
Значит, не надо.
Плакать не надо.

В наших бродячих
Братствах рыбачьих
Пляшут — не плачут.

Пьют, а не плачут.
Кровью горячей
Платят — не плачут.

Жемчуг в стакане
Плавят — и миром
Правят — не плачут.

— Так я́ ухожу? — Насквозь
Гляжу. Арлекин, за верность,
Пьеретте своей — как кость
Презреннейшее из первенств

Бросающий: честь конца,
Жест занавеса. Реченье
Последнее. Дюйм свинца
В грудь: лучше бы, горячей бы

И — чище бы...
Зубы
Втиснула в губы.
Плакать не буду.

Самую крепость —
В самую мякоть.
Только не плакать.

В братствах бродячих
Мрут, а не плачут,
Жгут, а не плачут.

В пепел и в песню
Мертвого прячут
В братствах бродячих.

— Так первая? Первый ход?
Как в шахматы, значит? Впрочем,
Ведь даже на эшафот
Нас первыми просят...
— Срочно

Прошу, не глядите! — Взгляд.—
(Вот-вот уже хлынут градом!
Ну как их загнать назад
В глаза?!) — Говорю, не надо

Глядеть!!!

Внятно и громко,
Взгляд в вышину:
— Милый, уйдемте,
Плакать начну!

Забыла! Среди копилок
Живых (коммерсантов — тож!)
Белокурый сверкнул затылок:
Маис, кукуруза, рожь!

Все заповеди Синая
Смывая — менады мех! —
Голконда волосяная,
Сокровищница утех —

(Для всех!) Не напрасно копит
Природа, не сплошь скупа!
Из сих белокурых тропик,
Охотники,— где тропа

Назад? Наготою грубой
Дразня и слепя до слез —
Сплошным золотым прелюбом
Смеющимся пролилось.

— Не правда ли? — Льнущий, мнущий
Взгляд. В каждой реснице — зуд.
— И главное — эта гуща!
Жест, скручивающий в жгут.

О рвущий уже одежды —
Жест! Проще, чем пить и есть —
Усмешка! (Тебе надежда,
Увы, на спасенье есть!)

И — сестрински или братски?
Союзнически: союз!
— Не похоронив — смеяться!
(И, похоронив — смеюсь.)

7

И — набережная. Последняя.
Всё. Порознь и без руки,
Чурающимися соседями
Бредем. Со стороны реки —

Плач. Падающую соленую
Ртуть слизываю без забот:
Луны огромной Соломоновой
Слезам не выслал небосвод.

Столб. Отчего бы лбом не стукнуться
В кровь? Вдребезги бы, а не в кровь!
Страшащимися сопреступниками
Бредем. (Убитое — Любовь.)

Брось! Разве это двое любящих?
В ночь? Порознь? С другими спать?
— Вы понимаете, что будущее —
Там? — Запрокидываюсь вспять.

— Спать! — Новобрачными по коврику...
— Спать! — Всё не попадаем в шаг,
В такт. Жалобно: — Возьмите по́д руку!
Не каторжники, чтобы так!..

Ток. (Точно мне *душою* — на руку
Лег! — На руку рукою.) Ток
Бьет, проводами лихорадочными
Рвет,— на душу рукою лег!

Льнет. Радужное всё! Чтó радужнее
Слез? Занавесом, чаще бус,
Дождь.— Я таких не знаю набережных
Кончающихся.— Мост, и:
— Ну-с?

Здесь? (Дроги поданы.)
Спо-койных глаз
Взлет.— Можно до дому?
В по-следний раз!

6

По-следний мост.
(Руки не отдам, не выну!)
Последний мост,
Последняя мостовина.

Во-да и твердь.
Выкладываю монеты.
День-га за смерть,
Харонова мзда за Лету.

Мо-неты тень
В руке теневой. Без звука
Мо-неты те.
Итак, в теневую руку —

Мо-неты тень.
Без отсвета и без звяка.
Мо-неты — тем.
С умерших довольно маков.

Мост.

———

Бла-гая часть
Любовников без надежды:
Мост, ты — как страсть:
Условность: сплошное между.

Гнезжусь: тепло,
Ребро — потому и льну так.
Ни *до*, ни *по*:
Прозрения промежуток!

Ни рук, ни ног.
Всей костью и всем упором:
Жив только бок,
О смежный теснюсь которым

Вся жизнь — в боку!
Он — ухо и он же — эхо.
Желтком к белку
Леплюсь, самоедом к меху

Теснюсь, леплюсь,
Мощусь. Близнецы Сиама,
Что́ — ваш союз?
Та женщина — помнишь: мамой

Звал? всё и вся
Забыв, в торжестве недвижном
Те-бя нося,
Тебя не держала ближе.

Пойми! Сжились!
Сбылись! На груди баюкал!
Не — брошусь вниз!
Нырять — отпускать бы руку

При-шлось. И жмусь,
И жмусь... И неотторжима.
Мост, ты не муж:
Любовник — сплошное мимо!

Мост, ты за нас!
Мы реку телами кормим!
Плю-щом впилась,
Клещом: вырывайте с корнем!

Как плющ! как клещ!
Безбожно! Бесчеловечно!
Бро-сать, как вещь,
Меня, ни единой вещи

Не чтившей в сём
Вещественном мире дутом!
Скажи, что сон!
Что ночь, а за ночью — утро,

Эк-спресс и Рим!
Гренада? Сама не знаю.

Смахнув перин
Монбланы и Гималаи.

Про-гал глубок:
Последнею кровью грею.
Про-слушай бок!
Ведь это куда вернее

Сти-хов... Прогрет
Ведь? Завтра к кому наймешься?
Ска-жи, что бред!
Что нет и не будет мосту

Кон-ца...
— Конец.

— Здесь? — Детский, божеский
Жест.— Ну-с? — Впилась.
— Е-ще немножечко:
В последний раз!

9

Корпусами фабричными, зычными
И отзывчивыми на зов...
Сокровенную, подъязычную
Тайну жен от мужей, и вдов

От друзей — тебе, подноготную
Тайну Евы от древа — вот:
Я не более чем животное,
Кем-то раненное в живот.

Жжет... Как будто бы душу сдернули
С кожей! Паром в дыру ушла
Пресловутая ересь вздорная,
Именуемая душа.

Христианская немочь бледная!
Пар! Припарками обложить!
Да ее никогда и не было!
Было тело, хотело жить,

Жить не хочет.

Прости меня! Не хотела!
Вопль вспоротого нутра!
Так смертники ждут расстрела
В четвертом часу утра

За шахматами... Усмешкой
Дразня коридорный глаз.
Ведь шахматные же пешки!
И кто-то играет в нас.

Кто? Боги благие? Воры?
Во весь окоем глазка —
Глаз. Красного коридора
Лязг. Вскинутая доска.

Махорочная затяжка.
Сплёв, пожили значит, сплёв.
...По сим тротуарам в шашку
Прямая дорога: в ров

И в кровь. Потайное око:
Луны слуховой глазок...
. . . .
И покосившись сбоку:
— Как ты уже далек!

10

Совместный и сплóченный
Вздрог.— Наша молочная!

Наш остров, наш храм,
Где мы по утрам —

Сброд! Пара минутная! —
Справляли заутреню.

Базаром и зáкисью,
Сквозь-сном и весной...
Здесь кофе был пакостный,—
Совсем овсяной!

(Овсом своенравие
Гасить в рысаках!)
Отнюдь не Аравией —
Аркадией пах

Тот кофе...

Но как улыбалась нам,
Рядком усадив,
Бывалой и жалостной,—
Любовниц седых

Улыбкою бережной:
Увянешь! Живи!
Безумью, безденежью,
Зевку и любви,—

А главное — юности!
Смешку — без причин,
Усмешке — без умысла,
Лицу — без морщин,—

О, главное — юности!
Страстям не по климату!
Откуда-то дунувшей,
Откуда-то хлынувшей

В молочную тусклую:
— Бурнус и Тунис! —
Надеждам и мускулам
Под ветхостью риз...

(Дружочек, не жалуюсь:
Рубец на рубце!)
О, как провожала нас
Хозяйка в чепце

Голландского глаженья...

Не довспомнивши, не допонявши,
Точно с праздника уведены...
— Наша улица! — Уже не наша...
— Сколько раз по ней!..— Уже не мы...

— Завтра с западу встанет солнце!
— С Иего́вой порвет Давид!
— Что мы делаем? — Расстаемся.
— Ничего мне не говорит

Сверхбессмысленнейшее слово:
Рас-стаемся.— Одна из ста?

Просто слово в четыре слога,
За которыми пустота.

Стой! По-сербски и по-кроатски,
Верно, Чехия в нас чудит?
Рас-ставание. Расставаться...
Сверхъестественнейшая дичь!

Звук, от коего уши рвутся,
Тянутся за предел тоски...
Расставание — не по-русски!
Не по-женски! не по-мужски!

Не по-божески! Что́ мы — овцы,
Раззевавшиеся в обед?
Расставание — по-каковски?
Даже смысла такого нет.

Даже звука! Ну просто полый
Шум — пилы, например, сквозь сон.
Расставание — просто школы
Хлебникова соловьиный стон

Лебединый...
Но как же вышло?
Точно высохший водоем —
Воздух! Руку о руку слышно.
Расставаться — ведь это гром

На́ голову... Океан в каюту!
Океании крайний мыс!
Эти улицы — слишком круты:
Расставаться — ведь это вниз,

Под гору... Двух подошв пудовых
Вздох... Ладонь, наконец, и гвоздь!
Опрокидывающий довод:
Расставаться — ведь это врозь,

Мы же — сросшиеся...

11

Разом проигрывать —
Чище нет!
Загород, пригород:
Дням конец.

Негам (читай — камням),
Дням и домам и нам.

Дачи пустующие! Как мать
Старую — так же чту их.
Это ведь действие — пустовать:
Полое не пустует.

(Дачи, пустующие на треть,
Лучше бы вам сгореть!)

Только не вздрагивать,
Рану вскрыв.
За́город, за́город,
Швам разрыв!

Ибо — без лишних слов
Пышных — любовь есть шов.

Шов, а не перевязь, шов — не щит.
— О, не проси защиты! —
Шов, коим мертвый к земле пришит,
Коим к тебе пришита.

(Время покажет еще, каким:
Легким или тройным!)

Так или и́наче, друг — по швам!
Дребезги и осколки!
Только и славы, что треснул сам:
Треснул, а не расползся!

Что под наметкой — живая жиль
Красная, а не гниль!

О, не проигрывает —
Кто рвет!
Загород, пригород:
Лбам развод.

По слободам казнят
Нынче,— мозгам сквозняк!

О, не проигрывает, кто прочь —
В час, как заря займется.
Целую жизнь тебе сшила в ночь
На́бело, без наметки

Так не кори же меня, что вкривь.
Пригород: швам разрыв.

Души неприбранные —
В рубцах!..
Загород, пригород...
Яр размах

Пригорода. Сапогом судьбы,
Слышишь — по глине жидкой?
...Скорую руку мою суди,
Друг, да живую нитку

Цепкую — как ее ни канай!
По-следний фонарь!

Здесь? Словно за́говор —
Взгляд. Низших рас —
Взгляд.— Можно на́ гору?
В по-следний раз!

12

Частой гривою
Дождь в глаза.— Холмы.
Миновали пригород.
За́ городом мы,

Есть — да нету нам!
Мачеха — не мать!
Дальше некуда.
Здесь околевать.

Поле. Изгородь.
Брат стоим с сестрой.
Жизнь есть пригород.—
За́ городом строй!

Эх, проигранное
Дело, господа!
Всё-то — пригороды!
Где же города?!

Рвет и бесится
Дождь. Стоим и рвем.

За три месяца
Первое вдвоем!

И у Иова,
Бог, хотел взаймы?
Да не выгорело:
За́ городом мы!

За́ городом! Понимаешь? За́!
Вне! Перешед вал!
Жизнь, это место, где жить нельзя:
Ев-рейский квартал...

Так не достойнее ль во̀ сто крат
Стать Вечным Жидом?
Ибо для каждого, кто не гад,
Ев-рейский погром —

Жизнь. Только выкрестами жива!
Иудами вер!
На прокаженные острова!
В ад! — всюду! — но не в

Жизнь,— только выкрестов терпит, лишь
Овец — палачу!
Право-на-жительственный свой лист
Но-гами топчу!

Втаптываю! За Давидов щит —
Месть! — В месиво тел!
Не упоительно ли, что жид
Жить — не́ захотел?!

Гетто избра̀нничеств! Вал и ров.
По-щады не жди!
В сём христианнейшем из миров
Поэты — жиды!

13

Так ножи вострят о камень,
Так опилки метлами
Смахивают. Под руками
Меховое, мокрое.

Где ж вы, двойни:
Сушь мужская, мощь?
Под ладонью —
Слезы, а не дождь!

О каких еще соблазнах —
Речь? Водой — имущество!
После глаз твоих алмазных,
Под ладонью льющихся,—

Нет пропажи
Мне. Конец концу!
Глажу — глажу —
Глажу по лицу.

Такова у нас, Маринок,
Спесь,— у нас, полячек-то.
После глаз твоих орлиных,
Под ладонью плачущих...

Плачешь? Друг мой!
Всё мое! Прости!
О, как крупно,
Солоно в горсти!

Жестока слеза мужская:
Обухо́м по темени!
Плачь, с другими наверстаешь
Стыд, со мной потерянный.

Оди-накового
Моря — рыбы! Взмах:
...Мертвой раковиной
Губы на губах.

В слезах.
Лебеда —
На вкус.
— А завтра
Когда
Проснусь?

14

Тропою овечьей —
Спуск. Города гам.
Три девки навстречу
Смеются. Слезам

Смеются,— всем полднем
Недр, гребнем морским!
Смеются!
— недолжным,
Позорным, мужским

Слезам твоим, видным
Сквозь дождь — в два рубца!
Как жемчуг — постыдным
На бронзе бойца.

Слезам твоим первым,
Последним,— о лей! —
Слезам твоим — перлам
В короне моей!

Глаз явно не туплю.
Сквозь ливень — перюсь.
Венерины куклы,
Вперяйтесь! Союз

Сей более тесен,
Чем влечься и лечь.
Само́й Песней Песен
Уступлена речь

Нам, птицам безвестным
Челом Соломон
Бьет,— ибо совместный
Плач — больше, чем сон!

И в полые волны
Мглы — сгорблен и равн —
Бесследно — безмолвно —
Как тонет корабль.

Прага, 1 февраля, Иловищи,
8 июня 1924

КРЫСОЛОВ

Лирическая сатира

ГОРОД ГАММЕЛЬН

(Глава первая)

Стар и давен город Гаммельн,
Словом скромен, делом строг,
Верен в малом, верен в главном:
Гаммельн — славный городок!

В ночь, как быть должно́ комете,
Спал без про́сыпу и сплошь.
Прочно стро́ен, чисто ме́тен,
До умильности похож,

— Не подойду и на выстрел! —
На своего бургомистра.

В городе Гаммельне дешево шить:
Только один покрой в нем.
В городе Гаммельне дешево жить
И помирать спокойно.

Гривенник — туша, пятак — кувшин
Сливок, полушка — тво́рог.
В городе Гаммельне, знай, один
Только товар и дорог:

Грех.

(Спросим дедов:
Дорог: редок.)

Ни распоясавшихся невест,
Ни должников,— и кроме
Пива — ни жажды в сердцах. На вес
Золота или крови —

Грех. Полстолетия (пятьдесят
Лет) на одной постели
Благополучно проспавши, спят
Дальше. «Вдвоем потели,

Вместе истлели». Тюфяк, трава,—
Разница какова?

(Бог упаси меня даже пять
Лет на одной перине
Спать! Лучше моську наймусь купать!)
Души Господь их принял.

И озаренье: А вдруг у них
Не было таковых?

Руки — чтоб гривну взымать с гроша,
Ноги — должок не додан.
Но, вразумите, к чему — душа?
Не глубоко ль негодный,

Как жардиньерка — гамак — кларнет —
В нашем быту — предмет?

В городе Гаммельне — отпиши —
Ни одного кларнета.
В городе Гаммельне — *ни души*,
Но уж тела́ за это!

Плотные, прочные. Столб, коль дюж,
Дюжины стоит душ.

А приосанятся — георгин,
Ниц! преклонись, Георгий!
Города Гаммельна гражданин,—
Это выходит гордо.

Не забывай, школяры: «Узреть
Гаммельн — и умереть!»

Juri, и Rührei, и Rühr uns nicht
An[1] (в словаре: не тронь нас!) —
Смесь. А глаза почему у них
В землю? Во-первых — скромность

И... бережливость: воззрился — ан
Пуговица к штанам!

Здесь остановка, читатель.— Лжешь,
Автор! Очки втираешь!
В сём Эльдорадо когда ж и кто ж
Пуговицы теряет?

— Нищие. Те, что от грязи сгнив,
В спальни заносят тиф,—

Пришлые. Скоропечатня бед,
Счастья бесплатный номер.
В Гаммельне собственных нищих нет.
Был, было, раз — да помер.

Тощее ж тело вдали от тел
Сытых зарыть велел

Пастор,— и правильно: не простак
Пастор,— не всем «осанна»!
Сытые тощему не простят
Ни лоскута, ни штанной

Пуговицы, чтобы знал-де всяк:
Пуговка — не пустяк!

(Маленькая диверсия в сторону пуговицы:)

Пуговицею весь склад и быт
Держатся. Трезв — застегнут.
Пуговица! Праадамов стыд!
Мод и свобод исподних —

Смерть. Обывателю ты — что чуб
Бульбе, и Будде — пуп.

С пуговицею — всё право в прах,
В грязь. Не теряй, беспутный,

[1] Juri — судья, Rührei — яичница-болтунья, национальное блюдо; Rühr uns nicht — не дотрагивайтесь до нас *(нем.)*.

Пуговицы! Праадамов крах
Только тобой искуплен,

Фиговая! Ибо что же лист
Фиговый («Mensch, wo bist?»)[1] —

Как не прообраз ее? («Bin nackt[2],
Наг,— потому робею») —
Как не зачаток, не первый шаг...
Пуговица — в идее!

Пуговицы же (внемли, живот
Голый!) — идея — вот:

Для отличения Шатуна-
Чад — от овец Господних:
Божье застегнуто чадо на́
Все́,— а козел расстегнут —

Весь! Коли с ангелами в родстве,
Муж,— застегнись на все́!

Не привиденьями ли в ночи
— Целый Бедлам вакантный! —
Нищие, гении, рифмачи,
Шуманы, музыканты,

Каторжники...
Коли взять на вес:
Без головы, чем без[3]

Пуговицы! — Санкюлот! Босяк!
От Пугача — к Сэн-Жюсту?!
Если уж пуговица — пустяк,
Что ж, господа, не пусто?

Для государства она — что грунт
Древу и чреву — фунт

Стерлингов. А оборвется — голь!
Бунт! Погреба разносят!
Возвеселися же, матерь, коль
Пуговицею — носик:

---

[1] «Человек, где ты» *(нем.)*.
[2] «Я гол» *(нем.)*.
[3] NB! Лучше.

Знак добронравия. (Мой же росс
Явственно горбонос —
В нас.)[1]

Дальше от пуговичных пустот,
Муза! От истин куцых!
От революции не спасет
Пуговица. Да рвутся ж,—

Все́! Коли с демонами в родстве —
Бард,— расстегнись на все́!

(Здесь кончается ода пуговице и возобновляется повествование.)

Город грядок —
Гаммельн, нравов
добрых, складов
полных,— Рай-

город...

Божья радость —
Гаммельн, здравых —
город, правых —
город...

Рай-город[2], пай-город, всяк свой пай берет,—
Зай-город, за̀годя закупай-город.

Без загадок —
город,— гладок:
Благость. Навык —
город.— Рай-

город...

Божья заводь —
Гаммельн, гадок —
Бесу, сладок —
Богу...

---

[1] Мой сын Георгий (Мур), родившийся в полный разгар мечты о Крысолове и первой главы его — 1-го февраля 1925 г., в воскресенье, ровно в полдень, в безумную (последнюю!) вьюгу, в избе, в деревне Вшеноры, близ Праги. *(Прим. М. Цветаевой.)*

[2] Ударение, как: Миргород, Белгород и пр. *(Прим. М. Цветаевой.)*

Рай-город, пай-город, Шмидтов-Майеров
Царь-город, старшему уступай-город.

Без пожаров —
город, благость —
город, Авель-
город — Рай-
город...

Кто не хладен
И не жарок,
Прямо в Гаммельн
Поез-

жай-город, рай-город, горностай-город,
Бай-город, вовремя засыпай-город.

Первый обход!
Первый обход!
С миром сношенья прерваны!
Спущен ли пес? Впущен ли кот?
Предупрежденье первое.

Су-дари, выпрягайте слуг!
Тру-бочку вытрясай, досуг!
Труд, покидай верстак:
«Morgen ist auch ein Tag» [1].

Без десяти!
Без десяти!
Уши законопатить
Ватой! Учебники отнести
В парту! Будильник — на̀ пять.

Ла-вочник, оставляй ме́лок,
Бюр-герша, оставляй чулок
И оправляй тюфяк:
«Morgen ist auch ein Tag».

Десять часов!
Десять часов!
Больше ни междометья!
Вложен ли ключ? Вдет ли засов?
Предупрежденье третье.

---

[1] «Завтра — тоже день» *(нем.)*.

Би-блию закрывай, отец!
Бюр-герша, надевай чепец,
Муж, надевай колпак,—
«Morgen ist auch ein...»

— Спят
Гаммельнцы...

СНЫ

(Глава вторая)

В других городах,
В моих (через край-город)
Мужья видят дев
Морских, жены — Байронов,

Младенцы — чертей,
Служанки — наездников...
А ну-ка, Морфей,
Что — гаммельнцам грезится

Безгрешным,— а ну?
— Востры,— да не дюже!
Муж видит жену,
Жена видит мужа,

Младенец — сосок,
Краса толстощекая —
Отцовский носок,
Который заштопала.

Повар — пробует,
Обер — требует.
Всё как следует,
Всё как следует.

Вдоль спицы петля —
Так всё у них плавно!
Павл видит Петра,
А Петр видит Павла,

Конечно — внучат
Дед (точку — прозаик),
Служанка — очаг
И добрых хозяев.

Ка́спар — заповедь,
Пастор — проповедь.
Не без проку ведь
Спать,— не плохо ведь?

Пуды колбасы
Колбасник (со шпэком),
Суд видит весы,
Весы же — аптекарь,

Наставнику — трость,
Плод дел его швейных —
Швецу. Псу же — кость?
Ошиблись: ошейник!

Стряпка — щипаное,
Прачка — плисовое.
Как по-писаному!
Как по-писаному!

— А сам бургомистр?
— Что въяве — то в дрёме.
Раз он бургомистр.
Так что ж ему, кроме

Как бюргеров зреть,
Вассалов своих?
А сам бургомистр —
Своих крепостных[1].

Дело слаженное,
Платье сложенное,—
По-положенному!
По-положенному!

(Лишь тон мой игрив:
Есть доброе — в старом!)
А впрочем, чтоб рифм
Не стаптывать даром —

Пройдем, пока спит,
В чертог его (строек
Царь!) — прочно стоит
И нашего сто́ит

Внимания...

---

[1] Burg — по-немецки крепость. *(Прим. М. Цветаевой.)*

Замка́ не взломав,
Ковра не закапав —
В богатых домах
Что́ первое? запах.

Предельный, как вкус,
Нещадный, как тора,
Бесстыдный, как флюс
На роже актера.

Вся плоть вещества,—
(Счета́ в переплете
Шагреневом!) вся
Вещественность плоти

В нем: гниль до хрящей.
С проказой не шутят!
Не сущность вещей,—
Вещественность сути!

Букет ее — всей!
Есть запахи — хлещут!
Не сущность вещей:
Существенность вещи.

Не сущность вещей
— О! и́ не дневала! —
Гнилых овощей [1]
— Так пахнут подвалы —

Ему предпочту.

Дух сытости дивный!
Есть смрад чистоты.
Весь смрад чистоты в нем!

Не запах, а звук:
Мошны громогласной
Звук. Замшею рук
По бархату красных

Перил — а по мне
Смердит изобилье! —
Довольством — вполне.
А если и пылью —

---

[1] Подразумевается: запах. *(Прим. М. Цветаевой.)*

Не нашей — с весной
Свезут, так уж што ж нам?
Не нищей: сквозной,
А бархатной — штофной —

Портьерной. Красот
Собранием, скопом
Красот и чистот,
А если и пòтом —

Добротным, с клеймом
Палаты пробирной.
Не нашим (козлом),
А банковским, жирным

Жилетным! не дам.

По самое небо
— О Ненависть! — храм
Стоглавый тебе бы —

За всех и за вся.

Засова не сняв,
Замка не затронув,
(Заметил? что в снах
Засовы не стонут,

Замки не гремят.
Врата без затвора —
Сон. Дòмы — без врат.
Всé — тени, всé — воры

В снах.)

Сто — невест тебе.
Всé — с запястьями!
Без-ответственно.
Бес-препятственно.

Сé — час жениха!
За кражи! за взломы!
Пустить петуха
В семейные домы!

В двуспальных толстух,
В мужей без измены.
Тот красен петух —
Как стяги — как стены

В иных городах...

Замка не затронув,
Посмотрим, как здрав
В добротных хоромах
Своих — бургомистр.

Домовит, румянист —
Баю-бай, бургомистр.

Завершенная седьмица —
Бургомистрово чело.
Что же мнится? что же снится
Бургомистру? Ни-че-го.

Ничего (как с жир-горы
Пот-то!), то есть: бюргеры.

Спи, жирна, спи, верна,
Бургомистрша, жена

Бургомистрова: синица,
Переполнившая зоб.
Что же мнится? что же снится
Бургомистрше? (Хорошо б,

Из перин-то вырвавши...)
...Бюргеры, ей — бюргерши.

Спи-усни, им не верь,
Бургомистрова дщерь.

Соломонова пшеница —
Косы, реки быстрые.
Что же мнится? что же снится
Дочке бургомистровой?

Запахи, шепоты...
Все — и еще что-то!

НАПАСТЬ

(Глава третья)

Тетки-трещотки,
Кухарки-тараторки,
— Чепцы, кошёлки —
Бабки-балаболки.

— Сала для лекаря!
— Трав для аптекаря!
— Свежего, красного
Легкого для пастора!

— По-следней дойки!
Девки-маслобойки.
— Ядрёной крупки!
Стряпки-мясорубки.

— Счастья, здоровья,
Сил на три месяца!
— Свежих воловьих
Жил для ремесленников!

Тетки-трещотки,
Торговки-горлодёрки,
— Кофты на байке —
Хозяйки-всезнайки.

— Све-жая требуха!
— Жи-вóго петуха!
— Масляна, не суха!
— Серд-ца для жениха!

— Сливки-последки!
Соседки-добросердки.
— Свежего! с ледничку!
Советницы-сплетницы.

— Взвесь, коль не веришь!
— Жарь — не ужарится!
— Гу-синых перьев
Для нотариуса!

— О-вощи, да с гряды!
— Со-вести для судьи!

Кур-ки-цесарки,
Невесты-перестарки,
Свежи, с постельки
Вдовицы-коротельки.

— Мни, да не тискай!
— Рдянь — не редиска!
— По-лушка с миской!
— Мозгов для бургомистра!

— Что хотите, то берите!
Подолы́, капора́.
Поварихи-разберихи,
Румяные повара.

Но-сы приплюснутые:
— Чего бы вкусненького?
Ла-дошки — ширмочками:
— Чего бы жирненького?

Выловить.
Выудить.
Выведать.
Выгадать.

— Все чехлы посняли с кресел!
— А гостей! А гостей!
— Нынче пекарева крестят!
— Новостей! Новостей!

Язвы-тихони.
Один в трахоме
Глаз, другой — пенится.
Сидни-кофейницы.

— Женишка-то, чай, постарше!
— А наряд! А наряд!
— Говорят, что у почтарши...
— Говорят... Говорят...

Язвы-шнырялы,
Кляузы-обмиралы,
— На́ площадь сор неси! —
Козни-цикорницы.

— Нацепил зеленый галстук!
— Ловелас! Ловелас!

— Мясник с тещей поругался!
— А у нас! А у нас!

— Ред-ко-сти...
— Хит-ро-сти...
— Кхе-кхе-кхе...
— Кхи-кхи-кхи...

— Бургомистрова-то, Грета!
— Не того! Не того!
— Третью ночь сидит до свету!
— Каково? Каково?

— Свечку жжет...
— Век свой жжет...
— Счастья ждет...
— В гроб пойдет...

— Скатертей однех — с три пуда!
— Чай, одна! Чай, одна!
— Ни за кем, отцу, не буду.
— Не жена! Не жена!

— Грех-таки...
— Стыд-таки...
— Кхе-кхе-кхе...
— Кхи-кхи-кхи...

— Поглядеть — одне костяшки...
— Не в соку! Не в соку!
— К нам на кашку! К нам на чашку
Кофейку! Кофейку!

Клуб
Женский — закрыт.
Суп
Перекипит.

Город грядок
Гаммельн, нравов
добрых, складов
полных —

Мера! Священный клич!
Пересмеялся — хнычь!

Перегордился — в грязь!
Да соразмерит князь

Милость свою и гнев.
Переовечил — хлев,
Перемонаршил — бунт.
Zuviel ist ungesund[1].

В меру! Сочти и взвесь!
Переобедал — резь,
(Лысина — перескреб),
Перепостился — гроб,

Перелечил — чума!
Даже сходи с ума
В меру. Щелчок на фунт:
Zuviel ist ungesund.

В меру и мочь и сметь:
Перезлословил — плеть,
Но и не переглядь:
— Только не передать! —

Не пере-через-край!
Даже и в мере знай
Меру: вопрос секунд.
Zuviel ist ungesund.

В меру! Im rechten Mass![2]
Верный обманет глаз.
В царстве — давно — химер —
Вера и глазомер.

Мера и сантиметр!
Вот, он, разумных лет
Лозунг, наш тугендбунд.
Zuviel ist un —

Не красоты одной — сало, слышишь? —
Вреден излишек.

Переполненья же складов-рисом-
Следствием — крысы.

---

[1] Излишество вредит *(нем.)*.
[2] В меру! *(нем.)*

Саго, и сала, и мыла — в меру,
Господи, да́руй!
Так и гремит по всему базару:
«Склады-амбары».

Так, чтобы в меру щедрот: не много
Чтоб, и не мало.
Так и гудит по живому салу:
«Склады-завалы» [1].

К вам, сытым и злым,
К вам, жир и нажим:

Злость сытости! Сплёв
С на-крытых столов!
Но — в том-то и гвоздь! —
Есть — голода злость.

Злость тех, кто не ест:
Не есть — надоест!
Без-сильных не злобь!
(Кры-синая дробь.)

Злость тех, кто не сыт:
Се-годня рысит —
А завтра — повис.
(Кры-синая рысь.)

(Скороговорка)

Не сыт и не спит
(Крысиная сыпь),
По сытеньким — прыг
(Крысиная прыть).

Дом. Склад.
Съе-дят
До — крох.
(Крысиный горох.)

Зря — крал,
Зря — клал,
Зря — греб
(Крысиный галоп).

---

[1] В последующих строках ударяются слоги: первый, второй и последний. *(Прим. М. Цветаевой.)*

Глав — глад —
Крысиный набат.
Глав — гвалт —
Крысиный обвал.

Куль! Рвись:
Глав—крыс!

А над кулём-то, а над мешком-то —
Точно над трупом.
И перекатывается круто:
«Крысы да крупы».

(Твой зуб,
Главкруп!)

Докраснобайствовались, мессии
Низшего класса!
Так и свистит по живому мясу:
«Крысы-запасы!»

(Твой всхлёст,
Главхвост!)

— Присягай, визжат, главглоту!
— Взяли склад, дай им глаз!
— Всю ночь топали, как рота!
А у нас! А у нас!

— Ушки! Замашки!
— Занды [1] карноухие!
— Все-то бумажки
Взрыли, перенюхали!

— Присягай, визжат, главблуду!
— Думал — горсть, смотришь — рать!
— Самого, визжат, на блюде
Бургомистра подать!

Эка круговерть
Карноусая!
Все-то пуговицы
Пообкусывали

---

[1] Убийца Коцебу. *(Прим. М. Цветаевой.)*

Штанные!
— Schande[1]
— Schande нам!
— Банды!

— Мастера усы-то салить!
— Ты им: ой! они: бей!
— У нас Библию: на палец,
Дескать, сала на ней!

— Ух, бессовестные!
— Ух, нахрапистые!
— Все-то соусники
Перепакостили!

— Не спасут, визжат, молебны!
— Ты им: Gott[2]! они: глаз.
— Весь по буковкам судебный
Растащили указ!

— Ух, нахрапистые!
— Ух, обшарпанные!
Все-то сахарницы
Пообхаркивали!

— Целый мир грозятся стрескать!
— Ты им: Хам! они: Сим!
На двунадесяти, дескать,
Языках говорим.

— Ясных-то
Два лишь:
Касса!
Товарищ!

— Целый мир грозятся стрескать!
— Солнцеверт! — Мозговрат!
— Из краев каких-то русских,
Кораблем, говорят.

— Граждане!
К спайке!
Schande нам!
Шайки!

---

[1] Стыд *(нем.)*.
[2] Бог *(нем.)*.

— Ни торгов от них, ни сна нет:
Ты им: рраз! они — сто!
«Голов сахарных не станет,—
А купецки на што?»

— Мало этого-то:
Рукой писаные
Всё-то летописи
Поо —

— Присягай, визжат, главсвисту!
— Уж и стыд! Уж и страмь!
— Не совсем, с лица, на крыс-то...
— Да уж крысы ли впрямь?

— Лысины!
— Пасмы!
— Слыхано ль?
В красном!

Предиковинный сорт!
Ты им: Бог, они: чёрт!

Скок — на башенный шпиц!
Ты им: Herz[1], они: цыц!

Ты им: чин, они: чушь!
Ты им: пиль! они: куш!

Ты им: стой! они: при!
Ты им: три! они:
— пли!

Коль не бос — кровосос,
Коль не бит — паразит.

— А язык!
— А язык!
— А язык!
— А язык!

У нас: Brot[2], у них — прод,
И язык не берет!
Думал: сдох, смотришь: прет,—
И мышьяк не берет!

[1] Сердце *(нем.)*.
[2] Хлеб *(нем.)*.

У нас: взлом, у них: Ком,
У нас: чернь, у них: терн,
Наркомчёрт, наркомшиш,—
Весь язык занозишь!

В новый мир, дескать, брешь:
Не потел — так не ешь,
Не пыхтел — так не ешь,
Не пострел — так не ешь.

До поры, дескать, цел:
Не потел — под расстрел,
Не хотел — под расстрел,
Не пострел — под расстрел.

(Тоном обвинительного акта.)
В воровстве,
В кумовстве,
В шельмовстве,
В колдовстве.

(Тоном заговора.)
— Все мы белые?
— Все.
— В чем же дело?
— В словце.

— Пологом кроет!
— Золотом кроет!
— До неба строит!
— Дорого стоит!

— Слово такое!
— Слово такое!
— Слово такое!
— Слово такое!

(Силясь выговорить.)
Не терял.
Начинал.
Интеграл.
Интервал.

Наломал.
Напинал.
Интерна-
цио...

— Сказок довольно!
Слушать герольда!
Всех, кто отчизне — сын,
Оповещаю сим...

Не углубляясь в частности:
Гаммельн в опасности!

Горний и дольний!
Слушать герольда!

Все́ и семижды все́
Знайте: на волоске

— Вот уже рвущемся —
Наше имущество,

Слава и класс.
— Граждане, глас

Девы, словес не тратящей:
Постановление ратуши:

«Будь то хоть бес, хоть жид,
Тот, кто освободит

Город от тьмы крысиной,
В дом бургомистра — сыном

Вступит — прошу понять:
Сын означает: зять.

(Треск барабанный.)
В Гаммельне anno

Domini...» [1]

В тот же час — вините будочника:
Что ж он не усторожил?! —
В город медленно входил
Человек в зеленом — с дудочкой.

[1] В лето Господне (*лат.*).

УВОД

(Глава четвертая)

Ти-ри-ли,
По рассадам германской земли,
Ти-ри-рам,
По ее городам
— Красотой ни один не оставлен —

Прохожу,
Госпожу свою — Музыку — славлю.

Нынче — здесь,
Да и то половинку, не весь!
Ти-ри-рам,
Завтра — там,
И хотя повсеместно оболган —

Стар и мал,
Равнодушно никто не внимал
И никто не отказывал в долгом
Взгляде — вслед.

Только там хорошо, где нас нет!
— Сердцелов! —
Только там хорошо, где ты нов:
Не заведом, не дознан, не вызнан.

«Прижились»,—
Эта слизь называется — жизнью!

Переезд!
Не жалейте насиженных мест!
Через мост!
Не жалейте насиженных гнезд!
Так флейтист,— провались, бережливость! —
— Перемен! —
Так павлин
Не считает своих переливов.

Ти-ри-ли!
Провалитесь, мешки и кули!
Ти-ри-ли!
Проломитесь, мучные лари!
Вместо гаммельнских — флейта не ферма! —

— Переступ —
Лип и круп —
Есть индийские пальмы и перлы.

Перелив.
Человек не ключарь кладовых!
Половик,
Червь, а не человек — тыловик!
Это Гаммельн, а есть Гималаи:
Райский сад.

Так да сяк —
Этот шлак называется — Раем!

Оторвись!
По дорогам цветет остролист!
Отвались!
По оврагам цветет барбарис
Кисловатый.

Лишь бы сыт!
Этот стыд называется: свято.

Крысы, с мест!
Не водитеся с сытостью: съест!
Крысы, с глаз!
Осаждаемый сытостью — сдаст
Шпагу...
О крысоловах злословят!
Дело слов:
Крысо-лов?
Крысо-люб: значит любит, коль ловит!

Крысы, в...

— Што ж мы?
— В чем дело ж?
— Тошно!
— Приелось!

— Вкусно ж,
— В чем тайна?
— Скушно:
Крайне.

Без борьбы человек не живет.
— У меня отрастает живот:
До колен, как у царских крыс.
— У меня — так совсем отвис.

— Без борьбы человек не жилец!
— У меня разминулся жилет
С животом: не разлад, а брешь.
— У меня объявилась плешь.

— Житие — не жысть!
— Разучился грызть!
— Не поход, а сласть!
— Разучился красть!

— Утром — булки, не меньше двух.
— У меня пропадает слух.
— У меня пошатнулся зуб.
— У меня остывает зуд
В зубах...

— Без слуги не влезаю в башмак...
— Есть дорога такая — большак...
— Без борьбы и овраг — острог...
— Хорошо без сапог!

— Не поход — погост.
— У меня отсыхает хвост.
— В полдень — клёцки, не меньше трех...
— У меня — так совсем отсох.

— Без обид, без злоб...
— Назревает зоб...
— Чуть обут-одет —
Уж опять обед
Из трех блюд...

— Знали б — зá версту обошли б!
— Помнишь странную вещь: башлык?

Сшиб да стык,
Штык да шлык...

— Без слуги не влезаю в обшлаг...
— Есть дорога такая — большак...
В той стране, где шаги широки,
Назывались мы...

— Больше сил моих нету: пасс!
— У меня заплывает глаз.
— У меня опадает слог.
— У меня — так совсем затек

Мозг.

— В Москву! — В Карлсбад!
— У меня оседает зад.
— У меня, по утрам, прострел.
— У меня — так совсем осел
До земли...

— Лыжи — и к богу!
— Грыжа!
— Изжога!

Свыклись —
И крышка!
Сытно —
Слишком.

— Три денька таких — и готов:
— Начинаю любить котов
И купцов...
— Заушат — прощу.
— Завтра дочку свою крещу:

Мне-то всё одно, ну, а ей —
Ей — целей.

— Не бивак — насест!
— У меня пропадает жест.

Флейта

— Где-то Инд...

— Начинаю вдаваться в винт.

— Различать *твое*.
— Запирать белье.
— Без штанов махал! —
Начинаю вводить крахмал

В туалет.
— Самолично вощить паркет.
— Господа, секрет:
Отвратителен красный цвет

Мне.
— Нам всем!
— От стыда засыпаю в семь —
— Недурен наезд!
— Начинаю бояться мест

Под мостами.
— Масс.
— Материнских глаз.
— Ну а я — стрельбы!
— Отчего у дворян гербы,—

А у нас...

Гладко,—
Как шваброй!
— Взятки!
— Подагра!

— В трюм бы!
— В гром бы!
...Тумбы.
...Пломбы.

В самый гром бы да в самый шторм!

Флейта

— Пе-ре-корм.

— Всё назад, чуть съем.
— И естественно: после схем,
Диаграмм — да в склад!

Обращение камерад
Устарело. Ввиду седин
Предлагаю вам господин...

Господин гражданин...
Для... форм...

Флейта
(настойчиво)

Перекорм.

Пересып.
Ели б досыта — не пошли б.
Спали б домертва — не прошли б
Ни киломе́тра, ни шестой:

Перестой.

Чудо ж делают, не присев:
Перепев.

Пересест!
Не жалейте насиженных мест!
Перемен!
Не жалейте надышанных стен!
Звёзд упавших — и тех не жалейте!

Мертвым — мир.
Выход в мир
Вот по этой по самой аллейке,—

Чуть левей.
— У меня пятьдесят сыновей!
Как один.
— У меня проржавел карабин.

— По́лно — залежь
Их — по рвам!
— Без программ
Из алтаря — да в Индию?!
— Брали ж

Перекоп!
Не искали ж протоптанных троп
На Москву!
— К чёрту всю

Быль с ее трехсотлетними Lind'ами! [1]
— Идем завоевывать Индию!

Напролом!
— У меня недостроенный дом!
— Строим — мир!
— У меня недоеденный сыр!

— Выше носу же не переплюнешь!

Флейта

Переплюнь!
В синь! в июнь!
В новизну! и к тому — новолунье ж!

---

[1] *Липами (нем.).*

Чтоб шагать молодцом —
Выступать нагишом!

Чтоб сошелся кушак —
Выступать натощак!

— Да здравствует полк!
Клыков перещелк.

— Довольно с нас круп!
Курков перещуп.

...Сала и масла гарного!
Да здравствует красная...

— Крысы, марш!

Нам опостылел домашний фарш!
Свежесть, которой триста
Лет — не свежа уже! шагом, марш!
Кто не прокис — окрысься!

Нам опостылел молочный рис!
Погорячее в ранцах!
Три миллиарда индийских крыс
Велико-оке-анских

Ждут, лихорадочные рои
Крысьего штурм унд дранг'а:
С кошками мускусными бои
На побережьях Ганга

Ждут. Не до слоек, не до колбас
Гаммельнских, венских, пражских!
Мы — на вселенную! Мир — на нас!
Кто не пропах — отважься!

Вот они, слойки!
Сдвинься, стройся!

Вот они, смальцы!
Щерься, скалься!

Ни крупинки не припрятавши —
Шагом, шагом мимо ратуши!

Чванься! пыжься! высься! ширься!
Мимо рынка, мимо кирки.

Мыслью — вестью — страстью — выстрелом —
Мимо дома бургомистрова.

А на балконе...
Ах! а с балкона...
Вроде ожога...
Вроде поклона...

Вроде Шираза
Щёчного — тссс...
Кажется — розу
Поднял флейтист?

(Дело вежливости!)
Не задерживаться!

Вышел радоваться,—
Не оглядываться!

Вот он, в просторы — лбом,
Города крайний дом.

Око-ём!
Грань из граней, кайма из каём!
«Отстаем»,—
Вот и рифма к тебе, окоём!

Скороход
В семитысячемилевых, флот,
Обогнавший нас раз
Навсегда — дальше глаз, дальше лба:

Бредовар!
Растопляющий всякую явь —
Аки воск,—
Дальше всех наших воплей и тоск!

Тоскомер!
Синим пó синю (восемь в уме),
Как по аспиду школьной доски,
Давший меру и скорость тоски:

Окохват!
Ведь не зря ж у сибирских княжат
Ходит сказ
О высасывателе глаз.

Ведь не зря ж
Эта жгучая женская блажь
Орд и стай —
По заглатывателю тайн.

Окоим!
Окодёр, окорыв, околом!
Ох, синим-
синё око твое, окоём!

Вышед в вей,
Допроси строевых журавлей,
В гаолян —
Допроси столбовых каторжан!

— Он! — За ним?
— Он же! — Ну, а за? — Он же...
— Джаным!
Здесь — нельзя.
Увези меня за

Горизонт!..

— Шел или спал?
— Штиль или шквал?
— Рус или сед?
— Наш ли уж свет?

— Дали не те!
— Ели не те!
— Горы не те!
— Гулы не те!

— Наш или тот?
— Час или год?
— Год или три,—
Сколько же шли?

— Даль не та!
— Пыль не та!
— Синь не та!
— Тень не та!

— Плыл или мчал?
— Гаммельн? Квартал.
— Гаммельн? Проспал.
— Гаммельн? Читал

В сказке.
— Весьма не новая
Сказка: левей Ганновера.

— Лес не тот!
— Куст не тот!
— Дрозд не тот!
— Свист не тот!

— Юн как Ахилл!
— Гаммельн? Гостил!
— Гаммельн? Простыл!
— Гаммельн? Учил

В книжке, покамест та́мбуром
Тетки...
— С меня так Гамбурга

Хватит!

— Вдох не тот!
— Ход не тот!
— Смех не тот!
— Свет не тот!

Синь, а не бел!
— Гаммельн? Пробел.
— Гаммельн? Прозрел:
Блюдо, и ел

С пивом, в одном приятном
Обществе: Hammelbraten[1].

Славный кусок!
— Гаммельн? Дай срок!
— Гаммельн? Заскок!
— Гаммельн? Отек

Мозга.
— Вниманья требую:
Гаммельна просто не было:

[1] Жареная баранина *(нем.)*.

Пыль.
Мель.
Моль.
Нуль.

Наша соль — пыль от пуль!
Наша быль — рваный куль!
Пусть злее чумы,—
Всё ж соль земли — мы!

Наша кровь — та же смоль!
Раз кровь — кровью смой!
Пусть ропщут умы,—
Всё ж кровь земли — мы!

Наша дробь — та же трель!
— Эй, раб! Влево цель!
Пав ниже земли,—
Всё ж цвет ее...

— Говорю вам: не те холмы!

— Не Германия!
— Много далее!
— Не Германия!
— И не Галлия!

— Одурманены!
— Знай да взахивай!
— Не Германия!
— И не Влахия!

— Тише тихого!
— Дольше длинного!
Коль не Скифия,
Значит...
— Индия!

Флейта

Индостан!
Грань из граней, страна из стран.
Синий чан —
Это ночь твоя, Индостан.

Здесь на там
Променявший, и дай на дам,

Гамма гамм,
Восходящая прямо в храм,

Рис, маис,
Промываемый девой из
Кув-шина́:
Тишина твоя, Индостан.

Как стрелок
После зарослей и тревог
В пушину́ —
В тишину твою, Индостан,—

Человек...

— Пагоды купола́!
— Что-то сини́м-синё!
— Рисовые поля!
— Пальмовое вино!

С первоначальных бед,
С первоначальных дрём,
Детский и крысий бред
Сахарным тростником.

Миру который год?
Миру который миг?
Перец, в ветрах, цветет!
Сахар, в ветрах, шумит!

Не целина — шагрень!
У синевы налет
Сливы.— Четвертый день
И никоторый год.

Смол
Гул.
Вол.
Мул.

Не полотно — резня
Красок. Дотварный ил.
Творческая мазня
Гения. Проба сил

Демона. В первый раз
Молотом о кремень.
Миру четвертый час
И никоторый день.

Де-вы
Ганга!
Древо
Манго!

Индиго! Первый цвет!
Индия! Первый крик
Твари. Вперись, поэт:
Миру четвертый миг!

Час предвкушаю: смяв
Время, как черновик...
Ока последний взмах —
И никоторый миг

Миру...

Стараякрыса

Так-таки и зудит!
Что-то — будто бы — точно — вид
Этой местности мне знаком.
Чем-то пагода на закром

Смахивает...
— Тюрбан! Брамин!

Старая крыса

Что за Индия, где овин
На овине...
— Бомбей! Базар!
Дервиш с коброю!

Старая крыса

И амбар
На амбаре...
— Дворец раджи!

Старая крыса

Вот так тропики в поле ржи!

Черным пò белу, по складам:

Пальма? Мельня. Бамбук? Шлагбаум.
Кондор? Коршун. Маис? Горох.
Мы от Гаммельна в четырех

Милях,— горсточка, а не полк!

Флейта

Кривотолк!
Рвите шкурника, чтобы смолк!
Крив и кос
Тот, кто в хоботе видит нос
Собственный, и в слоне — закром.
Крив и хром.

(Хлеще! хлеще! рассыпай! нижи
Хроматические гаммы лжи!)

Лжец и трус
Тот, кто в будущем видит — груз,
Мертв и сгнил
Тот, кто, идучи, видит тыл
Собственный, и в просторах — порт.
Перевёрт!

Передёрг!
Верьте Музыке: проведет
Сквозь гранит.
Ибо Музыки — динамит —
Младше...
— Всé на единый фронт!
Горизонт!

— Озеро!
— Яхонт!
— Розовым
Взмахом.
— Видишь?
Самим бы!
Ибис!
Фламинго!

Старая крыса

Синее топит!

— Зеркало тропик!
Кротость —

В сапфирах!
Лотос!
Папирус!

В воду —
Как в спальню.
Озеру —
Пальмы.
Низкопоклонство
— Смоем!
— Напьемся

Соком лотосовым: покой.

Флейта

Водопой!
Дальним — варево и постой.
Спят и пьют.

Старая крыса

Говорю вам, что это — пруд
Гаммельнский: триста лет, как сгнил.

Флейта

Кро-ко-дил!

— Сбудется!
— Близится!

Старая крыса

Лужица!
Жижица!

— Шелком ластится!

Старая крыса

Головастики!
Безголовым и главарю:
Головастики, говорю!

Флейта

Словарю —
Смыслов нищему корчмарю,
Делу рук —
Кто поверит, когда есть звук:
Царь и жрец.

Старая крыса

Говорю вам, что это лжец,
Лжец, агент!

Флейта

Лжет не Музыка — инструмент!

Старая крыса

Trug und Schand! [1]

Флейта

Лжет не музыка — музыкант!
Обособь!

Старая крыса

Говорю вам, что это топь,
Гать!

Флейта

Пусть так!
Лучше Музыка, чем мышьяк.

Старая крыса

Смерть!

Флейта

Что в том?
Лучше озеро, чем закром,
Сплыл, чем *сгнил!*
Тина? Полно! Коралл! Берилл!
Изумруд...

Ведь не в луже, а в звуке — мрут!

Что̀ тело? Тени тень!
Век тела — пены трель!
Нир-вана, вот он, сок!
Ствол пальмы? Флага шток —

В мир арок, радуг, дуг
Флагштоком будет — звук.
Что̀ — руки! Мало двух.
Звук — штоком, флагом — дух.

---

[1] Обман и стыд! *(нем.)*.

Есмь: слышу! («вижу» — сон!)
Смысл выше — ниже тон,
Ни-жайший. Тела взмёт,
И — тихо: нота нот.

Воздух душен, вода свежа.
Где-то каждый из нас раджа
(В смерти...)
С миром глаза смежи...

— Этой Индии *мы* — раджи!

Раджа на радже!
Но крыс тех уже —
Никто и нигде:
Круги на воде.

В РАТУШЕ

(Глава пятая)

«Тайные, статские —
Здравствуйте, ратсгерры!
Старого Гаммельна
Стены избавлены
От даровых жильцов.

Праздник котлов,
Шествие протвеней,—
Крысы утоплены!

Не был Цезарем бы —
Стал бы поваром бы...
Бейте в сковороды!
Бейте в сковороды!

Дням беспрепятственно
Радуйтесь, ратсгерры!
Ибо очищены
Склады — от хищников,
Головы — от идей.

В ско̀вороду — бей!

Иллюминацией
Празднуйте, ратсгерры,

— Цукром с цикорием —
Чудо-викторию
Без кулаков, без пуль.

Праздник кастрюль.
Ратсгерры, дожили:
Крысы уложены.

Сладко ль, солоно ли —
Делать нечего
Вам — исполненное,
Мне — обещанное».

Трепеток.
Шепоток.
Раты — вкось,
Герры — вбок.

Щеки — мак,
Брови — еж:
— То есть — как?
— То есть — что ж?

(Полка с мопсами
В лавке глиняной!)
— Что же — собственно?
Что же — именно?

— Ясно и точно, без некто и где-то:
В собственность деву, по имени Грета.

— Грету? Не Греты у нас и нет:
В землях живем германских.
В городе Гаммельне столько ж Грет,
Сколько, к примеру, Гансов.

Ганс или Грета. Не Грета — Ганс.
За валунами в реку —
В Гаммельн за Гретами. Контра-данс:
Коли не Ганс — так Грета.

Выйдет тебе
Суженая!
Выводками!
Дюжинами!

Не косорукий, да не слепой —
Уж себе Грету сыщешь!
Яминка — всé на один покрой! —
В ямку и прыщик в прыщик.

Оспа в оспину,
Чутка в чуточку,
Чью же, собственно,
Грету?
— Шутите!

Чью же, думали, высвистывал
Грету — как не бургомистрову?

Кипяток.
Топотёж.
Раты — в скок.
Герры — в лёжь,

Раты — в ик,
Герры — в чих.
— И шутник!
— И жених!

Сто кабанов захрюкало:
Заколыхали брюхами.

— Ой насмешил! Утешил же!
Заполыхали плешами.

— В эдаком фартучке
Девоньку?
— Так-таки.

С коробом по́честей
Девоньку?
— В точности.

Раты — в фырк,
Герры — в ве́рт.
— Ну и франт!
— Ну и ферт!

Очи — в узь,
Щеки — в глянц.
— Ну и гусь!
— Ну и Ганс!

С кузовом сéребра
Девоньку?
— Сеяли!
Полную житницу
Девоньку?
— Жните же!

— Нотный тюк!
Штанный клок!
— Ну — супруг!
— Ну — зятек!

Уж и шустр!
Уж и быстр!
Ржет без чувств
Бургомистр.

— Наспех да наскоро
Свадебку?
— Ратсгерры!

Первую в городе
Девушку?
— Боровы!

«Будь то хоть бес, хоть жид,
Тот, кто освободит
Город — хоть слеп, хоть спятил! —
В дом бургомистра зятем
Вступит, в графу особ
В городе — первых...»
— Стоп!

Не в хороводе, небось, дуда,—
В думе! Шажком! Андáнте!
Только про беса и про жида,
Где же про музыканта

Сказано?
Как завершен обряд —
Милости просим, брате!
Всяк музыканту на свадьбе рад,—
Только не в роли зятя.

За музыканта! За нотный крюк!
Звук! Флейтяную дырку!

Где ж это видано, чтобы вдруг
Да с музыкантом — в кирку?

За музыканта! За нервный ком —
Дочку! милей ковач мне!
Что же и делать-то ей с тюком
Нотным — на ложе брачном!

За музыканта! за голый боб!
Может — в краях незнамых —
Только не слыхивал Гаммельн, чтоб
За музыкантов — замуж!

— Что есть музыка? Щебет птах!
Шутка! Ребенок сладит!
— Что есть музыка? — Шум в ушах.
— Увеселенье свадеб.

— Беспоследственный дребезг струн,
— Скука и крики браво.
— Что есть музыка? Не каплун,
А к каплуну — приправа.

— За-бывается: молод был —
Сам загибал преловко!
— Мешанина из бычьих жил,
Дерева и сноровки.

— Околпачивающий пар.
— Нет! Музыкантов кормим
Для того, чтобы пищи вар
В нас протекал проворней.

— Полегонечку — за пивцом —
Да чтобы женский пол был...
Две-три а́рийки перед сном...
Только не очень долго.

— Что есть музыка? с первых нот:
«Что бы вам, братцы, кончить?»
— Ну а я так — наоборот:
Только бы что погромче,
Побасистее!

— Рано встав,
Да коли восемь ртишек...
— Превышение всяких прав.
Гетто: себя не слышишь!

— Музыка? Гриф
С лентами.
— Шлиф.
— К зёву позыв.
— Так... перелив...

— После сольцы — пирожное...
— Из пустоты — в порожнее...

— Не осведомлены, префект:
Музыка есть аффект.

Аффектация неких чувств,
Коих и нету. Хам мол —
Кто не чувствует.
— Как ни тщусь:
Что-либо, кроме гаммы —

Беспоследственно.
— Факт есть факт:
Музыка есть антракт.

— Рукоделие праздных дур.
Что̀ до меня — так стойко:
Пуще всяческих увертюр
Мне по нутру — настройка

Перед оными.
— Фонд есть фонд.
Музыка есть афронт —

Смыслу здравому. Вящий вздор,
Нежель чулок с ажуром.

Бургомистр

Выше-высказанное — вздор.
Истина есть. Скажу вам.
Думали — гриф
С лентами? Шлиф?
К зёву позыв?
Так... перелив —

Музыка? Тиф —
Музыка! Взрыв!
По̀ степи — скиф!
Жил перерыв!

За головню — да голыми —
Хвать! Из огня да в полымя!

Пострашнее, чем шум в ушах,
Грёзы, глаза зажмуря.
Музыка — это банков крах,
Раскрепощенье фурий.

Приглашается папа Пий
На Рождество предместий.
Quatuor [1] четырех стихий,
Раскрепощенье бестий.

Рабской сущности унтергрунд —
Музыка — есть — бунт.

Бунт архангела. Бунт скота.
Бунт галуна в передней.
Не невеста: — клоком — фата! —
За фортепьяно — ведьма!

Лучше шулера пощади,
Чем музыканта! Дрема —
В креслах? Бесы на площади́
Думской — и бесы в доме!

Женской сущности септ-аккорд —
Музыка — есть — чёрт.

Лупоглазого школяра
В пасмах — кулак Потсдаму.
Что есть музыка? Ça ira! [2]
Ратсгерры, вот вам гамма!

В оперении райских птах
Демоны: stirb und tödte! [3]
Что есть музыка? Тайный страх
Тайного рата Гёте —

Пред Бетховеном.

Брови — вверх,
Краска — в нос.

---

[1] Квартет *(лат.)*.
[2] Будет дело! *(фр.)*
[3] Умри и убей! *(нем.)*

Раты — в перх,
Герры — в чёс.

Раты — в крёхт,
Герры — в чох.
— С нами фохт!
— С нами Бог!

Только, талант непризнан,
Ратсгерр от Романтизма,

Новорожденски-розов
И Филомелой прозван:
«Музыка в малых дозах —
Это не так серьезно».

Бурго-же-мистр, величав и льдист:
— В Вас говорит артист.

Ратсгерр от Романтизма

Tempi passati! [1]

Бургомистр

Ратсгерры, сядьте!

Шутки за рюмкой.
Думсгерры, думьте!

Можно ли — непостижим Господь —
За музыканта — плоть

Нашу?

В городе — впрочем, одна семья
Гаммельн! Итак, в семействе
Гаммельнском — местоименья «я»
Нет: не один: все́ вместе.

За исключением веских благ,
Я означает — всяк.

Славное слово, и есть в нем прок:
Всяк! Так и льнет шубейкой!

Автору же этих скромных строк
— Озолоти! убей хоть! —

[1] В прошлом! *(ит.)*

Только одна в нем — зато моя! —
Буква понятна: я.

Необоримая! Так алмаз
Жив в черноте пожара.
Неповторимая! Что есть аз?
Что не бывает парой.

На языке невозвратных рас
Аз означает: раз.

(Азры...)

В городе Гаммельне лишь азы́...
Впрочем, язык прикусим.
Страшное слово! Страшней грозы
В полночь, гостей за гусем:

Я! (В пожирающем большинстве
Я означает — все́.)

Как у соседей! как у людей!
Не мое дело — все́ так!
Автору же, ясновидцу лжей,
Оку — из самых светлых,

Только одна в нем — прошу понять —
Буква доступна: ять.

Я: нагруженная по края
Яблонь: снимай не снимешь!
В Гаммельне ж — вместо именья: я —
Мы — (лишь тогда не мнимость,

Не глухонемость, не пень, не тын —
С буквы когда — в аршин!)

(Право гигантов!)

— За музыканта?
Это пикантно!
Это пикантно!

Время — пропало!
Место — пространство!
— За зубоскала!
— За голодранца!

— Без будущего!
— За дудочника!

В доме — гнусь.
В лавке — долг.
Черный гусь!
Белый волк!

С крыши — душ,
В спальне — штранд.
— Кто ваш муж?
— Му-зы-кант.

Рук — вместо платы,
Плеск — вместо мяса.
— За звездохвата!
— За лоботряса!

В грезы да в планы
Первенца кутай.
— За великана!
— За лилипута!

— За опусника!
— За фокусника!

Вечный иск!
Всё в ломбард!
Крысий писк
Квинт да кварт,

Деток — кладь,
Geld ist Sand.[1]
— Кто ваш зять?
— Му-зы-кант.

Дудка! для этого нужен дых
Дюжий,— весь день дудишь-то!
Не затруднительно в молодых
Ле́тах, а что с одышкой?

Не пригодишься и нужники
Чистить. В слепцы, с жестянкой?
А неоплатные должники —
Все́ они музыканты!

[1] Деньги — песок (*нем.*).

Ратсгерры белым
Полнятся гневом:
— Первую в целом
Городе — деву?

Первому? — браво!
Встречному? — ново!
— За крысодава?
— За крысолова?

— Бессахарника?
— За каторжника!

Общий ров.
Гроб в обрез.
Ни венков.
Ни словес.

Помер — прей.
Unbekannt [1].
— Кто был сей?
— Му-зы-кант.

Сомущены — в сумятице —
Глазки, обычно в маслице,
Губки, обычно бантиком,
Ратсгерра от Романтики:

— «В городе Гаммельне вечных благ
Нет, хоть земных и густо.
Гения с Гаммельном — тот же брак,
Что соловья с капустой!

К *Розе* приписана соловью
Страсть. Изменив пенатам,
Над соловьем моим слезы лью,
А соловей — женатый!

Гения с Гаммельном — где же такт?
Вкус? — не в родстве! не в тоне!
Невразумительней есть ли факт,
Чем соловей — в законе?

Брак — это зá борт: занесть, залечь,
Закись — тюфяк — свинина...

[1] Неизвестен *(нем.)*.

Не небожителя слышу речь,
Други, а мещанина!

Сам в бургомистровы рад бы влезть
Туфли — так я — предместье!
Но небожителю — что́ за честь
Звать бургомистра — тестем?

Многозначителен — так красив,
Высокосерд — так знатен.
Миродержателя сыном быв,
Стать бургомистра зятем?

Кухонку?
Куколку?
Кольчико?
Только-то?

Что не для лириков — Гименей —
Вам и ребенок скажет.
Остепенившийся соловей —
Недопустимый казус!

Коль небожители в царстве тел —
Ни лоскутка на дыры
Вам, ибо правильный был раздел
Благ при начале мира:

Нам — только видимый, вам же — весь
Прочий (где несть болезни!).
Коль божество, в мясники не лезь,
Как в божества не лезем.

Вам — миродержствовать, нам — родить:
Здесь близнецы, там тройня.
Но музыканту счастливым быть
Попросту непристойно!

Так предоставьте же сладкий кус
Обыкновенным смертным!
Ваша амброзия слаще уст
Женских, и чище — нектар.

Иерофанты в грязи колес,
Боги в чаду блудилищ —
Плачьте и бдите, чтоб нам спалось,
Мрите — чтоб мы плодились!

А бургомистрову дочку — план
Дальний — другим заменим.
Впрочем, в подобных делах профан
И ожидаю мненья

Следующих...»

Поразрумянился весь совет,
Лбищи понапружи́ли.
В Гаммельне собственных мыслей нет,
Только одни чужие.

Не мудрено: на земле живут,
Не в облаках витают.
Да и чужих не сказать, чтоб пуд,—
Только одна, и та ведь

Авторская... Шепоток вдоль стен:
«Что́ бы ему взамен?»

— Что-нибудь нужное!
Удочку! Дюжину

Недорогих носков!
— Туфельку для часов!

— Что-нибудь на́ стену!
Краскою масляной
Кайзера на коне!
— Дело ведь не в цене!

— Нотную папочку!
— Тросточку! На́ плечи
Что-нибудь из тряпья!
— Кисточку для бритья!

— Так себе — чуточку!
— Штучно! — Посуточно!
Не при дворе ж! в глуши!
— Главное — от души!

— Самую капельку!
— Крохотку! — Крапинку!
— Каб налицо — сюртук,
Я б предложил — утюг:

Прочно и дешево!
— Главное — пошибом
Взять: для подобных бар
Жест — наилучший дар.

Прочее — дорого.
— Дешево — здорово!
Без роковых затрат,
В дельности — аттестат.

Деньги — безвкусица!
Каперцы, устрицы,—
Не диабет — нефрит.
— Гений мечтами сыт.

Доброе мнение —
Вот она, гению,
Плата: кошель похвал.
— Смертный дороже б взял.

Стало быть — аттестационный лист.

Ратсгерр от Романтизма

— Эврика! В руки бейте!
Коль по призванию он — флейтист,
Значит — футляр на флейту!

Раты — в плёск.
Герры — в хлоп.
— Ну и мозг!
— Ну и лоб!

Geben — frisst,
Leb'heisst spar...[1]
Раз флейтист —
Так футляр.

— Слажено! — Сложено!
— Замшевый! Кожаный!

— Для музыкальных душ
Так же приятен плюш.

— Стало быть — плюшевый!
— Ратсгерры, кушанье

---

[1] Дадим — слопает (здесь: дают — бери), жить — значит экономить *(нем.)*.

Стынет.— Коль нежность — цель,
Так же нежна фланель.

— Главное — умысел!
— В траты не сунувшись,
Чтоб от души — к душе —
Как из папье-маше!

Кабы малейший какой в душе
Прок был — у всех была бы.
А в переводе папье-маше —
Жеваная бумага.

Хоть не корова, а нажую!
Боги — а рты замажем!
Так же, как критика — соловью:
Жвачкой, притом — бумажной.

— Чистой! без примеси!
— Принято! Принято!

— Хлопковой! Рисовой!
— Браво! Подписано!

Бургомистр

Не проскочил — в зятья
Но, человека чтя
И в музыканте —
Ратсгерры, встаньте!

Девы, монет не тратящей,
Постановленье ратуши:

Гаммельн — не в царстве душ.
Раз музыкант — не муж,
Раз музыкант — не зять.
В названной отказать

Девушке. (В царстве *цен*!)
И предложить взамен
Нечто из царства чар:
На инструмент — футляр

Жвачно-бумажный.
Ибо не важно

Что́ — («Вещество — лишь знак».
Гёте) — а важно — как.

Тих как мех.
Тих как лев.
Губы в смех.
Брови в гнев.

Выше звезд,
Выше слов.
Во весь рост —
Крысолов.

«Раз музыкант — так мот.
Дудки не бережет
Дудочник. Треснет — свистнет.
Чехолоненавистник
Он — и футлярокол.
Раз музыкант — так гол.

Чист. Для чего красе —
Щит? Гнойники скрывают!
Кто со всего и все́
В мире — чехлы срывает!

Нехороша — так пнуть!
Чтоб просияла суть.

Не в ушеса, а в слух
Вам протрубят к обедне —
В день, когда сбросит дух
Тело: чехол последний.

В день, когда станут — льды.
В душу — и *без* трубы.

Не в инструменте — в нас
Звук. Разбивайте дудки!
Зорче всего — без глаз
Видящий. Самый гудкий

И благодарный зал —
Грудь. Никогда не мал.

Не соловью беречь
Горло. (Три капли на́ ночь!)

Что до футляра — в печь!
Или наденьте на́ нос...

Ратсгерры! Долг и мзду —
Дочь бургомистра. Жду».

Зашушукали! шу-шу-шук...
«За каких-нибудь десять штук

Жалких — благо бы крыс! — мышей!
Не видать как своих ушей».

Грета, Грета, попалась в сеть!
Лучше уши свои узреть,
Нежель душу.
— Камыш, шурши!
Не видать, как своей души.

ДЕТСКИЙ РАЙ

(Глава шестая и последняя)

Розан ал, студень гол,
А будильник — зол.

В школу! В школу! В школу! В школу!
Норд-Ост — в спину! Норд-Вест — в полы!

Не продравши глаз —
В класс! в класс! в класс!

Жарче шуб, слаще дынь —
А будильник: дзинь!

Разрывай-рывай глаза!
Спать нельзя! нельзя! нельзя!

Собирай-бирай мозги!
Тьма — ни зги! ни зги! ни зги!

Но-гами в чан!
Под кран! Под кран!

Не роман и не драма,— скушна весьма!
Из-под крана смывайте румяна сна!

Готы идут и гунны.
Но, говоря разумно,

Так от готов и гуннов — а мир был мал! —
Что осталось? Хороший балл.

Гул да балл,
Гунн да галл,
(Спутал — влёт.)
Галл да гот.

Гот да галл.
— Слишком мал —
Гунн да гот,
— Бутерброд.

Гунны — конные, ножки гнуты.
В фунте двадцать четыре фута.
Плюс на минус выходит — плюс.
Цезарь — немец.

Сейчас проснусь.

Спит сурок, спит медведь.
— Спать не сметь! не сметь! не сметь!

Спит мертвец, спит индус.
— Отосплюсь — просплюсь — просплюсь...

Буки — Аз —
В щелки глаз.

Сотней ос —
В ноздри, в нос.

На́ сто лет, на́ сто мод —
Мой завод — завод — завод.

Рухнет дуб, рухнет трон —
Заведён — ведён — ведён.

Сотни лет, сотни мод —
А что дальше будет —
Скажет тот, скажет тот,
Кто будильник — будит.

Что есть час? что есть год?
Ведь и кратер глохнет!
Скажет тот, скажет тот —
Кто будильник грохнет.

Час пропал, день сгорел,
А будильник — цел.

Были долы —
Выросли горы.
Нынче — в школу,
Завтра — в контору.

Где вы, пчелы?
Где вы, зубрилы?
Нынче в школу,
Завтра в могилу...

Утомительней мошкары...
— Шко-ля-ры!

Что́ это? Новый звук!
Книги летят из рук
— Мимо — и прямо в печь.
Руки хотят от плеч,

Слезы хотят из глаз.
Сало упало в таз,
Мыло упало в суп —
В школьную Morgensupp'[1]

Звуки! Звуки! как из лейки.
Как из тучи! Как из глаз!
Это флейта, это флейта,
Это флейта залилась!

Скоки! Скоки! Как из стойла!
Топот-при́топ, топот-пряд
— Флейта, лей нам! Флейта, пой нам! —
Жеребят, козлят, телят.

Вольница.
Конница.
Школьники.
Школьницы.

[1] Утреннюю похлебку! *(нем.)*

Что ливень с суков,
Что щебень с горы —
Со всех чердаков
Горох детворы.

Школьник? Вздор. Бальник? Сдан.
Ливня, ливня барабан.

Глобус? Сбит. Ранец? Снят.
Щебня, щебня водопад.

Всплески! Всплески! Как из шайки!
Атлас, старься! Грифель, жди!
В роще — сойки, в роще — зайки,
В роще — белые дрозды!

Крики! Крики! Так, примером,
Рты и глотки растворя,
Дикари миссионером
Заедают жития,

— Дет-во-ра!
Золотых вечеров мошкара...
Ди-ка-ри!
Голосистых прудов пескари...

Прочь из нор!
Мотылек — не сурок, не бобер.
Прочь из школ!
Ведь еще — первоцвет не отцвел.

Есть у меня — не в службу, а в дружбу! —
Для девочек куклы, для мальчиков ружья,
— Глубокая ловля и быстрая гребля,—
Для девочек — иглы, для мальчиков — кегли.

На — ряд и доспех,
И — вафли — для всех.

Птичкам — рощица, рыбкам — о́зерце,
На все́ особи, на все́ возрасты!

Младшим — сладости, старшим — пряности,—
На все́ особи, на все́ возрасты!

Блеск — больно глазам:
Эдем и Сезам.

Под родительскою крышею
Вы там-там бессонный слышали?

Под родительскою кровлею
Кто шербет блаженный пробовал?

Дом — тесный загон
Для львов и для жен.

Есть у меня — сказал, так в ладони! —
Для девочек лани, для мальчиков кони,
Плоды Соломона и розы Саади,
Для мальчиков — войны, для девочек —
свадьбы,

Весь — мир — нараспев
И ласка для всех.

Рыбки в лужице! Птички в клетке!
Уничтожимте все отметки!

Рыбкам — озерце, птичкам — лето,—
Уничтожены все́ предметы!

Рож-дественский стол
В древнейшей из школ.

— Говорят, что он в зеленом!
— Где ж он? — Я иду за звоном.

— Он в жару меня баюкал.
— Где ж он? — Я иду за звуком.

— Я за красною фатой.
— Я за старшею сестрой.

— Говорят, что рай — далёко.
— Я не выучил урока.

— Что-то боязно мне втайне.
— Я — за дальним. Я — за крайним.

— Я — чтоб детство наверстать.
— Не остаться.— Не отстать.

— За отчаявшимся кладом.
— Я — за славой. Я — за стадом.

— Все равно — домой нельзя уж!
— Я — так за море! Я — замуж.

— Потому что в школе бьют.
— Потому что все́ идут.

— Ночевать хотел бы в сене.
— Я — за Францем. Я — за всеми.

— Воевать хотел бы с львами.
— Я? не знаю. Ноги сами.

— Потому что фатер — бьет.
— Потому что — *всё* идет!

...Колотушки — и те в миндалинках!
Погремушки для самых маленьких!
Сказки — пастора рассмешишь!
И романтики для больших.

На всякие нужды! на всякие вкусы!
Для мальчиков — пули, для девочек — бусы.
На всякие жажды! на всякие масти!
Для мальчиков — игры, для девочек — страсти!

Без свах, без помех,
И — письма — для всех.

— Говорят, что он заводит,
Топит. (Ворочай, народец!).

— Заведет, потом загубит!
— Раз не *может*, так не будет

Хуже! — В лад — так не злодей!
— В ад — так без проповедей!

— Хорошо еще, что вместе,
Кучей.— А сказать по чести...

(То с воды идет, то свыше,—
Где ж он?) — Ничего не слышу:

Ни гоп-гоп и ни ду-ду,—
Все́ идут, и я иду.

— Есть у меня — всё, всё, кроме ренты!
Для мальчиков флинты, для девочек ленты,
Дозорные знаки и тайные числа,
Для девочек — звуки, для мальчиков — смыслы,

Сих — с теми — родство,
И — рифма — на всё.

Ветер в полы!
Мимо школы!

Целым цирком —
Мимо кирки.

Кем ни разу не ласкан
Да без просыпу таскан —
До свидания, классный!
До свидания, пастор!

Не напишем, и не пиши!
— Малыши!

Есть у меня — не всё перескажешь! —
Для мальчиков — радость, для девочек — тяжесть,
Нежна — перелюбишь, умна — переборешь.
Для мальчиков — сладость, для девочек — горечь.

Дно — страсти земной...
И — рай — для одной.

Здесь — путы,
Здесь — числа...
Разруха...
Разлука...

Рай — сути,
Рай — смысла,
Рай — слуха,
Рай — звука.

Точно облачко перистое,
Шепот: — Грета бургомистрова!

Стройтесь, резвые невестины
Сёстры в свадебное шествие.

Позабыв о сальных бальниках —
За́ руку берите маленьких.

Школьный дом — уже с горошину!
На́ руки берите крошечных

Братцев аистовых...
— Не раскаиваться!

Вроде благовеста...
— Не оглядываться!

Вот он, в просторы стай,
Города самый край.

— Зарастай,
След от ног наших. Спросят — в Китай.
Враний грай,
Голоса и шаги заглушай.

Вы, кусты,
Не храните одежд лоскуты.
Ветер, ты
Голоса и шаги относи.

Без следа!
Говорят, что сегодня среда:
День труда.
В том краю воскресенье всегда.

Жить — стареть,
Неуклонно стареть и сереть.
Жить — врагу!
Всё, что вечно,— на том берегу!

В царстве моем — ни тюрем, ни боен,—
Одно ледяное! одно голубое!
Под зыбкою рябью, под зыбкою кровлей
Для девочек — перлы, для мальчиков — ловля

Их.— С грецкий орех!
И — ванна — для всех.

Спи-усни, спи-исчезнь,
Жемчуг — чу́дная болезнь.

Хворост — сер. Хочешь — ал?
Вместо хворосту — коралл.

В царстве моем — ни свинки, ни кори,
Ни высших материй, ни средних историй,
Ни расовой розни, ни Гусовой казни,
Ни детских болезней, ни детских боязней.

Синь. Лето краснó.
И — время — на всё.

Тише, тише, дети! Отданы
В школу тихую, подводную.

Лейтесь, лейтесь, розы щёчные,
В воду вечную, проточную.

Кто-то: мел! кто-то: ил!
Кто-то: ноги промочил!

Кто-то: вал! кто-то: гул!
Кто-то: озера хлебнул!

А вода уже по пальчики
Водолазам и купальщицам...

Жемчуга навстречу сыплются.
А вода уже по щиколку...

Под коленочки норовит.
— Хри-зо-лит!

Красные мхи, лазурные ниши...
А ноги всё ниже, а небо всё выше...)
Зеркальные ложи, хрустальные зальца...
А что-то всё ближе, а что-то всё дальше...

— Берегись! По колено ввяз!
— Хри-зо-праз!

А вода уже по плечико
Мышкам в будничном и в клетчатом.

Выше, выше, носик вздернутый!
А вода уже по горлышко,—

Усладительней простыни...
— Хру-ста-ли...

В царстве моем (нежнейшее dolce) [1]...
А веку всё меньше, а око всё больше...
Болотная чайка? Младенческий чепчик?
А ноги всё тяжче, а сердце всё легче...

Поминай, друзья и родичи!
Подступает у подбородочку.

Хороши чертоги выстроил
Нищий — дочке бургомистровой?

— Вечные сны, бесследные чащи...
А сердце всё тише, а флейта всё слаще...
— Не думай, а следуй, не думай, а слушай...
А флейта всё слаще, а сердце всё глуше...

— Муттер, ужинать не зови!

Пу-зы-ри.

Вшеноры, март 1925 г.—
Париж, ноябрь 1925

---

[1] Нежнейший тон *(ит.)*.

ПОПЫТКА КОМНАТЫ

Стены косности сочтены
До меня. Но — заскок? случайность? —
Я запомнила три стены.
За четвертую не ручаюсь.

Кто же знает, спиной к стене?
Может *быть*, но ведь может *не*

Быть. И не было. Дуло. Но
Не стена за спиной — так..? Всё, что
Не угодно. Депеша «Дно»,
Царь отрекся. Не только с почты

Вести. Срочные провода
Отовсюду и отвсегда.

На рояле играл? Сквозит.
Дует. Парусом ходит. Ватой —
Пальцы. Лист сонатинный взвит.
(Не забудь, что тебе — девятый.)

Для невиданной той стены
Знаю имя: стена спины

За роялем. Еще — столом
Письменным, а еще — прибором.
Бритвенным (у стены — прием —
Этой — делаться коридором

В зеркале. *Перенес* — взглянул.
Пустоты переносный стул).

Стул для всех, кому не войти —
Дверью,— чуток порог к подошвам! —

Та стена, из которой *ты*
Вырос — поторопилась с прошлым —

Между нами еще абзац
Целый. Вырастешь как Данзас —

Сзади.
Ибо Данзасом — *та*,
Званым, избранным, с часом, с весом,
(Знаю имя: стена хребта!)
Входит в комнату — не Дантесом.

Оборот головы.— Готов?
Так и ты через десять строф.

Строк.
Глазная атака в тыл.
Но, оставив разряд заспинный,
Потолок достоверно — *был.*
Не упорствую: как в гостиной,

Может быть, и чуть-чуть косил.
(Штыковая атака в тыл —
Сил).
        И вот уже мозжечка
Сжим. Как глыба спина расселась.
Та сплошная спина Чека,
Та — рассветов, ну та — расстрелов

Светлых: четче, чем на тени
Жестов — в спину из-за спины.

То, чего не пойму: расстрел.
Но, оставив разряд застенный,
Потолок достоверно цел
Был (еще вперед — зачем нам

Он). К четвертой стене вернусь:
Та, куда отступая, трус
Оступается.
        «Ну, а пол —
Был? На чем-нибудь да ведь надо ж?..»
Был.— Не всем.— На качель, на ствол,
На коня, на канат, на ша́баш,—

Выше!..

Всем нам на *«том светў»*
С пустотою сращать пяту
Тяготенную.

Пол — для ног.
— Как внедрен человек, как вкраплен! —
Чтоб не капало — потолок.
Помнишь, старая казнь — по капле

В час? Трава не росла бы в дом —
Пол, земля не вошла бы в дом —

Всеми — теми — кому и кол
Не препятствие ночью майской!
Три стены, потолок и пол.
Всё, как будто? Теперь — являйся!

Оповестит ли ставнею?
Комната наспех составлена,
Белесоватым пó серу —
В черновике набросана.

Не штукатур, не кровельщик —
Сон. На путях беспроволочных
Страж. В пропастях под веками
Некий нашедший некую.

Не поставщик, не мебельщик —
Сон, поголее ревельской
Отмели. Пол без блёсткости.
Комната? Просто — плоскости.

Дебаркадер приветливей!
Нечто из геометрии,
Бездны в картонном томике,
Поздно, но полно, понятой.

А фаэтонов тормоз-то —
Стол? Да ведь локтем кормится
Стол. Разлоктись по склонности,
Будет и стол — настольности.

Так же, как деток — аисты:
Будет нужда — и явится
Вещь. Не пекись за три версты!
Стул вместе с гостем вырастет.

Все вырастет,
Не ладь, не строй.
Под вывеской
Сказать — какой?

Взаимности
Лесная глушь
Гостиница
Свиданье Душ.

Дом встречи. Все — разлуки —
Те, хоть южным на юг!
Прислуживают — руки?
Нет, то, что тише рук,

И легче рук, и чище
Рук. Подновленный храм
С услугами? Тощища
Оставленная там!

Да, здесь мы недотроги,
И в праве. Рук-гонцы,
Рук-мысли, рук — итоги,
Рук — самые концы...

Без судорожных «где ж ты?»
Жду. С тишиной в родстве,
Прислуживают — жесты
В Психеином дворце.

Только ветер поэту дорог!
В чем уверена — в коридорах.

Прохожденье — вот армий база.
Должно долго идти, чтоб сразу

Середь комнаты, с видом Бога —
Лиродержца...

— Стиха дорога!
Ветер, ветер, над лбом — как стягом
Подымаемый нашим шагом!

Водворенное «и так дале» —
Коридоры: домашнесть дали.

С грачьим профилем иноверки
Тихой скоростью даль, по мерке

Детских ног, в дождеватом пруфе
Рифмы милые: грифель — туфель —

Кафель... в павлиноватом шлейфе
Где-то башня, зовется Эйфель.

Как река для ребенка — галька,
Дали — долька, не даль — а далька.

В детской памяти струнной, донной —
Даль с ручным багажом, даль — бонной...

Не сболтнувшая нам (даль в модах),
Что там тащится на подводах...

Доведенная до пенала...
Коридоры: домов каналы.

Свадьбы, судьбы, событья, сроки,—
Корридоры: домов притоки.

В пять утра, с письмецом подметным,
Корридором не только метлы

Ходят. Тмином разит и дерном.
Род занятия? Кор-ри-дорный!

То лишь требуя, что смолола
Корридорными — Карманьола!

Кто корридоры строил
(Рыл), знал куда загнуть,
Чтобы дать время крови
За угол завернуть

Сердца — за тот за острый
Угол — громов магнит!
Чтобы сердечный остров
Со всех сторон омыт

Был. Корридор сей создан
Мной — не проси ясней! —
Чтобы дать время мозгу
Оповестить по всей

Линии — от «посадки
Нету» до узловой
Сердца: «Идет-Бросаться —
Жмурься! А нет — долой

С рельс!» Корридор сей создан
Мной (*не поэт* — спроста!),
Чтобы дать время мозгу
Распределить места,

Ибо свиданье — местность,
Роспись — подсчет — чертеж —
Слов, не всегда уместных,
Жестов, погрешных сплошь.

Чтобы любовь в порядке —
Вся, чтоб тебе люба —
Вся, до последней складки —
Губ или платья? Лба.

Платье все оправлять умели!
Корридоры: домов туннели.

Точно старец, ведомый дщерью,
Корридоры: домов ущелья.

Друг, гляди! Как в письме, как в сне том —
Это *я* на тебя просветом!

В первом сне, когда веки спустишь —
Это *я* на тебя предчувствьем.

Света. В крайнюю точку срока
Это *я* — световое око.

А потом?
Сон есть: в тон.
Был-подъем,
Был — наклон

Лба — и лба.
Твой — вперед
Лоб. Груба
Рифма: рот.

Оттого ль, что не стало стен —
Потолок достоверно крен

Дал. Лишь звательный цвел падеж
В ртах. А пол — достоверно брешь.

А сквозь брешь, зелена как Нил...
Потолок достоверно плыл.

Пол же — что, кроме «провались!» —
Полу? Что нам до половиц

Сорных? Мало мела? — Горе!
Ведь поэт на одном тире

Держится...
                    Над *ничем* двух тел
Потолок достоверно пел —

Всеми ангелами.

St. Gilles-sur-Vie,
6 июня 1926 г.

ПОЭМА ЛЕСТНИЦЫ

Короткая ласка
На лестнице тряской.
Короткая краска

Лица под замазкой.
Короткая — сказка:
Ни завтра, ни здравствуй.

Короткая схватка
На лестнице шаткой,
На лестнице падкой.

В доме, где по ночам не спят,
Каждая лестница водопад —

В ад...
— стезею листков капустных!
Точно лестница вся из спусков,

Точно больше (что̀ — жить! жить — жечь!)
Расставаний на ней, чем встреч.

Так, до розовых уст дорваться —
Мы порой забываем: здравствуй.
Тех же уст покидая край —
Кто — когда — забывал: прощай.

Короткая шутка
На лестнице чуткой,
На лестнице гудкой.

От грешного к грешной
На лестнице спешной
Хлеб нежности днешней.

Знаешь проповедь
Тех — мест?
Кто работает —
Тот — ест

Дорого в лавках!
Тощ — предприимчив.
Спать можно завтра,
Есть нужно нынче.

В жизненной давке —
Княжеский принцип:
Взять можно завтра,
Дать нужно нынче.

Взрывом газовым
Час. Да-с.
Кто отказывал,
Тот — даст.

Даст!
(Нынче зубаст
Газ) ибо за нас
— Даст! — (тигр он и барс)
— Даст — черт, а не Марс!

Ящик сорный,
Скажут, скажите: вздор.
И у черной
Лестницы есть ковер.

(Масти сборной,
Правда...) Чеснок, коты,—
И у черной
Лестницы есть Coty.

Любят сласти-то
Черви тесной!
Это — классика:
Чердаку — чеснок.

Может, лечатся...
А по мне — так месть:
Черной лестницы
Черноту заесть.

Стихотворец, бомби́ст, апаш —
Враг один у нас: бэль-этаж.
Короткая сшибка
На лестнице щипкой,
На лестнице сыпкой —
Как скрипка, как сопка,
Как нотная стопка.
Работает — топка!

Короткая встрепка
На лестнице шлепкой,
На лестнице хлопкой.

Бьем до искр из глаз,
Бьем — в лёжь.
Что̀ с нас взыскивать?
Бит — бьешь.

Владельца в охапку —
По лестнице каткой,—
По лестнице хлипкой —

Торопится папка,
Торопится кепка,
Торопится скрипка.

— Ох, спал бы и спал бы!
Сжевала, сгноила, смолола!
Торопятся фалды,
Торопятся фалды,
Торопятся полы.

Судор'жь! Сутолочь!
Бег! Приз!
Сами ж путают:
Вверх? вниз?

Что этаж — свой кашель:
В прямой связи.
И у нашей
Лестницы есть низы,

Кто до слез, кто с корнем,
Кто та́к, кхи, кхи —
И у черной
Лестницы есть верхи.

— Вас бы выстукать!
— Ки́ркой в грудь — ужо!
Гамма приступов
От подвала — до

Крыши — грохают!
Большинством заплат —
Маркса проповедь
На стравинский лад.

Короткая спевка
На лестнице плёвкой:
Низов голосовка.

Не спевка, а сплёвка:
На *лестницу* легких
Ни цельного — ловко!

Торопкая склёвка.
А ярости — в клохтах!
Работают — ох как!

Что́ ни бросите —
Всё — в ход.
Кто не досыта ест —
Жрет.

Стол — как есть домашний:
Отъел — кладут.
И у нашей
Лестницы — карта блюд.

Всех сортов диета!
Кипящий бак —
И у этой
Лестницы — Франценсбад.

Сон Иакова!
В старину везло!
Гамма запахов
От подвала — до

Крыши — стряпают!
Ре-ми-фа-соль-си —
Гамма запахов!
Затыкай носы!

Точно в аду вита,
Раскалена — винта

Железная стружка.
Которая стопка
Ног — с лестницы швыркой?

Последняя сушка,
Последняя топка,
Последняя стирка.

Последняя сцепка
Двух — кости да тряпки —
Ног — с лестницей зыбкой.

Последняя папка,
Последняя кепка,
Последняя скрипка.

Тихо.— Даже — кашель
Иссяк, дотряс.
И у нашей
Лестницы есть свой час

Тишины...

Последняя взбе́жка
По лестнице дрожкой.
Последняя кошка.

Темнота всё стерла —
И грязь, и нас.
И у черной
Лестницы есть свой час

Чистоты...

Откуда — узнай-ка! —
Последняя шайка —
— Рейн, рухнувший с Альп —
Воды́ об асфальт

Двора...

Над двором — узорно:
Вон — крест, вон — гроздь...
И у черной
Лестницы — карта звезд.

Ночь — как бы высказать?[1]
Ночь — вещи исповедь.
Ночь просит искренности,
Вещь хочет высказаться —

Вся! Все унижены —
Сплошь, до недвижимых
Вплоть. Приступ выспренности:
Вещь хочет выпрямиться.

Винт черной лестницы —
Мнишь — стенкой лепится?
Ночь: час молитвенностей:
Винт хочет вытянуться.

Высь — вещь надежная.
В вещь — честь заложена.
Ложь вижу выломанной
Пря-мою линиею.

Двор — горстка выбоин,
Двор — год не выгребен! —
Цветами, ягодами —
Двор бредит за̀городом.

Вещь, бросив вежливость:
— Есмь мел! железо есмь!
Не быть нам выкрестами!
Жид, пейсы выпроставший.

Гвоздь, кафель, стружка ли —
Вещь — лоно чувствует.
С ремёсл пародиями —
В спор — мощь прородинная.

Стекло, с полок бережных:
— Пе-сок есмь! Вдребезги ж!
Сти-хий пощечина!
Стекло — в пыль песочную!

Прочь, ложь и ломанность!
Тю-фяк: солома есмь!
Мат-рас: есмь водоросль!
Всё, вся: природа есмь!

Час пахнет бомбою.
Ве-ревка: льном была!

[1] Между первым и вторым слогом перерыв. *(Прим. М. Цветаевой.)*

Огнь, в куче угольной:
— Был бог и буду им!

Что̀ сталось с кранами?
— Пал — бог и встану им!
Чтоб сразу выговорить:
Вещь хочет выздороветь.

Мы, с ремеслами, мы с заводами,
Что мы сделали с раем, отданным
Нам? Нож первый и первый лом,
Что̀ мы сделали с первым днем?

Вещь как женщина нам поверила!
Видно, мало нам было дерева
И железа — отвесь, отбей! —
Захотелось досок, гвоздей, —

Щеп! удо̀боваримой мелочи!
Что мы сделали, первый сделавши
Шаг? Планету, где всё о Нем —
На предметов бездарный лом?

Мы — с ремеслами, мы — с искусствами!
Растянув на одре Прокрустовом
Вещь... Замкнулась и ждет конца
Вещь — на адском одре станка.

Слава разносилась реками,
Славу утверждал утес.
В мир — одушевленней некуда! —
Что же человек привнес?

Нужно же, чтоб он, сей видимый
Дух, болящий бог — предмет
Неодушевленный выдумал! —
Лживейшую из клевет!

Вы с предметами, вы с понятьями,
Вы с железом (дешевле платины),
Вы с алмазом (знатней кремня),
(С мыловаром, нужней меня!)

Вы с «незыблемость», вы с «недвижимость»,
На ступеньку которой — ниже нет,

В эту плесень и в эту теснь
Водворившие мысль и песнь —

(Потому-то всегда взрываемся!)
Что̀ вы сделали с первым равенством
Вещи — всюду, в любой среде —
Равной ровно самой себе.

Дерево, доверчивое к звуку
Наглых топоров и нудных пил,
С яблоком протягивало руку.
Человек — рубил.

Горы, обнаруживая руды
Скрытые (впоследствии «металл»),
Твердо устанавливали: чудо!
Человек — взрывал.

Просвещенная сим приемом
Вещь на лом отвечает — ломом.
Стол всегда утверждал, что — ствол.
Стул сломался? Нет, сук подвел.

В лакированных ваших клетках
Шумы — думаете — от предков?
Просто, звезды в окно узрев,
Потянулся в пазàх орех.

Просыпаешься — как от залпа!
Шкаф рассохся? Нет, нрав сказался
Вещи. Двòрни домашний бал!
Газ взорвался? Нет, бес взыграл!

Ровно в срок подгниют перильца.
Нет — «нечаянно застрелился».
Огнестрельная воля бдит.
Есть — намеренно был убит

Вещью, в негодованье стойкой.
В пустоту не летит с постройки
Камень — навыки таковы:
Камень требует головы!

Месть утеса. С лесов — месть леса!
Обстановочность этой пьесы!
Чем обставились? Дуб и штоф?
Застрахованность этих лбов!

Всё страхующих — вплоть до ситки
Жестяной. Это ты — тростник-то
Мыслящий? — Биллиардный кий!
Застрахованность от стихий!

От Гефеста — со всем, что в оном —
Дом, а яхту — от Посейдона.
Оцените и мысль и жест:
Застрахованность от божеств!

От Гефеста? А шпиль над крышей —
От Гефеста? Берите выше!
Но и тише! От всех в одном:
От Зевеса страхуют дом.

Еще плачетесь: без подмоги!
Дурни, спрашивается, боги,
Раз над каждым — язык неймет! —
Каждым домом — богоотвод!

Бухты, яхты, гешефты, кофты —
Лишь одной не ввели страховки:
От имущества, только — сей:
Огнь, страхующий *от* вещей.

Вещи бедных. Разве рогожа —
Вещь? И вещь — эта доска?
Вещи бедных — кости да кожа,
Вовсе — мяса, только тоска.

Где их брали? Вид — издалёка,
Изглубóка. Глаз не труди!
Вещи бедных — точно из бока:
Взял да вырезал из груди!

Полка? случай. Вешалка? случай.
Случай тоже — этот фантом
Кресла. Вещи? шипья да сучья,—
Весь октябрьский лес целиком!

Нищеты робкая мебель! [1]
Вся — чего? — четверть и треть.
Вещь — давно, явно на небе!
На тебя — больно глядеть.

---

[1] Между первым и вторым слогом перерыв. *(Прим. М. Цветаевой.)*

От тебя грешного зренья,
Как от язв, трудно отвлечь.
Венский стул — там, где о Вене —
Кто? когда? — страшная вещь!

Лучшей всех — *здесь* — обесчещен,
Был бы — дом? мало! — чердак
Ваш. Лишь *здесь* ставшая вещью —
Вещь. Вам — бровь, вставшая в знак

? — сей. На рвань нудную, вдовью
Что̀? — бровь вверх! (Чем не лорнет —
Бровь!) Горазд спрашивать бровью
Глаз. Подчас глаз есть — предмет.

Та̀к подчас пуст он и сух он —
Женский глаз, дивный, большой,
Что — сравните — кажется духом —
Таз, лохань с синькой — душой.

Наравне с тазом и с ситом
— Да — царю! Да — на суде! —
Каждый, здесь званый пиитом,
Этот глаз *знал* на себе!

Нищеты робкая утварь!
Каждый нож *лично* знаком.
Ты как тварь, ждущая утра,
Чем-то — здесь, *всем* — за окном—

Тем, пустым, тем — на предместья —
Те — читал хронику краж?
Чистоты вещи и чести
Признак: *не* примут в багаж.

Оттого что слаба в пазах,
Распадается на глазах,
Оттого что на ста возах
Не свезти...
                    В слезах —

Оттого что не стол, а муж,
Сын. Не шкаф, а *наш*
Шкаф.
Оттого что сердец и душ
Не сдают в багаж.

Вещи бедных — площе и суше:
Площе лыка, суше коряг.
Вещи бедных — попросту — души.
Оттого так чисто горят.

Ввысь, ввысь
Дым тот легкий!
Чист, чист
Лак от локтя!

Где ж шлак?
Весь — золой
Лак, лак
Локтевой!

Прям, прям
Дым окраин.
Труд — Хам,
Но не Каин.

Обшлаг —
Вдоль стола.
Наш лак
Есть смола.

Стол — гол — на вещицы,
Стол — локтем вощится,
Воск чист, локоть востр.
За-стывший пот — воск.

Им, им — ваших спален
(Вощи́м, но не са̀лим!)
Им, им так белы́
Полы — до поры!

Вещи бедных — странная пара
Слов. Сей брак — взрывом грозит.
Вещь и бедность — явная свара.
И не то спа̀рит язык!

Пономарь — что̀ ему слово?
Вещь и *нищ*. Связь? нет, разлад.
Нагота ищет покрова,
Оттого так часто горят

Чердаки — часто и споро —
Час да наш в красном плаще!
Теснота ищет — простора
(Автор сам в рачьей клешне).

Потолок, рухнув — по росту
Стал — уж горб нажил, крался́.
Правота ищет помоста:
Всё сказать! Пусть хоть с костра!

А еще — место есть: нары.
Ни луча. Лу́чная вонь.
Бледнота ищет загару.
О всем том — помнит огонь.

———

Связь, звучанье парное:
Черная — пожарная.

У огня на жалованьи
Жизнь живет пожарами.

В вечной юбке сборчатой —
Не скреби, уборщица!

Пережиток сельскости —
Не мети, метельщица!

Красотой не пичканы,
Чем играют? Спичками.

Мать, к соседке вышедши,
Позабыла спичечный

Коробок...
— как вылизан
Пол, светлее зеркала!

Есть взамен пожизненной
Смерти —жизнь посмертная!

Грязь явственно сожжена!
Дом — красная бузина!

Честь — царственно спасена!
Дом — красная купина!

Ваши рабства и ваши главенства —
Погляди, погляди, как валятся!

Целый рай ведь — за миг удушьица!
Погляди, погляди, как рушатся!

Печь прочного образца! [1]
Протопится крепостца!

Все тучки поразнесло!
Просушится бельецо!

Пепелище в ночи́? Нет — займище!
Нас спасать? Да от вас спасаемся ж!

Не топчите златого пастбища!
Нас? Да разве спасают — спасшихся?

Задивившись на утро красное,
Это ясень суки выпрастывает!

Спелой рожью — последний ломтичек!
Бельевая веревка — льном цветет!..

А по лестнице — с жарко-спящими —
Восходящие — нисходящие —

Радуги...

— Утро.
Спутало перья.
Птичье? мое? невемо.
Первое утро — первою дверью.
Хлопает...
Спит поэма.

Вандея, июль 1926 г.

---

[1] В последних четырех строках между первым и вторым слогом — перерыв.

Печь прочного образца!
Про-топится крепостца!
Все — тучки поразнесло!
Про-сушится бельецо!

(Прим. М. Цветаевой.)

ПОЭМА ВОЗДУХА

Ну, вот и двустишие
Начальное. Первый гвоздь.
Дверь явно затихла,
Как дверь, за которой гость.
Стоявший — так хвоя
У входа, спросите вдов —
Был полон покоя,
Как гость, за которым зов
Хозяина, бденье
Хозяйское. Скажем так:
Был полон терпенья,
Как гость, за которым знак
Хозяйки — всей тьмы знак!
Та молния поверх слуг.
Живой или призрак —
Как гость, за которым стук
Сплошной, не по средствам
Ничьим — оттого и мрем —
Хозяйкина сердца:
Березы под топором.
Расколотый ящик
Пандорин ларец забот!
Без счету — входящих,
Но кто же без стука — ждет?
Уверенность в слухе
И в сроке. Припав к стене,
Уверенность в ухе
Ответном. (Твоя — во мне.)
Заведомость входа.
Та сладкая (игры в страх!)
Особого рода
Оттяжка — с ключом в руках.
Презрение к чувствам,

Над миром мужей и жен —
Та Оптина пустынь,
Отдавшая — даже звон.
Душа без прослойки
Чувств. Голая, как феллах.
Дверь делала стойку.
Не то же ли об ушах?
Как фавновы рожки
Вставали. Как ро-та... пли!
Еще бы немножко —
Да просто сошла б с петли
От силы присутствья
Заспинного. В час страстей
Так жилы трясутся,
Натянутые сверх всей
Возможности. Стука
Не следовало. Пол — плыл.
Дверь кинулась в руку.
Мрак — чуточку отступил.

Полная естественность.
Свойственность. Застой.
Лестница, как лестница,
Час, как час (ночной).
Вдоль стены распластанность
Чья-то. Отдышав
Садом, кто-то явственно
Уступал мне шаг —
В полную божественность
Ночи, в полный рост
Неба. (Точно лиственниц
Шум, пены о мост...)
В полную неведомость
Часа и страны.
В полную невидимость
Даже на тени.
(Не черным-черна уже
Ночь, черна-черным!
Оболочки радужной
Киноварь, кармин —
Расцедив сетчаткою
Мир на сей и твой —
Больше не запачкаю
Ока — красотой.)
Сон? Но, в лучшем случае —
Слог. А в нем? под ним?

Чудится? Дай вслушаюсь:
Мы, а шаг один!
И не парный, слаженный,
Тот, сиротство двух.
Одиночный — каждого
Шаг — пока не дух:
Мой. (Не то, что дыры в них —
Стыд, а вот — платать!)
Что-то нужно выравнять:
Либо ты на пядь
Снизься, на мыслителей
Всех — державу всю!
Либо — и услышана:
Больше не звучу.

Полная срифмованность.
Ритм, впервые мой!
Как Колумб, здороваюсь
С новою землей —
Воздухом. Ходячие
Истины забудь!
С сильною отдачею
Грунт, как будто грудь
Женщины под стоптанным
Вое-сапогом.
(Матери под стопками
Детскими...)
В тугом
Шаг. Противу — мнения:
Не удобохож
Путь. Сопротивлением
Сферы, как сквозь рожь
Русскую, сквозь отроду —
Рис,— тобой, Китай!
Словно моря противу
(Противу: читай —
По́ сердцу!) сплечением
Толп.— Гераклом бьюсь!
— Землеизлучение.
Первый воздух — густ.

Сню тебя или снюсь тебе,—
Сушь, вопрос седин
Лекторских. Дай, вчувствуюсь:
Мы, а вздох один!
И не парный, спаренный.

Тот, удушье двух,
Одиночной камеры
Вздох: еще не взбух
Днепр? Еврея с цитрою
Взрыд: ужель оглох?
Что-то нужно выправить:
Либо ты на вздох
Сдайся, на всесущие
Все,— страшась прошу —
Либо — и отпущена:
Больше не дышу.

Времечко осадное,
То, сыпняк в Москве!
Кончено. Отстрадано
В каменном мешке
Легкого! Исследуйте
Слизь! Сняты врата
Воздуха. Оседлости
Прорвана черта.

Мать! Недаром чаяла:
Цел воздухобор!
Но сплошное аэро —
Сам — зачем прибор?
Твердь, стелись, под лодкою
Леткою — утла!
Но — сплошное легкое —
Сам — зачем петля
Мертвая? Полощется...
Плещется... И вот —
Не жалейте летчика!
Тут-то и полет!
Не рядите в саваны
Косточки его.
Курс воздухоплаванья
Смерть, и ничего
Нового в ней. (Розысков
Дичь... Щепы?.. Винты?..)
Ахиллесы воздуха
— Все! — хотя б и ты,
Не дышите славою,
Воздухом низов.
Курс воздухоплаванья
Смерть, где все с азов,
Заново...

Слава тебе, допустившему бреши:
Больше не вешу.
Слава тебе, обвалившему крышу:
Больше не слышу.
Солнцепричастная, больше не щурюсь.
Дух: не дышу уж!
Твердое тело есть мертвое тело:
Оттяготела.

Легче, легче лодок
На слюде прибрежий.
О, как воздух легок:
Реже — реже — реже...
Баловливых рыбок
Скользь — форель за кончик...
О, как воздух ливок,
Ливок! Ливче гончей
Сквозь овсы, а скользок!
Волоски — а веек!
Тех, что только ползать
Стали — ливче леек!
Что я — скользче лыка
Свежего, и лука.
Па́годо-музыкой
Бусин и бамбука,—
Пагодо-завесой...
Плещь! Всё шли б и шли бы...
Для чего Гермесу —
Крыльца? Плавнички бы —
Пловче! Да ведь ливмя
Льет! Ирида! Ирис!
Не твоим ли ливнем
Шемахинским или ж
Кашемирским...
                                Танец —
Ввысь! Таков от клиник
Путь: сперва не тянет
Персть, потом не примет
Ног. Без дна, а тве́рже
Льдов! Закон отсутствий
Всех: сперва не держит
Твердь, потом не пустит
В вес. Наяда? Пэри?
Баба с огорода!
Старая потеря
Тела через воду

(Водо-сомущения
Плеск. Песчаный спуск...)
— Землеощущение.
Третий воздух — пуст.

Седью, как сквозь невод
Дедов, как сквозь косу
Бабкину,— а редок!
Редок, реже проса
В засуху. (Облезут
Все́, верхи бесхлебны.)
О, как воздух резок,
Резок, реже гребня
Песьего, для пёсьих
Курч. Счастливых засек
Редью. Как сквозь просып
Первый (нам-то — засып!)
Бредопереездов
Редь, связать — неможность.
О, как воздух резок,
Резок, резче ножниц.
Нет, резца... Как жальцем
В боль — уже не убыль.
Редью, как сквозь пальцы...
Сердца, как сквозь зубы
Довода — на Credo
Уст полураскрытых.
О, как воздух цедок,
Цедок, цедче сита
Творческого (влажен
Ил, бессмертье — сухо).
Цедок, цедче глаза
Гётевского, слуха
Рильковского... (Шепчет
Бог, своей — страшася
Мощи...)
                    А не цедче
Разве только часа
Судного...
                    В ломо́ту
Жатв — зачем рождаем?
...Всем неумолотом,
Всем неурожаем

Верха... По расщелинам
Сим — ни вол ни плуг.
— Землеотлучение:
Пятый воздух — звук.

Голубиных грудок
Гром — отсюда родом!
О, как воздух гудок,
Гудок, гудче года
Нового, Порубок
Гуд, дубов под корень.
О, как воздух гудок,
Гудок, гудче горя
Нового, спасиба
Царского... Под градом
Жести, гудче глыбы
В деле, гудче клада
В песне, в большеротой
Памяти народной.
Соловьиных глоток
Гром — отсюда родом!
Рыдью, медью, гудью
Вьюго-Богослова
Гудью — точно грудью
Певчей — небосвода
Нёбом или лоном
Лиро-черепахи?
Гудок, гудче Дона
В витву, гудче плахи
В жатву... По загибам,
Погрознее горных,
Звука, как по глыбам
Фив нерукотворных.
Семь — пласты и зыби!
Семь — heilige Sieben [1]
Семь — в основе лиры,
Семь — в основе мира.
Раз основа лиры —
Семь, основа мира —
Лирика. Так глыбы
Фив по звуку лиры...
О, еще в котельной
Тела — «легче пуха!»

---

[1] Священная семерка *(нем.)*.

Старая потеря
Тела через ухо.
Ухом — чистым духом
Быть. Оставьте буквы —
Веку.
Чистым слухом
Или чистым звуком
Движемся? Преднота
Сна. Предзноб блаженства.
Гудок, гудче грота
В бури равноденствья.
Темени — в падучке,
Голода — утробой
Гудче... А не гудче
Разве только гроба
В Пасху...
              И гудче гудкого
Паузами, промежутками
Мóчи, и движче движкого
Паузами, передышками
Паровика за мучкою...
Чередованьем лучшего
Из мановений божеских:
Воздуха с — лучше-воздуха!
И — не скажу, чтоб сладкими —
Паузами: пересадками
С местного в межпространственный —
Паузами, полустанками
Сердца, когда от легкого —
Ох! — полуостановками
Вздоха — мытарства рыбного
Паузами, перерывами
Тока, паров на убыли
Паузами, перерубами
Пульса,— невнятно сказано:
Паузами — ложь, раз *спазмами* —
Вздоха... Дыра бездонная
Легкого, пораженного
Вечностью...
              Не всé ее —
Так. Иные — смерть.
— Землеотсечение.
Кончен воздух. Твердь.

Музыка надсадная!
Вздох, когда вотще!

Кончено! Отстрадано
В газовом мешке
Воздуха. Без компаса
Ввысь! Дитя — в отца!
Час, когда потомственность
Ска-зы-ва-ет-ся.
Твердь! Голов бестормозных —
Трахт! И как отсечь:
Полная оторванность
Темени от плеч
Сброшенных. Беспочвенных —
Грунт! Гермес — свои!
Полное и точное
Чувство головы
С крыльями. Двух способов
Нет — один и прям.
Так, пространством всосанный,
Шпиль роняет храм —
Дням. Не в день, а исподволь
Бог сквозь дичь и глушь
Чувств, из лука — выстрелом —
Ввысь! Не в царство душ —
В полное владычество
Лба. Предел? — Осиль:
В час, когда готический
Храм нагонит шпиль
Собственный — и, вычислив
Всё,— когорты числ!
В час, когда готический
Шпиль нагонит смысл
Собственный...

<1927>
Мёдон, в дни Линдберга

СИБИРЬ

Казацкая, татарская
Кровь с молоком кобыл
Степных... Тобольск, «Град-Царствующ
Сибирь» — забыл, чем был?

Посадка-то! лошадка-то!
А? — шапка высока!
А шустрота под шапкой-то!
— С доставкой ясака.

Как — «краше сказок няниных
Страна: что в рай — что в Пермь...»
Казаки женок сманенных
Проигрывали в зернь.

Как на земле непаханой
На речке на Туре
Монашки-то с монахами
В одном монастыре

Спасалися. Не курицу —
Лис, девку подстерег
Монах. Покровско-Тушинский
Поднесь монастырек

Стоит. (Костлявым служкою
Толчок: куды глядишь?
В монастыре том с кружкою
Ходил Распутин Гриш.)

Казачество-то в строгости
Держать? Нашел ягнят!
Все воеводы строятся,
А стройки — все-то в ряд.

Горят! Гори, гори, Сибирь-
Нова! Слепи Москву-
Стару! Прыжками рысьими,
Лисьими — к Покрову —

Хвостами — не простыла чтоб
Снедь, вольными людьми:
Иванищу Васильичу
Край, Строгановыми

Как на ладони поданный.
Ломóть про день-про чёрн
Как молодицы по воду —
Молодчики — по корм.

В такой-то — «шкуру сдергивай»
Обход — «свою, д...мак!»
Самопервейшим жерновом
Ко дну пошел Ермак.

Прощай, домоводство!
Прощай, борода!
Прощай, воеводство!
Петрова гнезда

Препёстрого пуха,
Превострых когтей
В немецком треухе —
Гагарин Матвей.

Орел-губернатор!
Тот самый орел,
От города на три
Верстищи Тобол

Отведший и в высшей
Коллегии птиц
За взятки повисший
Петровой Юстиц-
Коллегии против.

Дырявый армяк.
Взгляд — смертушки просит.
— Кто? — Федька-Варнак.

Лежу на соломе,
Царей не корю.
— Не ты ли Соймонов,
Жизнь спасший царю?

(С ноздрею-то рваной?)
— Досказывать, что ль? —
И сосланный Анной
Вываривать соль

В Охотске.
— В карету!
Вина прощена!
Ноздря — хоть не *эта* —
А приращена.

И кажный овраг
Про то песенку пел:
Как Федька-Варнак
Губернатором сел
Тобольским.

Потомства
Свет. Ясен-Фенист!
Сибирское солнце —
Чичерин Денис.

В границах несведущ.
Как солнце и дождь,
Дававший на немощь,
Дававший на мощь.

Речь русскую *«нате»*
Внедривший — словцом,
В раскрытом халате,
С открытым лицом,

С раскрытою горстью
— В морозной соли —
Меж князем Обдорским
И Ханом-Вали.

...Зато уж и крепко
Любила тебя
Та степушка, степка
Та, степь-Бараба,

Которую — версты
Строптивых кобыл! —
Ты, ровно бы горстью
Соля,— заселил.

— Сей, дяденька, ржицу!
— Тки, девонька, холст!
В тайжище — в травище
— Ужу не проползть —

В уремах, в урманах
— Козе не пролезть —
Денису Иванычу
Вечная честь.

Так, каждой хатенкой
Равнявшей большак,
Сибирский Потемкин
С Таврическим в шаг
Шел.

Да не споткнись, шагаючи
О Государства давешний
Столп, то бишь обесчещенный
Меньшикова-Светлейшего.
— В красках — доселъ не умерли! —
Труп, ледяную мумию
Тундры — останки мерзлые
Меньшикова в Березове.

(Без Саардамским плотником
Данной, злорадством отнятой
Шпаги — в ножнах не нашивал! —
Только всего-то навсего —
Тундра, морошка-мражена...
Так не попри ж, миражными
Залюбовавшись далями,
Первого государева
Друга...)

Где только вьюга шастает,
Кто б меня приласкал,
Седу? Тобольск, Град-Царствующ
Сибирь, чем был — чем стал!

Как еще вживе числятся-то,
Мертвых окромя,

Твои двадцать три тысячи
Душ, с двадцатью тремя

Церквами — где воровано,
Там молено, казак! —
С здоровыми дворовыми,
Лающими на кряк

Кареты предводительской
В глиняной борозде.
С единственной кондитерской
— Без вывески — в избе...

Не затяни ошибкою:
«Гроб ты мой, гроб соснов!»
С дощатою обшивкою
Стен, досками мостков

И мостовых... И вся-то спит
Мощь... Тёс — тулуп — сугроб...
Тобольск, Тобольск, дощатый скит!
Тобольск, дощатый гроб!

Медон, 1930

АВТОБУС

Препонам наперерез
Автобус скакал как бес.
По улицам, у́же сноски,
Как бес оголтелый несся
И трясся, как зал, на бис
Зовущий,— и мы тряслись —
Как бесы. Видал крупу
Под краном? И врозь, и вку́пе —
Горох, говорю, в супу
Кипящем! Как зёрна в сту́пе,
Как вербный плясун — в спирту,
Как зубы в ознобном рту!

Кто — чем тряслись: от трясни
Такой — обернувшись люстрой:
Стеклярусом и костьми —
Старушка, девица — бюстом
И бусами, мать — грудным
Ребенком, грудной — одним
Упитанным местом. Всех
Трясло нас, как скрипку — трелью!
От тряса рождался — смех,
От смеху того — веселье
Безбожно-трясомых груш:
В младенчество впавших душ.

Я — в юность: в души восторг!
В девичество — в жар тот щёчный:
В девчончество, в зу́бный свёрк
Мальчишества, словом
— точно
Не за́ город тот дударь
Нас мчал — а за календарь.

От смеха рождалась лень
И немощь. Стоять не в силах,
Я в спутнический ремень
Товарищески вцепилась.

Хоть косо, а напрямик —
Автобус скакал, как бык
Встречь красному полушалку.
Как бык ошалелый, мчался,
Пока, описавши крюк
Крутой, не вкопался вдруг.

...И лежит, как ей повелено —
С долами и взгорьями.
Господи, как было зе́лено,
Го́лубо, лазорево!

Отошла январским оловом
Жизнь с ее обидами.
Господи, как было молодо,
Зелено, невиданно!

Каждою жилою — как по желобу —
Влажный, тревожный, зеленый шум.
Зелень земли ударяла в голову,
Освобождала ее от дум.

Каждою жилою — как по желобу —
Влажный, валежный, зеленый дым.
Зелень земли ударяла в голову,
Переполняла ее — полны́м!

Переполняла теплом и щебетом —
Та́к, что из двух ее половин
Можно бы пьянствовать, как из черепа
Вражьего — пьянствовал славянин.

Каждый росток — что зеленый розан,
Весь окоём — изумрудный сплав.
Зелень земли ударяла в ноздри
Нюхом — *та́к* буйвол не чует трав!

И, упразднив малахит и яхонт:
Каждый росток — животворный шприц
В око: — *та́к* сокол не видит пахот!
В ухо: — *та́к* узник не слышит птиц!

Позеленевшим, прозревшим глазом
Вижу, что счастье, а не напасть,
И не безумье, а высший разум:
С трона сшед — на четвереньки пасть...

Пасть и пастись, зарываясь носом
В тра́ву — да был совершенно здрав
Тот государь Навуходоносор —
Землю рыв, стебли ев, траву жрав,—

Царь травоядный, четвероногий,
Злаколюбивый Жан-Жаков брат...
Зелень земли ударяла в ноги —
Бе́гом — донес бы до самых врат

Неба...
　　　　— Все соки вобрав, все токи,
Вооруженная, как герой...
— Зелень земли ударяла в щеки
И оборачивалась — зарей!

Боже, в тот час, под вишней —
С разумом — что́ — моим,
Вишенный цвет помни́вшей
Цветом лица — своим!

Лучше бы мне — под башней
Стать, не смешить юнца,
Вишенный цвет принявши
За своего лица —

Цвет...

«Седины»? Но яблоня — тоже
Седая, и сед под ней —
Младенец...
　　　　　　Всей твари Божьей
(Есть рифма: бедней — родней) —

От лютика до кобылы —
Роднее сестры была!
Я в руки, как в рог, трубила!
Я, кажется, прыгала?

Так веселятся на карусели
Старшие возрасты без стыда:

Чувствую: явственно порусели
Волосы: проседи — ни следа!

Зазеленевшею хворостиной
Спутника я, как гуся́, гнала.
Спутника белая парусина
Прямо-таки — паруса была!

По зеленя́м, где земля смеялась,—
Прежде была — океана дном! —
На парусах тех душа сбиралась
Плыть — океана за окоем!

(Как топорщился и как покоился
В юной зелени — твой белый холст!)
Спутник в белом был — и тонок в поясе,
Тонок в поясе, а сердцем — толст!

Не разведенная чувством меры —
Вера! Аврора! Души — лазурь!
Дура — душа, но какое Пе́ру
Не уступалось — души за дурь?

Отяжелевшего без причины
Спутника я, как дитя, вела.
Спутницы смелая паутина
Прямо-таки — красота была!

И вдруг — огромной рамой
К живому чуду — *Аз* —
Подписанному — мрамор:
Ворота: даль и глаз

Сводящие. (*В сей рамке*
Останусь вся — везде.)
Не к ферме и не к замку,
А сами по себе —

Ворота... Львиной пастью
Пускающие — свет.
— Куда ворота? — В счастье,
Конечно! — был ответ

(Двойной)...

Счастье? Но это же там,— на Севере —
Где-то — когда-то — простыл и след!

Счастье? Его я искала в клевере,
На четвереньках! четырех лет!

Четырехлистником! В полной спорности:
Три ли? Четыре ли? Полтора?
Счастье? Но им же — коровы кормятся
И развлекается детвора

Четвероногая, в жвачном обществе
Двух челюстей, четырех копыт.
Счастье? Да это ж — ногами топчется,
А не воротами предстоит!

Потом была колода —
Колодца. Басня — тá:
Поток воды холодной
Колодезной — у рта —

И мимо. Было мало
Ей рта, как моря — мне,
И всё не попадала
Вода — как в странном сне,

Как бы из вскрытой жилы
Хлеща на влажный зем.
И мимо проходила
Вода, как жизни — сон...

И, утеревши щеки,
Колодцу: — Знаю, друг,
Что *сильные* потоки —
Сверх рта и *мимо* рук

Идут!..

И какое-то дерево облаком целым —
— Сновиденный, на нас устремленный обвал...
«Как цветная капуста под соусом белым!» —
Улыбнувшись приятно, мой спутник сказал.

Этим словом — куда громовее, чем громом
Пораженная, прямо сраженная в грудь:
— С мародером, с ворóм, но не дай с гастрономом,
Боже, дело иметь, Боже, в сене уснуть!

Мародер оберет — но лица не заденет,
Живодер обдерет — но душа отлетит.
Гастроном ковырнет — отщипнет — и оценит —
И отставит, на дальше храня аппетит.

Мои кольца — не я: вместе с пальцами скину!
Моя кожа — не я: получай на фасон!
Гастроному же — мозг подавай, сердцевину
Сердца, трепет живья, истязания стон.

Мародер отойдет, унося по карманам —
Кольца, цепи — и крест с отдышавшей груди.
Зубочисткой кончаются наши романы
С гастрономами.
Помни! И в руки — *нейди!*

Ты, который так царственно мог бы — любимым
Быть, бессмертно-зеленым (подобным плющу!) —
Неким цветно-капустным пойдешь анонимом
По устам: за цветущее дерево — мщу.

Апрель 1934 г.— июнь 1936 г.

КОММЕНТАРИИ

СТИХОТВОРЕНИЯ 1908—1941

В Люксембургском саду.— Как и 7 следующих стихотворений, впервые напечатано в книге: Марина Цветаева. Вечерний альбом. М., 1910. См. вступ. статью.

В пятнадцать лет.— Как и 6 последующих стихотворений, впервые напечатано в книге: Марина Цветаева. Волшебный фонарь. М. 1912.

В Париже.— Написано во время поездки Цветаевой в Париж летом 1909 г.; она прослушала в Сорбоннском университете курс по старофранцузской литературе. *Ростан, мученик Рейхштадский* — герой пьесы Э. Ростана «Орленок». *Сара* — великая французская актриса Сара Бернар (1844—1923), игравшая в пьесе «Орленок» герцога Рейхштадского.

Душа и имя.— *Морское оно, морское!* — Марина (marina) по-латыни значит «морская».

Литературным прокурорам.— Стихотворение скрыто обращено к В. Я. Брюсову.

«Моим стихам, написанным так рано...» — О заключительной строфе этого стихотворения Цветаева сказала в 30-е годы: «Формула — наперед — всей моей писательской (и человеческой) судьбы».

Генералам двенадцатого года.— *Тучков-четвертый* А. А. (1777—1812) — генерал-майор, погибший в Бородинском сражении. Дочь Цветаевой А. С. Эфрон писала автору этих строк 23 марта 1961 года: «...история стиха такова (истории, связанные со многими стихами, помню!) — на толкучке, в той, старой Москве, к-ую Вы знаете только по стихам, а я еще застала ребенком,— мама купила чудесную круглую высокую (баночку? коробочку?) из папье-маше с прелестным романтическим портретом Тучкова-четвертого в мундире, в плаще на алой подкладке — красавец! И, хотя в те годы мама явно предпочитала Наполеона его русским противникам, но перед красотой Тучкова не устояла — вот и стихи! Коробочка эта сопутствовала маме всю жизнь, стояла на ее столе, с карандашами, ручками. Ездила из России, вернулась в Россию... Где она теперь? Культ Наполеона в те годы — моего раннего детства — шедший еще от бабушки,— цвел в нашем доме. Как мне попало, четырехлетней, когда я расколола старинную чашку, всю золотую внутри, с портретом императрицы Жозефины, и «овдовила» парную к ней чашку с Наполеоном... До сих пор помню...»

Сергею — см. комм. к следующему стихотворению.

«Я с вызовом ношу его кольцо!..» — Посвящено мужу Цветаевой, Сергею Яковлевичу Эфрону (1893—1941); свадьба их состоялась 27 января 1912 г. Кольцо, на внутренней стороне которого

выгравирована дата свадьбы и имя Марина, находится ныне в Государственном литературном музее в Москве; «его» кольцо, с именем Сергей, не сохранилось.

Бабушке.— Посвящено памяти Марии Лукиничны Бернацкой, в замужестве Мейн (1841—1869), бабушке Цветаевой по материнской линии.

«Осыпались листья над вашей могилой...»— Как и стихотворение «Милый друг, ушедший дальше, чем за море!..», посвящено памяти брата мужа Цветаевой, Петра Яковлевича Эфрона (1881—1914).

Анне Ахматовой.— См. комм. к циклу «Ахматовой».

«Мне нравится, что вы больны не мной...» — Обращено к М. А. Минцу (1886—1917), другу сестры поэта А. И. Цветаевой.

«Никто ничего не отнял...» — Обращено к поэту О. Э. Мандельштаму (1891—1938), с которым Цветаева познакомилась в 1915 г. В это время он приезжал в Москву. См. также обращенное к нему стихотворение «Из рук моих — нерукотворный град...» («Стихи о Москве»). Поэзию Мандельштама Цветаева всегда ценила высоко, видела в ней «магию», «чару», несмотря на «путаность и хаотичность мысли», а также утверждала, что на поэзии Мандельштама лежит след «десницы Державина» (статья «Поэт-альпинист», 1934, перевод с сербскохорватского). Мандельштам посвятил Цветаевой в том же 1916 г. стихотворения «В разноголосице девического хора...», «Не веря воскресенья чуду...», «На розвальнях, уложенных соломой...»

Стихи о Москве (1—9). Цикл был вдохновлен поездкой зимой 1915/16 г. в Петербург.

1. «Облака — вокруг...» — *Первенец* — дочь Цветаевой Ариадна. *Семихолмие.*— По преданию, Москва была заложена на семи холмах.

2. «Из рук моих — нерукотворный град...» — Стихотворение обращено к О. Э. Мандельштаму, которому Цветаева «дарила Москву». *Часовня звездная* — Иверская часовня с голубым куполом, украшенным золотыми звездами, стоявшая у входа на Красную площадь. *Пятисоборный... круг* — площадь в Кремле с пятью соборами. *Нечаянныя Радости* — церковь в Кремле.

5. «Над городом, отвергнутым Петром...» — *Отвергнутым Петром.*— В 1712 г. Петр I перенес столицу из Москвы в Петербург.

8. «Москва! Какой огромный...» — *Пантелеймон* — имя святого-«исцелителя», изображавшегося на иконах в облике отрока. *Иверское сердце, Червонное, горит.*— В Иверской часовне находилась икона Иверской Божией матери в окладе из червонного золота.

9. «Красною кистью...» — *Спорили сотни Колоколов.*— Об этой строке Цветаева писала в 1934 г.: «...ведь могла: славили, могла: вторили —нет — спорили! Оспаривали мою душу, которую получили *все* и *никто* (все *боги* и ни одна *церковь!)*».

Стихи к Блоку.— Цветаева не была знакома с Блоком. Она видела его дважды во время его выступлений в Москве 9 и 14 мая 1920 г. Свое преклонение перед поэтом, которого она называла «сплошной совестью», воплощенным «духом» и считала явлением, вышедшим за пределы литературы, Цветаева пронесла через всю жизнь. Она не раз упоминала Блока в своей прозе; доклад «Моя встреча с Блоком», прочитанный ею 2 февраля 1935 г., не сохранился.

3. «Ты проходишь на запад солнца...» — Первые две строки стихотворения перефразируют слова молитвы «Свете тихий»:

«Пришедше на запад солнца, видевше свет вечерний...». *Свете тихий, святыя славы*— слова из этой же молитвы.

5. «У меня в Москве — купола горят...» — *В них царицы спят и цари.*— В Кремлевском Архангельском соборе находится усыпальница русских царей.

9. «Как слабый луч сквозь черный морок адов...» — Написано после блоковского вечера 9 мая 1920 г. *...под рокот рвущихся снарядов.*— В этот день в Москве взорвалось несколько артиллерийских складов. *Как станешь солнце звать...*— Речь идет о стихотворении «Голос из хора», прочитанном Блоком на этом вечере.

10. «Вот он — гляди,— уставший от чужбин...»; 11. «Други его — не тревожьте его!»; 12. «А над равниной...»; 13 «Не проломанное ребро...» — Все четыре стихотворения написаны, судя по пометам в тетради, на девятый день после кончины Блока.

В эти же дни Цветаева писала Ахматовой: «Удивительно не то, что он умер, а то, что он жил. Мало земных примет, мало платья. Он как-то сразу стал ликом, заживо-посмертным (в нашей любви). Ничего не оборвалось — отделилось. Весь он такое явное торжество духа, такой воочию — дух, что удивительно, как жизнь — вообще — допустила.

Смерть Блока я чувствую как вознесение.

Человеческую боль свою глотаю. Для него она кончена, не будем и мы думать о ней (отождествлять его с ней). Не хочу его в гробу, хочу его в зорях».

14. «Без зова, без слова...» — *До трубы* — до Страшного суда, на котором Бог, по Библии, после конца света будет судить людей и их дела: ангелы «трубным гласом» созовут всех живых и мертвых.

15. «Как сонный, как пьяный...» — *Не ты ли //Ее шелестящей хламиды // Не вынес — // Обратным ущельем Аида?* — Подразумевается эпизод из мифа о древнегреческом певце и музыканте Орфее и его жене Эвридике, за которой он спустился в подземное царство (Аид), чтобы вывести ее оттуда. Но, ведя за собой Эвридику, он не должен был оглядываться, однако не выдержал и навсегда потерял ее. *Гебр* — древнее название реки Марицы во Фракии. *Голова* — Орфея, который, по мифу, был растерзан вакханками, бросившими его останки и лиру в Гебр.

16. «Так, Господи! И мой обол...» — *Обол* (греч.) — монета. *На утвержденье храма.*— Имеется в виду евангельская притча о бедной вдове, положившей две лепты (мелкие монеты) в сокровищницу Иерусалимского храма

Ахматовой <Из цикла>

С творчеством А. А. Ахматовой (1889—1966) Цветаева познакомилась в 1912 г., когда прочла ее книгу «Вечер», и на долгие годы сохранила восторженное отношение к ней. К весне 1917 г. относится запись Цветаевой о стихах Ахматовой:

«Всё о себе, всё о любви». Да, о себе, о любви — и еще — изумительно — о серебряном голосе оленя, о неярких просторах Рязанской губернии, о смуглых главах херсонесского храма, о красном кленовом листе, заложенном на Песне Песней, о воздухе, «подарке Божьем»... и так без конца... и есть у нее одно 8-стишие о юном Пушкине, которое покрывает все изыскания всех его биографов. Ахматова пишет о себе — о вечном. И Ахматова, не написав ни одной отвлеченно-общественной строчки, глубже всего — через описание пера на шляпе — передаст потомкам свой век... О маленькой книжке Ахматовой

можно написать десять томов — и ничего не прибавишь... Какой трудный и соблазнительный подарок *поэтам* — Анна Ахматова!»

О своей любви к Ахматовой Цветаева пишет и в 1926 г., из-за границы. Однако к концу жизни Цветаева несправедливо изменила отношение к Ахматовой. В 1940 г. она пишет об ахматовском сборнике «Из шести книг»: «...прочла, перечла почти всю книгу Ахматовой, и — старо, слабо. Часто... совсем слабые концы, сходящие (и сводящие) на нет... Но что она делала с 1917 по 1940 г.? *Внутри себя... Жаль*». Встреча Цветаевой и Ахматовой состоялась 6—8 июня 1941 г. в Москве.

«И поплыл себе — Моисей в корзине!..» — *Моисей в корзине.*— По библейскому преданию, младенец Моисей, будущий пророк, был найден на берегу Нила в тростниковой корзине дочерью египетского фараона. Этот образ не раз использовался Цветаевой.

«Я помню первый день, младенческое зверство...» — Под стихотворением — помета 1939 г.: «Я писала за многих. Я всё понимала, но не всем — была».

Психея (1. «Не самозванка — я пришла домой...», 2. «На́ тебе, ласковый мой, лохмотья...»). *Психея* (греч. миф.) — олицетворение души. *Твой день седьмой...*— На седьмой день, по Библии, Бог создал человека.

«Умирая, не скажу: была...» — *Ты — крылом стучавший в эту грудь...*— Речь идет о крылатом Гении, по Цветаевой — мужском олицетворении Музы.

«Как правая и левая рука...» — Это стихотворение, как и предыдущее, Цветаева считала одним из самых лучших.

«Свинцовый полдень деревенский...» — Есть другой вариант стихотворения:

Вот: слышится, а слов не слышу,
Вот: близится и тьмится вдруг...
Не знаю: с поля — или свыше —
Тот звук — из сердца ли тот звук...

— Вперед на огненные муки! —
В волнах овечьего руна
Я к небу воздеваю руки —
Как — древле — девушка одна...

Речь идет о Жанне д'Арк.

«Стихи растут, как звезды и как розы...»— *...сквозь каменные плиты // Небесный гость в четыре лепестка.*— Эти слова навеяны эпизодом, записанным маленькой дочерью Цветаевой Алей: «Был теплый и легкий день, и мы с Мариной гуляли... Наверху была большая церковь... Вдруг я увидела, что под ногами у меня растет клевер. Там перед ступеньками были ровно уложенные старинные камни. Каждый из них был в темной рамке из клевера... Я... стала искать четырехлистник... вдруг я его нашла... Я бросилась к Марине и подарила ей свою добычу... Она поблагодарила меня и положила его засушить в записную книжку». Приведя стихотворение Цветаевой в своих воспоминаниях, А. С. Эфрон пишет о том, что в нем возникает «счастливый, четырехлистный листок клевера, разысканный некогда... у подножья грациозной громады Покрова в Филях».

«Высокой горести моей...» — Написано на смерть А. А. Стаховича, театрального деятеля.

Тебе — через сто лет.— В черновой тетради — запись:

«Вчера целый день думала о том — через сто лет — и писала ему стихи. Стихи написаны — он будет».

«Когда-нибудь, прелестное созданье...» — Обращено к дочери Ариадне. *Чердак-каюта* — комната в мезонине дома № 6 в Борисоглебском переулке, где жила Цветаева. Этот «чердак» не раз упоминается в ее стихах. «Чердачная» комната, наверху — была довольно большой... но казалась... маленькой, так как все основное было сосредоточено у окна, выходившего на крыши»,— вспоминала А. С. Эфрон в письме к П. Г. Антокольскому от 21 июня 1966 г.

«Маленький домашний дух...» — Обращено к дочери Ариадне, которую Цветаева на время отдала в ноябре 1919 г. в приют. В шесть лет маленькая Аля была настоящим другом и собеседницей матери. Научившись читать и писать к пяти годам, она вела дневники и писала стихи, удивлявшие своей талантливостью и взрослостью.

«Между воскресеньем и субботой...» — Одно из любимых стихотворений Цветаевой. *Между воскресеньем и субботой.*— «Родилась я ровно в полночь с субботы на воскресенье (26-го на 27-е)»,— писала Цветаева.

«Поцеловала в голову...» — Обращено к А. С. Ерофееву, мужу В. К. Звягинцевой, в то время — актрисы Передвижного театра; оба были добрыми друзьями Марины Ивановны и в трудные годы помогали ей.

Памяти Г. Гейне.— *Спор наш не кончен,— а только начат!.. Мальчик поет, а девочка плачет.*— Цветаева полемизирует с «Книгой песен» Гейне («юноша любит девушку»).

«А следующий раз — глухонемая...» — *Коринна* — героиня романа французской писательницы Анны Луизы Жермены де Сталь (1766—1817) «Коринна, или Италия» — романтическая поэтесса и артистка, отстаивавшая право женщины на свободу чувств и мнений.

Вячеславу Иванову.— С поэтом Вяч. Ивановым (1866—1949) Цветаева встречалась мало и редко; писала, что у нее с ним была всего «одна беседа за жизнь». *Ты пишешь перстом на песке.*— Ср. Евангелие от Иоанна. Гл. 8, ст. 6: «Но Иисус... писал перстом на земле...»

«Писала я на аспидной доске...» — Обращено к С. Я. Эфрону. *Внутри кольца* — см. комм. к стихотворению «Я с вызовом ношу его кольцо...».

Песенки из пьесы «Ученик».— Пьеса «Ученик» не сохранилась.

Чужому.— В архиве Цветаевой хранится рукопись этого стихотворения, обращенного к А. В. Луначарскому «(после выступления в Доме печати)» и датированная 9 ноября 1920 г.

«Не называй меня никому...» — Обращено к Е. Л. Ланну (1896—1958). См. также поэму «На красном коне».

Роландов Рог.— *Роланд* (ум. 778 г.) — рыцарь Карла Великого, герой французского эпоса. По преданию, погибая в неравной борьбе с сарацинами, затрубил в рог. Карл его услышал и отомстил врагам.

Ученик (1—7).— Цикл обращен к Сергею Михайловичу Волконскому (1860—1937), внуку декабриста, театральному деятелю и писателю, с которым Цветаева познакомилась в Москве в 1921 г. «и тогда переписывала ему начисто — из чистейшего восторга и благодарности — его рукописи... и ни строки своей не писала — не было времени — и вдруг прорвалась Учеником». В 1924 г. она опубликовала большой отзыв на книгу Волконского «Родина»: «Кедр. Аполо-

гия». Волконский в том же году посвятил Цветаевой свою книгу «Быт и бытие», название которой позаимствовал из ее письма и в предисловии к которой вспоминает свое общение с нею в Москве. Дружеские отношения Цветаевой с Волконским продолжались за границей долгие годы. Цветаева называла Волконского «большой духовной ценностью».

1. «Быть мальчиком твоим светлоголовым!..» — *Давид* (библ.) — полулегендарный царь Иудеи, добившийся для своего государства могущества и процветания.

2. «Есть некий час — как сброшенная клажа...» — Эпиграф — из стихотворения Ф. И. Тютчева «Видение».

4. «Пало прениже волн...» — *Змия мудрей... // Голубя кротче.* — Согласно евангельской легенде Христос обратился к апостолам со словами: «Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби».

Марина (1—4). — Посвящено Марине Мнишек (ум. 1614), польской авантюристке, жене трех самозванцев, претендентов на русский престол в Смутное время.

1. «Быть голубкой его орлиной!..» — *Гул кремлевских гостей незваных.* — 1 мая 1606 г. войска боярина Шуйского, посланные на борьбу с Самозванцем (Лжедимитрием I), овладели Кремлем и ворвались во дворец. *Не в басмановской встал крови.* — Воевода Басманов вначале возглавлял войска, отправленные против Лжедимитрия I, но затем перешел на его сторону и погиб, защищая Самозванца и Марину.

2. «Трем самозванцам жена...» — Марина Мнишек была женой Лжедимитрия I (казнен в 1606 г.), Лжедимитрия II («Тушинского вора») (казнен в 1610 г.) и атамана Заруцкого, примкнувшего к Лжедимитрию II (казнен в 1614 г.). *В гулкий оконный пролет... // Не махнувшая следом.* — Когда войска Шуйского ворвались в Кремлевский дворец, Лжедимитрий I «в смятении ужаса» «выскочил из палат в окно на Житный двор — вывихнул себе ногу, разбил грудь, голову и лежал в крови», — пишет Н. М. Карамзин в «Истории Государства Российского». *В маске дурацкой лежал.* — Убитого Лжедимитрия I положили вместе с Басмановым на площади, возле Лобного места, «на столе, с маскою, дудкою и волынкою, в знак любви его к скоморошеству и музыке».

3. «Сердце, измена!..» — *Краткая встряска костей о плиты.* — См. комм. к предыдущему стихотворению.

4. «— Грудь ваша благоуханна...» — *Горсть неподдельных жемчужин.* — Среди даров Самозванца Марине, согласившейся в 1605 г. стать его женой, были, как пишет Н. М. Карамзин, «три пуда жемчуга» и «четки из больших жемчужин».

Вестнику. — Обращено к И. Г. Эренбургу, уехавшему в заграничную командировку с письмом Цветаевой к С. Я. Эфрону и обещавшему разыскать его. 14 июля 1921 г. Цветаева получила от мужа первую весть.

Георгий (1—7). — Легенда о святом Георгии, греческом воине, казненном около 303 г. во время гонения на христиан, вошла в духовную, а потом в светскую литературу как предание о витязе, победителе дракона, спасителе царской дочери. В цикле «Георгий» Цветаева переосмысляет характер Георгия Победоносца, который действует не по собственной воле, а как послушный «ставленник небесных сил»; он — не победитель, а побежденный — самим же собой, «победы не вынесший». Облику Георгия (любимое Цветаевой имя, так она назовет в 1925 г. сына) она придала внешние черты своего мужа, а в последнем стихотворении цикла откровенно выразила свои чувства к нему.

Благая весть <Из цикла>.— См. комм. к стихотворению «Вестнику».

Отрок (1—4).— Стихи вдохновлены общением с молодым поэтом Э. Л. Миндлиным (1900—1981), нашедшим в трудное для него лето 1921 г. гостеприимство и приют в доме Цветаевой. К нему был первоначально обращен цикл «Отрок» и открывался следующим восьмистишием, впоследствии опущенным:

Прямо в эфир
Рвется тропа.
— Остановись! —
Юность слепа.

Ввысь им и ввысь!
В синюю рожь!
— Остановись! —
В небо ступнешь.

25 августа 1921

В 1922 г. Цветаева, однако, посвятила цикл «Отрок» *Геликону* (А. Г. Вишняку, 1895—1943), владельцу русского издательства «Геликон» в Берлине, где в 1923 г. вышла ее книга «Ремесло».

1. «Пустоты отроческих глаз! Провалы...» — *Вздох — и огромный выдох.*— Э. Л. Миндлин вспоминает, что стихотворение было написано после того, как он своим криком во сне перепугал Марину Ивановну и Алю. *...тревожа сон Давидов, // Захлебывался царь Саул.*— По Библии, Саул, мучимый завистью к славе и добродетелям Давида, будущего царя Иудеи, стремился его убить и всюду преследовал.

3. «Простоволосая Агарь — сижу...» — *Агарь* (6 и 6 л.).— рабыня патриарха Авраама, родившая ему сына Измаила. По требованию жены Авраама была с сыном изгнана и поселилась в пустыне.

4. «Виноградины тщетно в садах ржавели...» — В стихотворении использованы мотивы из библейской Песни Песней.

Хвала Афродите (1—4).

1. «Блаженны дочерей твоих, Земля...» — *Елисейские поля* — по представлениям древних, местопребывание душ умерших.

2. «Уже богов — не те уже щедроты...» — *Венерины, летите, голубки!*— Голубь — один из атрибутов Афродиты (Венеры).

3. «Тщетно, в ветвях заповедных кроясь...» — *Пояс, мирт* — атрибуты Афродиты. *...стрелой тупою //Освободил меня твой же сын.*— Эрот (Амур), бог любви, сын Афродиты; изображался в виде мальчика со стрелами.

4. «Сколько их, сколько их ест из рук...» — *Камень безрукий.*— Подразумевается, вероятно, античная статуя Венеры Милосской.

Молодость (1—2).— Запись Цветаевой при работе над стихотворением: «Всё раньше всех: Революцией увлекалась 13-ти лет, Бальмонту подражала 14-ти лет,— и теперь, 29-ти лет... окончательно распростилась с молодостью».

Орфей.— *Голова и лира.*— См. комм. к стихотворению «Как сонный, как пьяный...».

Ахматовой («Кем полосынька твоя...») — В стихотворении намекается на смерть Блока и Гумилева.

Новогодняя («Тот — вздохом взлелеянный...»).— Обращено С. Я. Эфрону.

Дочь Иаира (1—2).—В стихотворении обыгрывается евангельский рассказ об исцелении Иисусом Христом двенадцатилетней дочери начальника синагоги Иаира, которую он воскресил от сна-смерти (Евангелие от Марка. Гл. 5).

«Есть час на те слова...» — Первоначально было обращено к А. Г. Вишняку (см. комм. к циклу «Отрок»). Написано в Берлине, куда Цветаева приехала 15 мая 1922 г. и где прожила два с половиной месяца. См. также стихотворение «Берлину».

Земные приметы (1—8).— Стихотворения первоначально были обращены к А. Г. Вишняку (см. комм. к предыдущему стихотворению и к циклу «Отрок»).

2. «Ищи себе доверчивых подруг...» — В стихотворении выражена много раз встречающаяся у Цветаевой мысль о двух видах любви: земной, олицетворенной в Венере, в Еве, в Елене гомеровской, и духовной, олицетворенной в Психее. «...тела́ (вкусовые пристрастья наши) бесчеловечны. Психею (невидимую) мы любим вечно, потому что *заочное* в нас любит — только душа! Психею мы любим Психеей, Елену Спартанскую мы любим... чуть ли не руками — и никогда наши глаза и руки не простят ее глазам и рукам ни малейшего отклонения от идеальной линии красоты. Психея вне суда — ясно? Елена *непрестанно* перед судьями» (письмо от 20 июля 1923 г.).

5. «Удостоверишься — повремени!..» — *Не о сокровищнице — Суламифь: // Горсточке красной глины! — Суламифь* — возлюбленная библейского царя Соломона, который посвятил ей Песнь Песней. Горсточка красной глины — здесь: плоть человеческая (по библейскому преданию, первого человека — Адама — Бог создал из праха земного).

«Неподражаемо лжет жизнь...» — Первоначально было названо: «Слова на сон». Написано под сильным впечатлением от книги Б. Пастернака «Сестра моя — жизнь» (М., 1922) и послано ему с припиской: «После Сестры моей Жизни». 19 ноября 1922 г.

Из цикла «Сивилла» (1—3). Начиная с этого цикла и кончая стихотворением «Русской ржи от меня поклон...», все стихотворения написаны в Чехии. Нужда заставляла Цветаеву все время, кроме зимы 1923/24 г., жить в деревнях под Прагой. Несмотря на трудный и нищий быт, Цветаева позднее, во Франции, с благодарностью вспоминала Чехию, где она была ближе к природе. Образы природы в лирике чешского периода встречаются гораздо чаще по сравнению со стихами других лет (циклы «Сивилла», «Деревья», «Ручьи», «Облака» и др.).

1. «Сивилла: выжжена, сивилла: ствол...» — *Дивному голосу.*— «Вот эпиграф к одной из моих будущих книг,— писала Цветаева.— (Слова, вложенные Овидием в уста Сивиллы, привожу на память:) «Мои жилы иссякнут, мои кости высохнут, но ГОЛОС ГОЛОС — оставит мне судьба!» (имеются в виду строки 152—154 из 14-й книги «Метаморфоз» Овидия).

Берегись...— Стихотворение возникло под впечатлением прогулки на чешскую речку Бероунку; об этой прогулке записала десятилетняя дочь Цветаевой Аля: «Мы с Мариной — на реке. По воде идут неизвестно куда полуволны, полурябь. Приближаемся к пенным порожкам, проходим под мостом, где гремит эхо. Сырая тропинка между ив, как коридор... Тихо и осторожно, с камня на камень, подбираемся к какому-то дереву... Я хочу поговорить с Мариной, но она говорит: «Помолчи, дай послушать воду!» Слушая, мама выкурила две папиросы, полюбовалась на реку, записала отрывки стихов в маленькую тетрадку...» *В гордый час трубы...*— То есть Страшного суда. *...скорбит // Об упавшем ввысь // По сей день — Давид!* — Авессалом,

сын царя Давида (библ.), восстал против отца, чтобы овладеть престолом. Спасаясь от преследования, он запутался волосами в ветвях дуба, повис «между небом и землей», был настигнут врагами и убит. Давид горько оплакивал сына.

Деревья (1—9). Цикл Цветаева посвятила Анне Антоновне Тесковой (1872—1954), писательнице и переводчице, с которой познакомилась в Праге, по-видимому, в конце 1924 г. Дружба с Тесковой (после переезда Цветаевой во Францию эпистолярная) продолжалась вплоть до отъезда Цветаевой в СССР.

2. «Когда обидой — опилась...» — *Авессалом.*— См. комм. к стихотворению «Берегись...».

4. «Други! Братственный сонм!..» — *...над сбродом кривизн...*— «Я скоро перестану быть поэтом и стану проповедником: против *кривизн.* «Не: не хочу людей, а не *могу* людей» (письмо Цветаевой от 9 февраля 1923 г.).

5. «Беглецы? Вестовые?..» — *Саул за Давидом: // Смуглой смертью своей!* — См. комм. к стихотворению «Пустоты отроческих глаз! Провалы...». Саул погиб в борьбе с филистимлянами. Он был сильно изранен стрелами и, чтобы не сдаваться врагу, закололся мечом.

7. «Та, что без видения спала...» — *Скàла* — здесь: гамма оттенков.

Заводские (1—2).— Написано после поездки Цветаевой в Прагу к мужу, учившемуся там в университете и жившему в фабрично-окраинном районе города.

Седые волосы.— Посылая это стихотворение Пастернаку в письме от 19 ноября 1922 г., Цветаева назвала его своим любимым.

Бог (1—3).

2. «Нищих и горлиц...» — *Даже осиной.*— К этим словам — примечание в рукописи: «На осине повесился Иуда».

Рассвет на рельсах.— *Знак: сорок человек // И восемь лошадей* — дореволюционная норма загрузки товарных вагонов, обозначавшаяся на их стенках.

Провода (1—10).— Цикл обращен к Борису Пастернаку (1890—1960), горячая дружба с которым у Цветаевой завязалась с 1922 г. в переписке, длившейся многие годы. Существовало около ста писем Цветаевой к Пастернаку; они утеряны, за исключением копий восемнадцати и оригиналов двух. В записных книжках Цветаевой (ЦГАЛИ) имеются черновики многих из них. Там же — восемьдесят четыре письма Пастернака к Цветаевой (с 1922 по 1935 г.); десять его писем к ней 1926 г. хранятся в Архиве Бориса Пастернака. Цикл «Провода» создан в самом апогее переписки поэтов. Пастернак, первый начавший эту переписку с восторженного отзыва на книгу Цветаевой «Версты» 1921 г., сохранил на всю жизнь восхищение перед ее творчеством. Он посвятил Цветаевой несколько стихотворений и вспоминал о ней в автобиографическом очерке «Люди и положения». К Пастернаку обращены цветаевские стихотворения «Сахара», «Двое», «Рас-стояние: версты, мили...», «Русской ржи от меня поклон...».

1. «Вереницею певчих свай...» — *Ариаднино: вер-нись...*— Ариадна (греч. миф.) — невеста Тезея, который покинул ее, уступив Дионису. На этот сюжет Цветаева написала трагедию «Ариадна».

2. «Чтоб высказать тебе... Да нет, в ряды...» *Федра, Ипполит, Ариадна, Тезей.*— См. комм. к трагедии «Федра». *Наксос* — остров, на котором Тезей покинул спящую Ариадну. *Стикс* (греч. миф.) — река в царстве мертвых.

5. «Не чернокнижница! В белой книге...» — *Как про-*

ворливица — Самуила.— По библейскому преданию, дух умершего пророка Самуила, вызванный волшебницей, предсказал царю Саулу поражение и гибель в бою с филистимлянами.

6. «Час, когда вверху цари...» — *Вверху цари* — здесь: зажигающиеся в небе звезды, отождествляемые поэтом с царями-волхвами, пришедшими поклониться новорожденному Иисусу Христу.

9. «Весна наводит сон. Уснем...» — *Кому печаль мою повем* — слова из Псалтири.

10. «С другими — в розовые груды...» — «В-плотную любви в пять секунд узнаешь человека, он явен и — слишком явен! — писала Цветаева.— Здесь я предпочитаю ложь. Я не хочу, чтобы душа, которой я любовалась, которую я чтила, вдруг исчезала в птичьем щебете младенца, в кошачьей зевоте тигра, я не хочу такого самозабвения, вместе с собой забывающего и меня». *Всех Рахилей* — то есть всех красавиц (Рахиль — любимая жена патриарха Иакова; библ.).

Эвридика — Орфею.— Об *Эвридике* и *Орфее* см. комм. к стихотворению «Как сонный, как пьяный...» *До самых летейских верховий.*— Лета — река забвения в загробном мире (греч. миф.). *С бессмертья змеиным укусом...*— «(Эвридика погибла от укуса змеи. Змея — бессмертие)»,— пояснила Цветаева.

Поэт (1 — 3).

2. «Есть в мире лишние, добавочные...» — *Лепрозариумов* (лепрозориумов) *крап* — пятна проказы; *лепрозорий* — место содержания прокаженных. *Иов* (библ.) — патриарх, которого Бог, желая испытать его веру, поразил проказой, лишил семьи и имущества.

Так вслушиваются... (1 — 2).

2. «Друг! Не кори меня за тот...» — *Велик Бог — посему крутитесь!* — Намек на библейскую легенду о том, как царь Давид, празднуя перенесение Ковчега завета, святыни иудеев, в Иерусалим, плясал перед ним.

Ручьи (1 — 2).

1. «Прорицаниями рокоча...» — *Нераскаянный скрипач* — Никколо Паганини (1784—1840), великий итальянский скрипач, враждовавший с церковью и умерший без покаяния.

Хвала времени.— *Вера* Александровна *Аренская* (Завадская, сестра актера Ю. А. Завадского; ок. 1895—1930) — соученица Цветаевой по гимназии.

Расщелина.— *Елениной красной Трои.*— Речь идет о Троянской войне, разыгравшейся из-за прекрасной Елены (сюжет «Илиады» Гомера). *Сочетавшись с тобой, как Этна // С Эмпедоклом.*— Эмпедокл (ок. 490—430 гг. до н. э.) — древнегреческий философ и поэт; по преданию, бросился в кратер вулкана Этны, желая утвердить о себе славу, будто стал Богом.

Свиданье.— В рукописях озаглавлено: «Офелия», «Лик Офелии». *...к горькой руте!* — Утратившая рассудок Офелия раздает всем цветы, а себе оставляет руту как символ скорбного воспоминания.

Час души (1—3).— Обращено к А. В. Бахраху, молодому критику, написавшему рецензию на книгу Цветаевой «Ремесло». См. также обращенные к нему стихотворения: «Наклон», «Раковина», «Заочность», «Письмо», «Минута».

1. «В глубокий час души и ночи...» — «В глубокие часы души... все мои опыты, все мои старые змеиные кожи — падают». *...дщерь Египетская.*— См. комм. к стихотворению «И поплыл себе — Моисей в корзине!..»

3. «Есть час Души, как час Луны...» — *...струны Давидовой сквозь сны Сауловы.*— По библейской легенде, юный Давид

своей прекрасной игрой на гуслях разгонял тоску царя Саула (см. комм. к циклу «Ученик», стихотворение 1), от которого в это время отступал «злой дух».

Заочность.— *Кастальский ток* — источник поэтического вдохновения на горе Парнас, где обитали Аполлон и музы (греч. миф.).

Минута.— *Царь Щедрот* — библейский царь Соломон, воспевавший земные радости: под старость уверился в тщете всего земного. По преданию, на его перстне было написано: «И это пройдет».

Пражский рыцарь.— В стихотворении речь идет о статуе легендарного героя чешского народа, рыцаря Брунсвика, находящейся в Праге, под Карловым мостом, над Влтавой. В средневековых преданиях Брунсвик отождествлен с королем Пршемыслом II, много сделавшим для укрепления чешского государства.

Цветаева считала, что «пражский рыцарь» похож на нее лицом, вспоминала о нем долгие годы; для нее он был «центром», «сердцем» Праги. В 20-е годы, живя во Франции, она просила А. А. Тескову (см. о ней комм. к циклу «Деревья») прислать «его изображение, покрупнее и пояснее, вроде гравюры... Если у меня есть ангел-хранитель, то с его лицом, его львом и его мечом». Тескова выполнила ее просьбу; потом Цветаева передарила гравюру с изображением Пражского рыцаря Н. П. Гронскому (см. о нем стихи из цикла «Надгробие» и комм.). В 60-е гг. А. С. Эфрон подарила эту гравюру составителю данного сборника.

Двое (1—3).— В черновой рукописи — посвящение: «Моему брату в пятом времени года, шестом чувстве и четвертом измерении — Борису Пастернаку».

1. «Есть рифмы в мире сём...» — *Ахеи лучший муж!* — Ахилл, герой «Илиады» Гомера (ахейцами там называется племя, воевавшее с троянцами). *Сладостнейшая Спарты* — прекрасная Елена, родина которой была Спарта.

2. «Не суждено, чтобы сильный с сильным...» — *Так разминулись Зигфрид с Брунгильдой, Брачное дело решив мечом.*— Зигфрид герой древнегерманского эпоса «Сказание о нибелунгах», напоенный злым зельем, забыл обет вечной любви, связывавший его с Брунгильдой. Мстя за измену, Брунгильда добилась убийства Зигфрида, а затем лишила жизни и себя, чтобы соединиться с ним после смерти. *...сын Фетиды // С дщерью Аресовой...*— По греческому мифу, Ахилл, сын морской богини Фетиды, во время Троянской войны вступил в бой с царицей амазонок, дочерью бога войны Марса (Ареса) Пенфезилией и убил ее; сняв шлем с убитой, пораженный ее красотой, Ахилл почувствовал, что любит ее.

Попытка ревности.— Стихотворение, по-видимому, первоначально было обращено к К. Б. Родзевичу (см. «Поэму Горы» и «Поэму Конца» и комм.); однако литератор М. Л. Слоним (1894—1976) в своих воспоминаниях утверждает, что стихотворение обращено к нему.

Сон (1—2). «Безнаказанность, безответственность — и беззаветность сна»,— писала Цветаева. «Всё не как у людей. Могу жить только во сне, в простом сне, который снится: вот падаю с сорокового сан-францисского этажа, вот рассвет и меня преследуют, вот чужой— и — сразу — целую, вот сейчас убьют — и лечу. Я не сказки рассказываю, мне снятся чудные и страшные сны, с любовью, со смертью, это моя настоящая жизнь, без случайностей, вся роковая, где все сбывается».

1. «Врылась, забылась — и вот как с тысяче-...» — *Сбирр* (ит.) — полицейский, сыщик.

2. «В мозгу ухаб пролёжан...» — *Рай Давидов.* — Давид (библ.) — иудейский царь, при котором, по преданию, Иудея достигла небывалого расцвета. *Ахиллов шлем.* — По греческому мифу, Гефест, бог огня, выковал Ахиллу боевые доспехи, в том числе сказочный шлем. *Мартын Задека* — составитель популярного в свое время толкователя снов («сонника»).

Крестины. — *Пещь смоляная* — раскаленная печь, куда, по библейскому преданию, иудеи-вероотступники бросали тех, кто отказывался поклоняться золотому идолу. *Савл* (библ.) — имя апостола Павла до его обращения в христианство; яростный гонитель христианства, он сделался впоследствии его страстным проповедником.

«Жив, а не умер...» — *Мир — это сцена.* — Слова Жака-меланхолика из второго акта комедии Шекспира «Как вам это понравится».

«Рас-стояние: версты, мили...» — «Любопытная судьба этих стихов» — вспоминает Цветаева в 1933 г. — «от меня — к Борису [Пастернаку], о Борисе и мне... Оказывается, они большинством были поняты, как о «нас» здесь, о нас и России, о нас *вне* России, без России: — По просторам земных широт — Рассовали нас, как сирот. — И теперь, перечитывая все, каждая строка совпадает, особенно: — Разбили нас, как колоду карт: — Строка, за выразительностью, тогда мною оставленная, но с огорчительным сознанием несоответствия образа: *двух* нельзя разбить как *колоду*, колода — множество, даже зрительно: карты летят: ...Редкий случай расширения читателем писательского образа, обобщения... частности. Ни о какой эмиграции и России, пиша, не думала...»

«Русской ржи от меня поклон...» — Стихотворение, обращенное к Б. Пастернаку, родилось из следующей записи в черновой тетради: «Б. П., когда мы встретимся? Встретимся ли? Дай мне руку на весь тот свет, здесь мои обе — заняты».

«Тише, хвала!..» — Написано во Франции, куда Цветаева переехала 1 ноября 1925 г. В Париже ее с семьей поначалу приютили русские друзья. Стихотворение написано во время жизни на рю Рувэ, 8, где Цветаева с мужем и двумя детьми находилась в одной комнате, всегда была «на людях» и не имела своего угла для работы.

<Памяти Сергея Есенина>. — С Есениным Цветаева была знакома мало; он принадлежал к тем поэтам, чья творческая сущность мало интересовала Цветаеву. Об этом, в частности, свидетельствуют ее слова к Б. Л. Пастернаку от 19 июля 1925 г.: «Не верю в него, не болею им, всегда чувствую: как легко быть Есениным!» Однако смерть Есенина взволновала Цветаеву; она задумала поэму, посвященную его памяти. Замысел осуществлен не был; Цветаева переписала в беловую тетрадь отдельные строки из поэмы, а печатаемое нами четверостишие пометила: «Строки из несбывшейся поэмы».

«Кто — мы? Потонул в медведях...» — *Ледяной поход* — поход весной 1918 г. белогвардейской армии Корнилова через донские и кубанские степи на Екатеринодар, затем, после ее разгрома, отступление к Новочеркасску. В «Ледяном походе» участвовал С. Я. Эфрон.

Маяковскому (1—7). — По словам А. С. Эфрон, Цветаева всю жизнь хранила к Маяковскому «высокую верность собрата». Маяковский же мало знал творчество Цветаевой, да и не интересовался им. Ее реквием написан на кончину Маяковского, которая глубоко взволновала Цветаеву.

2. «Литературная — не в ней...» — *Черновец — милюковцу.* — Цветаева намекает на эмигрантские группировки: Чернов В. М. (1873—1952) — организатор и теоретик партии эсеров; Милю-

ков П. Н. (1859—1943) — один из основателей партии кадетов; редактор русской парижской газеты «Последние новости».

3. «В сапогах, подкованных железом...» — *Стапятидесяти (Госиздат) Миллионного.*— Намек на поэму Маяковского «150 000 000».

4. «И полушки не поставишь...» — Эпиграф — слова из четверостишия (которое, в свою очередь, составлено из строк двух стихотворений Маяковского 1928 и 1930 гг.), включенного Маяковским в его предсмертную записку. Цветаева объясняет смерть поэта глубоко личными, «лирическими» причинами. *По-шаховски* — т. е. по-дворянски (от фамилии Шаховской).

6. «Советским вельможей...» — Эпиграф — неточная цитата из романа Андрея Белого «Петербург» (у Белого: «краски» в 1-й строке).— *Сережа* — Сергей Есенин. *Льсан Алексаныч* — Блок. *Федор Кузьмич* — Сологуб (1863—1927).

Стихи к Пушкину (1—7).— Первое стихотворение Цветаева посвятила Пушкину в 1913 г.; много упоминала в прозе, переписке, в творческих тетрадях. Летом 1936 г. она перевела восемнадцать стихотворений Пушкина на французский язык. К столетию со дня гибели поэта она предложила в «Современные записки» «Стихи к Пушкину», около шести лет лежавшие без движения. Мало надеясь на напечатание своих стихов к Пушкину, Цветаева писала своей чешской приятельнице А. А. Тесковой 26 января 1937 г.: «Стихи к Пушкину... совершенно не представляю себе, чтобы кто-нибудь *осмелился* читать, кроме меня. Страшно резкие, страшно вольные, ничего общего с канонизированным Пушкиным не имеющие, и всё имеющие — обратное канону. *Опасные* стихи... Они *внутренно* — революционны... внутренно — мятежные, с вызовом каждой строки... они мой, поэта, единоличный вызов — лицемерам *тогда* и *теперь*... Написаны они в Медоне в 1931 г., летом — я как раз тогда читала Щеголева: «Дуэль и смерть Пушкина» — и задыхалась от негодования».

Факты, упоминаемые в «Стихах к Пушкину», взяты Цветаевой из книги: В. В. Вересаев. Пушкин в жизни. Вып. I—IV. М., 1927—1928.

1. «Бич жандармов, Бог студентов...» — *Две ноги свои — погреться — // Вытянувший.*— Во время аудиенции 8 сентября 1826 г., данной Николаем I Пушкину, вернувшемуся из ссылки в Михайловском, поэт «обратился спиною к камину и говорил с государем, обогревая себе ноги». *...на стол // Вспрыгнувший при самодержце...*— Во время той же аудиенции Пушкин, «незаметно для самого себя, приперся к столу, который был позади его, и почти сел на этот стол. Государь быстро отвернулся от Пушкина и потом говорил: «С поэтом нельзя быть милостивым!». *Небо Африки — своим // Звавший, невское — проклятым.*— В «Евгении Онегине»: «Под небом Африки моей»; в письме к П. А. Вяземскому из Михайловского от 27 мая 1826 г. Пушкин говорит о «проклятой Руси», где он вынужден сидеть «на привязи», так как царь не разрешает ему заграничных путешествий. *...царскую цензуру // Только с дурой рифмовал* — в сказке «Царь Никита и сорок его дочерей». *А «Европы вестник»* — в эпиграмме, раньше ошибочно приписывавшейся Пушкину. *Всех румяней и смуглее* — измененная строка из «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях». *Беженство... // Белокровье мозга, морга // Синь...*— Речь идет о белоэмигрантских «пушкиноведах». *Трусоват был Ваня бедный* — из стихотворения Пушкина «Вурдалак». *...голубей олив... // Лоб* — из стихотворения Б. Пастернака «Вариация 4», обращенного к Пушкину.

2. Петр и Пушкин.— *Кнастер* — сорт табака. *Петро-диво, Петро-дело* — Петербург. *Ганнибал* Абрам Петрович (1697—1781) —

прадед Пушкина со стороны матери, похищенный турками и привезенный посланником Турции в подарок Петру I. *На волю? Изволь!* — Пушкин просил в 1834 г. освободить от царской службы в Иностранной коллегии. Николай I отклонил это прошение, пригрозив, что лишит его возможности «посещать архивы», и Пушкину пришлось просьбу об отставке взять обратно. *Отныне я — цензор.*— После возвращения Пушкина в 1826 г. из ссылки Николай I взял на себя цензуру его произведений. *...снегов Измаил!* — Измаил (библ.) — сын патриарха Авраама и его рабыни Агари; по более поздним преданиям, считался родоначальником арабов. *Василиск* — сказочный змей, убивавший взглядом; имеется в виду знаменитый «леденящий» взор Николая I. *...полтавских не комкал // Концов...*— Неточность: будучи цензором Пушкина, Николай читал не «Полтаву» (уже вышедшую к тому времени), а «Медного всадника»; Пушкин не согласился с замечаниями, и при его жизни поэма не увидела свет. *...недостойным потомком... Петра // Был сослан в румынскую область.*— В 1820 г. Пушкин за политическую лирику был сослан Александром I в Екатеринослав, Одессу, затем в Кишинев. *...сына убил // Оробевшего.*— В 1718 г. Петр I подписал смертный приговор своему сыну, царевичу Алексею, вокруг которого сгруппировались реакционные противники петровских реформ.

3. (Станок).— *Над цветком любви.*— Цветаева говорит о черновом наброске Пушкина «Цветок любви», опубликованном в 1922 г. в книге «Неизданный Пушкин».

4. «Преодоленье...» — *...на фуру // Несший: Атлета // Мускулатура.*— «О. О. Россет перекладывал тело Пушкина в гроб... Мне припоминалось, какого крепкого, мускулистого был он сложения, как развивал он свои силы ходьбою» («Пушкин в жизни». Вып. IV. С. 153).

Поэт и царь 5. *Потусторонним // Залом царей.*— Речь идет о галерее, окружавшей памятник Александру II на территории Московского Кремля; потолок галереи был украшен портретами предков Александра II, выполненными венецианской мозаикой. *Польского края // Зверский мясник.*— Николай I жестоко подавил польское восстание в 1831 г.

6. «Нет, бил барабан перед смутным полком...» — В первой строке Цветаева перефразирует строку из стихотворения ирландского поэта Ч. Вольфа «На погребение английского генерала сира Джона Мура» в переводе И. И. Козлова (1825). *Жандармские груди и рожи.*— По свидетельству П. А. Вяземского, в день выноса тела Пушкина в его доме, «где собралось человек десять друзей и близких... очутился целый корпус жандармов. Без преувеличения можно сказать, что у гроба собрались в большом количестве не друзья, а жандармы». *...точно воры ворá... выносили?*—В. А. Жуковский вспоминает: «Назначенную для отпевания церковь переменили, тело перенесли в нее ночью, с какою-то тайною, всех поразившею, без факелов, почти без проводников; и в минуту выноса, на которую собралось не более десяти ближайших друзей Пушкина, жандармы наполнили ту горницу, где молились об умершем, нас оцепили, и мы, так сказать, под стражей проводили тело до церкви». *С проходного двора.*— Людей, приходивших в те дни в квартиру Пушкина,— вспоминал современник,— «вели по узенькой, грязной лестнице... парадные двери были заперты, входили и выходили в швейцарскую дверь, узенькую, вышиною в полтора аршина». *Умнейшего мужа России.*— После аудиенции 8 сентября 1826 г., данной Николаем I возвращенному из ссылки Пушкину, царь заявил в придворном кругу, что он разговаривал «с умнейшим человеком России».

Ода пешему ходу (1—3).— *...чванством // Распираемый торс!* — Имеется в виду реклама автомобильных шин на дорогах Фран-

ции: человечек без ног, опоясанный шинами. *Лакированный нуль* — автомобиль. *Змея ветхая лесть!* — По библейскому преданию, дьявол в образе змеи льстивыми речами уговорил Еву сорвать запретный плод с «древа познания добра и зла». *Опера и Мадлен* — центральные районы Парижа, где находятся лучшие магазины, ателье мод и т. п. *...жаждет прага* — порога. *Морены* — ледники, глетчеры.

Стихи к сыну (1—3).— Сын Марины Цветаевой, Георгий Сергеевич Эфрон родился 1 февраля 1925 г. в Чехословакии. Вместе с матерью в 1939 г. вернулся на родину. После смерти Цветаевой привез в Москву ту часть ее архива, которую она взяла в Елабугу. Окончил школу в Ташкенте, затем посещал лекции в Московском литературном институте. Много читал: для своего возраста был очень развит и образован. Отличался литературной одаренностью и художественными способностями, о чем говорят оставшиеся после него дневники, письма и рисунки. В начале 1944 г. был призван на фронт. Погиб в июле 1944 г. в бою под деревней Друйка Браславского района Витебской области.

3. «Не быть тебе нулем...» — *Галльский петух* — одна из национальных эмблем Франции.

Стол (1—6).— Дочь Цветаевой А. С. Эфрон вспоминает о том, как работала Цветаева: «Отметя все дела, все неотложности, с раннего утра, на свежую голову, на пустой и поджарый живот. Налив себе кружечку кипящего черного кофе, ставила ее на письменный стол, к которому каждый день своей жизни шла, как рабочий к станку — с тем же *чувством ответственности*, неизбежности, невозможности иначе. Все, что в данный час на этом столе оказывалось лишним, отодвигала в стороны, освобождая, уже машинальным, движением место для тетради и для локтей. Лбом упиралась в ладонь, пальцы запускала в волосы, сосредоточивалась мгновенно. Глохла и слепла ко всему, что не рукопись, в которую буквально впивалась — острием мысли и пера».

1. «Мой письменный верный стол!..» — *Штранд* (нем.) — морской берег. *...морю толп // Еврейских — горящий столп!* — По Библии, при исходе евреев из Египта Бог в образе огненного столпа указывал им путь.

2. «Тридцатая годовщина...» — *Тридцатая годовщина.* — Цветаева имеет в виду свой «стаж» поэта: стихи она начала писать с раннего детства, а в одиннадцать-двенадцать лет писала уже вполне серьезно и сознательно.

3. «Тридцатая годовщина...» — *Береву берёг карел!* — Карельская береза — ценный сорт древесины. *...трех Самозванцев в браке // Признавшая тёзка...* — Марина Мнишек (см. комм. к циклу «Марина»).

4. «Обидел и обошел?..» — *Парижские химеры* — украшения на соборе Парижской Богоматери, сделанные в виде чудищ — химер.

Куст (1—2). 1. *«Что нужно кусту от меня?..»*
Одна из строф, отброшенная в последней редакции:

Тогда я узнаю, тоня́
Лицом в тишине первозданной,
Что нужно кусту от меня:
Меня — и Ахматовой Анны.

Из цикла «Надгробие».— Написаны после кончины Николая Павловича Гронского (1909—1934), молодого поэта, погибшего под колесами метро. Цветаева подружилась с ним в 1928 г.; она высоко ценила его стихи, видела в них, как и во всем духовном облике

юноши, большое сходство с самою собой (Гронский действительно был тогда всецело под ее влиянием). Через него она пересылала свои стихи для печатания в парижскую газету «Последние новости», где работал его отец: совершала с ним пешие прогулки по медонским лесам. Сохранилась их переписка 1928—1930 гг. После смерти поэта Цветаева думала издать ее, но замысла своего не осуществила.

«Есть счастливцы и счастливицы...» — *Пел же над другом своим Давид.*— По библейскому преданию, Давид (см. комм. к стихотворению «Быть мальчиком твоим светлоголовым!..») выражал свое горе о любимом друге Ионафане в «плачевной песне». Об *Орфее* и *Эвридике* см. комм. к стихотворению «Как сонный, как пьяный...».

«Двух станов не боец, а — если гость случайный ...» — Эпиграф — слегка видоизмененная первая строка стихотворения А. К. Толстого (1858).

Стихи сироте (1—7).— Обращены к А. С. Штейгеру (1907—1944), поэту, с которым Цветаева к началу переписки лично знакома не была. Летом 1936 г., живя в Савойе, в горном селении Сен-Лоран, она получила от Штейгера, больного туберкулезом и только что пережившего несчастную любовь, полное отчаяния письмо с «воплем» о помощи,— в ответ на которое откликнулась сразу и горячо: писала ему каждый день, ободряла, утешала, посылала созданные для него стихи. Однако Штейгер оказался слишком ординарным и слабым, он не выдержал лавины направленных на него чувств и забот, и к тому же был верным сыном парижской богемы, к которой и рвался из своего туберкулезного санатория. В сентябре он получил от Цветаевой полную негодования отповедь.

Эпиграф — из стих. К. А. Петерсона «Сиротка».

2. «Обнимаю тебя кругозором...» — *Феодального замка боками.*— «Я себя сейчас чувствую своим замком, в котором Вы живете. Пустынно, огромно, *сохранно* и обнимающе Вас со всех сторон — но таким просторным объятием — и сколько в нем места, и Вы всюду можете ходить, и нет запретной комнаты — и надо всем огромный пустынный гулкий чердак с готическим корабельным сводом — над которым — еще свод — а на самом верху — колокола» (письмо Цветаевой Штейгеру от 11 августа 1936 г.) — Имеется в виду средневековый замок Арсин, в то время — пансионат.

«Когда я гляжу на летящие листья...» — Сохранился другой вариант стихотворения:

Когда я смотрю на летящие листья,
Слетающие на булыжный размыв,
Сметаемые — как художника кистью,
Сдаваемые — наши письма в архив!

Я думаю — может быть, рядом прошел ты
И видел, как странную даму знобит,—
Что жалкий, ненужный, решительно-желтый
Один такой лист на вершине — забыт.

СТИХИ К ЧЕХИИ

Цикл создан в дни событий, развернувшихся в Чехословакии в сентябре 1938 г. и в марте 1939 г. В результате соглашения, заключенного в сентябре 1938 г. в Мюнхене между Германией, Италией, Англией и Францией, Судетская область была отторгнута от Че-

хословакии и поделена между гитлеровской Германией, буржуазной Венгрией и панской Польшей. В марте 1939 г. фашистская Германия оккупировала Чехословакию.

Эти события потрясли Цветаеву. «День и ночь, день и ночь думаю о Чехии,— пишет она А. А. Тесковой.— Живу с ней, в ней и ею, чувствую изнутри нее: ее лесов и сердец. Вся Чехия сейчас одно огромное человеческое сердце, бьющееся только одним: тем же, что и мое... До последней минуты и в самую последнюю верую — и буду верить — в Россию: в верность ее руки. Россия Чехию сожрать *не даст:* попомните мое слово...» «Чехия для меня сейчас — среди стран — единственный человек. Все другие — волки и лисы, а медведь, к сожалению — далек. Но — будем надеяться, надеюсь — твердо... Бесконечно люблю Чехию и бесконечно ей благодарна, но не хочу *плакать* над ней (над здоровым не плачут, а она, среди стран — единственная здоровая, больны — те!), итак, не хочу плакать над ней, а хочу ее петь».

Сентябрь.

1. «Полон и просторен...» — *Триста лет неволи // Двадцать лет свободы.*— Начиная с 1620 г., то есть после подавления восстания против Габсбургов, Чехия потеряла свою национальную независимость и оставалась, вплоть до 1918 г., в составе Австро-Венгерской империи. В 1918 г. было создано самостоятельное чехословацкое государство. *Влтава* — река, на берегах которой расположена столица Чехословакии Прага. *Лев двухвостый* — часть национального герба Чехословакии.

2. «Горы — турам поприще!...» — «Я люблю горы, преодоленье, фабулу в природе, становление...» — писала Цветаева в 1926 г. Пастернаку.— «Я всю Чехию прожила в глубоком сне — снах — так и осталась сном, вся, с зайцами и с ланями, с перьями фазаньими — которые, кстати, у меня еще хранятся, подобранные по лесным чащам, по которым я лазила — сначала с Алей, потом с... Муром на руках». *...ружья... ни одного.*— В 20-е годы в Чехословакии леса были заповедными и охота в них запрещалась.

3. «Есть на карте — место...» — Посылая это стихотворение А. А. Тесковой, Цветаева сделала к нему пояснение: «Есть в груди народов — язва: *наш убит!* То есть народы эту беду оплакивают — как свою, ибо радости от этой беды не будет *ни одному народу:* только — лицам. И не только *как свою* (оплакивают) — и как *свою будущую,* если не... Но отсутствие выводов не только свойства народов и народа, а и так называемых «культурных людей».— «Какой ужас — опять отобрали 60 поселков...» «Какой ужас с евреями!..» — «Какой ужас — вместо 60 сант.— марки — 90 сантимов!» И все: «ужас», а *почему* все эти ужасы, и почему они все вместе — никто (из моего окружения: культурного: пишущего) не хочет понять — и даже вопроса не ставит — слишком боясь услышать *ответ.* Все это тоже малодушие, и косность, и *жир* (или — тяга к нему!) — которые сделали то — что сделано. Я в цельности и зрячести своего негодования — совершенно одинока. Я не хочу, чтобы всех их — жалели: нельзя жалеть живого, зарытого в яму: нужно живого — выкопать, а зарывшего — положить. Такая жалость — откупиться.— «Какой ужас!» — нет, ты мне скажи — *какой* ужас, и, поняв, уйди от тех, кто его делают или ему сочувствуют. А то:— «Да, ужасно, бедная Прага», а оказывается — роман с черносотенцем, только и мечтающим вернуться к себе с чужими штыками, или — просто пудрит нос (дама), а господин продолжает читать Возрождение и жать руку — черт знает кому. В лучшем случае — слабоумие, но, видя, как все отлично умеют устраивать свои дела, как отлично *в них* разбираются,— не верю в этот «лучший

случай». Просто — lâcheté (подлость — фр.): то, что (нынешним) миром движет».

Март.

В мае 1939 г. Цветаева писала: «Стихи идут настоящим потоком — сопровождают меня на всех моих путях, как когда-то — ручьи. Есть резкие, есть певучие,— и они сами пишутся. Очень много о драгоценных камнях — недрах земли — но и камни — живые!»

1. (Колыбельная).— *Тюрингия* — в V в. была захвачена гуннами.

2. Пепелище.— *Град Вацлáва* — Прага; князь Вацлав Святой (ок. 908—929) считался патроном Чехии и ее столицы. *Богемская грань.*— Чехословакия издавна славилась своими мастерами по огранке стекла и горного хрусталя.

4. Германии.— *Астральная душа* — здесь: отвлеченная от всего земного (намек на Германию как родину романтизма). *Хрустальное подземие.*— В Чехословакии добывается и обрабатывается горный хрусталь. *Наздар!* — чешское приветствие.

5. Март.— *...каждый март: // С краем, с паем новым!* — В марте 1938 г. фашистская Германия захватила Австрию, в марте 1939 г.— Чехословакию. *Валеты* — здесь: лакеи, холопы. *С Тарпейской скалы* в Древнем Риме сбрасывали осужденных на смерть. *Мартовские Иды* — 15 марта 44 г. до н. э. по древнеримскому календарю, день, когда был убит Юлий Цезарь.

8. «О, слезы на глазах!..» — *Испания в крови!..*— В архиве Цветаевой сохранились письма и записи, в которых с гневом и печалью говорится о событиях в Испании. «Перекачиванием мертвой крови в живое тело» назвала она в одном из писем насильственную фашизацию Испании. *Творцу вернуть билет.*— Ср. слова Ивана Карамазова из романа Ф. Достоевского «Братья Карамазовы» (Ч. II. Кн. V. Гл. «Бунт»). Не принимая концепции о будущей мировой гармонии, которая достигается ценой огромных страданий, Иван говорит: «Свой билет на вход спешу возвратить обратно».

«Двух — жарче меха! рук — жарче пуха!...» — Обращено к Е. Б. Тагеру (1906—1984). В своих неопубликованных воспоминаниях Тагер писал о встрече с Цветаевой в Голицыне в декабре 1939 года: «В первый же день я встретил ее в проходной комнате, идущей от столовой. «Как я рад приветствовать вас, Марина Ивановна»,— сказал я.— «А как я рада слышать, когда меня называют «Марина Ивановна»,— отвечала она». Далее автор описывает внешность Марины Ивановны: «Никаких парижских туалетов — суровый свитер и перетянутая широким поясом длинная серая суконная юбка. Не изящная хрупкость, а — строгость, очерченность, сила. И удивительная прямизна стана, слегка наклоненного вперед, точно тащего в себе всю стремительность ее натуры.

Должен сказать, что ни на одной фотографии тех лет я не узнаю Цветаеву. Это не она. В них нет главного — того очарования отточенности, которая характеризовала всю ее, начиная с речи, поразительно чеканной, зернистой русской речи, афористической, покоряющей и неожиданными парадоксами и неумолимой логикой, и кончая удивительно тонко обрисованными, точно «вырезанными» чертами ее лица».

«Всё повторяю первый стих...» — Обращено к поэту А. А. Тарковскому (1912—1989), с которым Цветаева познакомилась в 1940 г. Это ответ на его стихотворение «Стол накрыт на шестерых...».

Царь-Девица

Сюжет поэмы заимствован из одноименной русской сказки (собрание Афанасьева, №№ 232, 233). Из того и другого варианта сказки Цветаева воспользовалась лишь ее первой частью. Вторая часть, со счастливым исходом (Царь-Девица после долгой разлуки соединяется с любимым) опущена. В 1923 г. Цветаева так пояснила главную мысль поэмы в частном письме: «Прочтите «Царь-Девицу»... Где суть? Да в ней, да в нем, да в трагедии разминовений: ведь все любови — мимо... мой <Царевич> никого не любит... Он любит гусли...»

Поэма вышла отдельной книгой в 1922 г. в Москве (ГИЗ), уже после отъезда Цветаевой за границу, и в том же году в Берлине.

Пророк Моисей!.. и т. д.— По Библии, Бог явился Моисею в пламени несгорающего тернового куста («неопалимой купины»). *Столб соляной.*— Жена Лота (б и б л.) за ослушание была превращена Богом в соляной столб. *Егорий* — Георгий победоносец (Егорий Храбрый). *Михаил-Архистратиг* — один из семи архангелов, вождь небесного воинства в борьбе с темными силами ада. *Шептала́* — сушеные абрикосы. *Самсон с Далилой.*— По библейскому преданию, филистимлянка Далила, пленив иудея Самсона, доверившегося ее мнимой любви, обманом лишила его богатырской силы, заключавшейся в его длинных волосах, и предала своим единоплеменникам. *Царь Соломон* (б и б л.) — автор «Книги премудростей» и «Притч». *Иосиф.*— По Библии, жена египетского царедворца Патифара пыталась соблазнить Иосифа, молодого раба своего мужа, но тот бежал, оставив в ее руках свою одежду. *Чермное море* — древнее название Красного моря.

На красном коне

Поэма вдохновлена знакомством Цветаевой с молодым поэтом Е. Ланном (см. Анна Саакянц. Марина Цветаева. Страницы жизни и творчества. 1910—1922. М. Советский писатель, 1986. С. 253—268).

Красный конь (у древних греков — Пегас) — крылатый конь, символ поэтического вдохновения. *Сорокоуст* — сорокадневная молитва по умершим. *За ны* (с л а в.) — за нас.

Мо́лодец

Вышла отдельной книгой в издательстве «Пламя». Прага, 1924. Написана по мотивам народной сказки (собрание Афанасьева) «Упырь». Прекрасная девушка Маруся, роковым образом повстречавшая упыря в обличии доброго молодца, подпадает под его неотразимую власть и тем самым губит своих родителей, а потом и себя. Ей надо лишь назвать «нечистого по имени, чтобы он навсегда исчез, а она спасла бы себя и своих родных. Но она этого не делает, и вот уже, похоронив отца с матерью, умирает сама. Ее хоронят так, как велела старая бабка-колдунья, к которой Маруся перед смертью обратилась за помощью: проносят умершую под порогом и зарывают на перекрестке двух дорог. На ее могиле расцветает прекрасный цветок; его находит проезжающий мимо боярский сын и привозит к себе в дом. Цветок оборачивается красной девицей, она становится женою боярского сына, но ставит условие, что четыре года не будет ходить в церковь. В дальнейшем (мы опускаем подробности) вновь вмешивается добрая колдунья, дает Марусе святой воды,

и та, взбрызнув ею нечистого, впервые называет его. Злые чары рассеиваются, нежить рассыпается прахом, а Маруся с мужем и сыном живут долго и счастливо.

Цветаева не только внесла изменения в сюжетную линию сказки, но полностью переосмыслила ее финал. «Я прочла у Афанасьева сказку «Упырь»,— писала она,— и задумалась, почему Маруся, боявшаяся упыря, так упорно не сознавалась в ею виденном, зная, что назвать — спастись? Почему вместо да — нет? Страх? Но ведь от страха не только забираются в постель — и в окно выбрасываются. Нет, не страх. Пусть — и страх, но еще что-то. Страх — и что? Когда мне говорят: сделай то-то и ты свободна, и я того-то не делаю, значит, я не очень хочу свободы, значит, мне не-свобода — дороже. А что такое дорогая не-свобода между людьми? Любовь. Маруся упыря любила, и потому не называла, и теряла, раз за разом, мать — брата — жизнь. Страсть и преступление, страсть и жертва...

Вот — *моя* задача, когда я бралась за «Мóлодца». Вскрыть суть сказки данной в костяке. Расколдовать вещь» («Поэт о критике»).

Поэма Горы

Обращена к Константину Болеславовичу Родзевичу. Цветаева встретилась с ним в 1923 г., когда он учился на юридическом факультете в Пражском университете.

К. Б. Родзевич (1895—1988), сын военного врача, родился в Петербурге. Во время первой мировой войны, прервав свои университетские занятия, ушел на фронт. В середине 1917 г. был назначен мичманом на Черноморский флот. Служил на военных кораблях; был комендантом Одесского красного порта и участвовал в отражении попыток иностранной интервенции, затем — одним из командиров Нижне-Днепровской красной флотилии. Под конец гражданской войны попал в плен к белым. Дальнейшая судьба забросила К. Б. Родзевича в Прагу, где он окончил университет. В 1926 г., пройдя полный курс юридических наук, он обосновался в Париже, вступил там в коммунистическую партию и занялся активной политической работой; был связан с левыми французскими организациями. В период создания во Франции правительства Народного фронта сотрудничал в «Ассоциации революционных писателей и артистов». (Эта ассоциация объединяла значительную часть французской прогрессивной интеллигенции во главе с А. Барбюсом.) С 1936 по 1938 гг. Родзевич сражался в рядах Интернациональных бригад в Испании, а во время оккупации Франции гитлеровскими войсками стал участником французского Сопротивления. Арестованного в 1943 г., Родзевича в течение двух лет перебрасывали из одного немецкого концлагеря в другой; в 1945 г. в Ростоке его освободила Красная Армия. Вернувшись в Париж, он возобновил там свою прежнюю политическую деятельность. Одновременно стал заниматься рисованием и деревянной скульптурой. В 1960 г. К. Родзевич переслал в Москву все сохранившиеся у него материалы, касающиеся его отношений с Цветаевой (рукописи, письма, книги, рисунки), «в знак нерушимой памяти о ней». Ныне все это хранится в архиве Цветаевой (ЦГАЛИ). Дочь Цветаевой А. С. Эфрон в своих воспоминаниях рисует К. Б. Родзевича как человека большого мужества, обаяния и трудной судьбы.

В 1977—1980 гг. К. Б. Родзевич прислал составителю данного издания фотографии выполненных им четырех рисунков и одного скульптурного портрета Цветаевой, а также автобиографию, которую

завершил словами: «...В Праге произошла моя встреча с Мариной Цветаевой, память о которой я бережно проношу сквозь все нарастающую гущу времен. Наша любовь и наша разлука живо отражены в стихах и в поэмах самой Марины Цветаевой. Поэтому я воздержусь от всяких комментариев. Можно ли заурядными словами передать то, что уже стало достоянием поэзии? Ноябрь 1978 г.». «Личность М. Ц.,— писал он в письме к тому же адресату,— настолько широка, богата и противоречива, что охватить ее в немногих словах для меня совершенно немыслимо! Очень хорошо она сказала о себе сама:

«Восхищенной и восхищённой,
Сны видящей средь бела дня,
Все спящей видели меня,
Никто меня не видел сонной».

— Такой она являла себя и за своим письменным столом, и в своих далеких и одиноких прогулках...

Но с какой готовностью и с каким неослабным вниманием участвовала она в беседах! И как живо и остро восставала она против всего, что шло наперекор ее жаркому правдолюбию...

В произведениях М. Ц. нередко слышатся трагические ноты — отзвук ее тяжелой, разбитой и неустроенной судьбы. По существу же у М. Ц. светлый, страстный и жизнеутверждающий характер. Не это ли роднит все творчество М. Ц. с народным эпосом, с народной стихией стиха и слова...».

«Поэма Горы», как и «Поэма Конца», построена на единстве *достоверностей* и *романтики*. Так, «Гора», о которой идет речь в поэме,— это Петршин холм в Праге (Цветаева называла ее Смиховским холмом — от района Смихов). Но в то же время слово это имеет для поэта и другой, романтический смысл. Гора в поэме — синоним и символ Любви. Образ горы всегда связан в творчестве Цветаевой с высотою, огромностью, лавинностью чувств и с величием самого человека. Понятие «горы» как части природы, земли Цветаева, «рожденный пешеход», противопоставляла морю, которого не любила. В творческом же сознании поэта оба понятия, символизируясь, приобретали полярный друг другу смысл: «Есть вещи, от которых я в постоянном состоянии отречения: море, любовь,— пишет она Пастернаку 25 июля 1926 г.— Океан, как монарх, как алмаз: слышит только то, кто его не поет. А горы благодарны (божественны)». Гора — «верх земли и низ неба,— пишет она другому корреспонденту.— Гора — в небе».

В «Поэме Горы» (а также в «Поэме Конца») Цветаева выражает романтический взгляд на человеческие чувства и страсти, имеющие своей основой духовное, высокое начало, принадлежащее *бытию*, и противопоставляет их *быту*. «Душу свою я сделала своим домом (maison son lande), но никогда дом — душой. Я в жизни своей отсутствую, меня нет дома. Душа в доме,— дома, для меня немыслимость, именно *не мыслю*»,— писала она Пастернаку.

Эпиграф — из романа немецкого писателя-романтика Ф. Гёльдерлина (1770—1843) «Гиперион». *Душа — горé* — от церковнославянского выражения «возвести очи горе», то есть вверх. *Персефоны зерно гранатовое*.— Персефона (греч. миф.) — дочь богини Деметры, была похищена богом подземного царства Аидом. Чтобы вернуться на землю, она не должна была принимать пищу; не выдержав, проглотила шесть гранатовых зерен, коварно предложенных Аидом, в наказание за что была вынуждена проводить в подземном царстве шесть месяцев в году. *...коемужды // Сбудется — по слезам его*.— Перифраз библейских слов: «Коемужды воздастся по делам его». *С дитятком* —

отпустил Агарь.— См. комм. к стихотворению «Простоволосая Агарь — сижу...». *И Мир и Рим* — то есть все (от «Риму и миру» — обращение папы римского. *Атлас* (греч. миф.) — титан, за попытку завладеть небом осужденный богами держать на плечах небесный свод. *Двенадцать апостолов.*— На Пражском соборе находятся старинные часы; в полдень и в полночь на их циферблате открываются дверцы, из которых выходят фигурки двенадцати апостолов. *Крыши с аистовым гнездом!* — Аист, по народным поверьям,— символ семейного благополучия. *Заповедь седьмая* (библ.) — «Не прелюбодействуй!»

Поэма Конца

Тематически продолжает «Поэму Горы» и обращена к тому же человеку (см. предыдущий комм.). Развивая мысль «Поэмы Горы», поэт строит «Поэму Конца» на том же единстве *достоверностей* (мост, набережная, кафе и т. п.) и *романтики*, на контрасте «земли» и «неба», «быта» и «бытия». Как сказала Цветаева, в одном из писем, герой поэмы хочет любви *по горизонтали*, а героиня — *по вертикали* (мысль, перешедшая в написанную следом трагедию «Ариадна», в которой Бог оспаривает у любящего смертного душу его любимой и одерживает победу).

Прочитав в 1926 г. «Поэму Конца», потрясенный Пастернак писал Цветаевой 26 марта: «Я четвертый вечер сую в пальто кусок мглисто-слякотной, дымно-туманной ночной Праги с мостом то вдали, то вдруг с тобой перед самыми глазами,— качу к кому-нибудь подвернувшемуся в деловой очереди или в памяти и прерывающимся голосом посвящаю их в ту бездну ранящей лирики, микеланджеловской раскинутости и толстовской глухоты, которая называется Поэма Конца. Попала ко мне случайно, ремингтонированная, без знаков препинания...

С каким волнением ее читаешь! Точно в трагедии играешь. Каждый вздох, каждый нюанс подсказан. «Преувеличенно — то есть». «Но в час, когда поезд подан — вручающий». «Коммерческими тайнами и бальным порошком». «Значит, не надо, значит, не надо»...

Тут живое, со слуха, что все эти дни при мне, как «мое с неба свалившееся счастье», «родина», «удивительная», «Марина» или любой другой безотчетный звук, какой, засуча рукава, ты можешь достать с моего дна...

Какой ты большой, дьявольски большой артист, Марина!...» 30 июля 1926 г. Пастернак сообщил Цветаевой, что Н. Асеев, которому он дал «Поэму Конца», позвонил ему «рано утром по телефону, под сильнейшим впечатлением этой ни с чем не сравнимой, гениальной вещи... Асеевский ученик и любимец, Кирсанов, пальцы изъязвил чернилами, переписывая ее. Кажется, он это сделал в одну ночь».

«Поэма Конца»... вся на паузе, без знаков препинания! — писала Цветаева Пастернаку в 1926 г.— Ирония или Kraftprobe (Здесь: испытание — нем.). И то, что ты полюбил ее такой, с опечатками (важен каждый слог!), без тире (только они и важны!) — зачем, Борис, говорить мне о писавшем, я *читавшего* слышу в каждой строке твоего письма. То, что ты прочел ее,— вот *чудо*».

«Не от одной зари // Горящее?» — Неточная цитата из стихотворения А. Блока «На небе — празелень, и месяца осколок...». *Кому повем печаль мою* — слова из Псалтири. *Семирамидины сады* — одно из так называемых «семи чудес света»: висячие сады, созданные в Вавилонии при легендарной царице Семирамиде. *Наяда* — нимфа воды.

Звезда мальтийская (крест) — эмблема средневекового рыцарского ордена, учрежденного в XV в. *...порошком // Бертольда Шварца* — порохом (см. комм. к стихотворению «Читатели газет»). *Как печать // На сердце твое, как перстень // На руку твою...* — Слова из Песни Песней (Библия). *Менады мех.* — Менады — участницы празднеств в честь Вакха (Диониса); одевались в звериные шкуры. *Голконда* — здесь: сокровищница; город в древней Индии, славившийся роскошными царскими усыпальницами. *Мостовина* — плата за переход моста. *Харонова мзда за Лету.* — Харон — перевозчик душ умерших через Лету, реку подземного царства. *Мак* — символ сна у древних. *С Иеговой порвет Давид!* — То есть свершится невозможное; *Иегова* — одно из имен Бога в Библии; *Давид* — страстный приверженец Иеговы. *И у Иова, // Бог, хотел взаймы?* —См. комм. к стихотворению «Есть в мире лишние, добавочные...». *Давидов щит* — символ силы и веры иудейского народа. *Вечный Жид* — Агасфер, осужденный, по преданию, на вечные скитания.

Крысолов

Поэма написана на сюжет средневековой немецкой легенды, широко использованной в европейской литературе. Легенда гласит, что летом 1284 г. в городе Гаммельне появился странствующий музыкант и предложил жителям избавить их от нашествия крыс. Повинуясь звукам его флейты, крысы вслед за музыкантом вошли в реку Везер и утонули. Не получив за содеянное добро обещанной платы, Крысолов жестоко отомстил жителям Гаммельна. В воскресный день, во время обедни, когда все взрослые были в церкви, он вновь заиграл на флейте, выманил из домов всех детей и отвел их на гору Коппенберг, которая разверзлась и поглотила их.

Мысли о поэме возникли у Цветаевой в 1923 г., но писать поэму она начала в 1925 г. «Лирической сатирой на быт» назвала она свою поэму в одном из писем. Крысолов в ней символизирует Поэзию, а Бургомистр — быт, который «не держит слово» и «Поэзия мстит». Цветаева намеревалась издать «Крысолова» отдельной книжкой; ее дочь Ариадна сделала иллюстрации к поэме. Издание осуществлено не было. 14 июня 1926 г. Б. Пастернак писал Цветаевой: «Крысолов» кажется мне менее совершенным и более богатым, более волнующим в своей неровности, более чреватым неожиданностями, чем «Поэма Конца»... Это удивительно *молодая* вещь с проблесками исключительной силы...» 2 июля 1926 г. он продолжал: «Наилучшие главы: Увод и Детский рай... Почти исключительно... приходится говорить о ритме, о музыкальной характеристике действующих слагаемых, о лейтмотивах. Прерогатива ритма в Уводе и Детском рае почти предельны... и... живопись, живопись. Живопись и музыка... Summa summarum: абсолютное, безраздельное господство ритма. Оно естественно вызвано характером сюжета. Предельно воплощенное в двух драматических главах, где творятся и показываются его чудеса, он распространяется и на другие главы, где ритм только лишается первого лица, остается же (в остальном) во всей силе и вызывает к существованию мысли, образы, повороты и переплетенья темы».

Город Гаммельн. — *Георгий* Победоносец — один из самых популярных христианских святых. 12 мая 1926 г. Цветаева писала Р.-М. Рильке: Св. Георгий — «почти конь — конь, который почти всадник, я не разделяю их и не называю... всадник не тот, кто сидит на лошади, всадник — оба вместе, новый образ, нечто не бывшее раньше, не всадник и конь: всадник-конь и конь-всадник...». *«Уврет*

Гаммельн — и умереть!» — Перифраз слов из популярной неаполитанской песенки; «Увидеть Неаполь и умереть». *Juri и Rührei...* Juri — Юрий (Георгий); имя сына Цветаевой. Игра созвучий: противопоставление высокого, романтического (Георгий Победоносец) и низкого, мещанского («не тронь нас!» и т. д.). *Эльдорадо* — вымышленная страна баснословных богатств, символ земного рая. *«Mensch, wo bist?» «Bin nackt», «Наг, — потому робею».* По библейскому преданию, со словами «Человек, где ты?» Бог обратился к Адаму, скрывшемуся после своего грехопадения, убоявшись Господнего гнева; Адам ответил Богу: «Голос твой я услышал... и убоялся, ибо я наг» (до грехопадения Адам стыдливости не ведал). *Овцы Господни* — христиане. *Козел* — здесь: дьявол, нечистый (в старину козел считался нечистым животным). *Сен-Жюст* (1767 — 1794) — деятель французской буржуазной революции XVIII в. *Мой же росс.*— Речь идет о новорожденном сыне Цветаевой Георгии. *Авель* (библ). — сын Адама, любимый Богом за кротость.

Сны. *Каспар.*— Возможно, от нем. Kasper (дурак, дурень). *Обер* (нем.) — старший, начальник. *Суд видит весы.*— Весы — символ правосудия. *Тора* — древнееврейское название первых пяти книг Библии, в которых излагаются, в частности, заповеданные Богом законы и неумолимые кары за нарушение их. *Седмица* — неделя. *Соломонова пшеница — // Косы...*— Т. е. густые и золотистые, как пшеница «земли обетованной». Образ восходит к Библии.

Напасть. *Тугендбунд* (нем.) — здесь: принцип (обыгрывается название тайного общества, возникшего в Германии начала XIX в. против власти Наполеона — «Союз добродетели»). *Герольд* — лицо, назначенное для объявления важных событий.

Увод. *Камерад* — товарищ. *Крысьего штурм унд дранг'а* (нем.— «Буря и натиск).— Ироническое обыгрывание названия всемирно известного романтического движения в немецкой литературе 70-х годов XVIII в. *Шираз* — город в Персии, славившийся своими розами. *Вей* — здесь: воздух, воля. *Гаолян* — просо. *Джаным* (тюрк.) — любимый. *Тамбур* — вид вышивания. *Пагода* — название храмов в Индии, Китае, Японии. *Четвертый день.*— По библейскому преданию, в первые четыре дня творения Бог создал свет, тьму, воду, сушу, растения и небесные светила. *Дотварный ил.*— «Твари» земные (животные) в четвертый день творения еще не были созданы Богом. *Индиго* — тропический кустарник. *Брамин* (брахман) — индийский жрец. *Дервиш с коброю* — мусульманский странствующий монах со священной змеей. *Раджа* — в древней Индии — царь. *Напьемся // Соком лотосовым:* покой.— Сок лотоса, по древним поверьям, дает забвенье. *Нирвана* — по буддийскому учению, состояние оцепенения, забытья, отсутствия страданий; здесь — блаженство покоя.

В ратуше.— *Ратсгерр* (нем.) — советник. *Не был Цезарем бы — // Стал бы поваром бы...*— Иронический перифраз слов знаменитого греческого полководца Александра Македонского: «Если бы я не был Александром, я хотел бы быть Диогеном». *Цукр* (нем.) — сахар. *Контраданс* (фр.) — нарушение; здесь: противоположность. *Ну и гусь! // — Ну и Ганс!* — Игра слов: гусь по-немецки — Ганс. *Шлиф (нем.)* — лоск, хороший тон. *Фонд* (нем.)—здесь: скрытая суть. *Афронт* (фр.) — здесь: противоположность. *Унтергрунд* (нем.) — основа. *Септ-аккорд* — здесь: сильный аккорд. *Кулак Потсдаму.*— Потсдам — резиденция прусских королей, символ военщины. *Ça ira!*— припев революционной песни времен французской буржуазной революции. *Тайный страх // Тайного рата Гёте — // Пред Бетховеном.*— Великий немецкий поэт И. В. Гёте был тайным советником (нем. рат)

при дворе Веймарского герцога; ему, не любившему «все нарушающее меру», страстная и «необузданная» музыка Бетховена внушала страх и одновременно чувство «тайного влечения к бездне и ужаса перед ней» (слова Ромена Роллана). *Филомела* (лат.) — поэтическое наименование соловья, связанное с античным мифом о превращении в соловья девушки Филомелы. *Аз* (слав.) — я. *Азры* — мифическое арабское племя, юноши которого, полюбив, умирали. *Штранд* (нем.) — пляж, морской берег. *Квинты, кварты* — музыкальные интервалы. Гименей (греч. миф.) — бог брака. ...*где несть болезни!* (слав.) — где нет болезней, то есть в раю; слова из православного богослужения. *Иерофанты* — здесь: избранники богов, тайновидцы (у древних греков верховный жрец богини Деметры). *Кайзер* (нем.) — император. *«Вещество — лишь знак»* — слова финального мистического хора во II части трагедии Гете «Фауст».

Детский рай.— *Сезам* — здесь в смысле: двери в рай (из арабской сказки «Али-Баба и сорок разбойников» — вход в сокровищницу несметных богатств). *Плоды Соломона* — здесь: мудрость. *Розы Саади* — здесь: красота (от названия сборника «Розовый сад» («Гулистан») великого персидского поэта Саади, ок. 1184—1291). *Фатер* (нем.) — отец. *Флинты* (нем.) — ружья. *Гусовой казни*.— Ян Гус (1369—1415) — великий чешский реформатор; был сожжен на костре по обвинению в ереси.

Попытка комнаты

Об обстоятельствах создания этой поэмы см. комм. к «Поэме Лестницы», а также «Поэму Воздуха».

Поэма Лестницы

Цветаева начала работать над поэмой в Париже, вскоре после переезда во Францию. Первую зиму она с семьей жила в отдаленном от центра рабочем квартале Парижа. Убогая жизнь на фабричной окраине, а также общение с бедной семьей, живущей в одной из самых жалких парижских гостиниц, и вдохновили Цветаеву на замысел произведения о «пасынках большого города» — «Повесть о том, как живет и работает черная лестница», как первоначально называлась поэма. Вскоре, однако, она прерывает работу над поэмой, а весною 1926 г. уезжает в Вандею, где для нее наступает совершенно иная полоса жизни. Происходит эпистолярная «встреча» Цветаевой с Р.-М. Рильке, которую устраивает Б. Л. Пастернак. Весна и лето 1926 г. ознаменованы для Цветаевой ее интенсивной перепиской с Рильке и Пастернаком, носящей романтически-экзальтированный характер, а также написанием небольших поэм: «С моря», обращенной к Пастернаку и к Рильке, и «Попытка комнаты», обращенной к Рильке.

Хотя поэма получилась в конечном итоге небольшая, ибо продолжение ее не было написано, она непроста и многопланна. Это во многом объясняется тою особенно напряженной и сложной внутренней жизнью, какою жила Цветаева летом 1926 г., когда контраст между *бытом* и *бытием* ею особенно сильно ощущался и переживался. С одной стороны — «заоблачные сферы» ее переписки с Рильке и Пастернаком; с другой — сознание полнейшей неустроенности в новой стране, зыбкости почвы под ногами, грозящей нищеты,— всеми этими тревогами полны письма Цветаевой той поры. Отсюда — смысловая неоднозначность поэмы, трудность работы над нею, когда поэт стремится

«втиснуть» в предельно сжатую форму некое целостное миропонимание, философски осмыслить неизбывность бед человеческих, трагедийность существования. Социальная обличительность «Поэмы Лестницы», острое сочувствие поэта к обиженным жизнью — и не менее острая ненависть к богатству, к «жиру», против которого восстают сами вещи, соседствуют с протестом против цивилизации вообще и с романтическим призывом к возврату вещей, созданных человеком, в их первозданное природное лоно. Само же понятие *лестницы* предстает как бы в трех образах: реальная «черная лестница» нищего дома, где происходит действие, «мечтанная» лестница в рай из библейского «сна Иакова» и, наконец, промежуточная между тем и другим — пожарная лестница. Ибо в финале поэмы бедность и зло уничтожаются в пожаре, который, с одной стороны, — вполне «земной» пожар, возникший от неосторожной игры детей со спичками, с другой же — символический, спасительный огонь, сжигающий дотла несправедливо устроенный мир во имя иного, лучшего бытия человека — но уже не в этом мире.

Coty — аромат (от названия знаменитой французской парфюмерной фирмы). *На стравинский лад* — от фамилии композитора Стравинского (1882—1971). *Сон Иакова.*— По Библии, Иакову приснилась во сне лестница, один конец которой упирался в землю, другой — в небо; по ней спускались и поднимались ангелы; в это время Бог возвестил Иакову, что потомство его будет бесчисленно, а жизнь — благословенна. *Тростник...* и т. д. — слова французского философа Блеза Паскаля (1623—1662) из его известного изречения: «Человек всего лишь слабый тростник... но тростник мыслящий».

Поэма Воздуха

Поводом к написанию поэмы послужило следующее событие. 21—22 мая 1927 года американский летчик Чарльз Линдберг впервые совершил беспосадочный перелет через Атлантический океан. Шесть тысяч километров он преодолел за тридцать три с половиной часа, достигнув по тем временам невиданного рекорда. А. С. Эфрон рассказывала автору этих строк о том, что под впечатлением полета Линдберга, Марина Ивановна вообразила саму себя на месте летчика, в кабинке маленького самолета — он летел один,— и проделала в своем воображении весь его путь над океаном. Этот путь был для тех времен сенсационным, а по представлениям Цветаевой — поистине фантастическим: по высоте (около километра), длине (шесть тысяч километров), скорости (около ста восьмидесяти километров в час) и времени (около полутора суток).

В «Поэме Воздуха» Цветаева как бы поместила поэта в одиночную кабину самолета, дверь которого отделяет его от неведомой и непознанной стихии, куда он через несколько мгновений должен влиться. Поэма многопланова, в ней описания *физических* ощущений сложным образом переплетены с *философско-поэтическими* озарениями. См. также поэму «Попытка комнаты».

Расколотый ящик // Пандорин.— Пандора — (греч. миф.) — женщина, получившая от Зевса все дары, а также запертый ящик, куда были заключены все человеческие несчастья; из любопытства открыла ящик и выпустила их наружу. *Ирида, Ирис* — в греч. мифологии олицетворение радуги. *Лоном лиро-черепахи.*— По мифу, Гермес, бог торговли, изобретений и странствий, изготовил из панциря черепахи первую семиструнную лиру. *Фив нерукотворных.*— По мифу, сыновья Зевса Амфион и Зет возвели вокруг города Фивы мощные стены.

Heilige Sieben — (священная семерка).— Число 7 наделено магическими свойствами во многих мифологических системах: семь было любимым числом Цветаевой. В письме к Рильке от 12 мая 1926 г. она пишет: «Быть на седьмом небе от радости. Видеть седьмой сон. *Неделя* — по-древнерусски — седьмица. Семеро одного не ждут. Семь Симеонов *(сказка). 7 — русское число!* О, еще много: семь бед — один ответ, много». *В час, когда готический // Храм нагонит шпиль // Собственный...* — Ср. со словами из книги лирико-философских очерков С. М. Волконского «Быт и бытие» («Медный всадник», 1924) — эту книгу автор посвятил Цветаевой. Говоря о человеке, как точке приложения линии «трех измерений», Волконский писал о том, что вертикальная линия «пройдет сквозь голову через все тело, вниз в землю, вверх в небо. Если ее продолжим, то один конец упрется в центр земли, другой утеряется в бездонности небесного пространства. Это будет — линия высоты... По линии высоты (глубины) располагается всё, что утверждает усиление духовного начала в человеке... Страшна непрерывность перехода от высоты к глубине... Но вместе с тем утешительна,— при предельности нижнего конца, упирающегося в земной центр,— утешительна беспредельность верхнего конца, уходящего в небо... человек космической формулой своего положения во вселенной ограничен в падениях и безграничен в полетах. Эта линия, высотно-глубинная, есть линия разума, мысли, памяти, напоминания».

«Поэма Воздуха» в иносказательной форме имеет извечную мысль о «законе сохранения» творческой, духовной энергии. Отправляясь от живой конкретности, преобразив ее в своем художественном сознании, Марина Цветаева написала поэму сложного философского смысла и выразила в ней идею беспредельности и бессмертия человеческого духа.

Сибирь

«Сибирь» — глава большой несохранившейся «Поэмы о царской семье», над которой Цветаева работала с конца 20-х до середины 30-х годов и где повествовалось об убийстве семьи Романовых. По воспоминаниям дочери поэта, уезжая в 1939 г. на родину, Цветаева оставила, вместе с частью своего архива, беловую рукопись поэмы на сохранение друзьям в Париже; во время войны в подвале дома, где находился архив, произошла авария, и подвал был затоплен водой.

«Сибирь» повествует о возвеличении и падении сибирских временщиков-правителей, начиная с похода Ермака; она вся построена на исторических фактах.

Тобольск, «Град-царствующ // Сибирь».— Сибирью в старину называлась территория, занимаемая бывшей Тобольской губернией; неподалеку от Тобольска была расположена столица хана Кучума, которая называлась Сибирь, или Искер. До второй половины XVIII в. Тобольск был центром управления всею Сибирью. *Ясак* (татар.) — дань, платимая «инородцами». *Зернь* — игра в кости или в зерна (чет-нечет). *...что в рай — что в Пермь...*— Пермью, или Перемью, в русских летописях называлась территория к западу от Уральских гор; отсюда началось освоение Сибири. Богатства пермских земель создали представление о них как о райских краях. *Тура* — левый приток реки Тобола. *В Покровско-Тушинском монастыре* был некоторое время на послушании Г. Е. Распутин (Новых; 1872—1916), крестьянин села

Покровского, Тюменского уезда, Тобольской губернии, пользовавшийся безграничным доверием двора и оказывавшим влияние на государственные дела в правление Николая II. *Иванищу Васильичу* — Ивану IV (Грозному; 1530—1584). *Строгановы* — фамилия крупных купцов-промышленников, колонизаторов Сибири и Урала в XVI—XVIII вв. *Как на ладони поданный.*— См. начало третьей главы «Поэмы Горы». *Ко дну пошел Ермак.*— По преданию, Ермак, завоеватель Сибири, утонул в Тоболе в 1584 г. *Гагарин М. П.*— с 1708 г. сибирский губернатор. За казнокрадство и взяточничество был в 1721 г. повешен перед окнами юстиц-коллегии в присутствии Петра I. *Варнак* — название ссыльного в Сибири. *Соймонов, // Жизнь спасший царю... сосланный Анной...*— В этих строках говорится о Ф. И. Соймонове (1682—1780), участнике Азовского похода Петра I, помогшем царскому судну уклониться от вражеских ядер. После смерти Петра I за участие в заговоре против Бирона, фаворита императрицы Анны Иоанновны (1693—1740), Соймонов был сослан на каторгу в Охотск, по воцарении Елизаветы Петровны помилован и с 1757 г. назначен губернатором Сибири. *Ясен-Фенист* — от Финиста, ясна сокола, героя русской сказки. *Чичерин Д. И.* (1720—1785) — сибирский губернатор в 1763—1780 гг.; отличался энергией и жестокостью действий. *Меж князем Обдорским // И Ханом-Вали.*— Имеется в виду территория между Обдорским краем (так называлась область в низовьях Оби до части Уральских гор, входившая в титул русских царей) и Киргизией (киргизский хан Вали (1716—1821) признал в 1782 г. верховную власть России). *Степь-Бараба* — Барабинская степь, через которую проходил Сибирский тракт; при губернаторстве Чичерина произошло окончательное заселение этих земель. *Урема* (с и б и р с к.) — поёмный лес и кустарник по берегам рек. *Урман* — хвойный лес, тайга. *Сибирский Потемкин // С Таврическим в шаг // Шел.*— «Сибирским Потемкиным» Цветаева называет Д. И. Чичерина, сравнивая его с Г. А. Потемкиным (1739—1791), русским государственным деятелем, фаворитом Екатерины II, которому за покорение Крыма (Таврии) был присвоен титул «Таврического», *Меньшикова-Светлейшего... в Березове.*— Меншиков А. Д. (1673—1729) — русский государственный и военный деятель, генералиссимус, сподвижник Петра I; после его смерти, при Екатерине I, стал фактическим правителем России. В результате заговора против него (1727 г.) был обвинен в государственной измене и сослан с семьей в город Березов Тобольской губернии, служивший с середины XVIII в. местом ссылки государственных преступников. *Саардамский плотник* — Петр I, учившийся в 1697 г. в голландском городе Саардаме корабельному делу и выполнявший плотницкие работы.

Автобус

Как вспоминала дочь Цветаевой, поводом к написанию поэмы послужил реальный эпизод, а прототипом «спутника» — знакомый Цветаевой, который в действительности вовсе не был таким пошлым «гастрономом», каким нарисован в поэме. Марина Ивановна, преображая творческой фантазией «явь», обличала потребительское, вкусовое отношение к жизни у так называемых «лизателей сливок», как именовала она эстетов.

Поэма имеет автобиографический характер еще и в том смысле, что в ней передано душевное состояние автора в то время: бесконечная усталость, ощущение рано приближающейся старости, отсутствие *праздников* в жизни; отсюда остро переданное в поэме чувство радости от редчайшего мгновения беззаботного отдыха на природе. В апреле

1934 г., когда был начат «Автобус», Цветаева писала С. Н. Андрониковой-Гальперн: «Я очень постарела... почти вся голова седая... и морда зеленая: в цвет глаз, никакого отличия... Главная мечта — уехать куда-нибудь летом: четыре лета никуда не уезжали».

В эту пору Цветаева работает почти исключительно над прозой. «Стихов моих нигде не берут, пишу мало — и без всякой надежды, что когда-нибудь увидят свет». *Царь травоядный, четвероногий...* — Имеется в виду Навуходоносор (604—592 до н. э.), могущественный вавилонский царь. По Библии, в наказание за гордыню Бог отнял у него разум; Навуходоносор был на семь лет отлучен от людей и «ел траву, как вол». *Жан-Жаков брат...* — то есть вернувшийся к природе, согласно учению Ж.-Ж. Руссо.

АННА СААКЯНЦ

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ К ЧЕХИИ

ПОЭМЫ 1920—1936

Цветаева М.

Ц 27 Стихотворения. Поэмы / Вступ. ст., сост. и комм. А. А. Саакянц.— М.: Правда, 1991.—688 с.

ISBN 5—253—00073—9

В сборник «Стихотворения и поэмы» русской поэтессы Марины Цветаевой (1892—1941) вошли ее поэтические сборники «Стихи о Москве», «Стихи к Блоку» и др., а также поэмы «Царь-Девица», «Поэма Горы», «Поэма Воздуха» и др.

Ц $\frac{4702010000-2001}{080(02)-91}$ 2001—91 84 Р

Литературно-художественное издание

ЦВЕТАЕВА Марина Ивановна

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПОЭМЫ

Составитель
Саакянц Анна Александровна

Редактор *Н. А. Преснова*

Оформление художника *С. Ю. Биричева*

Художественный редактор *И. С. Захаров*

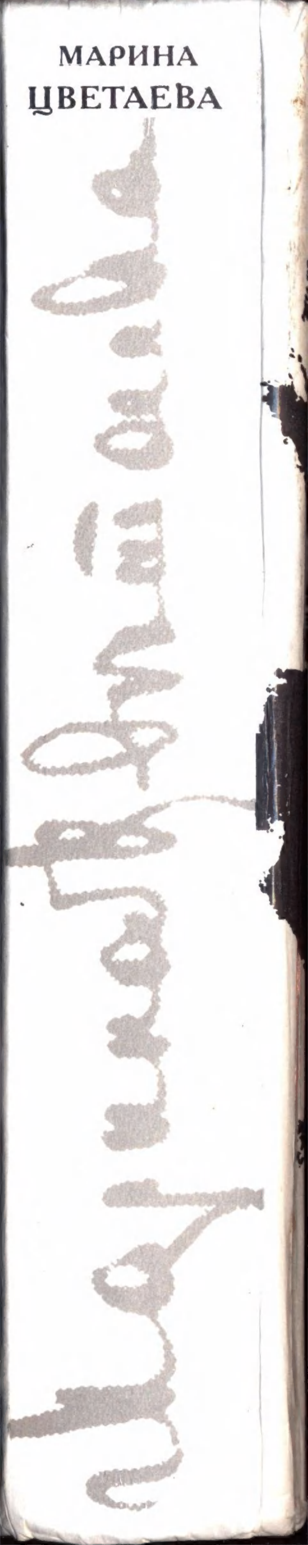
Технический редактор *Т. С. Троишна*

НБ 2001

Сдано в набор 01.11.89 Подписано в печать 02.09.90.
Формат 84 x 108 1/32. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Академическая». Печать высокая.
Усл. печ л 36,12. Усл. кр.-отт. 36,33. Уч.-изд. л. 35,30.
Тираж 500000 экз. (1-й завод: 1—250000 экз.).
Заказ № 7419. Цена 4 р 00 к.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.
Отпечатано в типографии изд-ва Луганского обкома КП Украины, 348022, г. Луганск, ул. Лермонтова, д. 1б.

4 руб.

МАРИНА
ЦВЕТАЕВА